

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

25

Восточные районы СССР в десятой пятилетке

Мировой социализм и национально-освободительное движение

Монгольская наука сегодня

Кампания «Критики романа „Речные заводы“»

1

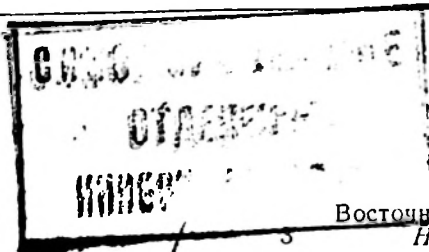
1976

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

1 [17] 1976

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ



СОДЕРЖАНИЕ

Восточные районы СССР в десятой пятилетке
Н. Н. Некрасов

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- 20 Экономика и культура КНР в 1971—1975 гг.
Мировой социализм и национально-освободительное движение
46 *Г. Ф. Ким*
Борьба СССР за ликвидацию военного очага в Юго-Восточной Азии
61 *А. И. Уральский*
Армия — основа маоистского режима
74 *Р. М. Неронов*
Б. П. Баракта
Карательно-репрессивный аппарат в системе маоистской диктатуры
86 *К. А. Егоров*
Советско-японские экономические отношения
95 *И. В. Казаков*

ИДЕОЛОГИЯ

- 109 Фальсификация маоистами научного коммунизма
В. Я. Сидихменов

ИСТОРИЯ

- 123 К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну)
Г. Сухбаатар

КОММЕНТАРИИ

- 134 Микронезия: аннексия под видом плебисцита
А. П. Марков
139 ОСНАА и проблемы мира и безопасности в Азии
В. И. Петухов

КУЛЬТУРА И НАУКА

- 143 Монгольская наука сегодня
Э. А. Новгородова
152 О политическом содержании лозунга «древность на службу современности» («критика романа "Речные заводи"»)
С. В. Меринов

ВОСПОМИНАНИЯ

- 163 Шанхай, год 1926
М. И. Сладковский

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 180 О советско-китайских литературных связях (1937—1945)
О. П. Болотина
- 187 Чжан Янь-юань и его «Записки о знаменитых художниках минувших эпох»
В. А. Кривцов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 191 Военно-стратегическое и политическое значение северо-восточной революционной базы
С. Л. Тихвинский
- 195 В рядах китайской революции
М. Ф. Юрьев
- 199 О маоизме и маонстах
Ш. Б. Чимитдоржиев
- 202 Народные восстания или крестьянские революции?
Л. С. Переломов
- 206 Сущность шовинистической национальной политики Пекина
М. С. Украинцев
- 209 Важное информационно-справочное издание по Китаю
Г. А. Алексеев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 212 Научная конференция по вопросам государственного бюджета КНР
В. В. Чуванкова
- 214 Юбилей ученого
- 216 **НОВЫЕ КНИГИ**

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора), **В. А. АРХИПОВ** (зам. главного редактора), **Г. В. АСТАФЬЕВ**, **Р. С. БЕЛОУСОВ**, **Г. А. БОГДАНОВ**, **Г. В. ЕФИМОВ**, **М. С. КАПИЦА**, **В. А. КРИВЦОВ**, **К. М. ПОПОВ**, **О. Б. РАХМАНИН**, **Б. В. САГАРЕВ** (отв. секретарь), **В. М. СОЛНЦЕВ**, **М. Л. ТИТАРЕНКО**, **С. Л. ТИХВИНСКИЙ**, **Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ**, **Н. Т. ФЕДОРЕНКО**



Восточные районы СССР

в десятой пятилетке

*Н. Н. Некрасов,
академик*

Решения XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза, воплощающие ленинскую генеральную линию партии, принципиальные установки ее экономической политики на современном этапе, представляют собой развернутую реалистическую программу дальнейшего прогресса нашей страны, полностью отвечающую коренным жизненным интересам народа.

Десятый пятилетний план развития народного хозяйства СССР в 1976—1980 гг. явится новым важным этапом в создании материально-технической базы коммунизма, совершенствовании общественных отношений и формировании нового человека, развитии социалистического образа жизни.

Как указывается в утвержденном съездом «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», «Главная задача десятой пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства».

Плановое социалистическое общество наращивает производительные силы в крупных масштабах в соответствии с законом планомерного и пропорционального развития советской экономики. Своеобразными этапами в формировании материально-технической базы коммунизма стали разработка и выполнение пятилетних планов развития народного хозяйства СССР, выдвигающих все более сложные задачи экономического развития Советского Союза. В результате выполнения народнохозяйственных планов коренным образом изменилась экономическая карта страны.

Сейчас как никогда возрастает хозяйственная роль каждого экономического района, союзной республики. Исчезло прежнее деление областей и зон на промышленные и аграрные районы, вводятся в оборот новые природные ресурсы, строятся крупные предприятия, образуются аграрно-промышленные объединения, создаются города, прокладываются транспортные артерии. Ежегодно в Советском Союзе сдаются в эксплуатацию сотни новых крупных промышленных предприятий. Только за девятую пятилетку построено и введено в эксплуатацию около 2000 таких объектов.

Основные социально-экономические задачи девятой пятилетки успешно выполнены. Экономика СССР развивается высокими и устойчивыми

темпами. Как в девятой, так и в десятой пятилетке огромное внимание уделено проблемам всестороннего развития восточных районов Советского Союза — всего региона Сибири и советского Дальнего Востока.

В целях совершенствования размещения производительных сил страны в решениях XXV съезда КПСС предусмотрено дальнейшее наращивание экономического потенциала восточных районов и повышение их роли в общесоюзном производстве промышленной продукции, ускоренное развитие в этих районах отраслей, имеющих для этого наиболее благоприятные природные предпосылки, в особенности топливной промышленности и энергоемких производств. Предусматривается обеспечить в этих районах весь намеченный на пятилетку прирост добычи нефти и газа, производства алюминия, более 90% прироста добычи угля, примерно 80 — прироста производства меди, 45 — прироста производства целлюлозы и около 60% прироста производства картона.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривается ускоренное развитие в Сибири топливной промышленности, энергоемких производств черной и цветной металлургии, химической, нефтехимической, целлюлозно-бумажной промышленности. Дальнейшее развитие лесной и деревообрабатывающей промышленности.

В Западной Сибири будет продолжено формирование крупнейшего территориально-производственного комплекса — главной базы страны по добыче нефти и газа. В 1980 г. добыча нефти здесь будет доведена до 300 — 310 млн. т, газа до 115 — 145 млрд. куб. м. Продолжится строительство Томского нефтехимического комбината. Развернется строительство Тобольского нефтехимического комплекса. Будут построены заводы по переработке нефтяного газа, система трубопроводов для транспортировки нефти и газа и железная дорога Сургут — Нижневартовск. Продолжится развитие электроэнергетической базы. Добыча угля в Кузбассе будет доведена до 161 млн. т.

Намеченной XXV съездом КПСС программой дальнейшего развития восточных районов СССР предусматривается:

— Развернуть строительство мощного угольного разреза в Канско-Ачинском бассейне и на этой базе — Березовской ГРЭС. Обеспечить ввод в действие первой очереди Ачинского нефтеперерабатывающего завода. Продолжить развитие Саянского территориально-производственного комплекса. Ввести в действие первые агрегаты на Саяно-Шушенской ГЭС и обеспечить ввод в действие первых корпусов электролиза Саянского алюминиевого завода, построить первую очередь комплекса электротехнических заводов в Минусинске. Начать строительство Богучанской ГЭС. Завершить в основном формирование Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса, обеспечив ввод в действие на полную мощность Усть-Илимской ГЭС и сооружение с участием стран — членов СЭВ целлюлозного завода. Продолжить строительство Гусиноозерской ГРЭС.

— Более высокими темпами развивать сельское хозяйство, а также отрасли промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья.

— В Алтайском крае приступить к строительству второй очереди Алейской оросительной системы и Чарышского группового водопровода, продолжить строительство Кулундинского канала.

— На Дальнем Востоке обеспечить комплексное развитие хозяйства, увеличение добычи цветных, редких, драгоценных металлов и алмазов, производства продукции лесной, целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности. Завершить сооружение Зейской ГЭС, развернуть строительство Бурейской ГЭС, ввести в действие первые агрегаты на

Колымской ГЭС. Продолжить развитие и реконструкцию существующих портов, обновление флота, строительство глубоководного порта Восточный.

— Увеличить улов рыбы, добычу морепродуктов, производство пищевой высококачественной рыбной продукции в расширенном ассортименте.

— Значительно усилить геологоразведочные и научно-исследовательские работы по комплексному развитию производительных сил в зоне, тяготеющей к Байкало-Амурской магистрали. Предусмотреть освоение природных ресурсов в этой зоне по мере завершения строительства отдельных участков магистрали.

— Приступить к формированию Южно-Якутского территориально-производственного комплекса. Построить железнодорожную линию Тында — Беркакит. Развернуть строительство Нерюнгринского угольного разреза, обогатительной фабрики и Нерюнгринской ГРЭС.

— Продолжить работы по осушению и орошению земель, созданию специализированных совхозов и животноводческих комплексов, с тем чтобы повысить обеспеченность населения Дальнего Востока сельскохозяйственными продуктами местного производства. Увеличить производство сои и риса.

На протяжении веков славились природные богатства Сибири и Дальнего Востока. Пушной промысел, добыча золота, серебра, свинца и других цветных металлов, графита — характерные направления в развитии хозяйства этих районов в прошлом. Разработка лесных ресурсов и крупных угольных бассейнов, использование энергии сибирских рек привлекали внимание к Сибири и в более позднее время.

Однако природные богатства этого края оставались малоизученными. Потребовались десятилетия упорного труда исследователей, большие затраты государства, чтобы приоткрыть ее «кладовые». Выявление запасов нефти и природного газа не только обогатило представления о структуре природных ресурсов восточных районов СССР. Одновременно появились новые научные идеи, осуществление которых дает совершенно иное представление о настоящем и будущем производительных сил этого края.

Конечно, степень изученности обширной территории востока страны и в настоящее время еще далеко недостаточна. Каждый год приносит новые открытия, растет полнота наших знаний об этом огромном континенте. Потребуется еще очень много времени для выявления всех природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Но уже открытые и исследованные природные богатства существенно влияют на решение общесоюзных экономических проблем большого диапазона. Так, открытие нефтяных и газовых провинций на обширной Западно-Сибирской равнине, организация в крупных масштабах добычи нефти и природного газа внесли существенные изменения в топливное хозяйство страны. Близится время, когда сибирская нефть и арктический сибирский природный газ станут основой топливно-энергетического баланса Советского Союза.

Снабжение европейской части СССР сибирской нефтью и природным газом вызывает ускоренное хозяйственное развитие неосвоенных территорий и огромное транспортное строительство. Возникает новая система дальнего магистрального трубопроводного транспорта Восток — Запад, Север — Юг. В Сибири создается мощная база электрификации. Дешевая гидроэлектроэнергия и обилие топлива притягивают сюда электроемкие производства и отрасли обрабатывающей промышленности. На этой основе складываются крупные народнохозяйственные комп-

лексы и индустриальные центры. Ускоряется процесс комплексного развития производительных сил Сибири.

Иными словами, на наших глазах претворяются указания В. И. Ленина о важности хозяйственного освоения новых районов. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин поставил вопрос об освоении богатых ресурсов Сибири, об организации исследований на побережье Северного Ледовитого океана, об использовании водных ресурсов для строительства гидроэлектростанций и многие другие. «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил», — писал В. И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти»¹.

Вместе с тем В. И. Ленин обращал внимание на те трудности, которые неизбежно встанут в период освоения этих районов. «Горные богатства Сибири, — говорил он на VIII Всероссийском съезде Советов, — представляются совершенно необъятными, и мы даже в лучшем случае, при большом успехе, в несколько лет не могли бы разработать одной сотой их доли. Они находятся в таких условиях, где требуется оборудованные лучшими машинами»².

Научно-техническая революция открыла новые пути рационального развития социалистических производительных сил Сибири. В результате научно-технического прогресса любые, самые отдаленные районы Сибири стали доступны для хозяйственного освоения.

С ростом экономического потенциала Советского Союза резко увеличились возможности капитального строительства для ускоренного развития производительных сил этого края. В настоящее время годовые капитальные вложения в народное хозяйство Сибири равны капитальным затратам за 1951—1956 гг. Сибирь, как один из важнейших экономических регионов страны, вступает в качественно новый этап развития производительных сил. Этот новый подъем экономики Сибири подготовлен планомерным решением крупных проблем социалистического строительства.

* * *

Дальний Восток — самый обширный по территории крупный экономический район СССР — занимает крайнюю восточную и северо-восточную часть страны. В Дальневосточный экономический район входят: Приморский и Хабаровский края, Амурская, Сахалинская, Камчатская, Магаданская (с Чукотским национальным округом) области и Якутская АССР. Вместе с Якутской АССР территория Дальневосточного экономического района составляет 6215 тыс. кв. км (из них Якутская АССР 3,1 млн. кв. км).

Находясь на стыке Тихого и Северного Ледовитого океанов, советский Дальний Восток имеет береговую полосу огромной протяженности, на многие тысячи километров — от Посыета в Японском море до Лены и Анабара в море Лаптевых.

На материке Дальний Восток граничит с КНР и КНДР. Морские пути соединяют Дальний Восток с Японией и другими странами Азии. От Владивостока до крупных портов Японии — 700—900 км. Приморское положение Дальнего Востока — важнейший фактор, определяющий экономический профиль хозяйства, формы и направления его про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 188.

² Там же, Т. 42, с. 113.

изводственной специализации и роль этого крупного экономического района в территориальном разделении труда в СССР.

В западной части Дальний Восток граничит с Сибирью — с Забайкальем и Ангаро-Енисейским индустриальным поясом. С этим связаны два крупных экономических фактора, оказывающие большое влияние на основные направления развития производительных сил Дальнего Востока. Во-первых, дешевая энергоемкая продукция Сибири в дальнейшем может пойти на экспорт через дальневосточные порты. Во-вторых, производственная специализация хозяйства Дальнего Востока должна иметь свою специфику, в той или иной мере отличную от направления развития хозяйства в Центральной Сибири.

Структура природных ресурсов советского Дальнего Востока весьма многогранна и представлена крупными объектами общесоюзного и мирового значения. Вместе с тем степень изученности этой обширной территории Дальнего Востока позволяет с полной уверенностью прогнозировать открытие новых больших месторождений полезных ископаемых.

В западной части Якутии в междуречье Лены и Анабара, от Олекминска до моря Лаптевых расположена Якутская алмазонасная провинция. Исследования академика В. С. Соболева и других геологов позволили установить сходство геологического строения богатой алмазами Южно-Африканской платформы с Сибирской платформой. Нахождение в 1949 г. первых алмазов на Вилюе знаменовало открытие десятков алмазных россыпей, а в дальнейшем и коренных месторождений — кимберлитовых трубок. Теперь известны такие коренные месторождения алмазов, как «Мир», «Айхал», «Удачная», на базе которых создана советская алмазодобывающая промышленность. Западная Якутия и сопредельные районы, несомненно, перспективны для нахождения новых коренных и россыпных месторождений алмазов.

Геология и металлогения Тихоокеанского рудного пояса, охватывающего почти непрерывным кольцом Тихий океан, позволяют рассматривать всю территорию Дальнего Востока, включая и Восточное Забайкалье, как советский сектор рудоносной структуры, содержащей золото, платину и серебро, олово, вольфрам, молибден, свинец, цинк, медь, ртуть, сурьму, висмут и другие ценные металлы.

На Дальнем Востоке открыта крупная оловоносная провинция, представленная группой месторождений в Забайкалье, Нижнем Приамурье (Солнечное) и на северо-востоке в заполярных районах и в горах Верхоянья. За пределами Янского оловоносного района касситеритовые руды были найдены в бассейне верхнего течения рек Юдомы, Аллах-Юня и Тыры. Оловянные руды в виде промышленных месторождений в СССР встречаются только в Дальневосточном экономическом районе и в Забайкалье. Нахождение здесь многочисленных промышленных месторождений оловянных руд позволяет создать на Дальнем Востоке мощную и единственную в СССР оловорудную промышленность с большими перспективными запасами. Характерно, что основные эксплуатируемые мировые ресурсы оловянных руд находятся в южных секторах Тихоокеанского рудного пояса — в Южном и Юго-Западном Китае, странах Юго-Восточной Азии и в относительно скромных размерах в Африке. США и Западная Европа не имеют собственных ресурсов олова, что вызывает ожесточенную борьбу на мировом рынке олова.

Крупные месторождения цветных и редких металлов, уже эксплуатирующиеся и которые будут обнаружены в дальнейшем, расширяют производственную специализацию Дальнего Востока.

Добыча нефти и газа ведется на Сахалине. Газовая промышленность начинает создаваться в Якутской АССР. Добыча нефти и газа имеет локальное значение и не оказывает решающего влияния на экономикку Дальнего Востока.

Геологические исследования показывают, что значительная часть обширной территории советского Дальнего Востока перспективна для открытия крупных промышленных месторождений нефти и газа. На данной стадии изучения на Дальнем Востоке выделено около 30 возможных нефтегазоносных бассейнов, занимающих на суше общую площадь свыше 1 млн. кв. км³.

На Камчатке, в Зее-Буренском районе, у Анадыря на северо-востоке выявлены яркие нефтегазопроявления и даже получены небольшие притоки нефти и газа. На Анадыре в первой же опорной скважине обнаружено несколько газоносных пластов, которые дали промышленный приток газа. Жидкая нефть получена на Верхней Буре. Соседство с таким районом, как север Аляски, где обнаружены весьма крупные месторождения нефти и газа и наличие сходных по геологическому строению с Северо-Аляскинским нефтегазоносным бассейном, территорий Северо-Востока (Северо-Врангельский, Лонгско-Чукотский, Восточно-Сибирское и Чукотское моря), указывает на возможность открытия источников нефти и газа в материковой части Дальнего Востока. Геологи считают, что наиболее вероятны месторождения нефти и газа, типа аляскинских, в обширнейшей Приморской впадине Индиго-Хромского нефтегазоносного бассейна.

Общие геологические прогнозы нефтегазоносности территории Дальнего Востока пока являются научной гипотезой, представляющей практический интерес для широкого развертывания геофизических, поисково-разведочных работ в районах предполагаемой промышленной нефтегазоносности. В Амурской области, Хабаровском крае, на Камчатке и Чукотке ведутся геологопоисковые работы по выявлению новых месторождений нефти и природного газа, открытие которых будет иметь серьезное экономическое значение для увеличения энергетического потенциала этого отдаленного экономического района страны, расширения экспорта, организации новых промышленных комплексов. Это приведет и к иному районированию потоков нефти Сибири.

На Дальнем Востоке открыты крупные месторождения железных руд. Наиболее изучены железорудные ресурсы в Зейско-Селемджинском районе Амурской области и Алданском районе Якутии. Кроме того, известны железорудные месторождения в Малом Хингане, в Хабаровском крае (Кимканское, Костеньгенское, Стариковское), в Южно-Приморском и Уссурийском районах Приморья.

Железорудная база достаточно хорошо изучена для решения вопроса о развитии черной металлургии на Дальнем Востоке. С другой стороны, к железным рудам Дальнего Востока проявляет интерес японская черная металлургия, импортирующая в настоящее время железорудное сырье из весьма отдаленных стран (Канада, Австралия).

Среди других видов минерального сырья выделяются крупнейшие соляные месторождения юга Якутской АССР. Мощные толщи каменной соли простираются от Восточных Саян и переходят на обширную территорию Якутии, где обнаруживаются на поверхности в виде горных увалов. Запасы соли практически неограниченны. В сущности, вопрос

³ Нефтегазоносные бассейны Дальнего Востока СССР. М., 1971, с. 10—11.

может стоять лишь в отношении выбора района наиболее удачно расположенного для организации промышленной добычи поваренной соли. Проведенные исследования показали, что особого внимания заслуживает промышленное освоение олекминской соли. В пищевой поваренной соли нуждается вся прибрежная часть Дальнего Востока, особенно в районах рыбных промыслов. Не имеют месторождений поваренной соли Япония и ряд других стран Тихого океана, которые получают ее путем выпаривания морской воды и импорта из других стран. Поэтому, кроме удовлетворения внутренней потребности Дальнего Востока, возможна организация экспорта дальневосточной соли в другие страны.

Лесные ресурсы советского Дальнего Востока весьма обширны. Общие запасы лесонасаждений оцениваются в 22,3 млрд. куб. м древесины. Около половины их сосредоточено в южной, наиболее обжитой и промышленно развитой зоне Дальнего Востока. Здесь расположены основные лесные площади с ликвидным запасом 70 и более куб. м на 1 га⁴. Свыше 30% общесоюзных ресурсов ели и пихты и около 70% промышленных запасов ценных твердолиственных пород (ясень, дуб, клен, орех, бархат и др.) находятся в Дальневосточном районе. Сырьевая база для фанерной промышленности на Дальнем Востоке оценивается более чем в 110 млн. куб. м.

Дальневосточная ель и пихта — лучшее сырье для производства высших сортов целлюлозы. Целлюлозно-бумажные предприятия работают на Сахалине. Строится крупный целлюлозно-картонный комбинат в пос. Амурск вблизи Комсомольска-на-Амуре. В ближайшее время завершается строительство его второй очереди. Комсомольский целлюлозно-картонный комбинат превращается в крупнейшее предприятие Дальнего Востока по переработке древесины, производящее большое количество целлюлозы, тарного картона и других продуктов химической переработки древесины. Намечено строительство новых крупных целлюлозно-бумажных комбинатов в Хабаровске и Совгавани, лесопромышленного комплекса в районе Зеи, лесопильно-деревообрабатывающего комбината в Комсомольске и Ново-Михайловском. Древесина и технологическая щепка экспортируются в Японию. По мере развития дальневосточной промышленности по химической и механической переработке древесины представляется целесообразным развернуть экспорт продукции из древесины, особенно в страны юго-восточной Азии.

Проблемы развития производительных сил советского Дальнего Востока органически связаны с решением крупных задач рационального использования богатств морей и океанов. Регулярные транспортные связи по Северному морскому пути, значительное расширение морского судоходства в Тихом океане, увеличение каботажного транспорта на побережьях Дальнего Востока — все это на современном этапе развития научно-технической революции может приобрести совсем иные направления, чем это нам представлялось в прошлом. Новая постановка проблем освоения природных богатств морей Дальнего Востока, резкого расширения океанского транспорта придает и новую направленность в постановке и решении основных проблем развития производительных сил Дальнего Востока в целом и изменения экономического профиля этого региона.

В настоящее время из богатств морей и океанов используются рыбные ресурсы и так называемые дары моря — морская капуста, морской

⁴ Н. И. Николаев, Н. М. Сниггур. Перспективы развития экономики Дальнего Востока. Хабаровск, 1968, с. 12.

гребешок, мидии, трепанги, кальмары, креветки и т. д. На Дальнем Востоке создана и успешно развивается рыбная промышленность общесоюзного значения. Постоянно возрастает материально-техническая оснащенность морского флота рыбной промышленности. Дальний Восток занимает второе место среди основных рыбных бассейнов СССР и дает рыбы больше, чем Каспийский, Азово-Черноморский и Аральский бассейны. Роль рыбной промышленности и «даров морей» Дальнего Востока в общесоюзной пищевой промышленности будет еще более возрастать. Изучаются также минеральные богатства (марганцевые, железистые и другие конкреции) дальневосточных морей.

Основная задача сельского хозяйства советского Дальнего Востока — возможно полнее обеспечить сельскохозяйственными и пищевыми продуктами возрастающее население этого района. На Дальнем Востоке произрастают такие культуры, которых нет в других районах страны. В частности, в южных районах Дальнего Востока в больших размерах выращивается соя — высокобелковый корм для скота и сырье для производства соевого масла. Имеются также высокоценные лекарственные растения (женьшень, лимонник и др.).

Становление народного хозяйства Дальнего Востока идет интенсивно. В каждом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР уделяется большое внимание углублению и совершенствованию всего комплекса хозяйства в Дальневосточном экономическом районе.

В настоящее время ускоренно развиваются сложившиеся промышленные центры и создаются новые. Крупные города Дальнего Востока уже превратились в мощные индустриальные комплексы. С сооружением Зейской гидроэлектростанции образуется новый Амуро-Зейский промышленный центр. Возрастает экономическое значение промышленного центра в районе Комсомольска-на-Амуре. Наряду с машиностроением, черной металлургией и нефтепереработкой в структуру Комсомольского комплекса входит целлюлозно-бумажная промышленность, добыча и обогащение оловянных руд. Хабаровск давно уже стал мощным промышленным центром Дальнего Востока, с широким индустриальным профилем, особенно по машиностроению. Владивосток и Находка — крупнейшие морские порты. В новой пятилетке завершится строительство первой очереди глубоководного порта в районе Находки, будут реконструированы и расширены действующие судоремонтные предприятия, порты.

Северный и Южный Сахалин, Камчатка, Магаданская область и Чукотка, Якутская АССР имеют многие десятки крупных, средних и малых промышленных районов и центров, находящихся в фазе интенсивного индустриального развития.

Дальнейший подъем экономики советского Дальнего Востока во многом зависит от результатов научных исследований обширной территории этого региона. Характерное явление последнего времени — быстрый рост научных организаций на Дальнем Востоке. В Якутии давно уже работает филиал Сибирского отделения Академии наук СССР, объединяющий группу научно-исследовательских институтов. Недавно организован новый, Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. Основная задача этого центра — объединить научные организации, изучающие территорию Дальнего Востока, развернуть широкий комплекс научных исследований, позволяющий дать научные основы для ускоренного развития богатых производительных сил этого важнейшего региона СССР. Научный центр и группа институтов расположены во Владивостоке и Хабаровске. На Сахалине, Камчатке, в

Магадане работают комплексные и специализированные научно-исследовательские институты.

Таким образом, экономический профиль советского Дальнего Востока определяют: промышленность цветных металлов (добыча и обогащение особенно олова, вольфрама, ртути), ставшая крупной отраслью общесоюзной производственной специализации; добыча алмазов и золота; энергетика, имеющая серьезные перспективы не только для полного обеспечения энергоресурсами народного хозяйства региона, но и выделения некоторой части энергетических ресурсов (природный газ, угли) для экспорта; строительство крупных предприятий черной металлургии, что оказывает непосредственное влияние на дальнейшее развитие машиностроения и других отраслей производства; развитие химической переработки древесины; рыбная промышленность.

Таковы лишь некоторые основные направления развития производительных сил Дальнего Востока СССР. Естественно, что для дальнейшего подъема отраслей общесоюзной производственной специализации и экономики Дальнего Востока в целом первостепенное значение имеют производственная и социальная инфраструктура. Транспортное освоение южных и северных районов Дальнего Востока представляет важнейшую задачу и главное условие для экономического развития региона.

Решающим фактором служит дальнейший рост населения. Для увеличения притока населения на Дальний Восток и его стабильности в десятой пятилетке намечается значительное улучшение жизненных условий. Для этого опережающими темпами будет осуществляться жилищно-бытовое и социально-культурное строительство.

На Дальнем Востоке наряду с развитием отраслей производства, имеющих особое значение для экономики страны, постоянно создается мощная тихоокеанская экспортная база СССР.

Экономические районы Сибири и Дальнего Востока имеют много общего в природных и хозяйственных условиях. Обширные, малонаселенные пространства, богатые природные ресурсы характерны как для Сибири, так и Дальнего Востока. Климат Севера Дальнего Востока (Северо-Восток СССР) еще более суров, чем в северных районах Сибири.

Главная особенность Дальнего Востока заключается в его выходах в бассейны Тихого и Северного Ледовитого океанов. Это широкие «морские ворота» в страны бассейна Тихого океана. С другой стороны, Дальний Восток — самый удаленный от центральных районов СССР крупный экономический район. Наконец, близость к Сибири с ее огромным экономическим потенциалом усиливает экономические позиции Дальнего Востока. Мощное развитие производительных сил Сибири оказывает воздействие на расширение хозяйства Дальнего Востока, на организацию тихоокеанской экспортной базы.

Кроме некоторых сырьевых ресурсов, в страны Тихого океана в дальнейшем может экспортироваться энергоемкая продукция Сибири. Через Дальний Восток открываются многообразные пути выхода сибирской промышленной продукции на мировой рынок. Это могут быть легкие металлы и продукция черной металлургии. Особого внимания для организации сибирской и дальневосточной экспортной базы заслуживает многообразная энергоемкая химическая продукция: синтетические материалы, минеральные удобрения, целлюлоза. Этим самым усиливаются производственные связи Сибири и Дальнего Востока и определяется разделение общественного труда между регионами.

Особо следует остановиться на развитии производительных сил Якутской АССР, имеющих принципиальное значение для установления рациональных межрегиональных производственных связей Сибири и Дальнего Востока. До 1963 г. Якутская АССР входила в состав Восточно-Сибирского экономического района. Экономические связи сохраняются и в настоящее время. Например, грузы в Якутскую АССР в основном (более 75%) поступают с севера Иркутской области, через Осетрово и по реке Лене. Одновременно усиливаются производственные связи Якутской АССР с югом Дальнего Востока и Магаданской областью.

По территории (3103,2 тыс. кв. км) Якутия самая большая автономная республика страны. Якутская АССР на западе граничит с Иркутской областью и Красноярским краем, на юге — с Читинской и Амурской областями, на востоке — с Хабаровским краем и Магаданской областью. На севере граница Якутии простирается на 3000 км вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Эта обширная территория обладает крупными, пока еще слабо изученными природными ресурсами. Но уже теперь Якутия занимает одно из ведущих мест по добыче олова, дает около одной пятой части экспортной пушнины, поставляет слюду, уголь и лес. Только в восьмой пятилетке основные промышленно-производственные фонды Якутской АССР увеличились в 2,7 раза.

Дальнейшее развитие производительных сил Якутской АССР выдвигает новые проблемы, характерные для территории Ближнего и Дальнего Севера в целом. Здесь необходимо широкое оснащение предприятий новейшей техникой (транспортными средствами, горным оборудованием, строительными машинами и механизмами, средствами автоматизации и механизации производственных процессов), приспособленной к эксплуатации при низких температурах и вечной мерзлоте. Климат Якутии весьма суровый. Значительная часть территории расположена за пределами Полярного круга. В бассейне Индигирки находится полюс холода северного полушария Оймякон, где температура доходит до минус 71°C. Слой мерзлоты в отдельных районах имеет мощность до тысячи метров.

Важнейшая проблема обширной территории Якутской АССР — развитие всех видов транспорта. Наряду с расширением сети аэродромов, реконструкцией речных портов, ускорением строительства автомобильных дорог особое значение имеет сооружение опорной Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, которая будет способствовать освоению южных районов Якутской АССР. Сооружение БАМ составляет мощный фактор развития экономики на прилежащих к ней территориях.

С вводом в строй БАМ возрастут экономические возможности промышленного узла Комсомольска-на-Амуре. Здесь появятся возможности для дальнейшего ускоренного роста машиностроения, целлюлозно-бумажной, химической промышленности. Создадутся предпосылки для вовлечения в промышленную эксплуатацию гидроэнергетических ресурсов тяготеющих к магистрали участков рек Зеи, Буреи, Гилюн и других.

Быстро возрастающий грузопоток в северные районы уже теперь требует практического решения проблемы транспорта на Северо-Востоке СССР. Доставка грузов в эти районы требует много времени, весьма сложна и очень дорога.

В Якутской АССР накоплен первый опыт по применению в строительстве облегченных конструкций на базе современных материалов.

Это дает большой эффект и ускоряет строительство. Ставится задача организации соответствующего производства в южных районах Сибири и Дальнего Востока.

В дальнейшем развитии производительных сил Сибири и Дальнего Востока особое место занимают межрегиональные проблемы, органически связывающие экономику этих регионов. Одновременно это и проблемы ускоренного экономического развития Якутской АССР, поскольку они определяют создание промышленных комплексов в районах Якутии.

К таким проблемам относятся: организация Алдан-Чульман-Удоканского промышленного комплекса в Южной Якутии и Забайкалье; создание крупных газовых промыслов и сооружение дальних магистральных трубопроводов на базе промышленного использования Лено-Вилуйского газоносного бассейна.

Алдан-Чульман-Удоканский индустриальный комплекс будет иметь огромное народнохозяйственное значение для дальнейшего подъема экономики Дальнего Востока и Сибири.

В обширном, ныне пустынном, районе Ближнего Севера обнаружено и достаточно изучено редкое сочетание мощных по запасам коксующихся и энергетических углей, богатых железных руд и медистых песчаников с высоким содержанием меди.

Южно-Якутский (Чульманский) угольный бассейн расположен в 400—500 км к северу от Сибирской железнодорожной магистрали. Широкой полосой угольные пласты тянутся более чем на 700 км вдоль северных склонов Станового хребта, от верховий Олекмы — на западе до озера Токо — на востоке. На отдельных месторождениях до десяти пластов имеют рабочую мощность. Почти все угли каменные, в большей части коксующиеся, с небольшим содержанием серы и фосфора и высокой теплотворной способностью (8500 кал/кг).

Общие перспективные запасы углей Южно-Якутского бассейна определены в 40 млрд. т. Наиболее изучен Алдан-Чульманский район, по которому геологические запасы исчисляются в 11 млрд. т, а промышленные — в 2,5 млрд. Детально разведаны Нерюнгринское, Чульмаканское, Муостахское месторождения.

Уникально по характеру залегания и качеству углей Нерюнгринское месторождение, находящееся в 30 км от пос. Чульмакан и в 430 км от Транссибирской железной дороги. Утвержденные промышленные запасы углей составляют 527 млн. т. Сверху залегает угольный пласт «Мощный» толщиной 25—27 м, а в раздувах — более 50 м и под ним еще 2—3 пласта средней мощностью более 4 м. За исключением близко расположенной к поверхности части пласта с окисленными углями, Нерюнгринское месторождение представлено превосходными коксующимися углями. Месторождение можно разрабатывать открытыми карьерами. Муостахское и Чульмаканское месторождения также располагают крупными запасами коксующихся углей.

Алданская (Южно-Якутская) железорудная провинция занимает большую территорию и представлена группами месторождений — Леглиерской, Сиваглинской, Дессовской. Достаточно изучены и разведаны в основном три месторождения — Таежное, Сивагли, Пионерское, по которым разведанные запасы железных руд составляют 1452 млн. т, включая 877 млн. по промышленным категориям. Руды наиболее крупного Таежного месторождения (1,3 млрд. т) содержат в среднем 46% железа, а в отдельных пластах — более 60%. В Сивагли находятся руды с максимальным содержанием железа до 72% (в среднем 53,4%)⁵. Кроме

⁵ Н. В. Черский. Богатства недр Якутии. Якутск, 1957, с. 206.

того, в Южной Якутии установлено много железорудных проявлений и некоторые из них имеют, несомненно, промышленное значение.

На севере Читинской области находится одно из крупнейших в СССР Удоканское месторождение медных руд.

Наличие больших запасов высококачественных коксующихся углей, железных руд, близость крупнейшего месторождения меди поставили на разработку с научно-технических и экономических позиций новую народнохозяйственную проблему, имеющую принципиальное значение для экономики Дальнего Востока и Забайкалья. Суть ее заключается в следующем: на базе южнокутских коксующихся углей и богатой железной руды создать крупный комплекс черной металлургии на Дальнем Востоке для снабжения металлом всего народного хозяйства этой обширной территории, а возможно, и для экспорта в страны бассейна Тихого океана. На этой основе получит еще большее развитие дальневосточный машиностроительный комплекс, который позволит более интенсивно и ускоренно осваивать новые районы Северо-Востока с высокой концентрацией ценных природных ресурсов. В выборе размещения дальневосточного металлургического комплекса имеются различные варианты, в том числе и использование месторождений железных руд, находящихся в Амурской области и Хабаровском крае (Гаринское, Кимканское и др.). Создание металлургического комплекса на Дальнем Востоке значительно усовершенствует структуру хозяйства этого региона.

Проблема промышленного использования природного газа Лено-Виллюйской газоносной провинции имеет большое экономическое значение как для Сибири, так и для Дальнего Востока.

Площадь перспективных нефтегазоносных земель распространяется на большую часть территории Западной Якутии и составляет примерно 800 тыс. кв. км. Здесь открыто 7 газовых и газоконденсатных месторождений с утвержденными промышленными запасами газа 280 млрд. куб. м, по предварительной оценке превышающих 1 трлн. куб. м. В целом по Лено-Виллюйской газоносной провинции ресурсы газа оцениваются в 12,8 трлн. куб. м. Кроме того, здесь недавно открыты газогидратные залежи газа в твердой фазе, находящиеся на больших площадях⁶.

Промышленное использование лено-виллюйского газа в Якутской АССР и на Северо-Востоке в целом ограничено сравнительно небольшим кругом потребителей и чрезмерно большой пространственной их рассредоточенностью. Крупные концентрированные потребители газа находятся в южной части Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Для подачи якутского газа на юг Дальнего Востока нужно провести магистральный газопровод протяженностью свыше 4,5 тыс. км. Это очень крупное сооружение, требующее больших затрат труда, средств, металла. Строительство такого газопровода позволит решить крупные экономические задачи в развитии производительных сил Дальнего Востока. Оно определит новые масштабы в развитии энергетики Дальнего Востока, создаст условия для развертывания дальневосточной газохимической индустрии, изменит структуру топливно-энергетического баланса, значительно ускорит электрификацию народного хозяйства и быта на Дальнем Востоке. На территории Якутской АССР будут созданы новые крупные промышленные комплексы, усилится транспортное освоение обширного пространства Якутии. Кроме того, использование природного газа в Якутии и на Северо-Востоке в целом значительно улучшит обеспечение энергетическими ресурсами Дальнего Востока.

⁶ Н. В. Черский. Богатства недр Якутии, 1957, с. 165.

Суровые природные условия Северо-Востока требуют широкого применения новейших технических средств и методов организации работ, с учетом уже имеющегося большого опыта сооружения и эксплуатации магистральных трубопроводов на Севере (действующие Якутский и Норильский газопроводы).

Развитие производительных сил Сибири находится в тесном единстве с экономическим подъемом Дальнего Востока. Создание крупнейшей нефтяной и газовой базы Западной Сибири будет оказывать решающее влияние на ускоренное экономическое развитие районов Дальнего Востока. Наряду с южными районами Дальнего Востока усиливается народнохозяйственное освоение районов Северо-Востока. Решение экономических проблем Северо-Востока, так же как и проблем Севера Сибири, в значительной мере определяется интенсивным насыщением техническими средствами и особенно транспортной техникой в северном исполнении. Научно-технический прогресс в народном хозяйстве СССР открывает широкие возможности в этом направлении.

* * *

Сдвиг индустрии на Восток СССР, в районы, богатые энергетическими и сырьевыми ресурсами,— программное положение КПСС и советского государства. Государственное планирование народного хозяйства предусматривает ускоренное развитие производительных сил восточных районов СССР. Создаются новые территориальные пропорции экономического развития страны, предусматривающие динамичный рост всего хозяйства на Востоке СССР.

Среди восточных районов СССР особое положение занимает Сибирь. На территории Сибири, в районах интенсивной индустриализации, решаются крупнейшие народнохозяйственные проблемы Советского Союза, определяющие экономический потенциал страны.

Экономическая роль Сибири в развитии производительных сил Советского Союза определяется величиной и структурой природных богатств. Чем выше уровень освоения природных ресурсов на обширных сибирских пространствах, тем эффективнее экономика Сибири, а следовательно, увеличивается и значимость этого региона в территориальном разделении труда экономических районов СССР.

Развитие производительных сил Сибири представляет яркий пример преимущества социалистической системы хозяйства, позволяющей планомерно, в крупных масштабах, с широким использованием современной науки и техники создавать мощную экономику в полупустынных или пустынных районах.

Научно-техническая революция открыла новый этап в экономике Сибири. Характерные черты его — освоение уникальных природных ресурсов, сооружение гигантских индустриальных центров, проникновение крупной индустрии в глубинные северные районы Сибири. На современном этапе качественно изменился научно-технический, хозяйственно-организационный подход к использованию природных богатств Сибири. Определилась и новая стратегия в крупномасштабном развитии производительных сил Сибири.

Будущее Сибири закладывается в наше время. Построенные и строящиеся гидроэлектростанции-гиганты, сверхмощные нефтяные и газовые промыслы, крупнейшие индустриальные центры отражают качественно новый подход в современном экономическом развитии Сибири. Планомерное освоение природных богатств Сибири исходит из сложившейся практики социалистического строительства, новых тенденций экономического и научно-технического прогресса, возрастания роли Сибири в ре-

шении больших социально-экономических проблем страны. Экономика Сибири, ее перспективы органически связаны с общим стремительным развитием производительных сил Советского Союза.

Современный этап экономического развития Сибири характеризуется ускорением освоения природных ресурсов на всей обширной территории. Это весьма динамичный процесс. Возрастающая потребность народного хозяйства СССР в энергетических и сырьевых ресурсах, прогресс науки и техники в изучении природных богатств являются основными факторами, резко ускоряющими выявление их и вовлечение в сферу народного хозяйства.

Пространства Сибири весьма велики, и потребуются длительное время, большие затраты труда и средств для того, чтобы познать в более или менее полном виде ее природные ресурсы. Широко организованные в настоящее время систематические исследования энергетических и сырьевых ресурсов дают блестящие результаты для народного хозяйства. Постепенно в стадию глубокого всестороннего исследования включаются новые районы Сибири. Изменяются методика и техника исследований.

Совсем недавно Западно-Сибирская равнина — край болот, озер, лесов и полярной тундры — представляла «белое пятно» на карте страны. Теперь слава о ее богатствах вышла далеко за пределы нашей страны. Разведанные запасы нефти и газа служат основой для создания мощного народнохозяйственного комплекса. Но Западно-Сибирская равнина более или менее детально изучена на относительно небольшой площади (около 15%) и на ограниченной глубине. Каждый год приносит новые значительные открытия месторождений нефти и природного газа, расширяет наши познания об истинных природных ресурсах этой обширной равнины.

Потенциальные природные ресурсы Сибири можно рассматривать как огромный, практически неисчерпаемый энергетический и сырьевой резерв, обеспечивающий высокий уровень развития экономики СССР. Реальные перспективы развития производительных сил Сибири в последнюю четверть нашего века могут в полной мере базироваться на известных и достаточно изученных природных ресурсах. Эти ресурсы поверхности и недр Сибири настолько значительны и экономичны, что позволяют практически решать крупные конкретные экономические проблемы страны, уверенно создавать новые направления в индустриализации Сибири. Всестороннее комплексное изучение природных ресурсов на основе научно-технического прогресса превращается в большую отрасль индустрии постоянного действия. Эта отрасль требует крупных капитальных вложений, новых совершенных технических средств, высококвалифицированных кадров и соответствующей организации, с учетом сибирских природных и транспортно-экономических факторов.

Следует подчеркнуть, что открытие новых природных ресурсов Сибири не случайность, а результат современных достижений науки, техники и производства, а также быстро растущей потребности в энергетических и сырьевых ресурсах народного хозяйства страны. Эти главные факторы будут в дальнейшем еще больше способствовать проникновению в нижние этажи недр земли, где можно ожидать значительные концентрации полезных ископаемых.

Главными научно-техническими и экономическими проблемами, в решении которых особенно велика роль природных ресурсов Сибири, являются стремительный рост энергетики народного хозяйства и обеспечение страны высококачественными энергетическими ресурсами, мощное развитие производства энергоемких промышленных материалов.

Сибирь представляет мировой уникум в части высокой концентрации всех видов энергетических ресурсов. Ее запасы нефти, природного газа, угля, гидроэнергии позволяют практически неограниченно расширять топливно-энергетическую базу Советского Союза, развивать электрификацию народного хозяйства. Мощные энергетические комплексы Сибири представляют теперь главную основу производительных сил, «хребет» сибирской экономики.

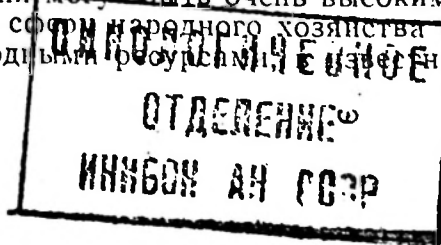
Современный этап в становлении энергетики Сибири характеризуется высокоразвитой добычей угля, эксплуатацией и дальнейшим строительством гидроэлектростанций-гигантов, организацией новых общесоюзных баз добычи нефти и природного газа. Огромные запасы угля, нефти и природного газа в Сибири позволяют в несколько раз увеличить добычу каждого из этих видов топливно-энергетических ресурсов. По существу, масштабы добычи топливных ресурсов Сибири определяются потребностью народного хозяйства Советского Союза. Ограничивающим фактором являются капитальные затраты, необходимые для развития топливно-энергетического комплекса Сибири, а также необходимость максимально бережного отношения к использованию природных богатств. По единичной мощности гидроэлектростанций и гидроагрегатов, введенных в эксплуатацию в Сибири, Советский Союз занимает первое место в мире. Гидроэнергостроительство в Сибири широко разворачивается и имеет большие перспективы.

Характерная и исключительно ценная особенность энергетических ресурсов Сибири — их высокая экономическая эффективность. Удельные капитальные затраты, показатели себестоимости энергетических ресурсов в Сибири значительно ниже по сравнению с другими экономическими районами страны. Добыча сибирского угля, природного газа и нефти обходится дешевле, чем в других районах СССР. Такое же положение и с вырабатываемой на гидроэлектростанциях электроэнергией.

Ускоренное развитие производительных сил Сибири выдвигается как большая перспективная программа, своего рода экономическая стратегия в хозяйственном освоении больших пространств, располагающих ценными природными ресурсами. Научно-техническая революция, по существу, раскрывает перед нами новую Сибирь, которая действительно поражает своими необычайными возможностями экономического подъема.

Современная мощная материальная база Советского Союза, научно-технические достижения в области средств транспорта и производства вызвали принципиально новые явления в развитии производительных сил Сибири. Появилась реальная возможность экономического освоения всей территории Сибири. Практически теперь в Сибири недоступных мест нет. Если раньше экономическим стимулом для сравнительно ограниченного хозяйственного развития районов была добыча благородных металлов (золото, платина, серебро), то теперь в крупных масштабах осваиваются территории, располагающие различными видами полезных ископаемых (нефть, газ, цветные металлы). Для этого необходим и современный индустриальный подход. Накопление опыта современного индустриального развития труднодоступных районов с суровыми природными условиями позволяет непрерывно расширять территорию экономического освоения Сибири. Конечно, фактор времени, особенно в таких трудных условиях, оказывает большое влияние на сроки освоения. Однако опыт последнего периода в хозяйственном освоении северных и полярных районов наглядно показывает, что даже на этих территориях темпы экономического развития могут быть очень высокими.

Расширенное включение в сферу народного хозяйства северных районов, богатых ценными природными ресурсами, в значительной мере изме-



няет экономическую роль индустриально развитых южных районов Сибири. Южные районы Сибири становятся главным плацдармом экономического наступления на малоосвоенные северные районы. Экономика их должна быть направлена на обеспечение развернутого хозяйственного освоения Севера и арктической зоны. Южные районы Сибири в увеличивающихся размерах должны производить материалы, машины, производственное оборудование для северных районов. Разумеется, что и в других экономических районах страны будет расширяться производство необходимой продукции для нужд Севера. Советский опыт коллективного сотрудничества промышленных предприятий всей страны в сооружении крупных объектов общесоюзного значения, в хозяйственном развитии отдельных районов блестяще себя оправдывает.

На предприятиях-гигантах Сибири производительность труда самая высокая в стране. В значительной мере это объясняется масштабностью и экономичностью природных ресурсов. Мощные гидроэнергетические ресурсы сибирских рек, исключительно высокий дебит нефтяных и газовых скважин на месторождениях-супергигантах, большое содержание ценных металлов в руде обеспечивают высокую производительность труда, хорошие технико-экономические показатели — низкие удельные капиталовложения и себестоимость продукции. Этот фактор, характеризующий не только количественную, но и качественную сторону природных ресурсов Сибири, очевидно, будет весьма долговременным. Этим определяются экономические преимущества природных ресурсов Сибири, по сравнению с ресурсами многих экономических районов страны.

Ускоренное развитие производительных сил Сибири вносит коренные изменения в систему крупных, средних и малых городов Сибири. По существу, создается система городов Сибири, охватывающая обширную территорию, которая определяет и новые производственные связи и иную соподчиненность.

Индустриализация Сибири, рост городов, хозяйственное освоение новых районов ставят большие научные, плановые и практические задачи по рациональному использованию всех видов ресурсов, по организации всесторонней охраны природной среды. Это насущная проблема, имеющая огромное экономическое и социальное значение. В условиях плановой социалистической экономики имеются неизмеримо большие возможности не только для охраны природы, но и значительного улучшения природной среды. Индустриализация не всегда находится в противоречии с экологической средой. Имеется большое количество фактов рационального преобразования природы и улучшения природной среды. Государство, народное хозяйство заинтересованы в правильной организации хозяйственной деятельности, сохранении природных ресурсов и среды.

Задачи рационального использования природных ресурсов и организации экологической среды для Сибири, с ее большими пространствами, так же актуальны, как и для всей территории страны. Крупные масштабы промышленных предприятий Сибири, перерабатывающих большие массы природного сырья, использующих много топлива, требуют научно обоснованного проектирования, строительства и эксплуатации. В сибирских условиях форма комбинирования производства особо необходима, поскольку в крупных комбинатах возможно наиболее полно, комплексно использовать большие массы промышленного сырья. Комбинаты цветных металлов, нефтехимкомплексы, лесохимические комбинаты и т. д. получают в Сибири широкое распространение как форма организации промышленного производства, определяющая комплексное использование природных ресурсов, всех ценных компонентов сырья.

Научная разработка проблем размещения производительных сил на основе перспективных региональных схем, учитывающих и решение конкретных задач по сохранению природной среды, должна обеспечивать совершенствование территориального планирования в развитии материального производства по экономическим районам Сибири.

Единый народнохозяйственный комплекс СССР опирается на богатые природные ресурсы страны, стремительное комплексное и пропорциональное развитие отраслей хозяйства, динамичную территориальную организацию производства, постоянно включающую в сферу народного хозяйства все новые и новые районы.

Экономическое могущество наша страна получила главным образом за счет интенсивного хозяйственного освоения новых районов с высокой насыщенностью эффективными природными ресурсами. Это характерное для индустриального развития СССР направление обусловило создание современного сырьевого и энергетического потенциала страны, обеспечивающего высокие темпы и уровень дальнейшего роста советской экономики. Каждый пятилетний план закладывал основы для хозяйственного освоения все новых районов. Масштабы и сроки такого целеустремленного освоения новых территорий являются беспрецедентными в экономической истории мира.

В Единый народнохозяйственный комплекс СССР органически входит Сибирский региональный комплекс. Экономическое значение народнохозяйственного комплекса Сибири на каждом новом этапе развития экономики СССР резко увеличивается. Одновременно качественно изменяется экономическая структура комплекса, расширяется хозяйственно освоенная или осваиваемая территория.

Предшествующие этапы в развитии производительных сил Сибири определили становление мощных индустриальных центров в районах, непосредственно примыкающих к Сибирской железнодорожной магистрали и ее ближайшим ответвлениям. Кузнецкий бассейн стал вторым, после Донбасса, общесоюзным центром угольной промышленности. По выработке электроэнергии на душу населения Сибирь опередила высокоиндустриальные капиталистические страны Европы. В Сибири создана третья металлургическая база СССР. Нарастают мощности заводы по производству алюминия. Во многих крупных сибирских городах работают машиностроительные заводы, а также мощные химические предприятия. С каждым годом увеличивается производство продукции пищевой и легкой промышленности. Усиливается общесоюзная значимость сельского хозяйства, расширяется производственная и социальная инфраструктура Сибирского народнохозяйственного комплекса. Сибирский региональный комплекс оказывает все более могучее воздействие на экономику всей страны, становится важнейшим фактором структурного и территориального совершенствования Единого народнохозяйственного комплекса СССР.

Экономика и культура КНР в 1971—1975 гг.

*Е. А. Коновалов,
доктор экономических наук
С. А. Алешин,
В. П. Поляков,
кандидат экономических наук
И. Н. Коркунов,
кандидат экономических наук
Л. А. Волкова,
кандидат экономических наук
И. Н. Наумов,
кандидат экономических наук
А. Н. Николаев,
С. Л. Ширяев,
кандидат экономических наук*

Период с 1971 по 1975 г. в Китае был назван периодом выполнения «четвертого пятилетнего плана». Однако никаких контрольных цифр этого плана опубликовано не было, перед народным хозяйством на этот период не было поставлено никаких сколько-нибудь конкретных заданий. Народное хозяйство Китая так же, как и на протяжении предыдущих десяти с лишним лет, развивалось при отсутствии научно-обоснованной экономической программы.

Истекший период для КНР прошел под знаком резкого обострения противоречий во всех сферах социально-экономической жизни. Страна еще не оправилась от потрясений «культурной революции», когда разразились так называемые «сентябрьские события» 1971 г., связанные с «делом Линь Бяо», которые обнажили политическую неустойчивость в стране как результат борьбы за власть среди верхушки маоистского руководства. Этот факт свидетельствовал, что никакие «культурные революции», навязанные маоистами своему народу, не в состоянии сами по себе, автоматически сохранить и укрепить политический режим, если он насажден путем подавления демократии, отстранения конституционных органов власти. Созданный в годы «культурной революции» военно-бюрократический режим с самого начала находился в прямом противоречии с социалистическим экономическим базисом и потому делал ставку исключительно на драконовские и деспотические методы управления страной. В условиях резких противоречий маоистского руководства с высшим командованием НОАК маоисты со второй половины 1971 г. усилили пропаганду тезиса «партия должна командовать винтовкой». Как и после провала политики «большого скачка», после «культурной революции», чтобы вывести народное хозяйство из кризиса, маоисты были вынуждены дополнить волюнтаристские методы одельными мероприятиями в экономике, которые применимы к странам с централизованной плановой экономикой. Эти компромиссные ме-

тоды и регламентации нашли отражение как в решениях X съезда КПК (август 1973 г.), так и в новой конституции КНР, принятой первой сессией ВСНП четвертого созыва в январе 1975 г.

Таким образом, 1971—1975 гг. были периодом вынужденного маневрирования маоизма в различных сферах социально-экономической и политической жизни. Становилось все очевиднее, что политика и стратегические цели маоистов находятся в глубоком непримиримом противоречии с коренными интересами китайских трудящихся, с социалистическими завоеваниями китайского народа. Маоисты пытаются приспособить и использовать в своих гегемонистских великодержавных интересах государственную и кооперативную формы собственности. Вся маоистская надстройка активно противодействует развитию китайского общества по пути социализма, хотя наличие названных форм собственности создает для этого объективные условия.

В результате в КНР после «культурной революции» искажено действие общих закономерностей строительства социализма. Сузились масштабы действия и интенсивность проявления объективных законов социализма, в том числе основного экономического закона социализма. Основная цель общественного производства, вытекающая из этого закона, вошла в антагонистическое противоречие со «стратегическим» курсом Мао на подготовку к войне. Общественное производство в Китае все больше утрачивало социалистическую ориентацию, теряло органическую связь с целью общественного производства при социализме — удовлетворением потребностей народа. Цели и направленность общественного производства все в большей степени определялись великодержавно-гегемонистским курсом Мао, а результаты функционирования государственной и кооперативной собственности использовались для реализации этого курса.

Какие изменения происходят в социалистическом экономическом базисе под господствующим влиянием маоистского государства? В программной статье члена Политбюро ЦК КПК Чжан Чунь-цяо приведены следующие рассуждения. В 1973 г. в промышленности на долю государственного сектора приходилось 97% стоимости основных фондов и 86% валовой стоимости продукции, на долю кооперативного сектора — соответственно 3 и 14%. В сельском хозяйстве кооперативному сектору принадлежало 90% земли, ирригационных сооружений, тракторов, 80% крупного скота и 90% продукции зерна и технических культур. Господствующим является государственный сектор и в розничном товарообороте страны (92,5% общего объема), на кооперативный сектор приходилось 7,3%, на индивидуальный сектор — всего 0,2%¹. Из приведенных цифр маоисты пытаются сделать нужный им вывод о том, что революция в сфере собственности в КНР не завершена, вопрос о собственности «еще не полностью разрешен, буржуазное право в сфере собственности еще ликвидировано не полностью». В статье подчеркивается формальный характер решения проблем собственности в Китае, но в том лишь смысле, что формы распределения оказывают обратное воздействие на формы собственности. Таким образом, гигантские социалистические преобразования, происшедшие в первые годы после образования КНР, теперь объявлены формальной победой, а фактическая победа социализма отодвигается до тех времен, когда будут изжиты все остатки «буржуазного права». Маоисты пытаются установить сроки решения и этой задачи. «Буржуазное право перестанет существовать лишь тогда, — писал Чжан Чунь-цяо, —

¹ «Жэньминь жибао», 1. IV. 1975.

когда все средства производства превратятся в собственность всего общества»². Этим китайское общество как бы подстегивается на новый скачок, на дальнейшее обобществление и превращение собственности бригад и народных коммун в государственную собственность, на лишение крестьянства Китая права хотя бы на незначительные приусадебные участки и ведение подсобных промыслов.

Другим важным моментом в статье Чжан Чунь-цзяо является тезис об обратном воздействии надстройки на базисные отношения. Он проводит, казалось бы, верную мысль о том, что в определенных условиях надстройка играет определяющую роль по отношению к базису. «Правильны ли идеологическая и политическая линии, — утверждает Чжан Чунь-цзяо, — в руках какого класса находится власть, определяет то, в собственности какого класса находятся заводы и фабрики»³. Правильность идеологического и политического курса Мао Цзэ-дуна должна восприниматься как само собой разумеющееся. Для Чжан Чунь-цзяо важно придать особое значение словам «в руках какого класса находится власть». Известно, с какой легкостью «любые» представители руководства могут быть объявлены маоистами классом, «узурпировавшим власть». Это уже достаточное основание для развертывания очередной чистки в армии, партийном и государственном аппарате с целью приведения всей надстройки в соответствие не с экономическими тенденциями общества, а с «линией Мао». Тезис об определяющей роли надстройки «в определенных условиях», таким образом, понадобился маоистам для увековечивания диктаторских, волюнтаристских, военно-принудительных методов в экономике, для дальнейшего осуществления великодержавного стратегического курса подготовки к войне.

В этих условиях в Китае действительно существует угроза социалистическому экономическому базису. Она исходит от политического режима маоистов, вытекает из самой сути и цели маоистского государства. Его цель все дальше отстоит от цели социалистического общественного производства, государственная и кооперативная собственность из реальной силы превращается лишь в потенцию социалистического развития, а по сути, является средством, которое маоисты используют в своих интересах. Несмотря на глубокие противоречия, которые существуют между целью маоистского государства и экономическими интересами китайских трудящихся, маоистам с помощью методов массового морального террора и репрессий удается временно приглушать проявление этого противоречия, откладывая на неопределенные сроки решение кардинальных социально-экономических проблем.

Между тем искажение цели общественного производства, фактическое отстранение трудящихся от управления предприятиями и распределения доходов, приспособление структуры и нужд общественного производства и воспроизводства к созданию милитаризованной системы, более тесное блокирование во внешней политике с наиболее реакционными силами империалистических стран — все это приводит к тому, что и внутри государственной собственности накапливаются элементы «государственно-бюрократической» собственности в ущерб общенародной. Она во все большей мере приобретает «государственный», «казенный» характер. Государственный бюджет и весь аппарат принуждения начинают обслуживать милитаристские и престижные нужды господствующей маоистской верхушки. За истекший период в стране особенно активно закладывались основы «государственно-бю-

² «Жэньминь жибао», I.IV. 1975.

³ Там же.

рократической» экономической системы, идущей вразрез с подлинными интересами китайского народа, китайской революции, с общими интересами народов стран социалистического лагеря, всех революционных сил современности, с интересами мира и прогресса.

Экономическая политика маоистского руководства в 1971—1975 гг. К началу рассматриваемого периода в народном хозяйстве Китая довольно отчетливо сформировались два хозяйственных комплекса, один из которых представлен группой отраслей, прямо или косвенно связанных с военным производством, а другой — отраслями гражданского производства, главным образом сельским хозяйством, средней и мелкой промышленностью. При этом второй комплекс рассматривается маонистами как питательная почва для военной промышленности и обслуживающих ее отраслей производства и функционирует на основе принципа «опоры на собственные силы», без существенной помощи со стороны государства. В течение 1971—1975 гг. экономическая политика китайского руководства в ее главных чертах оставалась прежней: основные усилия руководства были сосредоточены на наращивании военно-экономического потенциала.

Отсутствие четко сформулированной экономической политики, ее целей, важнейших задач, путей и методов их достижения китайское руководство пыталось компенсировать пропагандой ряда «установок», «курсов» и «лозунгов», выдаваемых за «разработку» и «теоретическое обоснование» экономической политики.

Х съезд в августе 1973 г., подтвердив прежние лозунги, охарактеризовал Китай как экономически бедную, развивающуюся страну, но не дал никаких указаний относительно дальнейшего экономического развития и преодоления бедности, кроме новых призывов к «упорному труду» и материальным лишениям, ориентации на такие маоистские образцы социально-экономических ячеек, как нефтепромыслы Дацина и большая сельскохозяйственная бригада Дачжая.

Созванная в январе 1975 г., после десятилетнего перерыва, сессия ВСНП лишь несколько конкретизировала перспективные экономические цели, выдвинув задачу к концу нынешнего столетия превратить Китай в «могучую державу». Сделать это было намечено в «два шага»: до 1980 г. создать «самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства»; в последующие 20 лет на основе «всесторонней модернизации сельского хозяйства, промышленности, науки и техники» вывести Китай «в первые ряды стран мира».

Однако вышесказанное не означает, что в течение 1971—1975 гг. экономическая политика в Китае осуществлялась в ее чисто маоистском виде, в строгом соответствии с экономическими концепциями Мао Цзэ-дуна. В эти годы, как и прежде, в ходе внутренней борьбы в китайском руководстве в осуществлении экономической политики были заметны определенные «искривления» и «отходы» от маоистской линии, допускавшиеся теми практическими работниками, которые отрицают или неполностью разделяют экономические постулаты Мао Цзэ-дуна.

В практической экономической работе в эти годы, особенно во второй половине 1971 — первой половине 1973 г., имели место явления, противоречащие или несвойственные концепциям маоизма. Например, использование, хотя и очень ограниченное, некоторых форм материального стимулирования трудящихся; известное расширение прав и хозяйственной самостоятельности низовых коллективных хозяйств (больших и малых производственных бригад) и крестьянских дворов в деревне;

попытки реального планирования развития народного хозяйства; внимание к вопросам повышения прибыльности предприятий; определенное повышение роли инженерно-технических и планово-экономических работников на производстве и т. п.

В области промышленности политика китайского руководства в течение 1971—1973 гг. была направлена на достижение возможно больших темпов прироста производства, особенно в ряде престижных, а также отстающих отраслей, однако она постоянно наталкивалась на объективно существующие противоречия и трудности в развитии промышленности. Первоначально основной упор наряду с развитием военной промышленности делался на развернутое несколько раньше массовое строительство мелких предприятий местной промышленности. Однако уже в 1972 г. стали ощущаться ограниченные возможности дальнейшего экстенсивного развития мелкой промышленности вследствие острой нехватки финансовых средств, рабочих рук, сырья и оборудования. На первый план была выдвинута проблема интенсификации производства и повышения производительности труда. Именно в этот период (1972 — первая половина 1973 г.) больше внимания стало уделяться вопросам планирования и централизованного руководства, улучшения управления предприятиями, использования инженерно-технических специалистов и т. п. Большее значение стало придаваться улучшению экономических показателей работы промышленных предприятий, системы хозяйственного расчета. Особое место заняли вопросы повышения качества промышленной продукции.

В результате комплекса экономических мероприятий, но прежде всего в результате напряженнейшего труда китайского народа стране в какой-то мере удалось оправиться от ударов «культурной революции» и добиться определенной, хотя и неустойчивой, стабилизации экономики.

Отступления от маоистской экономической политики подвергаются ожесточенным нападкам со стороны «лево-маоистской группировки, которая видит в них тормоз, препятствие на пути максимально быстрой милитаризации. Так, развернутая в 1973 г. массовая политико-идеологическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» связывалась также и с наличием определенных тенденций в партии, направленных на внедрение «ревизионистских экономических методов хозяйствования». В ходе этой кампании наряду с попытками укрепить и расширить свое политическое влияние «лево-маоистская группировка резко выступила против материального стимулирования, против «черного вихря экономизма» (что в устах маоистов является синонимом требований трудящихся более справедливой оплаты труда, улучшения условий труда и быта), а также против «саботажа со стороны классового врага», под которым маоисты понимают всякое сопротивление трудящихся наступлению на их материальные интересы. В адрес трудящихся и ряда хозяйственных руководителей выдвигались обвинения в «ижидивенческих настроениях», «недостаточной опоре на собственные силы», «нежелании идти на выполнение сверхплановых заданий, необходимых государству», и т. п.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» в ее экономическом аспекте была направлена на сдерживание и подавление объективного экономического процесса, отражающего прямую зависимость развития общественного производства, успешного экономического строительства от личной материальной заинтересованности трудящихся. Альтернативой этому процессу, согласно маоистской концепции, является повсеместное и всестороннее внедрение и утверждение политико-адми-

инструктивных методов управления экономикой, уравнительного распределения и казарменно-утопических форм организации труда. Как и в годы «большого скачка» и «культурной революции», в ходе этой кампании политико-идеологические факторы в противовес материальным были объявлены решающими двигателями в развитии производства.

Нажим со стороны маоистского руководства вызвал ответное сопротивление со стороны рабочего класса и крестьянства. Недовольство рабочих приняло массовый характер и в ряде случаев вылилось в забастовки на предприятиях и на транспорте. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» крайне отрицательно сказалась на производстве. Сокращение добычи угля, осложнения на транспорте, выступления промышленных рабочих привели к падению и даже остановке производства на ряде предприятий. В итоге оказались невыполненными задания по производству стали, чугуна, цветных металлов, химических удобрений. КНР сейчас сталкивается, вероятно, с самыми серьезными трудностями в торговле и экономике со времен «культурной революции», писала английская газета «Файнэншл таймс» в декабре 1974 г.⁴ А гонконгский еженедельник «Чайна ньюс анализ» отмечал, что «1974 г. показал, какой большой ущерб может причинить экономике политическая кампания»⁵.

1974 г. был предварительно определен китайским руководством как «ключевой год в выполнении четвертого пятилетнего плана»⁶. Однако вряд ли этот год стал таким на деле. Ужесточение маоистской линии в экономическом строительстве после X съезда КПК, развязанная в стране кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» оказали весьма неблагоприятное влияние на стабильность и развитие народного хозяйства. Итоги 1974 г. были намного хуже тех, на которые рассчитывало китайское руководство. Общее промышленное производство за год выросло лишь незначительно.

В начатой «лево»-маоистскими силами в феврале 1975 г. новой массовой кампании «по изучению теории диктатуры пролетариата» их наступление на всю совокупность экономических рычагов и стимулов развития экономики, объявленных «буржуазным правом», приняло особенно острый характер. Выдвинутое маоистской верхушкой основное требование «всемерного ограничения буржуазного права в условиях диктатуры пролетариата» явилось не чем иным, как требованием безоговорочного принятия и внедрения экономических концепций Мао Цзэ-дуна, требованием ограничить развитие народного хозяйства и жизнь народа рамками, предусмотренными маоистской «моделью» социально-экономической организации китайского общества⁷.

Таким образом, в 1971—1975 гг. экономическая политика маоистов оставалась без существенных изменений. Основная цель ее состояла в достижении великодержавия и гегемонизма, а определяющими моментами являлись:

милитаризация экономики и общественной жизни страны, максимальная централизация средств для развития военно-экономического потенциала;

⁴ См.: «Financial Times», 12. XII. 1974.

⁵ «China News Analysis», 24. I. 1975.

⁶ «Жэньминь жибао», 31. XII. 1973.

⁷ Подробнее об этой кампании см.: П. Б. Капранов. Социально-экономические аспекты кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4.

отказ государства от централизованных мероприятий по развитию отраслей экономики общегосударственного назначения, консервация низкого уровня производительных сил там, где это связано с удовлетворением повседневных жизненных потребностей населения;

нешадная эксплуатация государством трудовых ресурсов страны, огромной массы ручного труда; полупринудительный и даже принудительный труд; консервация бедности, крайне низкого жизненного уровня китайских трудящихся;

административно-волевой подход к решению хозяйственных вопросов при широком использовании военной силы; резкое сужение сферы применения экономических методов воздействия на развитие народного хозяйства; авантюризм в планировании.

Промышленность КНР в 1971—1975 гг. Отсутствие у китайского руководства четкой и научно обоснованной программы экономического строительства наложило свой отпечаток и на особенности развития промышленности КНР в период 1971—1975 гг.

В первые годы рассматриваемого периода, в 1971—1973 гг., усилия китайского руководства в области промышленности были направлены прежде всего на устранение наиболее негативных последствий «культурной революции», вызвавшей серьезную дезорганизацию работы промышленности. Предпринятые китайским руководством некоторые мероприятия по «упорядочению» промышленности (более эффективное использование существующих производственных мощностей, оживление капитального строительства, широкое строительство мелких предприятий в металлургической, горнорудной, химической и цементной промышленности, возврат к некоторым формам и методам управления экономикой, выработанным практикой социалистического строительства) обеспечили годовые темпы роста валовой продукции промышленности на 8—10% в год.

К 1973 г. уже наметилась тенденция к снижению темпов роста промышленного производства. Это объяснялось тем, что к середине рассматриваемого пятилетия были в основном уже исчерпаны резервы, вызванные спадом промышленного производства в годы «культурной революции», и начал сказываться низкий технический уровень и критический «возраст» основных производственных фондов, которые обновлялись и пополнялись крайне медленно. Кроме того, нехватка квалифицированной рабочей силы, оборудования и сырья все более ограничивала возможности мелкой промышленности, которая в предыдущие годы обеспечила значительную часть прироста промышленного производства.

Тенденция к снижению темпов роста промышленного производства еще более усилилась в 1974 г. Это было связано в первую очередь с трудностями, возникшими в результате проведения в масштабе всей страны кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», которая сопровождалась дезорганизацией работы многих промышленных предприятий, большими потерями рабочего времени, падением трудовой дисциплины, травлей руководителей и инженерно-технических работников, ослаблением плановых начал в производстве. Значительное снижение производства промышленной продукции в первые месяцы 1974 г., особенно в угольной и металлургической промышленности, не удалось восполнить во второй половине 1974 г., несмотря на такие экстренные меры, принятые китайским руководством, как жесткая интенсификация труда, резкое увеличение сверхурочных работ, широкое использование солдат, работников управленческого аппарата и учащихся на физических

работах в промышленности. В 1974 г. по сравнению с предшествующим годом рост промышленного производства оценивается в 5%.

Низкие темпы развития промышленности в 1974 г., вероятно, серьезно обеспокоили китайское руководство, поэтому на 1975 г., который был объявлен годом «стимулирования, стабилизации и сплоченности», была поставлена задача «привести в движение все положительные факторы и сплотить всех, кого можно сплотить, ускорить темпы социалистического строительства»⁸. Однако развернувшаяся в 1975 г. кампания «борьбы с буржуазным правом», в ходе которой подверглись нападкам принципы распределения, в том числе материальное стимулирование и восьмиразрядная система заработной платы, несомненно, отрицательно повлияла на развитие промышленности.

Китайская печать почти не публикует абсолютных данных о производстве продукции промышленности в целом и ее отдельными отраслями. Сообщаются лишь некоторые данные о процентном увеличении выпуска некоторых видов промышленной продукции в отдельные годы или по сравнению, как правило, с 1965 г. Анализ этих данных, а также оценки советских и зарубежных экономистов позволяют следующим образом представить динамику роста производства важнейших видов промышленной продукции в КНР в 1971—1975 гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Производство важнейших видов промышленной продукции
в 1971—1975 гг.

Вид продукции	Единица измерения	Год				
		1971	1972	1973	1974	1975*
Валовая продукция	млрд. юаней	160	173	187	196	215
Электроэнергия	млрд. квт·ч	77	83	92	102	115
Уголь	млн. т	280	300	325	340	365
Нефть	» »	25	29	38	45	56
Чугун	» »	22	24	26	26	26
Сталь	» »	21	23	25	25	25
Металлорежущие станки	тыс. шт.	55	60	65	70	76
Автомобили	» »	60	65	70	82	92
Цемент	млн. т	16,3	17	19	20	23
Минеральные удобрения	» »	16,8	20	24	26	30
Хлопчатобумажные ткани	млрд. м	8,5	8,5	8,7	8,9	9,0
Сахар	млн. т	2	1,9	2,2	2,3	2,5

* Предварительные оценки

В 1971—1975 гг. китайское руководство особое внимание уделяло развитию топливно-энергетической базы, играющей важную роль в развитии военно-промышленного потенциала страны. Как видно из таблицы 1, наибольшие результаты были достигнуты в нефтяной промышленности. В 1975 г. более чем в два раза увеличилась добыча нефти по сравнению с 1971 г.

Особенностью развития нефтяной промышленности в эти годы является систематическое отставание в росте нефтеперерабатывающих мощностей от нефтедобывающих. Согласно данным, опубликованным в

⁸ «Жэньминь жибао», 31. XII. 1974.

китайской печати, динамика роста добычи и переработки нефти в КНР характеризуется следующим образом:

Таблица 2

Рост добычи и переработки нефти в КНР
в 1971—1975 гг. (в %)

Годовой прирост	Год			1-е полугодие 1975 г.
	1971	1972	1974	
Добыча нефти	28	16	20	24
Переработка нефти	16	5	13	14

Несмотря на определенные успехи в развитии нефтяной промышленности КНР, доля нефти в топливно-энергетическом балансе страны составляет около 12%⁹. Основным видом топлива продолжает оставаться уголь, удельный вес которого в общем потреблении энергии достигает 85%¹⁰. Однако темпы развития угольной промышленности в 1971—1975 гг. далеко не удовлетворяли потребности страны в этом виде топлива, что сдерживало развитие многих отраслей промышленности. Невысокие темпы роста производства угля объясняются тем, что финансовые и материально-технические ресурсы направлялись прежде всего в нефтяную промышленность. За пятилетие было построено лишь несколько шахт производительностью свыше 1 млн. т угля в год. В более широких масштабах осуществлялись строительство средних и особенно мелких шахт и реконструкция действующих угольных копей. В 1973 г. добыча угля на мелких шахтах увеличилась в 2,2 раза по сравнению с 1965 г., причем доля таких шахт в общей добыче угля достигла 28%¹¹.

В 1971—1975 гг. китайская энергетика перешагнула рубеж 100 млрд. квт·ч годовой выработки электроэнергии. По общему объему выработки электроэнергии Китай вышел на 9-е место в мире (в 1949 г. он занимал 25-е место), уступая по этому показателю США, СССР, Японии, ФРГ, Англии, Канаде, Франции и Италии.

Около 80% электроэнергии приходится на тепловые электростанции, которые почти все работают на угле. Ясно, что недостаточные темпы развития угольной промышленности явились существенным тормозом увеличения выработки электроэнергии.

Сохраняющийся существенный дефицит твердого топлива вынудил китайское руководство обратить большее внимание на использование гидроресурсов страны. Было завершено строительство крупнейшей в КНР ГЭС «Люцзяся» на Хуанхэ. Ее мощность — 1225 тыс. квт. На этой электростанции, способной вырабатывать в год 5,7 млрд. квт·ч электроэнергии, установлено 5 крупных гидроагрегатов китайского производства, в том числе первый в Китае гидроагрегат мощностью 300 тыс. квт¹². На Хуанхэ закончено сооружение ГЭС «Саньмынься» мощностью 200 тыс. квт (вместо 1 млн. квт по первоначальному проекту)¹³, а также ГЭС «Даньцзянкоу» в провинции Хубэй (900 тыс. квт). Следует отметить, что строительство этих ГЭС было начато еще

⁹ U. S. China Business Review. Vol. 1, 1974, № 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Жэньминь жибао», 24. X. 1974.

¹² Там же, 9. II. 1975.

¹³ Там же, 20. XII. 1974.

в 50-е гг. Построен ряд ГЭС средней мощности, в том числе ГЭС «Хуанлунтань» в провинции Хубэй (150 тыс. квт), «Даньхэ» в провинции Хэнань (2 гидроагрегата по 100 тыс. квт), «Фэншуба» в провинции Гуандун (1 гидроагрегат мощностью 75 тыс. квт), «Чэнцунь» в провинции Аньхуэй (3 гидроагрегата общей мощностью 150 тыс. квт) и др.

В сельской местности в широких масштабах продолжалось строительство мелких ГЭС мощностью несколько десятков или сотен квт. К 1975 г. в стране было построено свыше 60 тыс. таких ГЭС.

Для развития металлургической промышленности Китая было характерно прогрессивное снижение темпов роста выплавки чугуна и стали, что не могло не сказаться на развитии других отраслей тяжелой индустрии, особенно машиностроения. Абсолютный прирост производства чугуна и стали не превышал 1—2 млн. т в год.

Главными причинами, обусловившими довольно низкие темпы развития этой важной отрасли китайской тяжелой индустрии, являются небольшие масштабы ввода новых производственных мощностей, хроническое отставание сырьевой базы, серьезные внутриотраслевые диспропорции, особенно между сталеплавильным и прокатным производствами. В китайской печати в эти годы не сообщалось о вводе в строй крупных домен или прокатных станков. Наиболее заметное достижение китайской металлургии в эти годы — это ввод в эксплуатацию на шанхайских металлургических заводах кислородных сталеплавильных конверторов емкостью 100 и 120 т.

Увеличение мощностей металлургической промышленности путем преимущественного строительства мелких и средних предприятий за счет местных ресурсов не обеспечило необходимых темпов роста производства чугуна, стали и проката. В связи с этим были предприняты меры к реконструкции крупных металлургических предприятий, а также к расширению Уханьского металлургического комбината, для которого в Японии и ФРГ были закуплены стан горячей прокатки (3 млн. т в год), стан холодной прокатки (1 млн. т в год), стан для производства листовой кремнистой стали (68 тыс. т в год), агрегаты лужения (100 тыс. в год) и цинкования (150 тыс. т в год), установки для непрерывной разливки стали (1,6 млн. т в год).

В химической промышленности наибольшее внимание уделялось увеличению производства минеральных удобрений, пластмасс, синтетических моющих средств, химических средств защиты растений и химической продукции военного назначения.

Ведущей отраслью химической индустрии КНР остается промышленность минеральных удобрений. Рост продукции в 1971—1975 гг. достигнут главным образом за счет строительства мелких химических заводов. В 1975 г. в КНР действовало свыше 2 тыс. таких заводов, на долю которых приходилось 60% общего производства минеральных удобрений (в 1970 г. на их долю приходилось 43, а в 1965 г. 12%).

Отсутствие резервных производственных мощностей, слабые производственно-технические возможности химического машиностроения, отсталость в области разработки современных химико-технологических процессов и большой дефицит сырья не позволили быстро увеличивать производство важнейших химических продуктов.

В 1971—1975 гг. китайская печать почти не публиковала данных о развитии машиностроительной промышленности. Сообщалось лишь, что в 1971 г., то есть когда имелись большие неиспользованные во время «культурной революции» производственные мощности, объем валовой продукции машиностроения увеличился по сравнению с пре-

дыдущим годом на 18%. В дальнейшем темпы развития машиностроения, несомненно, были значительно ниже.

Рост производственных мощностей в 1971—1975 гг. происходил за счет завершения строительства некоторых заводов энергетического и тяжелого машиностроения, сооружение которых было начато еще в 50-е гг., реконструкции ряда действующих предприятий и сооружения средних и мелких заводов в автомобильном, тракторном, сельскохозяйственном и горнорудном машиностроении, а также в приборостроении и станкостроении. В рассматриваемом пятилетии не было построено ни одного машиностроительного завода, который бы по масштабам производства и техническому оснащению мог сравниться с предприятиями, построенными в КНР с помощью Советского Союза в первое десятилетие после народной революции.

Основные усилия в машиностроительной промышленности были направлены на увеличение производства оборудования для электроэнергетической, нефтяной и химической промышленности, подъемно-транспортных машин, сельскохозяйственных машин и инвентаря, металлообрабатывающих станков, локомотивов современных типов, морских судов, электронной техники. Среди технических достижений в этих отраслях машиностроения можно отметить гидравлические турбины мощностью 300 тыс. квт, паровые турбины мощностью 200 тыс. квт, стационарные и плавучие установки для морского бурения нефте- и газоскважин, плавучий кран грузоподъемностью 500 т, металлообрабатывающие станки с числовым программным управлением, тепловозы мощностью 4 тыс. л. с., танкеры грузоподъемностью 24 тыс. т, ЭВМ третьего поколения, способные производить до 1 млн. операций в секунду. Хотя эти достижения и свидетельствуют об определенном росте технического уровня китайского машиностроения, они не могли оказать существенного влияния на повышение эффективности народного хозяйства, поскольку новые виды оборудования в большинстве случаев были изготовлены в виде опытных образцов или небольших партий.

Легкая промышленность в истекшем пятилетии развивалась значительно медленнее, чем другие отрасли промышленности, оказывающие непосредственное влияние на рост военно-промышленного потенциала страны. Хотя пекинская пропаганда продолжала рекламировать маоистскую формулу о развитии народного хозяйства страны в порядке «сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность», однако в действительности примат отдавался тяжелой промышленности, куда направлялась основная часть централизованных капиталовложений. Как писал журнал «Хунци», «планирование народного хозяйства в порядке «сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность» отнюдь не означает выделения большей части средств и материалов сельскому хозяйству и легкой промышленности. На долю тяжелой промышленности, — указывал журнал, — достается все-таки больше средств и материалов, чем на долю сельского хозяйства и легкой промышленности»¹⁴. Развитие легкой промышленности в основном путем строительства небольших предприятий на средства местных органов не могло обеспечить высокие темпы роста производственных мощностей.

Другим фактором, сдерживавшим развитие легкой промышленности, был недостаток сырья. В настоящее время около 70% потребляемого в легкой промышленности сырья поставляет сельское хозяйство¹⁵,

¹⁴ «Хунци», 1975, № 3.

¹⁵ Там же, № 7.

поэтому низкие темпы роста сельскохозяйственного производства непосредственно влияли на объем выпуска продукции в этой отрасли промышленности.

В целом промышленность КНР в 1971—1975 гг. сделала определенный шаг вперед, однако ее развитие было неравномерным и сопровождалось обострением межотраслевых и внутриотраслевых диспропорций. Промышленность, несомненно, развивалась бы значительно более высокими темпами, если бы на нее не оказывали влияние такие негативные факторы, как пренебрежение китайским руководством требованиями объективных экономических законов социализма; широкое использование внеэкономических методов повышения трудовой активности рабочих и служащих; сокращение фонда накопления ввиду отвлечения крупных финансовых и материально-технических средств на милитаризацию страны и форсирование ракетно-ядерной программы; возрастающая ориентация китайской экономики на капиталистический рынок с присущими ему неустойчивостью, кризисами и инфляцией; периодически проводимые китайским руководством различные политические кампании, дезорганизирующие работу промышленных предприятий и транспорта.

Сельское хозяйство КНР в 1971—1975 гг. Основные стратегические цели аграрной политики китайского руководства оставались неизменными и были направлены на использование сельского хозяйства в качестве источника накопления для интенсивного наращивания военно-экономического потенциала, обеспечение промышленности сырьем, а населения — продовольствием. Формы и методы основных направлений политики в деревне в начале 70-х гг. подверглись некоторым изменениям по сравнению с периодом «культурной революции» — повысилась внимание руководства КНР к хозяйственным проблемам деревни, предпринимались попытки использования экономических рычагов с целью повышения трудовой активности крестьянства и стимулирования сельскохозяйственного производства.

Развитие сельского хозяйства в этот период происходило главным образом под лозунгами «опоры на собственные силы» коллективных хозяйств и «упорной борьбы с трудностями». Государственные ассигнования на развитие сельскохозяйственного производства по-прежнему оставались на чрезвычайно низком уровне, хотя в китайской печати делались заявления о том, что государство в той или иной мере должно принимать участие в строительстве наиболее крупных объектов сельского хозяйства, должно оказывать помощь в деле технического оснащения сельского хозяйства. На нужды сельского хозяйства выделяются средства, находящиеся главным образом в распоряжении уездов¹⁶.

Определенное внимание в эти годы руководство КНР уделяло проблемам планирования сельского хозяйства и налаживания системы управления им. Проводились всекитайские и провинциальные совещания, посвященные развитию отдельных отраслей сельского хозяйства. На сессии ВСНП, состоявшейся в январе 1975 г., было объявлено о разработке перспективных планов развития народного хозяйства. В этой связи от уездов и народных коммун требовали составлять планы развития сельскохозяйственного производства на 1976—1980 гг. Планы уездов Цзядин и Чулли (пригород Шанхая) как образцовые были опубликованы в печати.

¹⁶ На Всекитайском совещании по распространению опыта Дачжия отмечалось, например, что в образцовом уезде Сянь 17% средств, идущих на цели механизации сельского хозяйства, были получены от государства. — «Жэньминь жибао», 28. IX. 1975.

Народные коммуны по-прежнему соединяли в себе функции низового органа государственной власти и коллективной организации крестьянства. Продолжала сохраняться так называемая «трехступенчатая» система собственности, при которой собственность производственной бригады выступала в качестве основной хозяйственной единицы, хотя в годы «культурной революции» и частично в 1970—1971 гг. предпринимались попытки основные хозяйственные функции передать более крупным единицам — большим производственным бригадам или коммунаам. Эти попытки, не получившие повсеместного распространения, были фактически осуждены в конце 1971 г. Статут производственной бригады как основной хозяйственной единицы получил законодательное оформление в новой конституции КНР. Однако хозяйственная самостоятельность производственных бригад является значительно ограниченной, по целому ряду вопросов они находятся в зависимости от коммун. Коммуна в силу своего административного и экономического положения имеет возможность контролировать и в определенной степени направлять хозяйственную деятельность бригад.

В 1975 г. в китайской печати уже подчеркивалась тенденция увеличения доли собственности и усиления хозяйственного значения большой производственной бригады и коммуны¹⁷.

В начале 70-х гг. одним из аспектов использования экономических рычагов для развития производства явилось восстановление, хотя и неполное, принципа распределения по труду при распределении доходов в коллективных хозяйствах. В 1971—1972 гг. печаталось немало материалов, в которых доказывалась необходимость учета при распределении доходов принципа «от каждого по способностям, каждому по труду». Рекомендовалось обобщать «положительный опыт распределения по труду» с целью стимулирования производственной активности членов коммун в коллективном хозяйстве. В 1975 г., напротив, для решения этой задачи все шире используются методы политического и идеологического давления, то есть методы внеэкономического принуждения, принцип распределения по труду отнесен к категории проявлений «буржуазного права», подлежащих ограничению.

В отличие от 1970—1972 гг., когда коллективные хозяйства нацеливались на всемерное развитие коллективных подсобных промыслов при сохранении приоритета зернового производства, когда считалось допустимым и даже поощрялось развитие домашнего подсобного хозяйства крестьян, в 1975 г. коммунаам и производственным бригадам ставилось в укор чрезмерное увлечение подсобными промыслами и выращивание второстепенной сельскохозяйственной продукции, а домашнее подсобное хозяйство крестьян квалифицировалось как почва для возникновения капитализма в деревне. В центральной китайской печати высказывались рекомендации сократить размеры приусадебных участков членов коммун до официально разрешенных.

В течение 1974 г. и в начале 1975 г. в Китае были предприняты попытки изыскать возможности для повышения темпов роста сельскохозяйственного производства. С этой целью к провинциям, уездам и народным коммунаам было предъявлено требование разработать встречные планы роста сельскохозяйственного производства на 1976—1980 гг. Анализ материалов китайской прессы показывает, что даже районы, находящиеся в сравнительно благоприятных условиях, не обеспечивают высокого уровня товарности зерна, слабость материально-технической базы не позволяет противостоять стихийным бедствиям, уровень их сельскохозяйственного производства низок.

¹⁷ «Хунци», 1975, № 4; «Жэньминь жибао», 28. IX. 1975.

В сентябре—октябре 1975 г. в КНР проходило всекитайское совещание по обмену опытом в движении «учиться у Дачжая, повсеместно создавать уезды дачжайского типа». Главным предметом обсуждения на совещании явились, по существу, недостаточные темпы развития сельского хозяйства и пути их повышения. В докладе заместителя премьера Госсовета, министра общественной безопасности Хуа Го-фэна была поставлена задача всемерного развития сельского хозяйства, указывалось, что если сохранятся «нынешние темпы развития, то в текущем столетии мы не сможем осуществить задачи модернизации промышленности, обороны, науки и техники»¹⁸.

Новый момент в разъяснении на совещании опыта Дачжая состоит в том, что теперь этот опыт увязывается с задачей механизации сельского хозяйства, которую предполагается в основном осуществить к 1980 г. Естественно, что решение этой задачи возложено на мелкую местную промышленность, то есть методом «опоры на собственные силы», который составляет сущность «опыта Дачжая».

Продолжая курс на подготовку к войне, маоистское руководство не делает крупных капиталовложений в сельское хозяйство. Участие центрального бюджета в намеченных мероприятиях ненамного превысит существующие объемы ассигнований. Поэтому можно сделать вывод о нереальности достижения к 1980 г. задачи механизации в основном сельского хозяйства.

В качестве основной гарантии подъема сельского хозяйства совещание выдвинуло задачу — к 1980 г. превратить свыше одной трети уездов страны в уезды дачжайского типа, добиться того, чтобы ежегодно появлялось не менее 100 таких уездов. В настоящее время в стране насчитывается свыше 300 уездов. Таким образом, к 1980 г. число таких уездов должно превысить 800.

Движение за «учебу у Дачжая и повсеместное создание уездов дачжайского типа» рассматривается руководством КНР как главное средство решения сложных проблем сельского хозяйства, препятствующих общему росту экономики. Это движение принимает характер новой политической кампании, являющейся инструментом усиления политико-административного и идеологического давления на массы через партийные органы, использование мер внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству с целью повышения темпов роста сельскохозяйственного производства.

«Дачжаизация» деревни ставит также задачу укрепления в рамках уездов военно-хозяйственных комплексов, способных в основном обеспечивать свои нужды в промышленной продукции за счет развития мелких местных предприятий, в более широких масштабах организовать использование дешевой рабочей силы, повысить уровень накоплений и поставок товарной продукции государству.

В рассматриваемый период погодные условия не всегда благоприятствовали развитию зернового производства. В 1972 и 1974 гг. в Китае наблюдались тяжелые стихийные бедствия. По оценке, в 70-е гг. валовое производство зерновых культур увеличивалось медленно и держалось на уровне 210—230 млн. т.

В 1975 г. сельское хозяйство КНР продолжало испытывать значительные трудности. Ряд зернопроизводящих провинций на севере страны был охвачен засухой, южные районы пострадали от сильного похолодания и от наводнений. По предварительным оценкам, в 1975 г. валовой сбор зерна (включая картофель и батат в пересчете на зерно

¹⁸ «Жэньминь жибао», 21. X. 1975.

по коэффициенту 4:1) составил 230—235 млн. т, валовой урожай хлопка (волокна) — 2 млн. т, поголовье свиней — 210 млн. голов.

Транспорт. В 1971—1975 гг. отмечено форсированное развитие транспортной инфраструктуры. По оценочным данным, в эту сферу ежегодно направлялось около 20% всех ассигнований на капитальное строительство в стране. Главное внимание уделялось строительству железных и шоссейных дорог, модернизации и расширению основных морских портов, строительству нефтепроводов, пополнению парков подвижного состава. Были расширены внешние морские и воздушные связи. По предварительным подсчетам, перевозки грузов и грузооборот, выполненные современными видами транспорта, увеличились за пятилетие примерно на 40%. Для сравнения укажем, что в 1966—1970 гг. объем работы транспорта вырос на 16%.

На железнодорожном транспорте основные усилия были сосредоточены на строительстве новых железных дорог. Эксплуатационная длина железнодорожных линий выросла приблизительно на 5 тыс. км и составила к концу 1975 г. более 46 тыс. км.

Строительство железнодорожных линий было сконцентрировано главным образом в Юго-Западном и Северо-Восточном Китае. На их долю приходилось соответственно около 40 и 32% железных дорог (магистралей и веток), введенных в эксплуатацию. В остальных районах построены небольшие участки новых железных дорог.

В Юго-Западном районе было проложено около 2 тыс. км железнодорожных путей. Наиболее крупными объектами, построенными в 1970—1974 гг., являются магистраль Чэнду—Куньмин и участок от Цзиньчжушаня до Гуйдина Хунань-Гуйчжоуской дороги. Общая длина железной дороги Чэнду—Куньмин 1085 км, и более чем на $\frac{1}{3}$ она состоит из мостов и тоннелей. Дорога соединяется с магистралями Баоцзи—Чэнду и Куньмин—Гуйян. В меридиальном направлении она пересекает западную часть провинций Сычуань и Юньнань, значительно сократив расстояние между внутренними территориями и пограничными районами Юго-Запада. Вторая железная дорога от Цзиньчжушаня до Гуйдина (632 км) является участком магистрали Хунань—Гуйчжоу.

В Северо-Восточном Китае было построено свыше 1,6 тыс. км железнодорожных путей, причем подавляющая часть — в провинции Хэйлуцзян. Самая крупная железная дорога проходит в западной части провинции от Нуньцзяна в северном направлении до Цзиньтао. Ее протяженность 608 км. Кроме того, введен в эксплуатацию ряд железнодорожных веток, направленных главным образом к китайско-советской границе.

В провинции Ляонин построена ветка Гоубанцзы — Хайчэн длиной 108 км. Она связала магистрали Пекин — Шэньян и Харбин — Далянь.

Несколько железных дорог было построено в других районах страны: в Нинся-Хуэйском автономном районе от магистрали Баотоу—Ланьчжоу проложена ветка Уда—Цзиланьтай протяженностью 130 км; в провинции Шаньдун сданы в эксплуатацию две короткие железные дороги (Чжандянь — Дунин протяженностью 91 км и Босин — Чачжай длиной 26 км); в провинции Цзянси введен в строй участок от Сянси до Цзянбяньцуня протяженностью 122 км.

В ноябре 1975 г. было завершено строительство железной дороги, протянувшейся на 160 км от Тунсяня в районе Пекина до Гунь, расположенном к северу от Тяньцзиня на магистрали Пекин — Шаньхайгуань.

Строительство новых железных дорог, несомненно, важно для развития производительных сил, в особенности в такой стране, как Китай, с его слаборазвитой железнодорожной сетью. Однако приоритет и направление строительства железных дорог в пограничных зонах Северо-Восточного Китая определялся отнюдь не острой хозяйственной необходимостью в них в этом районе. Многие из них, возможно, вовсе не были бы построены или по крайней мере была бы определена иная очередность их строительства, не имея они определенного значения в военно-политических замыслах маоистского руководства. Стремление расширить сеть железных дорог в юго-западных провинциях и некоторых других территориях представляет собой намерение руководителей Китая обеспечить необходимые транспортные условия для разработки минеральных ресурсов, и прежде всего ресурсов, имеющих стратегическое значение, для создания новых промышленных очагов и центров в соответствии с программой децентрализации промышленности, являющейся составной частью проводимой политики подготовки к войне, усиления политического контроля над отдаленными районами.

Направляя основные капиталовложения на строительство приоритетных в военно-политическом отношении железных дорог в периферийных пограничных территориях Севера и Юга, а также дорог, ориентированных преимущественно на более тесную связь некоторых экономических объектов стратегического значения, китайское руководство мало внимания уделяло расширению сети коммуникаций в относительно развитых районах, где испытывается самый большой дефицит перевозочных мощностей. Этим также объясняются и медленные темпы обновления постоянных устройств и слабое внедрение научно-технических достижений, в частности использование более прогрессивных средств тяги. В результате вплоть до настоящего времени около 90% локомотивного парка составляют паровозы. Около 15 лет потребовалось для того, чтобы завершить электрификацию железной дороги Баоцзи — Чэнду протяженностью 676 км. Движение поездов по электрифицированной магистрали было открыто в середине 1975 г. В 1958—1960 гг. был электрифицирован ее первый 96-километровый участок от Баоцзи до Фынсяня, на котором использовались электровозы, купленные во Франции.

В этих условиях Китай импортирует большие партии тепловозов, электровозов, вагонов специального назначения (цистерны, рефрижераторы). Только в 1971—1974 гг. было ввезено примерно 170 тепловозов и электровозов (из Франции, ФРГ и Румынии) и более 3 тыс. железнодорожных цистерн и других вагонов.

В 1971—1974 гг. перевозки грузов и грузооборот на железнодорожном транспорте увеличились примерно на 30%. В 1975 г. перевозки грузов возросли, видимо, на 7%, а грузооборот — на 8% по сравнению с 1974 г. и составили соответственно 800 млн. т и 400 млрд. т/км. Следует отметить, что в течение пятилетия рост перевозок не всегда был стабильным. Например, в 1974 г. наблюдалось значительное снижение темпов роста перевозок грузов, по сравнению с предыдущими годами, когда прирост объема перевозок составил только 3%. Замедление прироста было вызвано не только усложнением работы железных дорог в связи с нехваткой перевозочных мощностей, но и социально-экономическими причинами, приведшими к дезорганизации работы многих магистралей.

При существующем уровне развития железнодорожный транспорт не в состоянии без крайнего напряжения справиться с ростом перевозок. Поэтому проблема железнодорожного транспорта остается одной

из важнейших и актуальнейших среди хозяйственных проблем страны, от кардинального решения которой в значительной степени зависит развитие всего народного хозяйства.

С начала 70-х гг. Китай уделяет всевозрастающее внимание развитию морского транспорта. Повышенная заинтересованность в его развитии объясняется прежде всего расширением внешней торговли. На долю морского транспорта приходится около 75—80% всех экспортно-импортных перевозок грузов страны. При этом подавляющую часть этих перевозок обслуживают иностранные суда, арендованные Китаем. Возросло значение морского транспорта и в каботажных перевозках, часть которых также выполняется иностранными судами.

Стремление активизировать внешние торгово-экономические связи, ослабить зависимость от фрахта иностранных судов и обеспечить растущие каботажные перевозки массовых грузов, и прежде всего нефти и угля, определили необходимость принятия в 1971—1975 гг. мер, направленных на усиление материально-технической базы морского транспорта, увеличение тоннажа флота и повышение пропускной способности важнейших морских портов.

Согласно данным «Регистра Ллойда», с 1971 по 1975 г. Китай увеличил свой морской флот примерно в 3,25 раза. По состоянию на июль 1975 г. его тоннаж составил 2828 тыс. т. Особенно быстро росла грузоподъемность танкерного флота. За пятилетие она возросла в 5,3 раза, достигнув в середине 1975 г. 621,5 тыс. т.

Наращивание флота шло по линии строительства судов на собственных верфях, и главным образом за счет импорта. В 1971—1974 гг. около 75% прироста тоннажа приходилось на суда, закупленные за рубежом. При этом большая часть закупок падала на суда, бывшие в эксплуатации. 1975 г. также не был в этом отношении исключением. По данным зарубежной печати, только с июня по октябрь Китай закупил по низким ценам 9 бывших в эксплуатации танкеров, суммарный тоннаж которых составляет 510 тыс. т дедвейта.

Качественные изменения в составе флота выразились в увеличении размеров судов. Так, в 1973 г. доля судов тоннажем 10 тыс. т и более поднялась до 23% против 12% в 1970 г. В Китае более 1/4 тоннажа флота составляют суда, построенные 20 и более лет назад.

Рост грузоподъемности флота и качественные изменения в его составе потребовали соответствующего увеличения пропускной способности портов. С этой целью в 1972 г. Китай приступил к реализации обширной программы по расширению и модернизации портов, включающей строительство новых глубоководных причалов и реконструкцию имевшихся объектов, оснащение портов подъемно-транспортным оборудованием, усовершенствование наземных подъездных путей, строительство складов и хранилищ. Строительство велось главным образом в следующих портах: Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Шанхай, Хуанпу и Чжаньцзян. За последние три года (1973—1975), по сообщению «Жэньминь жибао» от 21. XII. 1975 г., в морских портах было построено 40 глубоководных причалов для судов грузоподъемностью 10 тыс. т и более; они с комплектующими сооружениями позволят повысить пропускную способность главных портов на 50% по сравнению с 1972 г.

К наиболее крупным объектам, сданным в эксплуатацию, относятся нефтяные причалы в портах Далянь, Циньхуандао, Чжаньцзян. В портах Циндао и Ляньюньган созданы механизированные угольные причалы. В Шанхае с 1973 г., пишет «Жэньминь жибао» от 24. XII. 1975 г., по берегам р. Хуанпу построено и реконструировано 16 глубоководных

причалов для судов тоннажем 10 тыс. т и более, смонтированы две системы для механизированной погрузки и разгрузки угля и зерна. В уезде Цзиньшань под Шанхаем в заливе Ханчжоу сооружены морские причалы для 25 000-тонных танкеров, предназначенных для обслуживания Шанхайского нефтехимического комбината. Завершение строительства вышеуказанных объектов позволит увеличить пропускную способность Шанхайского порта более чем на 40% и довести степень механизации работ до 80%. Новый портовый участок создавался в Хуанпу. Особо следует отметить расширение порта Синьган в Тяньцзине. Третья очередь работ по строительству порта началась в апреле 1973 г. На отменях, расположенных к востоку от старого портового района, возведены 10 глубоководных причалов для судов водоизмещением 10—30 тыс. т; среди новых сооружений причалы для контейнерных перевозок, для перегрузки черных металлов. Завершение работ третьей очереди позволит вдвое увеличить пропускную способность порта Синьган.

Морской флот Китая еще недостаточен для удовлетворения нужд страны, и в особенности для обеспечения перевозок внешнеторговых грузов. К 1975 г. только $\frac{1}{3}$ тоннажа грузов в сфере внешней торговли перевозилась на его собственных судах. Из-за ограниченных возможностей собственного флота Китай фрахтовал иностранные суда.

В прошедшем пятилетии Китай прилагал большие усилия в активизации морских связей с развитыми капиталистическими государствами, и в особенности со странами «Общего рынка», стремился урегулировать с ними свои отношения в области морского судоходства. Несмотря на то что к началу 70-х гг. дискриминационная политика развитых капиталистических государств по отношению к Китаю в вопросах мореплавания заметно ослабла, тем не менее вплоть до 1972 г. он не имел ни с одной из них договоров о морском судоходстве, хотя он всячески старался добиться таких соглашений. В 1972 г. первое соглашение было заключено с Италией. Согласно этому соглашению, обе страны представляют судам преференциальный режим в перевозках товаров между двумя странами. Впоследствии в 1973—1974 гг. аналогичные соглашения были подписаны с Грецией, Данией, Норвегией и Японией, а в 1975 г. — с Швецией, Бельгией, Францией и ФРГ. В ноябре 1972 г. США отменили запрет на посещение КНР американскими судами. Китайским судам также разрешено заходить в порты США. В обоих случаях для посещения портов необходимы разрешения властей указанных государств.

В 1975 г. автомобильным транспортом было перевезено около 340 млн. т грузов, грузооборот составил 26 млрд. т/км, или примерно в 1,4 раза больше, чем в 1970 г. Рост перевозок грузов автомобилями был достигнут как за счет увеличения парка машин, так и за счет улучшения использования подвижного состава. Увеличению перевозок способствовало также расширение сети дорог и повышение качественного состояния имевшихся шоссейных дорог.

Китайское руководство, осуществляя программу подготовки к войне, развернуло в начале 70-х гг. новое массовое движение по строительству автодорог. Усиленное дорожное строительство велось главным образом в Северо-Западном, Юго-Западном и Южном районах страны. Строительство новых дорог преследовало цель не только улучшить внутренние коммуникации в этих районах, но прежде всего создать условия для разработки богатых ресурсов, имеющих стратегическое значение, усилить политический контроль в этих районах, обеспечить доступ к границам соседних государств. Этой же цели было подчинено строительство дорог и в пограничных районах с СССР.

За пятилетие было построено около 100 тыс. км дорог. К концу 1975 г. общая протяженность всех типов дорог в стране достигла примерно 750 тыс. км.

В 1975 г. парк грузовых автомобилей насчитывал около 960 тыс. машин, или увеличился в 1,5 раза по сравнению с 1970 г. Значительная часть этого парка приходилась на устаревшие машины, много раз находившиеся в ремонте. Автомобильный парк пополнялся в основном за счет собственного производства. Приблизительно 80% новых автомобилей китайского производства, а 20% — импортные. Поскольку производство автомобилей не покрывало спроса на грузовые машины, КНР ежегодно импортировала 10—15 тыс. грузовиков. Помимо обычных грузовых машин, ввозилось много автомобилей с повышенной грузоподъемностью и проходимостью, специализированных автомобилей. Приобретались также машины, бывшие в эксплуатации.

До 70-х гг. Китай не прилагал особых усилий в деле развития воздушного транспорта. Но развитие в последние годы дипломатических, политических и внешнеэкономических отношений увеличило потребность в воздушных перевозках между КНР и другими странами. Поэтому начиная с 1971 г. Китай резко активизировал деятельность в развитии воздушного транспорта. Выражением этой активности является то, что он в течение 1971—1973 гг. закупил в СССР, Англии и США большое количество (50) современных реактивных пассажирских самолетов среднего и дальнего радиуса действия, установил в период 1972—1975 гг. более чем с 20 странами договорные отношения о воздушном сообщении, изучил постановку дела в области гражданской авиации и производства авиационной техники за рубежом и, наконец, провел работы по технической подготовке к открытию новых международных линий.

До 1973 г. регулярные полеты самолетов гражданской авиации Китая по международным линиям были ограничены 4 маршрутами, связывавшими Китай с СССР, КНДР, ДРВ и Бирмой. Китай использовал самолеты 4 иностранных авиатранспортных компаний для осуществления большей части своих международных перевозок: Аэрофлот, «Пакистан интернэшнл эйрлайнс», «Эр Франс» и авиатранспортная компания КНДР. В 1973—1975 гг. Китай открыл еще 4 международных авиалинии, на которых самолеты ГУГАК совершали регулярные рейсы в Японию, Албанию, Францию. В это же время авиатранспортные компании ряда стран (Эфиопии, Японии, Ирана, Румынии, Швейцарии и Лаоса) получили право посылать свои самолеты в Китай. В 1972 г. США отменили запрет на полеты американских самолетов в КНР.

Значительно увеличились и перевозки на внутренних маршрутах, общее число маршрутов возросло с 81 в 1973 г. до 115 в конце 1975 г.

Для обеспечения внутренних и международных перевозок были выполнены крупные работы по строительству и расширению аэродромов, аэропортов, модернизации их оборудования, особенно в аэропортах для иностранных самолетов, в том числе в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Урумчи. Сейчас в стране работает 7 международных аэропортов.

В истекшем пятилетии получил развитие трубопроводный транспорт. В 1973 г. было завершено строительство нефтепровода между Дацином и портом Циньхуандао протяженностью 1152 км. Параллельная нитка была проложена в 1974 г. до Телина в провинции Ляонин. Отрезок от Циньхуандао до Пекина длиной 355 км вступил в строй в июне 1975 г. Таким образом образовалась артерия общей протяженностью 1507 км, которая соединяет Северный и Северо-Восточный Китай. Трубопроводы

имеют диаметр 610 мм. Чтобы обеспечить нормальное движение нефти по нефтепроводам, построены подогревательные и насосно-подогревательные станции. По нефтепроводам можно перекачивать до 12 млн. т нефти в год.

Анализ мероприятий, осуществленных в 1971—1975 гг. в области развития транспорта, показывает, что характер проводимой в последние годы транспортной политики пекинского руководства является материальным проявлением его политических и экспансионистских замыслов. Это выражается в направлении основных капиталовложений на создание коммуникаций в пограничных зонах и в районах разработки стратегического сырья, на усиление контроля над внутренними территориями. Развитие морского транспорта в определенной степени преследовало цели распространения своего влияния в странах «третьего мира». Политические и престижные соображения были заложены и в мероприятиях по расширению воздушного транспорта. Одновременно с этим удовлетворение реальных потребностей, связанных с транспортной отсталостью территорий, относительно хорошо освоенных, отодвигается на задний план или же предпринимаются попытки возложить тяготы за это на сами транспортные отрасли и «местное хозяйство», то есть непосредственно на трудящихся.

Материальное положение трудящихся. В 1971—1975 гг. вследствие низкого душевого производства продуктов сельского хозяйства КНР продолжала испытывать острый недостаток основных жизненных средств для населения. При минимальной потребности страны в зерне 480 кг на человека в год фактический его сбор составлял 270—290 кг, то есть всего 55—60% минимальных потребностей. Степень удовлетворения минимальных потребностей в тканях не превышала 30—35%. Еще хуже снабжалось население продуктами животноводства и растительными жирами.

Для обеспечения своих стратегических целей по наращиванию промышленного и военного потенциала китайское руководство продолжало усиливать контроль за экономным распределением и использованием жизненных благ, сдерживать повышение доходов трудящихся. В области оплаты труда оно проводило политику «рационально низкой» заработной платы, выдвинутую официально еще в конце 50-х гг. Средняя денежная заработная плата рабочих и служащих крупной промышленности составляла 650 юаней в год (50—60 юаней в месяц), всего на 2% выше среднего уровня заработной платы в 1957 г. (637 юаней). Заработная плата рабочих в кустарной промышленности, численность которых сейчас превышает численность рабочих крупных предприятий, равняется 360—380 юаням в год (30—40 юаням в месяц). В 1971—1972 гг. в результате частичного регулирования была несколько (на 2—8 юаней) повышена заработная плата отдельным категориям низкооплачиваемых рабочих и служащих.

На протяжении всей пятилетки маоистское руководство упорно противилось восстановлению сдельной формы заработной платы, ликвидированной во время «культурной революции», использованию материального стимулирования. В 1975 г. пекинская пропаганда развернула кампанию за «ограничение буржуазного права», направленную на снижение ставок и окладов рабочих и служащих.

Цены на зерновые, батат, растительное масло оставались стабильными; цены на овощи носили сезонный характер. В 1973—1974 гг. были повышены цены на мясо, птицу, морепродукты, фрукты, ткани, одежду, обувь и т. п. В 1974 г. по сравнению с 1957 г. цены на продукты животноводства повысились на 10—20, на арахисовое масло — на 66%.

За последние 6 лет только в августе 1969 г. объявлялось о снижении на 37% цен на медикаменты.

Доходы крестьян в значительной степени зависят от уровня производства в том или ином хозяйстве. В экономически крепких бригадах общий доход достигает 15—18 юаней в месяц (180—220 юаней в год). Плата за трудодень в наиболее богатых хозяйствах может достигать 0,9—1 юаня, а в отстающих — 20—30 фэней*.

В условиях хронического дефицита в 1971—1975 гг., как и прежде, жестко нормировались все основные потребительские продукты: зерно, батат и картофель, мясо, растительное масло, ткани; по специальным талонам отпускались многие промышленные изделия (велосипеды, часы, швейные машины и т. д.).

Напряженной сохранялась в этот период продовольственная обстановка в стране. Городское население обеспечивается продовольствием из государственного фонда, который формируется за счет сельскохозяйственного налога и государственных закупок. После крушения «большого скачка» в нем все более существенное место стало занимать импортное зерно. В первые 4 года пятилетки ввоз зерновых составил в 1971 г. — 4,8, 1972 г. — 7,9, 1973 г. — 9,4, 1974 г. — 7,8 млн. т.

Крупных изменений в нормах снабжения городского населения за 1971—1975 гг. не было. В зависимости от состояния урожая напряженность в продовольственной обстановке ослаблялась или усиливалась. Например, после сокращения урожая в 1972 г. отмечалось снижение норм, в городах уменьшились нормы обеспечения зерновыми служащих с 14 до 11 кг в месяц**. В 1974 г. нормы обеспечения продовольствием населения в некоторых городах составляли для рабочих, занятых очень тяжелым трудом, до 30 кг, тяжелым трудом — 17,0, легким трудом — 14,0, для взрослых неработающих членов семьи — 11,0, для детей до 16 лет — до 4,5—9,0 кг в месяц.

Нормы потребления зерна крестьянами устанавливаются для каждого хозяйства отдельно, в зависимости от уровня производства зерна и возраста населения. Вследствие этого они подвержены большим колебаниям. Миллионы крестьян в хозяйствах, не производящих минимума продовольствия или пострадавших от стихийных бедствий, получают от государства небольшую помощь.

Питание китайского народа неудовлетворительно не только по количеству, но и по качеству. При среднесуточной потребности 2750—2850 ккал на человека (в экономически развитых странах среднесуточное потребление составляет 3100—3200 ккал) в КНР сейчас приходится 2100—2150 ккал на человека, из которых всего 2—3% ккал потребляется с продуктами животного происхождения. Нормы выдачи растительного масла составляют 125—250 г, мяса — до 0,5 кг на человека в месяц.

При минимальной потребности 15—20 м хлопчатобумажных тканей на человека в год личное потребление населения в КНР составляет в настоящее время 4,5—8 м. По оценкам ООН, в 1970 г. в КНР на душу населения потреблялось продукции текстильной промышленности в 10,6 раза меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Англии, в 7 раз меньше, чем в Японии¹⁹.

В КНР слабо развиты общественные фонды. Так, бесплатное медицинское обслуживание существует только для рабочих и служащих го-

* Фэнь — одна десятая часть юаня.

** В КНР в зерновые включается также батат и картофель в пересчете 4 кг батата — 1 кг зерна.

¹⁹ Agricultural commodity projections, 1970—1980, FAO. Rome, 1974, p. 55—56.

сударственной промышленности, служащих государственного аппарата, государственных учреждений и организаций, научных и медицинских работников, учителей, старых революционеров, студентов. Члены семей рабочих государственных предприятий оплачивают половину стоимости лечения, другую половину — предприятие, все остальные трудящиеся и члены их семей оплачивают услуги здравоохранения полностью. Стоимость медицинских услуг является тяжелым бременем для очень скромных бюджетов рядовых трудящихся. За операцию средней сложности надо платить 10—15, за тяжелую — 30, за операцию по поводу аппендицита или грыжи — 8, за лечение ребенка от пневмонии (8 дней в стационаре) — 16, за удаление миндалин — 15 юаней и т. д.²⁰ На селе после «культурной революции» — здравоохранение организуется на кооперативных началах. Плата за членство составляет 1—3 юаня с человека в год.

Платным является также обучение в школах Китая (5 юаней за учебу в младших и 10 юаней в старших классах в год).

Хроническое недопотребление насущных жизненных средств оказывает многостороннее отрицательное воздействие на жизнь китайского общества; подрывает здоровье нации, способствует широкому распространению заболеваний, снижает производительность труда, служит питательной почвой для широкого недовольства народных масс и усиления напряженности в обществе. Большой вред улучшению материальных условий жизни народа нанесло проведение в жизнь экономического и политического курса группы Мао Цзэ-дуна. Дезорганизация производства в период «большого скачка» и «культурной революции», свертывание экономических отношений с СССР и другими социалистическими странами, непрекращающаяся внутривосточная борьба, изнуряющая экономику гонка вооружений — все это задержало экономическое развитие страны, мешало использованию больших возможностей, заложенных в новых производственных отношениях. Коренные интересы китайского общества состоят в незамедлительном подъеме народного благосостояния. Выполнение этой задачи требует целесообразного планового использования всех природных, материальных, людских и духовных ресурсов нации. Потерпев сокрушительное поражение в ходе «большого скачка» с реализацией лозунга «три года упорного труда — десять тысяч лет счастливой жизни», маоистское руководство, по существу, отказалось от политики улучшения жизни народа и встало на путь нагнетания международной напряженности, провоцирования новой мировой войны и милитаризации своей экономики. Затрачивая огромные средства на подготовку к войне, оно тем самым еще больше усугубляет тяжелое положение трудящихся и на неопределенные сроки отодвигает решение неотложных проблем, связанных с улучшением условий материальной жизни трудящихся. В этом проявляется глубокая антинародная сущность внутренней и внешней политики пекинского руководства.

Культура. К началу 70-х гг. китайская культура, разгромленная в ходе «культурной революции», продолжала пребывать в состоянии глубокого упадка. Новые произведения не создавались, творческие коллективы и органы руководства культурой бездействовали, большая часть творческой интеллигенции находилась на «перевоспитании». Активно насаждалась «эстетическая теория Мао Цзэ-дуна» с ее сугубо утилитарным подходом к культуре, нигилизмом в отношении национального художественного наследия и прогрессивной зарубежной, особен-

²⁰ Some basic facts about China. Peking, 1974, p. 21.

но советской, культуры. Международные культурные связи практически отсутствовали.

В целях более эффективной идеологической обработки населения и заполнения образовавшегося культурного вакуума, пекинское руководство с 1971 г. взяло курс на возобновление — под строгим идеологическим контролем — творческой деятельности («создавать еще больше еще более хороших произведений»). Возобновилась публикация новых или законченных в канун «культурной революции» произведений. Стали выходить провинциальные литературно-художественные журналы. Начали функционировать государственные комитеты по делам культуры, науке и просвещению, а также их органы на местах. С 1975 г. возобновили работу министерство культуры и министерство образования. Сообщается также о развертывании деятельности учебных заведений, готовящих кадры работников культуры.

Одновременно была провозглашена так называемая «правильная политика председателя Мао в отношении интеллигенции», основу которой составляют призывы об ее «использовании и перевоспитании», а также постепенное «освобождение» (реабилитация) интеллигентов, репрессированных в ходе «культурной революции». Прежние методы «перевоспитания» — «школы 7 мая», посылка в деревню, критика на собраниях — сохранялись, но в смягченном виде (т. е. сокращались сроки «перевоспитания», улучшались бытовые условия для «перевоспитуемых» и т. д.). Постепенно увеличивалось число профессионалов, занятых в художественном творчестве, хотя по-прежнему основной упор делался на самодеятельное творчество и неправомерное противопоставление его профессиональному. Возобновились, хотя и в очень ограниченном объеме, культурные контакты с некоторыми социалистическими и капиталистическими странами.

В искусстве начало 70-х гг. также отмечено некоторым оживлением творческой деятельности. Начался процесс «реабилитации» осужденных деятелей искусства. На киноэкраны выходили фильмы, зафиксировавшие «образцовые революционные спектакли», а затем и игровые ленты. Несколько расширился театральный репертуар; в изобразительном искусстве возобновились издание печатной художественной продукции и организация выставок, вновь появилось, хотя и в ограниченных масштабах, индивидуальное авторское творчество. На страницах периодических изданий стали поднимать вопрос о художественном уровне новых произведений.

Новая тенденция продержалась недолго. Уже осенью 1973 г. появились призывы к борьбе против «возвратной волны черной ревизионистской линии», к нанесению удара по «классовым врагам» в сфере культуры. В кампании по «укреплению диктатуры пролетариата» творческая интеллигенция была одной из главных мишеней, поскольку она особенно подвержена буржуазным и ревизионистским веяниям и является «питательной средой появления новой буржуазии». В последний период характер обвинений и тон критики напоминает о времени подготовки «культурной революции», однако конкретных имен не называют. С другой стороны, интеллигенцию все больше привлекают к участию в этих кампаниях, пытаясь подключить ее к пропаганде маоистских установок. Это особенно проявляется в ходе критики романа «Речные заводы». Используется знание интеллигенцией древних текстов, их классической интерпретации. Однако понимать старое по-новому, то есть в маоистском духе, интеллигенцию старшего поколения учат «революционные массы» и молодая маоистская интеллигенция, и высказывания деятелей культуры в этом плане нередко сводятся к примитиву.

Маоисты не решились или не сумели привлечь к активному творчеству почти никого из видных мастеров культуры, не восстановили творческие союзы. Вновь сократились культурные контакты, усилились нигилистические тенденции в подходе к художественному наследию. Это проявилось и в нападках на европейскую классическую музыку, и в фактической дискредитации знаменитого средневекового романа «Речные заводи». Китайская печать не скрывает, что нынешний курс в области культуры не пользуется поддержкой со стороны значительной части интеллигенции, под разными предлогами уклоняющейся от участия в его осуществлении. Попытка же опереться исключительно на силы непрофессионалов не приводит к желаемым результатам из-за недостаточной подготовленности последних.

Возобновление литературного творчества, несмотря на всю шумиху, дало более чем скромные количественные и качественные результаты. На всю страну в год выходит по 150—200 книг, главным образом сборников рассказов и стихов, тематика которых сводится к воспеванию «социалистической нови» (результатов «культурной революции») и описанию борьбы с «классовыми врагами» (противниками маоизма). Немалое место занимает также антисоветизм, наиболее полно и неприкрыто проявившийся в романе Го Сянь-хуна «В походе», в фильме «Вторая весна» и спектакле «Большой мост над великой рекой». Положительно оценивая большинство книг с точки зрения соответствия требованиям маоистской идеологии, китайская критика то и дело вынуждена отмечать их художественную невыразительность, трафаретность, надуманность ситуаций, бесконфликтность. В последнее время почти перестали появляться произведения профессиональных писателей (тех немногих, которым удалось вернуться к творчеству после «культурной революции») — издаются в основном сборники «рабочих, крестьян, солдат и представителей грамотной молодежи».

Основным орудием маоизма в сфере искусства по-прежнему является театр. Суть театральной политики в первой половине 70-х гг. остается неизменной: «театр должен служить пропаганде идей Мао Цзэ-дуна» и политических установок маоистского руководства. В 1974 г. была подчеркнута первостепенная необходимость «прославлять через театр культурную революцию» и ее «плоды». Все, что, по мнению маоистов, нарушало выработанные «образцовыми спектаклями» нормативы, немедленно подвергалось осуждению на страницах прессы.

В частности, в 1974 г. спектакль «Три посещения Таофэна» громили за то, что его авторы не пропагандировали рекомендованный Мао Цзэ-дуном «опыт Дачжая» в сельском хозяйстве, якобы противопоставляя ему «линию Лю Шао-ци». Другой спектакль, «Песнь о садовнике», был зачислен в «ядовитые сорняки», потому что в нем усмотрели умышленное уклонение от пропаганды «линии Мао Цзэ-дуна в области образования».

Частичные «ослабления» 1972—1973 гг., реабилитация значительной группы работников театра, возобновление деятельности театральных коллективов и художественных ансамблей (в частности, театра разговорной драмы, хранившего полное молчание в 1966—1973 гг.), постоянные призывы руководства к активизации творчества несколько оживили театральную жизнь Китая. В репертуаре последние годы лидируют темы современности, трактуемые под углом зрения пропаганды маоизма.

Однако в целом театр остается в тисках общего для всего искусства требования — не отображать действительность, ее проблемы, конфликты, а подгонять их под требования официальной пропаганды. В 1974 г.

маоисты были вынуждены признать наличие в театральных кругах оппозиционной тенденции, представители которой, разрозненные и распыленные, выступают с критикой диктатуры «образцовых спектаклей», узкого утилитаризма в подходе к театру.

Все это вынуждает маоистов делать ставку на самодеятельность, в последние годы все чаще подменяющую профессиональное творчество.

Это ярко проявляется и в изобразительном искусстве. Если в 1971 — начале 1973 г. в китайской печати сравнительно часто появлялись имена известных до «культурной революции» художников (Ли Кэ-жань, Гуань Шань-юэ, У Цзо-жэнь, Хуан Чжоу, Цзян Чжао-хэ, Гу Юань и др.), часть которых выступила с новыми произведениями, то с начала кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1973) они почти не упоминаются. Профессионалам отводится роль главным образом помощников, которые должны обеспечить повышение технического уровня произведений непрофессионалов.

Широкое привлечение самодеятельных художников вовсе не означает, что маоистское руководство стремится приблизить трудящиеся массы к искусству. Здесь проявляется утилитарный подход маоистов к культуре вообще. Непрофессионалов привлекают прежде всего потому, что они легче соглашаются быть иллюстраторами «идей Мао Цзэ-дуна». Соответствие произведений непрофессионалов «идеям» Мао обеспечивается всей системой организации самодеятельного творчества. Группы и студии художников-непрофессионалов работают под строгим контролем маоистов, которые определяют темы и сюжеты произведений, просматривают готовые картины и требуют переделать их, если они в чем-то выходят за рамки маоистских концепций.

Прекратив в 1966 г. кинопроизводство, маоисты начали долгий путь его перестройки и приспособления к своим политико-идеологическим требованиям. В конце 1970 г. на экраны вышли первые фильмы-спектакли, зафиксировавшие «образцовые революционные спектакли». Этот этап означал перенос в кинематографию выработанных в театре маоистских нормативов, поиск кинематографических эквивалентов театральным «творческим принципам», означал «учебу» кинематографистов на «образцовых спектаклях». К 1973 г. были экранизированы все «образцовые спектакли» и, как стало известно позднее, началась работа над художественными фильмами. Маоистам не сразу удалось направить ее в желанное русло. Съемки тянулись долго, с большими перерывами для «перевоспитания» съемочных коллективов. Художественный фильм «Солнечные дни весны», например, пришлось снимать дважды — первый вариант был целиком забракован из-за несоответствия «творческим принципам» маоистского искусства. Во второй половине 1973 г. (в канун и после X съезда КПК) появилась целая серия статей, написанных в крайне резких, жестких интонациях, — это было «последнее предупреждение» кинематографистам. В феврале 1974 г., наконец, первые новые художественные фильмы («Пик зеленой сосны», «Солнечные дни весны», «Огненные годы», «Как боролись с наводнением») появились на экранах КНР, знаменуя возобновление художественного кинопроизводства на новом, маоистском этапе. Но внутреннее противоборство продолжается. Так, уже на фильм «Как боролись с наводнением» в газетах не появилось ни одного отклика, что явно указывает на недовольство. Вышедший к 1 июля 1974 г. художественный фильм «Разведчик» вызвал яростную отповедь за «чрезмерную» художественность. В фильме «Битва на реке Безымянной» (май 1975 г.) одобрили «политическое содержание», но резко осудили «грубоватую» художественную форму, отход от «творческих принци-

пов» «образцовых спектаклей», что в маоистском искусстве является наибольшим криминалом. Кинематографисты все еще пытаются бороться за искусство, а маоисты продолжают направлять кино по пути слепого копирования «образцовых спектаклей».

Система образования, существовавшая в Китае до 1966 г., в ходе «культурной революции» была полностью разрушена, и началась ее «реформа». В 1968 г. были возобновлены занятия в начальных и средних школах, в 1970 г. — в некоторых вузах, однако до 1971 г. занятия в вузах проходили на уровне малочисленных экспериментальных групп. Левацкие установки «культурной революции» вскоре оказывались несовместимыми с требованиями процесса обучения, порождали хаос и неразбериху, обостряли разногласия различных социальных группировок. С середины 1971 г. наметилась тенденция отхода от наиболее левацких установок «реформы».

Было обращено внимание на укрепление материальной базы уже действующих учебных заведений. И в школах, и в вузах предпринимались попытки установить более рациональное соотношение между изучением общеобразовательных дисциплин и производственной и политической учебой. Предпринимались шаги к восстановлению подорванного престижа педагогов. В 1973 г. эта более реалистическая тенденция опять сменилась демагогией, подтверждавшей левацкие, узкопрагматические требования к образованию. Отсутствие твердой материальной базы не позволило добиться намеченного резкого роста числа школ и учащихся. В связи с очень высоким процентом отсева реальные цифры оказываются гораздо ниже официальных китайских данных (к осени 1975 г. численность учащихся по сравнению с наивысшим уровнем до 1949 г. увеличилась в начальных школах в 7 раз, в средних в 24 раза и составила, таким образом, по приблизительным подсчетам, более 190 млн. человек). Некоторое увеличение количества школ, особенно начальных, достигнуто в основном за счет создания нерегулярных пунктов обучения.

Созданная в соответствии с маоистскими установками вузовская система снизила уровень подготовки до уровня среднего профессионального образования. Лишь на некоторых отделениях вузов в последние годы наметилась тенденция к воссозданию подготовки, более соответствующей уровню вуза (по физике, электронике, самолетостроению, геологии и др.).

Деятельность гуманитарных факультетов сводится к подготовке отрядов пропагандистов маоизма. В 1974 г. в КНР действовало около 300 вузов, где обучалось, по оценкам западной прессы, около 450 тыс. человек (в 1960—1961 гг. общее число студентов составляло 900 тыс. человек.) За первые два выпуска в 1973 и 1974 гг. было выпущено 80 тыс. человек (в 1963 г. — 200 тыс. человек). В настоящее время существует трехлетний срок обучения.

Все мероприятия маоистов в области образования, как и в других областях культуры, направлены на то, чтобы мобилизовать духовные и физические силы молодежи на безропотное служение политике нынешнего руководства, на отрыв молодежи от классической и современной прогрессивной культуры. Тем самым культурная политика маоистов противоречит коренным долгосрочным интересам китайской нации.

Мировой социализм и национально-освободительное движение

*Г. Ф. Ким,
доктор исторических наук, профессор*

После второй мировой войны в мире произошло событие огромной исторической важности — социализм вышел за рамки одной страны, образовалось содружество социалистических стран. Диктатура международного рабочего класса, став из силы национальной силой интернациональной, обрела невиданную мощь. Это обстоятельство решающим образом повлияло и на размах и на характер национально-освободительного движения.

Активная поддержка социалистических стран национально-освободительному движению привела к созданию исключительно благоприятных условий для всеобщего наступления на колониализм. Национально-освободительное движение перестало быть локальным, оно стало подлинно интернациональным явлением, причем его интернациональное значение продолжает нарастать. Оно перешагнуло не только национальные границы и границы одной колониальной империи, но и приняло всеобщий характер. Произошел не только крах режимов чужеземного господства в отдельных странах, но и развал некогда могущественных колониальных империй. Говоря о начавшемся процессе крушения колониальной системы, необходимо прежде всего отметить важное значение победы народно-демократических революций в ряде стран Востока (во Вьетнаме, Корее и Китае). Они, будучи продолжением процесса образования мировой социалистической системы, оказали глубокое воздействие на развитие национально-освободительного движения в странах Востока. Впервые в истории колониальных стран Востока была на деле доказана полная возможность не только ликвидации режима колониального угнетения, но и завоевания народом государственной власти, создающей условия для успешного решения им сложных вопросов экономического, политического и социального развития.

Разгром японского империализма оказал большое влияние на процесс деколонизации в Юго-Восточной Азии. Национально-освободительные революции, охватившие страны Юго-Восточной Азии после второй мировой войны, отличались большим своеобразием. Капитуляция японских оккупационных войск в этих странах привела к созданию обстановки, которая определялась большим размахом национального антиимпериалистического движения, а также стремлением колониальных держав вернуться в свои прежние владения, восстановить колониальные порядки. Все это создало сложную и острую обстановку в странах Юго-Восточной Азии, характеризовавшуюся резким усилением классовой борьбы, подъемом движения за национальную свободу.

Из колониальной системы империализма в результате ожесточенной вооруженной борьбы вырвались Индонезия, Бирма, Малайя. Осо-

бенно важное значение для укрепления сил национального освобождения в Юго-Восточной Азии имела победа самой крупной страны этого района — Индонезии, независимость которой была провозглашена 17 августа 1945 г. Августовская революция в Индонезии, антиимпериалистическая и общенациональная по своему характеру, объединила рабочий класс, крестьянство, мелкую и национальную буржуазию.

Индонезийская революция столкнулась с огромными трудностями, вызванными объединенной англо-голландской интервенцией, начавшейся в сентябре 1945 г. Однако планы колонизаторов были сорваны индонезийским народом, продолжавшим борьбу за освобождение своей страны. Большое значение для борющейся Индонезии имела поддержка ее правого дела социалистическими государствами, а также странами Азии и Африки.

Голландское правительство было вынуждено отказаться от реализации своих колониальных планов. Подписанные в Гааге в ноябре 1949 г. соглашения содержали признание Голландией существования независимой Республики Индонезии.

Однако с ликвидацией японских оккупационных режимов в Юго-Восточной Азии не все страны этого региона сразу достигли независимости. Для Бирмы, Филиппин и Малайи характерны некоторые общие особенности развития национально-освободительных революций в послевоенный период.

Важной особенностью национально-освободительного движения в Бирме, Малайе и на Филиппинах было то, что в эти страны вернулись прежние колонизаторы, которые попытались восстановить старые порядки. Это вызвало решительный отпор широких народных масс, объединенных в антиимпериалистических фронтах, которые опирались на вооруженные силы.

Во всех этих странах при активном участии рабочего класса и его партий развернулась массовая борьба с вернувшимися колонизаторами, в которой отчетливо ощущались не только национальные, но и социальные мотивы.

Колониальные режимы в Бирме, Малайе, на Филиппинах вступили в полосу острого кризиса. В этот период в руководящих органах коммунистических партий этих стран появились и постепенно усиливались тенденции к недооценке революционных возможностей национальной буржуазии и мелкобуржуазных слоев — возможностей, которые были далеко еще не исчерпаны, и к некоторой переоценке собственных политических и организационных возможностей. В руководстве этих партий постепенно усиливалась ставка на вооруженную борьбу без учета всех объективных обстоятельств. В обстановке большого подъема политической активности масс односторонняя ориентация на вооруженную борьбу и игнорирование других форм политической деятельности не могли не нанести большой урон освободительной борьбе. Особенно это относится к тому переломному рубежу — к началу 50-х гг., когда в этих странах были сокрушены колониальные режимы.

Коммунистические партии этих стран отступили в то время от одного из важнейших тактических принципов революционной борьбы, а именно — принципа необходимости сочетания различных ее форм, а также тщательного учета фактора подготовленности масс к вооруженным выступлениям. В. И. Ленин еще на заре зарождения коммунистического движения предлагал коммунистам усвоить два очень важных вывода: «...Первый, что революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности... второй, что революционный

класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою»¹. Сравнивая пролетарскую партию с армией, которая вооружается всеми видами оружия, В. И. Ленин писал: «...Мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если независящие от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы»².

Коммунисты ряда стран Юго-Восточной Азии своевременно не учли новые моменты в обстановке, возникшие в результате крушения колониальной системы и достижения политической независимости.

К 50-м гг. народы Бирмы, Малайи и Филиппин при активном участии пролетариата и его партий сокрушили колониальные режимы и завоевали государственную независимость. К власти, однако, пришла национальная буржуазия, заинтересованная в том, чтобы эти страны следовали по пути капиталистического развития. Государственный суверенитет этих стран был урезан в результате неравноправных договоров, навязанных Англией и Соединенными Штатами Америки.

Изменение обстановки в странах Юго-Восточной Азии, выразившееся в основном в крушении колониальных режимов в этом районе, поставило коммунистические партии перед необходимостью разработки новой политики и новой тактики, соответствующих новым условиям, и прежде всего — перед необходимостью поисков путей выхода из подполья и включения в революционный процесс в качестве активной политической силы. Это было тем более необходимо, если учесть, что национальные правительства в Бирме, Малайе и на Филиппинах, вынужденные считаться со стремлениями народных масс к экономическим и социальным преобразованиям, приняли планы социально-экономического развития.

Между тем коммунистические партии Бирмы, Малайи и Филиппин, продемонстрировавшие большое мужество и героизм в борьбе за национальное освобождение своих народов, за интересы трудящихся, когда лозунг вооруженного выступления против колонизаторов был популярным в массах и потому сыграл важную роль в борьбе за независимость, и после 50-х гг., когда эти страны освободились от колониальных режимов, преимущественно исходили из политики вооруженной борьбы с национальными правительствами, стремясь свергнуть их. Опасность такого курса заключалась в том, что широкие массы с оптимизмом ожидали от «своих» национальных правительств осуществления глубоких социально-экономических преобразований и, стало быть, отнюдь не были готовы к вооруженной борьбе. В этих странах начались гражданские войны, в которых на одной стороне находились армейские части национальных правительств, а на другой — вооруженные силы ушедших в подполье коммунистических партий.

В результате долгого пребывания в подполье и допущенных левосектантских ошибок престиж компартий Бирмы, Малайи и Филиппин в массах упал, а нормальные связи с ними оказались нарушенными. Произошла изоляция этих партий от международного коммунистического движения. Это не могло в свою очередь не ослабить позиций различных связанных с компартиями легальных левых сил.

Волна национально-освободительных революций охватила и колониальные страны Южной Азии, этого главного колониального бастиона Британской империи.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. с. 81.

² Там же.

После второй мировой войны внутрисполитическая обстановка в Индии накалилась до крайности. Социальные противоречия усиливались. Требование о ликвидации колониального режима становилось общенациональным.

Под давлением многомиллионных масс Индии Англия была вынуждена 3 июня 1947 г. принять акт, получивший название «О передаче власти в Индии». По этому акту Индия была разделена на два доминиона: индусское государство — Индийский Союз и мусульманское государство — Пакистан. В дальнейшем политический статус Индии и Пакистана претерпел изменения. По конституции, принятой 26 января 1950 г., Индия была провозглашена суверенной демократической республикой. Пакистан стал исламской республикой по конституции, принятой Учредительным собранием страны 29 февраля 1956 г. Индия и Пакистан сохранили свое членство в Британском содружестве наций.

Победа народов Индии, этой второй по численности населения страны мира, способствовала дальнейшему расширению национально-освободительного движения в Азии.

Завоевание в 1948 г. Цейлоном независимости означало, что Англия потеряла все свои колонии в Азии.

К середине 50-х гг. вся Азия, за исключением отдельных колониальных территорий (Гонконг, Макао и т. д.), освободилась от власти империалистических колонизаторов. Крах колониальной системы в ее главной цитадели — Азии, являясь важнейшей составной частью второго этапа общего кризиса капитализма, стал историческим рубежом в ликвидации колониального гнета на огромных пространствах земного шара.

Большие сдвиги происходили и в странах Ближнего и Среднего Востока.

Разгром гитлеровской Германии и Италии, потеря ими своих колониальных позиций на Ближнем и Среднем Востоке, резкое усиление англо-американского соперничества в этом районе создали там новую обстановку и новое соотношение сил, что в совокупности оказало положительное воздействие на размах и содержание антиимпериалистической борьбы, проходившей под антиколониальными лозунгами. В первые послевоенные годы в этом регионе возник ряд независимых государств (Сирия, Ливан и др.), которые развернули борьбу против английских, американских и французских монополий, за экономическую независимость от империалистических держав.

Принципиальное значение для борьбы народов стран Ближнего и Среднего Востока против колониальных режимов, за национальный суверенитет имела последовательная политика Советского Союза. В отношении Ближнего Востока, где засилье империалистических монополий было особенно тяжелым, советская политика, продиктованная ленинскими идеями национальной независимости и равноправия, с самого начала служила коренным интересам его народов. Достаточно в этой связи напомнить позицию Советского Союза в отношении Сирии и Ливана, палестинской проблемы, которая резко обострилась после второй мировой войны.

Империалистические державы попытались остановить движение национального освобождения в этом районе, используя при этом методы нажима и уступок. Однако оно продолжало нарастать, охватывая все новые страны. Большое значение имели победа июльской революции 1952 г. в Египте, свержение проимпериалистического режима Нури Санда в результате революции 1958 г. в Ираке.

Для Африки с общим населением 240 млн. человек 1945—1950 гг. характеризовались быстрым накоплением сил национального освобож-

дения, хотя этот важный политический процесс происходил на континенте неодинаково, что объяснялось разным уровнем социально-экономического развития африканских колоний. Например, страны Северной Африки — Алжир, Марокко, Тунис находились накануне освобождения от колониальных режимов на более высоком уровне социально-экономического и политического развития и в большей мере, нежели страны Тропической Африки, испытали влияние второй мировой войны. Однако методы антиколониальной борьбы были различными. Если в Алжире происходила затяжная вооруженная борьба, то в других французских колониях — Марокко и Тунисе, а также в Ливии борьба народов, хотя и приняла массовые формы, но не носила насильственного характера. Тем не менее во всех этих случаях стремление к освобождению от режимов колониального угнетения было общенациональным, и в этом состояла его непреодолимая сила.

Медленнее развивались события к югу от Сахары, в Тропической Африке. В этой части континента классовые отношения были развиты слабо. В ряде стран господствовали патриархально-феодалные отношения. Классы буржуазного общества только начинали зарождаться, они не имели еще своих устойчивых партий и организаций с четкими программами. Несмотря на то что в странах Тропической Африки режимы колониального и расового угнетения казались относительно устойчивыми, почти во всех слоях общества усиливалось брожение. Из рядов местной патриотической интеллигенции выделялись революционные группы, готовые возглавить движение против империализма.

Под давлением начавшегося антиколониального движения империалисты были вынуждены провести в африканских колониях некоторые реформы. Так, Англия с целью привлечь на свою сторону верхушку африканского населения ввела в своих колониях новые конституции. Франция объявила свои колонии членами Французского Союза. Бельгия создала в Конго под своим контролем туземные органы управления.

Несмотря на эти уловки, национально-освободительное движение в Тропической Африке нарастало. В Нигерии, Золотом Береге, Танганьике, Ньясаленде, Судане, Кении и других колониях возникли крупные общенациональные организации, что было большим шагом в сплочении национальных сил. Национально-освободительное движение выдвинуло группу выдающихся лидеров — таких, как Патрис Лумумба, Секу Туре, Кваме Нкрума, Джомо Кениата, Г. А. Насер и др., сыгравших позднее важную роль в его организации и руководстве.

Африка — одна из последних цитаделей колониальной системы — вступала в полосу освобождения от колониального гнета и завоевания национальной самостоятельности. 1960 г. вошел в историю как «Год Африки». К началу 60-х гг. большинство стран Черной Африки добились политической независимости. Тем самым за сравнительно короткий период — за 10—15 лет — пала колониальная «Бастилия», создававшаяся капитализмом около 400 лет.

Известное представление о нарастании борьбы народов Азии и Африки дают следующие цифры, характеризующие процесс образования новых государств. За первое пятилетие после окончания второй мировой войны (1946—1950) возникли 13 новых суверенных государств, за второе (1951—1955) — 3, за третье (1956—1960) — 24, за четвертое (1961—1965) — 17. В течение следующего пятилетия (1966—1970) политической независимости добились еще 10 стран. Таким образом, в настоящее время в Азии и Африке насчитывается более 80 национальных государств.

Изменения в странах Азии и Африки оказались такими быстротеч-

ными по времени, широкими по масштабам и радикальными по своей социально-экономической сущности, а их воздействие на соотношение мировых сил столь значительным, что смело можно говорить о знаменательном итоге целой эпохи национальных движений.

Как известно, В. И. Ленин считал, что «...образование *национальных государств*... является... тенденцией (стремлением) всякого национально-го движения»³. Национально-освободительное движение, охватившее Восток в начале XX в., по ленинскому определению, означало начало новой исторической эпохи — появление целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, целью которых было создание национальных независимых государств. В. И. Ленин отчетливо видел хронологические рамки этой эпохи, начало которой положили национальные буржуазно-демократические движения периода «пробуждения Азии», а ее завершением должно было стать освобождение от колониального ига и создание национально независимых государств, то есть ликвидация колониальной системы империализма.

Таким образом, на начало 60-х гг. приходится завершение целой эпохи национально-освободительных революций. Слом системы колониализма и создание национально независимых государств означали начало качественно нового этапа в истории афро-азиатских стран, характеризующегося изменением тех традиционных форм борьбы народных масс против империализма, которые были направлены прежде всего на изгнание колонизаторов с их земель.

В результате крушения колониальной системы империализма более полутора миллиардов людей вырвались из тисков колониального и полуколониального рабства. Колониальная система империализма с ликвидацией ее политической надстройки перестала существовать в прежнем значении этого слова. Решающим фактором, способствовавшим столь сокрушительному поражению колониализма, явилось наличие могучей социалистической системы. Образование мировой социалистической системы создавало несравненно более широкие возможности для объединенного натиска всех прогрессивных сил против колониализма и империализма.

Поэтому сегодня истоки краха колониальной системы империализма необходимо искать в росте интернационального единства международного рабочего движения и его главного детища — социалистической системы — и национально-освободительного движения.

Впервые в истории возникли условия, позволяющие народам колоний опереться в борьбе за независимость и свободу на силы социализма, которые по своему могуществу не уступают силам империализма и оказывают всевозрастающее влияние на весь ход мирового общественного развития. Этот новый и важный фактор современных международных отношений в решающей мере ограничивает возможности империализма, который уже не в силах с помощью традиционных методов «большой дубинки» сохранять колониальные порядки. Небезынтересно в этой связи напомнить признание Д. Эйзенхауэра, бывшего во время корейской войны (1950—1953) президентом США, о том, что США не пошли на применение атомного оружия в Корею потому, что они вынуждены были учитывать «возможность вступления в войну Советского Союза»⁴. И сейчас империалистические силы постоянно вынуждены считаться с фактом существования социалистического содружества, его неизменной позицией поддержки народов.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 259.

⁴ D. Eisenhower. The White House Years. Mandate for Change. 1953—1956. London, 1963, p. 180.

Силы мирового социализма решающим образом содействуют расширению и углублению национально-освободительных революций. В свою очередь эти революции, стремительно сужая границы политического господства колониализма, оказывают огромное воздействие на изменение общего соотношения сил в пользу социализма, в ущерб империализму. В наши дни полностью сбывается историческое предвидение В. И. Ленина о том, что социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей борьбу пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях⁵.

Процесс крушения системы колониализма в Азии и Африке выявил различные пути становления и развития национальных государств, выбор которых решающим образом сказывался на степени глубины и широты социального прогресса и упрочения национального суверенитета. Это, во-первых, образование национальных государств в результате победоносной народно-демократической революции; во-вторых, достижение национальной независимости в результате вооруженной борьбы против колонизаторов, которую возглавили представители радикальных мелкобуржуазных кругов; в-третьих, получение независимости путем того или иного компромисса между колониализмом и местной национальной буржуазией, оказавшейся во главе фронта национальных сил. В последнем случае независимость обычно достигалась относительно мирным путем. Говоря об этой разнохарактерности методов и форм борьбы за достижение национальной независимости, их социальной направленности как следствии различных ступеней социально-экономического развития, различной степени зрелости общественно-политических сил, разнообразных национальных и исторических особенностей освобождающихся стран, опять-таки нельзя абстрагироваться от международных факторов, среди которых главное место занимает интернациональный фактор — поддержка, оказываемая силам антиколониализма со стороны мировой системы социализма и международного рабочего класса.

Наибольших результатов в своей борьбе добились те страны, в которых национально-освободительные силы смогли опираться на прямую поддержку сил мирового социализма. Следовательно, исход национально-освободительной борьбы в отдельных странах и регионах, как показал исторический опыт крушения системы колониализма, во многом предопределялся прочностью союза двух решающих сил антиколониальной борьбы — мирового социализма и отрядов национально-освободительного движения.

Силы социализма, играющие роль пролетарского авангарда во всем революционном процессе, и в частности в национально-освободительном движении, оказали огромное влияние на создание возможностей глубоких социально-экономических преобразований и раскрытие революционных потенций народов. Более того, в ряде стран Азии национально-освободительные революции проходили под руководством рабочего класса, что способствовало быстрому их перерастанию в революцию социалистическую, и эти страны получили возможность войти в дружество социалистических государств.

* * *

Новое соотношение политических сил на мировой арене, сложившееся в результате второй мировой войны и образования мировой социа-

⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 112.

листической системы, явилось главным условием краха всей колониальной системы. Антиимпериалистический фронт, включающий основные отряды революционного движения, крепнет с каждым днем, оказывая нарастающее влияние на ход мировых событий. Это можно отчетливо проследить и на общественном развитии освободившихся стран Азии и Африки.

Современный этап развития стран Азии и Африки характеризуется глубокими качественными сдвигами в расстановке движущих сил национально-освободительных революций, направленных на дальнейшее упрочение национальной независимости и углубление социального прогресса ранее угнетенных народов. «Национальные государства все активнее выступают как самостоятельная сила на мировой арене, причем объективно это в основном сила прогрессивная, революционная и антиимпериалистическая»⁶.

Борьба народов за окончательную ликвидацию последних остатков колониального гнета на земном шаре еще продолжается. Однако на первый план в процессе национально-освободительных революций все более выдвигается новая цепь противоречий — противоречий между недавно освободившимися народами «третьего мира», которые обрели государственную независимость, и силами империализма, перешедшими к новым формам стратегии и тактики — неоколониалистским. Это противоборство является определяющей чертой современного этапа национально-освободительного движения. Данный этап в связи с этим может быть охарактеризован как фаза перехода от преимущественно вооруженной политической борьбы за национальное освобождение к преимущественно невоенным формам борьбы (политической, экономической, организационной, идеологической и т. д.) за экономическое и социально-культурное освобождение.

Конечно, это не значит, что империализм отказался от вооруженных провокаций, попыток насильственного подавления национально-освободительного движения. Вьетнам, Бангладеш, Ближний Восток, Юг Африки — вот неполный перечень очагов вооруженной борьбы народов против империализма и реакции. Но вместе с тем, несмотря на ожесточенность этих битв, они — уже арьергардные сражения, ибо колониализм, как система политического угнетения народов, сокрушен.

Естественно, борьба за экономическое и социальное освобождение развивается как по линии межгосударственной конфронтации (между молодыми независимыми странами и империалистическими державами), так и внутри недавно образовавшихся национальных государств. «В освободившихся странах развивается социальная дифференциация, — подчеркивается в документах Международного совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. — Обостряется конфликт рабочего класса, крестьянства, других демократических сил, в том числе патриотически настроенных слоев мелкой буржуазии, с империализмом и силами внутренней реакции, с теми элементами национальной буржуазии, которые все более склонны идти на сговор с империализмом»⁷. Это создает новые (особого типа) связи между внутренними социально-политическими процессами в афро-азиатских странах и расстановкой сил на международной арене. Для многих из них международный фактор становится важнейшим катализатором внутренних процессов, способным оказывать значительное, иногда — решающее, влияние

⁶ Программа Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1973, с. 50.

⁷ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 311—312.

на ход революционного процесса. Иными словами, реальная способность того или иного отряда национально-освободительных сил гибко сочетать и национальные и интернациональные моменты становится в конечном итоге ключевой проблемой революционного процесса.

Прогрессивный характер происходящих ныне в Азии и Африке радикальных общественно-политических сдвигов, последовавших вслед за победой национально-освободительных революций, зависит, несомненно, от реальной расстановки классовых сил, в первую очередь от позиций пролетарских и леводемократических сил. Разнохарактерность национально-освободительных движений, различия в позициях их руководящих сил и классовой базе, в социально-политической ориентации и достигнутых результатах указывают на крайнюю неравномерность развертывания революционного процесса в афро-азиатском мире. Вместе с тем именно в наши дни особенно рельефно прослеживается прямая зависимость успехов национально-освободительных революций от прочности их союза с мировым социализмом.

«Современная эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе»⁸. Национально-освободительные революции, таким образом, являются частью мирового революционного процесса, составляющего содержание эпохи перехода к социализму и коммунизму. Отсюда — важность их анализа, точного определения всех их аспектов и направлений, реализованных и потенциальных возможностей.

Современные национально-освободительные революции, будучи явлениями новой исторической эпохи — эпохи перехода человечества от капитализма к социализму, способны на гораздо более прогрессивную миссию, чем их предшественницы, ибо в самой их природе заложены важные социальные тенденции и мотивы, создающие предпосылки для последующего перехода общества от эксплуататорской формации к неэксплуататорской⁹.

Новый этап национально-освободительных революций, связанный с усилением роли их социальных аспектов и выбором путей развития, вносит изменения в расстановку социально-классовых сил. Если в рамках антиимпериалистического единства в период общенациональной борьбы за государственный суверенитет совпадали интересы различных классов и социальных слоев (от рабочего класса до национальной буржуазии), то на последующих этапах можно говорить о нарастающем обострении классовых противоречий, ведущем к размежеванию социальных сил, их дальнейшей поляризации.

В этой связи с известной долей условности можно говорить о том, что борьба вокруг социальных аспектов национально-освободительной революции, непосредственно связанных с проблемой перерастания ее в следующий социальный этап, развертывается в основном между национально-буржуазным, либерально-мелкобуржуазным, революционно-демократическим и пролетарским течениями, за которыми стоят соответствующие классы и социальные группы.

⁸ Программа Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1973, с. 5.

⁹ См.: К. Н. Брутеиц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974, с. 42.

В данном случае, когда речь идет о значении союза мирового социализма и национально-освободительного движения, особый интерес представляют государства социалистической ориентации, где в ходе классовой борьбы победили революционно-демократические силы. Революционно-демократические режимы в этих странах, хотя нередко с определенными колебаниями и непоследовательностью, проводят социально-экономические и политические преобразования, открывающие возможности создания необходимых предпосылок для перехода через целый ряд промежуточных ступеней к социалистическим производственным отношениям¹⁰. Разумеется, этот процесс не может совершаться автоматически, без упорной классовой борьбы, временных зигзагов и отступлений.

Для правильного понимания сущности современных национально-демократических революций важна прежде всего классовая характеристика содержания понятия революционной или национальной демократии в классовой борьбе и широких общественных движениях афро-азиатских стран.

В свое время В. И. Ленин, говоря о русской революционной демократии, указывал: «Революционная демократия — собрание разнороднейших (по своему классовому положению и интересам, что совсем не одно и то же!) элементов»¹¹. Эта характеристика в не меньшей степени может быть отнесена к оценке революционной демократии в Азии и Африке, формирующейся в условиях необычайной социально-экономической отсталости многоукладных стран.

Применительно к революционной демократии в афро-азиатских странах можно говорить об абсолютном преобладании в ее рядах различных отрядов мелкой буржуазии.

По своему происхождению, а также современному положению революционная демократия здесь преимущественно мелкобуржуазная. Это не значит, что следует исключать из ее рядов другие слои, составляющие ее массовую социальную базу, — формирующийся пролетариат, полупролетарские слои города и деревни. Но наиболее динамичной силой выступают средние городские слои: интеллигенция, офицерство, мелко-собственнические элементы, служащие и т. д. Руководящим ядром революционной демократии, как правило, становится военная или гражданская интеллигенция¹².

При этом следует подчеркнуть, что на первых порах революционно-демократические лидеры не имеют сколько-нибудь четкой платформы «созидательных» целей революции. Они приходят в революцию лишь с «разрушительными» задачами (слом старых режимов). Об этом свидетельствует, в частности, первоначальная позиция, занятая такими афро-азиатскими лидерами, как Г. А. Насер, Д. Ньерере и другие. Лишь в ходе самой национально-демократической революции под непосредственным воздействием внешних (пример мирового социализма) и внутренних (рост политической активности масс) факторов вырабатываются их идейно-политические и социально-экономические платформы.

Существование Советского Союза и мирового содружества государств социализма есть важнейшее международное условие успешного развития стран Азии и Африки по пути некапиталистической эволюции и перерастания национально-демократических преобразований в социалистические.

¹⁰ См.: Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1974, с. 13—14.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 246.

¹² См.: Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1974, с. 18—32.

Следует подчеркнуть, что дальнейшее углубление и расширение международного сотрудничества народов социалистических и развивающихся государств — одна из коренных закономерностей развертывания революционного процесса современной эпохи. Интернациональное содержание и формы этого сотрудничества непрерывно обогащаются по мере дальнейшего упрочения и консолидации мировой социалистической системы, роста прогрессивных сил и потенций в самом национально-освободительном движении. В сущности, в данной ситуации речь идет о дальнейшем обогащении и углублении социально-классового воздействия государственно организованного рабочего класса социалистических стран на революционные процессы в зоне национально-освободительных революций. Ныне самой практикой решается одна из самых кардинальных задач, выдвинутых В. И. Лениным перед международным коммунистическим и рабочим движением: «...Найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока»¹³.

К такого рода специфическим формам взаимодействия сил социализма и национального освобождения следует отнести не только межгосударственные связи, но также все более интенсивно развивающиеся межпартийные отношения, сотрудничество и координацию в международных организациях, кооперацию, специализацию и разделение труда в экономической и научно-технической сферах, растущий культурный обмен, а также содействие в укреплении обороноспособности молодых государств. Весьма значительную роль в расширении взаимодействия и союза сил социализма и национального освобождения играют непартийные общественные движения афро-азиатской солидарности — профсоюзы, женские, культурные, научные, просветительские организации и общества. Разумеется, масштабы и эффективность взаимодействия сил мирового социализма и национального освобождения отнюдь не равнозначны во всех, без исключения, звеньях и регионах современного афро-азиатского мира. В значительной степени они зависят от расстановки социально-классовых сил в той или иной афро-азиатской стране, от размаха антиимпериалистических, антифеодальных и антикапиталистических преобразований.

Выбирая социалистическую ориентацию, мировое национально-освободительное движение постепенно превращается в составную часть мирового революционного процесса. Страны социализма приходили и приходят ему на помощь в самые трудные минуты, будь то помощь военно-техническая и политическая во время борьбы за независимость, будь то срыв попыток экономического или военно-политического шантажа империализма в период независимого развития. Все развивающиеся страны Азии и Африки хорошо знают, «что дружба с Советским Союзом и другими странами социализма способствует успешной борьбе против империализма, укреплению подлинной независимости освободившихся государств»¹⁴.

В некоторых ситуациях выбор социалистической ориентации происходит эмпирически, путем полустихийного осознания того факта, что лишь такая ориентация создает возможность скорейшей ликвидации колониальной отсталости, тяжелой зависимости от империализма, нищеты и темноты широких масс. Новые общественные отношения рождаются в условиях широкого участия государства в экономической и соци-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 329.

¹⁴ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, с. 36.

ально-политической жизни, которое вызывается необходимостью преодоления экономических последствий колониализма и развития самостоятельного национального хозяйства. Однако при этом следует иметь в виду, что руководящая социальной революцией сила — национальная или революционная демократия — внутренне неоднородна, постоянно переживает процесс борьбы между трудовым и собственническим началом, что политически выражается в стремлениях левого ее крыла продолжить и закрепить курс на социалистическую ориентацию и в попытках правого крыла любой ценой этот курс сорвать и повернуть страну на рельсы капитализма.

В этих условиях важное значение приобретает упоминавшийся выше внешний фактор, то есть преобладающая ориентация на мир социализма или мир капитализма. Это особенно ярко демонстрируют связи СЭВ с афро-азиатскими странами социалистической ориентации. На долю государств социалистической ориентации приходится 30% товарооборота СЭВ с развивающимися странами и 35% кредитов СЭВ, предоставленных афро-азиатским государствам. В счет этих кредитов построено или строится 1500 народнохозяйственных объектов, то есть половина всех объектов, сооружаемых странами СЭВ в Азии и Африке¹⁵. Экономическое содействие СЭВ направлено на создание в странах, в которых развернулась национально-демократическая революция, многоотраслевой жизнеспособной экономики с государственным сектором в качестве ее основы. Преодоление научно-технической отсталости в сравнительно короткие сроки является важнейшей стратегической задачей взаимовыгодного сотрудничества мирового социализма с силами национального освобождения.

Сотрудничество социалистических государств с развивающимися странами ведет к становлению принципиально нового явления — равноправного и взаимовыгодного разделения труда стран с различным социальным устройством и неодинаковым развитием производительных сил. Это сотрудничество противостоит системе неоколониалистской эксплуатации в области международных экономических отношений. Разрядка международной напряженности, усиление тенденции к перестройке межгосударственных отношений на основе принципов мирного сосуществования, развитие сотрудничества государств с различным общественным строем отвечают коренным интересам как социалистических, так и развивающихся стран. В этих условиях империализму труднее осуществлять свою стратегию прямого вмешательства в дела освободившихся стран, чем это было в разгар «холодной войны». В то же время смягчение международной напряженности, в особенности прогресс на пути создания стабильной системы мира и безопасности в Азии и Африке, способствует укреплению суверенитета молодых государств, претворению в жизнь задач их национального и социального развития.

Одним из наглядных проявлений успехов развивающихся стран на экономическом фронте явилось углубление процесса перестройки всей деятельности иностранного капитала, его вынужденный переход от грубых, откровенно грабительских форм деятельности колониального типа к новым, более утонченным методам. В концентрированном виде это наглядно проявилось в напряженной борьбе по проблемам сырья, обострившейся за последние два-три года как вследствие глубоких внутренних противоречий, раздирающих мировое капиталистическое хозяйство, продолжающейся эксплуатации империалистическими монополиями

¹⁵ Актуальные проблемы некапиталистического пути развития (материалы к симпозиуму). М., 1974, с. 174—175.

народов «третьего мира», так и возросшего стремления последних к равноправным экономическим отношениям.

В начале 70-х гг. политическая консолидация молодых государств, определенное усиление их экономического потенциала, возрастающая помощь стран социалистического содружества в перестройке народного хозяйства и объективные сдвиги в ходе научно-технической революции обострили отмеченные выше противоречия и привели к возникновению новых тенденций.

Борьба развивающихся стран за свою экономическую самостоятельность вступила в качественную новую фазу. На передний план сегодня уже все рельефнее выдвигаются коллективные формы антинеоколониалистской борьбы.

В 1973 г. возник так называемый «сырьевой бум». Вначале резко подскочили цены на рис, сахар и пшеницу, а затем начался хорошо известный «нефтяной бум», который для капитализма обернулся «энергетическим кризисом». В результате уже в 1973 г. развивающиеся страны (кроме экспортеров нефти) выручили от вывоза сырья на 11 млрд. долл. больше, чем в 1972 г. Это серьезный внешнеторговый успех молодых государств. Однако нельзя забывать и того, что огромные барыши от роста цен на такие виды сырья, как пшеница, мясо и т. д., получают западные страны.

В целом результаты «сырьевого противоборства» далеко не однозначны и противоречивы. С одной стороны, уже сейчас очевидно, что многие страны «третьего мира» последуют примеру нефтеэкспортирующих стран и предпримут объединенные, продуманные и организованные усилия, причем не только на «отраслевом» уровне, но и в более широких масштабах. В этом отношении весьма показательны конференция 108 развивающихся стран по проблемам сырья (февраль 1975 г.) в Дакаре и совещание глав государств и правительств стран — членов ОПЕК в Алжире (март 1975 г.), которые выдвинули на повестку дня не только вопросы энергетики или сырья, но и проблему установления в мире нового экономического порядка на основе равенства и уважения национального суверенитета.

С другой стороны, «сырьевой бум» крайне неравномерно отразился на экономике и общем положении отдельных развивающихся стран. В особенно благоприятном финансовом положении оказались экспортеры нефти — члены ОПЕК, только чистые нереализованные поступления которых от нефти оцениваются в 1974 г. в размере 60 млрд. долл. На противоположном полюсе находятся производители сырья, цены на которое до последнего времени не росли (бананы, цитрусовые, железная руда, чай, вольфрам). Поэтому такие, например, страны, как Индия, Пакистан, Бангладеш, страдают вдвойне — от роста цен как на ввозимые промышленные изделия, так и на продовольственные товары, на удобрения и на нефтепродукты.

Достигнутый уровень экономического развития большинства освободившихся стран, накал политической борьбы за экономическую самостоятельность, с одной стороны, и сохраняющееся неравноправное положение этих стран в системе международного разделения труда — с другой, со всей объективной неумолимостью выдвигают на повестку дня проблему экономической интеграции — как между самими развивающимися странами, так и с мировой социалистической системой. Потребность подобной интеграции ощущается многими развивающимися странами. Уже не первый год в этом направлении идут поиски наиболее рациональных, целесообразных путей, уже рождаются новые формы сотрудничества и кооперации. И именно это обстоятельство вызывает

тревогу у неокOLONиализма и внутренней реакции в странах Азии и Африки. Прогрессивным формам интеграции и кооперации они хотят противопоставить — и уже предпринимают в этом отношении активные усилия — свою, неокOLONиалистскую интеграцию.

Нельзя не учитывать, что в неокOLONиалистской стратегии и политике в последние годы довольно отчетливо прослеживаются принципиально новые явления, охватившие не только экономическую и социально-политическую, но военную, культурную, научно-техническую и иные сферы. Не меняя своей основной экспансионистской и эксплуататорской природы, неокOLONиализм вынужден, например, признать необходимость частичного подтягивания производительных сил «третьего мира», стабилизации платежного баланса и рыночной конъюнктуры, чтобы таким образом укрепить позиции капиталистических укладов в экономическом базисе молодых государств, расчистить почву для избрания ими капиталистической ориентации, подтянуть в целом крайне отсталую сферу мирового капиталистического разделения труда.

Одним из наиболее активных проявлений этого неокOLONиалистского курса являются настоячивые попытки империалистических государств и монополий подключиться к процессам создания обрабатывающей промышленности в странах Востока. Стремясь парализовать или ослабить индустриальную в своей основе помощь мирового социализма, неокOLONизаторы прилагают усилия для того, чтобы с помощью своих интегрированных финансовых и технических ресурсов направить индустриализацию молодых государств по линии создания второстепенных, неполных, вспомогательных, то есть зависимых, циклов обрабатывающей промышленности. НеокOLONиализм стремится навязать молодым государствам не только зависимые, но главным образом наиболее трудоемкие циклы обрабатывающей промышленности, которые позволяют западным монополистам усиливать расхищение естественных ресурсов бывших колоний, расширять масштабы эксплуатации трудящихся масс в развивающихся странах.

Способы давления неокOLONиалистов на национально-освободительное движение самые разнообразные. В их арсенале — замораживание иностранных капиталовложений в странах, стремящихся проводить действительно самостоятельную политику, организация тайного или явного саботажа чиновничества старой колониальной школы, а также реакционные заговоры, шантаж, прямой дипломатический или военный нажим, внезапное прекращение экономической и технической помощи, блокирование соответствующих фондов в банках бывшей метрополии, идеологическая экспансия, засылка агентов в ряды национально-освободительных организаций и т. п.

Коренное изменение расстановки сил на международной арене в пользу социализма, переход ряда независимых государств на путь некапиталистического развития побуждают правящие круги империалистических держав существенно обновлять социальные аспекты неокOLONиалистской стратегии, изыскивать более эффективные методы социального маневрирования, приобретения дополнительных рычагов воздействия на общественную эволюцию молодых государств в направлении прокапиталистической ориентации.

Стремясь предотвратить дальнейшее углубление революционного процесса в этих странах, помешать выбору в пользу некапиталистического пути, неокOLONиализм в последние годы идет на форсированное расширение «партнерства» с местной буржуазией, политической элитой и высшей бюрократией, заигрывает с верхушкой средних городских слоев, прибегает к разносторонней идеологической обработке, особенно

подрастающего поколения. В этих же целях интенсивно используются каналы подготовки национальных кадров.

В последние годы экспансионистский курс неокOLONиализма против национально-освободительных сил в немалой степени опирается на антимарксистскую теорию и практику маоизма, направленную на подрыв доверия народов Азии и Африки к ленинской политике мирного сосуществования, ослабление союза между национально-освободительным движением и социалистическим содружеством, раскол и изоляцию коммунистического и леводемократического движения. Непрерывающимся атакам со стороны китайского руководства подвергается конструктивная политика СССР и других социалистических стран, направленная на упрочение союза революционных сил современности. Достаточно напомнить реакцию КНР на предложение СССР о создании системы коллективной безопасности в Азии, которое призвано обеспечить условия мира этому наиболее крупному континенту, где наиболее часто дают о себе знать напряженность и конфликтные ситуации, создать максимально благоприятные условия для упрочения национальной независимости и ускорения социального прогресса азиатских стран.

Современные национально-освободительные революции, если их рассматривать как диалектически целостное социальное явление нашей эпохи, непосредственно продолжают славные традиции упорной патриотической борьбы народов, вспыхнувшей ярким пламенем еще в глубинах тех памятных дней, когда были сокрушены наиболее реакционные силы империализма — германский фашизм и японский милитаризм. Несмотря на многие трудности и противоречия, революционная борьба народов Азии и Африки шаг за шагом содействует решению общенациональных, объективно прогрессивных задач. А «прогрессивной в современных условиях является, по нашему мнению, такая политика, которая означает решительный отпор неокOLONиализму, борьбу за укрепление суверенитета и независимости молодых государств, их экономическое освобождение от империализма, борьбу за мир, за социальный прогресс и укрепление солидарности с другими передовыми силами нашего времени, в первую очередь со странами социализма»¹⁶. Именно руководствуясь этим практическим критерием прогрессивности, следует судить о реальном значении и действительной роли в современной политике того или иного афро-азиатского государства, а также о подлинных результатах и достигнутом уровне той или иной национально-освободительной революции.

¹⁶ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, с. 34.

Борьба СССР за ликвидацию военного очага в Юго-Восточной Азии

А. И. Уральский

Народы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи будут скоро отмечать первую годовщину своей исторической победы, которой увенчалась весной 1975 г. их длительная самоотверженная борьба против империалистической агрессии и реакционных марионеточных режимов. Эта победа — яркий пример героизма и непобедимости народов, борющихся за правое дело, за свою свободу и независимость, убедительное свидетельство неодолимой мощи союза между силами национального освобождения и социализма. Она продемонстрировала всепобеждающую силу марксизма-ленинизма, боевую солидарность стран социализма и эффективность помощи, оказанной народам Вьетнама, Лаоса и Камбоджи Советским Союзом и другими социалистическими государствами, всеми прогрессивными и миролюбивыми силами.

«Источником этой победы, как и всех других побед вьетнамской революции за истекшие десятилетия,— говорил Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан в речи на завтраке в Кремле в честь вьетнамской делегации,— послужили великие идеи Ленина и Октябрьской революции, и все они тесно связаны с искренней поддержкой и помощью со стороны Коммунистической партии, правительства и народа братского Советского Союза»¹.

Борьба за прекращение империалистической агрессии в Индокитае постоянно была в центре внимания внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства, твердо стоявших на стороне народов Индокитая на всех этапах борьбы и оказавших им политическую, дипломатическую, экономическую и военную поддержку. Эта борьба стала одним из важнейших пунктов выдвинутой XXIV съездом КПСС Программы мира, которая успешно претворяется в жизнь. «Мы всегда считали,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе на торжественном заседании по случаю 50-летия СССР,— что добиваться ликвидации очага войны в Индокитае — одна из центральных задач внешней политики Советского Союза»².

Верный принципам интернационализма, Советский Союз не мог оставаться безучастным к империалистической агрессии против первого в Юго-Восточной Азии социалистического государства — ДРВ, к попыткам империализма подавить национально-освободительное движение народов Индокитая. К тому же военный очаг в Юго-Восточной Азии отравлял международные отношения в глобальном масштабе. На протяжении многих лет война в Индокитае использовалась силами агрессии и реакции для обострения международной напряженности и усиления гонки во-

¹ «Правда», 29. X. 1975.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М., 1974, с. 69.

оружений, создавала серьезные препятствия для налаживания широкого международного сотрудничества.

Возникновение военного очага в Юго-Восточной Азии явилось результатом империалистической политики вмешательства в дела этого района. Агрессия американского империализма превратила Индокитай в один из основных узлов противоречий двух мировых систем. Американские империалисты, взявшие с середины 50-х гг. курс на замену в Индокитае французских колонизаторов, сорвали выполнение Женевских соглашений 1954 г. по Индокитаю, встав на путь «экспорта контрреволюции» для подавления национально-освободительного движения в этом районе. Так, в памятной записке, направленной в марте 1954 г. председателем Комитета начальников штабов адмиралом Рэдфордом министру обороны США Вильсону, прямо говорилось: «Донесения разведки заставляют... предполагать, что урегулирование конфликта на основе свободных выборов будет почти наверняка сопровождаться переходом Вьетнама, Лаоса и Камбоджи под контроль коммунистов»³.

Однако ни поддержка марионеток и реакционеров в Сайгоне, Вьентьяне и Пномпене, ни прямое вторжение в Южный Вьетнам собственной полумиллионной армии, ни массированные бомбардировки территории ДРВ, Лаоса и Камбоджи не помогли американскому империализму достичь военной победы в Индокитае.

Важнейшим фактором торжества правого дела патриотических сил Вьетнама, Лаоса и Камбоджи явилось то, что оно с самого начала имело возможность опереться на материальную и морально-политическую поддержку Советского Союза и всего социалистического содружества.

Агрессия США против ДРВ встретила немедленное и решительное осуждение со стороны КПСС, Советского правительства, всего советского народа. В августе — сентябре 1964 г. Советский Союз в ряде официальных документов выразил протест против провокационных действий американской военщины в отношении ДРВ и заявил, что вмешательство в дела вьетнамского народа может привести к опасным последствиям. Выступая 6 ноября 1964 г. на торжественном заседании по случаю 47-й годовщины Великого Октября, Л. И. Брежнев заявил: «Мы решительно осуждаем провокации против Демократической Республики Вьетнам. Мы приветствуем мужественный народ Южного Вьетнама, ведущий героическую освободительную борьбу против продажного антинародного режима и вооруженной интервенции американского империализма, за объединение своей родины на демократических началах»⁴.

Важной акцией в поддержку Вьетнама в этот период явился визит в ДРВ советской делегации во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным (февраль 1965 г.), во время которого была достигнута договоренность о мерах по укреплению обороноспособности ДРВ, в том числе о поставках советской военной техники. В декабре 1965 г. в Москве были подписаны новые соглашения о предоставлении Советским Союзом дополнительной технической и экономической помощи Советского Союза в ДРВ были созданы оснащенные новейшей техникой ДРВ.

Как неоднократно отмечала мировая печать, примерно 70% всей помощи ДРВ в годы войны предоставлялось Советским Союзом. С помощью зенитно-ракетных подразделений. Американские летчики не раз признавали, что более мощного противовоздушного зaslona, с каким

³ По ступеням войны и обмана (О чем свидетельствуют секретные документы Пентагона). М., 1971, с. 26.

⁴ «Правда», 7. XI. 1964.

они сталкивались в районе Ханоя и Хайфона, история войн еще не знала.

КПСС и Советское государство столь же последовательно поддерживали борьбу южновьетнамских патриотов. Выражением этой поддержки явилось, в частности, признание Советским правительством в 1965 г. Национального фронта освобождения подлинным выразителем воли населения Южного Вьетнама. В Москве было учреждено представительство ЦК НФОЮВ. Советский Союз одним из первых признал образованное в июне 1969 г. Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам.

Принципиальная позиция КПСС в отношении агрессии США во Вьетнаме и освободительной борьбы вьетнамского народа была изложена в документах XXIII съезда партии. Съезд предупредил агрессоров, что они встретятся со всевозрастающей поддержкой Вьетнаму со стороны Советского Союза.

КПСС и Советское государство стали инициаторами совместных действий всех прогрессивных и миролюбивых сил в поддержку Вьетнама. «...Авантюра колонизаторов будет сорвана тем скорее, — говорил Л. И. Брежнев на митинге в Варшаве 8 апреля 1965 г., — чем сплоченнее выступят против их преступных действий все силы мира, свободы и прогресса на земле. Народ Вьетнама нуждается в действенной поддержке этих сил»⁵.

Коммунистические и рабочие партии неизменно выступали на своих встречах с совместными заявлениями, осуждающими агрессию США во Вьетнаме и поддерживающими борьбу вьетнамского народа. Активно выступало против империалистической агрессии в Индокитае и движение сторонников мира.

Советский Союз постоянно разоблачал попытки Вашингтона «интернационализировать» конфликт в Индокитае и неоднократно осуждал пособничество правительств Таиланда, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин и южнокорейского режима агрессии США во Вьетнаме. Он активно и решительно поддерживал все политические и дипломатические акции ДРВ, НФОЮВ и ВРП РЮВ, направленные на справедливое урегулирование вьетнамской проблемы. Так, когда в начале 1967 г. официальные представители ДРВ заявили о согласии изучить вопрос о возможных контактах с Вашингтоном, если США безоговорочно прекратят бомбардировки Северного Вьетнама, то Советский Союз немедленно поддержал эту инициативу вьетнамских друзей.

Активная поддержка этого требования ДРВ Советским Союзом, другими социалистическими странами и мировой прогрессивной общественностью, а также резкое усиление недовольства американской общественности вьетнамской авантюрой своего правительства вынудили Вашингтон пойти на частичный пересмотр своей политики во Вьетнаме. 31 марта 1968 г. президент Джонсон отдал приказ об ограничении бомбардировок территории ДРВ и согласился на переговоры. В ходе встреч представителей ДРВ и США в Париже было решено начать четырехсторонние переговоры о мирном урегулировании при условии полного прекращения бомбардировок Северного Вьетнама (1 ноября 1968 г.). Переговоры представителей ДРВ, НФОЮВ (с июня 1969 г. — ВРП РЮВ), США и сайгонского режима начались в Париже в январе 1969 г.

Однако политика «вьетнамизации», которую Соединенные Штаты стали проводить с 1969 г. в соответствии с принципами «гуамской доктрины» Р. Никсона, свидетельствовала не о мирных намерениях Вашинг-

⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 1. М., 1970, с. 110.

тона, а о поисках им новой военной стратегии, позволившей бы ему продолжать войну с меньшими издержками как в материальном, так и морально-политическом плане. Эта политика была направлена на укрепление сайгонского режима, особенно на повышение боеспособности маррионеточной армии, с целью переложить на нее основное бремя войны. В ходе ее осуществления численность регулярной армии Сайгона, местного ополчения и полицейского корпуса возросла до 1,1 млн. человек. Сайгонским войскам было передано большое количество американского вооружения и военной техники.

Следуя политике «вьетнамизации», США отклонили выдвинутые на парижских переговорах делегациями ВРП РЮВ и ДРВ предложения, которые предусматривали признание права вьетнамского народа на независимость, вывод без каких-либо условий американских войск из Южного Вьетнама и поэтапное мирное воссоединение страны путем переговоров между южновьетнамскими сторонами и проведения выборов на юге Вьетнама. Одновременно США усилили военное давление. В нарушение обязательств об условиях переговоров Вашингтон возобновил в 1970 г. бомбардировки территории Северного Вьетнама, которые весной 1972 г. стали сопровождаться минированием портов ДРВ, а в декабре начал неограниченные бомбардировки ДРВ, нанося основные удары по району Ханой — Хайфон.

В этих условиях КПСС и Советское правительство оказали всемерную поддержку программе справедливого мирного урегулирования, выдвинутой ДРВ и ВРП РЮВ, и осуществили целый ряд энергичных мер в защиту интересов братского вьетнамского народа.

Актом огромной интернациональной поддержки борьбы народов Индокитая явились решения XXIV съезда КПСС и успешное претворение в жизнь принятой им Программы мира. В первом пункте этой программы выдвигалась задача ликвидировать военный очаг в Юго-Восточной Азии и содействовать политическому урегулированию в этом районе на основе уважения законных прав государств и народов, подвергшихся агрессии. Борьба за прекращение империалистической агрессии в Индокитае и ликвидацию военного очага в Юго-Восточной Азии стала одним из важнейших направлений внешнеполитического курса КПСС.

Важным актом политической поддержки борьбы вьетнамского народа явился визит в ДРВ в октябре 1971 г. советской партийно-правительственной делегации во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

В связи с предпринятой США в мае 1972 г. новой эскалацией агрессии против ДРВ Советское правительство в заявлении от 11 мая 1972 г. решительно потребовало отменить предпринятые Соединенными Штатами шаги по блокированию побережья ДРВ, прекратить акты агрессии против нее, уважать права на свободу международного плавания и торговли⁶.

Принципиальная позиция СССР по вьетнамскому вопросу была изложена советской стороной и во время переговоров с Р. Никсоном в Москве в мае 1972 г. В совместном советско-американском коммюнике советская сторона подчеркнула свою солидарность со справедливой борьбой народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Твердо поддерживая предложения ДРВ и РЮВ как конструктивную основу для урегулирования вьетнамской проблемы, Советский Союз выступил за прекращение бомбардировок ДРВ, за полный и безусловный вывод войск США и их союзников из Южного Вьетнама, за предоставление народам Индокитая

⁶ «Правда», 12. V. 1972.

возможности самим определять свою судьбу без какого-либо вмешательства извне⁷.

В июне 1972 г. состоялся дружеский неофициальный визит в ДРВ советской делегации во главе с тов. Н. В. Подгорным. Более широкий размах получили в тот период демонстрации солидарности советского народа с патриотами Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. В Советском Союзе практически непрерывно проходили массовые мероприятия в поддержку борьбы народов Индокитая.

Касаясь дальнейшего развития советско-американских отношений, Л. И. Брежнев в докладе о 50-летию СССР отмечал, что «многое будет зависеть от того, как развернутся события в ближайшем будущем и, в частности, какой оборот примет вопрос о прекращении войны во Вьетнаме»⁸.

Последовательная и настойчивая борьба КПСС и братских партий стран социалистического содружества во многом способствовала тому, что «политика силы» американского империализма вновь потерпела неудачу. Военные и политические успехи патриотов, умелое сочетание ими различных форм борьбы, широкая международная поддержка их правого дела и бесперспективность для США продолжения войны вынудили Вашингтон подписать 27 января 1973 г. в Париже соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Однако сайгонское правительство встало на путь грубого нарушения основных положений парижского соглашения, которое закладывало фундамент политического урегулирования во Вьетнаме, создавало предпосылки для демократических преобразований на юге страны и подготовки к мирному воссоединению с Севером. Оно саботировало обсуждение с ВРП РЮВ вопросов, связанных с этим урегулированием, и сорвало все попытки наладить предусмотренный в соглашении механизм его выполнения. В нарушение соглашения клика Тхьеу пыталась вооруженным путем захватить территории, находящиеся под контролем ВРП РЮВ, систематически прибегала к бомбардировкам освобожденных районов.

Разумеется, саботаж Сайгоном парижского соглашения был возможен лишь благодаря поддержке американских империалистов. «Именно американская политика и американские деньги,— признавала газета «Нью-Йорк таймс»,— позволяют генералу Тхьеу подрывать пункты мирного соглашения, призывающие к политическому урегулированию, и проводить политику агрессивных военных действий»⁹. Как и после заключения Женевских соглашений 1954 г., империализм вновь пытался воздвигнуть барьеры на пути к единству и независимости Вьетнама.

Борьба вьетнамского народа за неуклонное соблюдение парижского соглашения встретила полное понимание и поддержку со стороны Советского Союза. ЦК КПСС и Советское правительство неоднократно выступали в поддержку требований ДРВ и ВРП РЮВ покончить с нарушениями соглашений сайгонской администрацией и Вашингтоном. Как указывалось в постановлении апрельского Пленума ЦК КПСС 1973 г. «О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии», КПСС «подтверждает солидарность советского народа с вьетнамским народом и будет всемерно содействовать установлению мира в Индокитае»¹⁰.

⁷ См.: «Правда», 31. V. 1972.

⁸ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, с. 41.

⁹ «New York Times», 8. IV. 1975.

¹⁰ «Правда», 28. IV. 1973.

Важным шагом в развитии братской советско-вьетнамской дружбы на этом этапе явился официальный дружественный визит в СССР в июле 1973 г. делегации ПТВ и правительства ДРВ во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном и премьер-министром правительства ДРВ Фам Ван Донгом. Вьетнамская делегация выразила сердечную, глубокую благодарность КПСС, Советскому правительству, всему советскому народу за большую, ценную и эффективную поддержку и помощь вьетнамскому народу на военном, политическом и дипломатическом фронтах. Как указывалось в совместном советско-вьетнамском заявлении, советская сторона выразила готовность восстановить народнохозяйственные объекты, построенные в ДРВ с помощью СССР, а также оказать содействие в создании новых промышленных предприятий. Высокую оценку во Вьетнаме и во всем мире встретило зафиксированное в заявлении решение ЦК КПСС и правительства СССР рассматривать кредиты, предоставленные Советским Союзом ДРВ в предыдущие годы, как безвозмездную помощь.

В августе 1973 г. Советский Союз подписал с РЮВ соглашение об оказании ей безвозмездной экономической помощи. В декабре СССР посетила с дружественным визитом делегация РЮВ во главе с Председателем Президиума ЦК НФОЮВ, председателем Консультативного совета ВРП РЮВ Нгуен Хыу Тхо. Члены делегации от имени всего южно-вьетнамского населения выразили КПСС, Советскому правительству и народу искреннюю и глубокую признательность «за большую, ценную и эффективную помощь Вьетнаму». Советская сторона, заявив о своей готовности развивать дружбу и сотрудничество с НФОЮВ и ВРП РЮВ, подчеркнула, что лишь строгое и неукоснительное выполнение парижского соглашения может обеспечить прочный мир и стабильность во Вьетнаме.

Весной 1975 г. пожар войны в Индокитае был потушен. Борьба народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи за свою свободу и независимость окончилась их полной победой.

Опираясь на поддержку братских социалистических стран, всех прогрессивных сил, вьетнамский народ добился решающих успехов в создании мирного, единого, независимого, демократического Вьетнама. Давая отпор сайгонским войскам, народные вооруженные силы Южного Вьетнама нанесли противнику ряд крупных поражений. Под ударами вооруженных сил патриотов и восставшего населения сайгонская армия обратилась в паническое бегство. 21 апреля Тхиеу был вынужден уйти в отставку, а 30 апреля патриоты освободили Сайгон.

Эта победа, подчеркивала газета «Нян зан», открыла «новый этап вьетнамской революции, этап завершения дела воссоединения страны, быстрого, прочного и уверенного продвижения всей страны к социализму»¹¹. Исторической вехой на пути 45-миллионного народа Вьетнама к единству явилась проходившая в ноябре 1975 г. в Сайгоне политическая консультативная конференция по вопросам воссоединения Вьетнама. Поступающие из обеих частей Вьетнама сообщения свидетельствуют о том, что вьетнамский народ оказывает единодушную поддержку программе воссоединения страны, выдвинутой на политической консультативной конференции. Конференция подтвердила необходимость организации в первой половине 1976 г. всеобщих выборов на территории Вьетнама для избрания Национального собрания, которое определит политическую систему государства, изберет руководящие государственные органы и выработает новую конституцию единого Вьетнама. Начался этап завер-

¹¹ «Нян зан», 10. XI. 1975.

шения объединения Вьетнама в государственном плане на базе национальной независимости и социализма.

Победой закончилась в апреле 1975 г. и борьба народа Камбоджи за свою свободу и независимость. Эта борьба, продолжавшаяся пять лет, началась после государственного переворота в Пномпене 17 марта 1970 г., в результате которого было свергнуто законное правительство Камбоджи во главе с Н. Сиануком и власть в Пномпене захватила проамериканская группировка Лон Нола. США воспользовались переворотом для открытой интервенции. Уже в конце марта в Камбоджу вторглись американо-сайгонские войска для участия в операциях против патристических сил.

Патристические силы страны объединились в Национальный единый фронт Камбоджи (НЕФК), председателем которого стал Н. Сианук. НЕФК провозгласил своей задачей восстановление независимости и нейтралитета страны. В мае 1970 г. было сформировано Королевское правительство национального единства Камбоджи (КПНЕК). В результате успешных боевых действий против агрессоров и их пособников фронт уже в 1973 г. полностью контролировал 5 из 17 провинций страны, а в остальных марионеточные власти удерживали лишь административные центры. К началу 1975 г. под контролем режима Лон Нола оставались лишь Пномпень и некоторые провинциальные центры. В конце марта Лон Нол в сопровождении 17 генералов и двух десятков политических деятелей обанкротившегося режима бежали из Пномпеня, а 17 апреля остатки лонноловцев капитулировали в столице Камбоджи.

Советский Союз решительно поддерживал борьбу патристов Камбоджи за свободу и независимость. В телеграмме советских руководителей руководящим деятелям НЕФК и КПНЕК по случаю освобождения Пномпеня подчеркивалось, что Советский Союз будет и впредь оказывать камбоджийскому народу поддержку в его усилиях, направленных на строительство мирной, независимой, нейтральной, демократической Камбоджи.

В Лаосе после разгрома и изгнания из пределов страны сайгонских войск, вторгшихся на лаосскую территорию в 1971 г. по указке из-за океана, в октябре 1972 г. начались переговоры между Патристическим фронтом Лаоса и вьентьянской администрацией о политическом урегулировании. 21 февраля 1973 г. было подписано соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия. Оно предусматривало прекращение военных действий, формирование Временного правительства национального единства и последующее проведение свободных выборов. В апреле 1974 г. в Лаосе были созданы коалиционные органы власти — Временное правительство национального единства и Национальный политический коалиционный совет, а в январе 1975 г. была принята Программа строительства мирного, независимого, нейтрального, единого и процветающего Лаоса.

Однако деятельность коалиционных органов встретила упорное сопротивление со стороны лаосской реакции. В начале мая 1975 г. группа высокопоставленных деятелей из правых кругов и часть реакционного офицерства вьентьянской стороны стали готовить государственный переворот с целью свержения Временного правительства национального единства. Этот замысел был сорван в результате мощных выступлений широких народных масс. Активные деятели правого лагеря бежали за пределы страны. По требованию демократической общественности во вьентьянской зоне из армии и местной администрации были уволены многие реакционно настроенные генералы, офицеры и чиновники. Несколько министров было выведено из состава правительства. В крупные

провинциальные центры страны вступили войска патриотических сил. Был произведен пересмотр деятельности американских организаций, работавших во вьетнянской зоне во время войны. В конце августа 1975 г. в столице Лаоса и в провинции Вьетъян была полностью ликвидирована старая администрация и создана революционная власть народа.

Характеризуя существо этих событий, бюллетень ПФЛ «Каосан Патет Лао» писал, что «в Лаосе развернулась решительная борьба с американским империализмом, предателями нации, в ходе которой уничтожается прогнивший режим неоколониалистов на территории, составляющей одну пятую часть страны (т. е. во вьетнянской зоне.— А. У.). В системе управления и армии со своих постов изгоняются предатели родины, противники социально-политического прогресса. На всех уровнях — в провинциях, городах и деревнях — лаосский народ берет власть в свои руки, вводит новые революционные порядки»¹².

Провозглашение в начале декабря 1975 г. Лаосской Народно-Демократической Республики достойно завершило этап национально-демократической революции в стране и явилось историческим событием, увенчавшим 30-летнюю героическую борьбу лаосских патриотов против империалистических интервентов и сил местной реакции, за свободу, независимость и единство родины.

Советский Союз неизменно поддерживал справедливое дело лаосского народа, содействовал процессу укрепления мира и национального согласия в Лаосе, добивался прекращения иностранной интервенции и выполнения Женевских соглашений. Советское правительство неоднократно выступало с заявлениями, в которых разоблачало агрессию США против лаосского народа и требовало предоставить ему возможность решать свои внутренние проблемы без вмешательства извне.

Победа патриотических сил в Индокитае войдет в историю как важная веха в борьбе народов за свободу и независимость, за мир и социальный прогресс. Она стала возможной в условиях продолжающегося изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма и свидетельствует о полной обреченности в наше время попыток подавить освободительное движение народов. Длительное противоборство социализма и национально-освободительного движения в Индокитае с силами империализма и реакции закончилось сокрушительным поражением последних именно благодаря тому, что в наше время решающее воздействие на ход истории оказывает социализм, а империализм находится в отступлении и уже не может вернуть себе историческую инициативу.

Ныне успешному строительству новой жизни в Южном Вьетнаме, Камбодже и Лаосе во многом способствует то, что оно проходит в условиях прогрессирующего процесса разрядки напряженности, начало которому было положено активными и целеустремленными внешнеполитическими акциями Советского Союза и всего социалистического содружества.

Значение победы патриотов Индокитая трудно переоценить. Речь идет не только о том, что победоносное завершение героической самоотверженной борьбы народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи знаменует собой исторический поворот в их судьбах и открывает перспективу новой жизни в условиях мира и независимости. Эта победа имеет и огромное международное значение. Она привела к коренному изменению обстановки на Индокитайском полуострове, подорвала основы политики империализма и неоколониализма в этом районе. Ее последствия уже оказывают и будут еще долго оказывать большое воздействие на обста-

¹² «Каосан Патет Лао», 13. VII. 1975.

новку в Юго-Восточной Азии и на всем Азиатском континенте, на мировой арене в целом.

Победа патриотов в Индокитае создает новую ситуацию в Юго-Восточной Азии. «Под влиянием великой победы Вьетнама, — подчеркивает газета «Куан дой нян зан», — в Юго-Восточной Азии выросли и расширились влияние и позиции социализма, новый шаг в своем развитии совершило движение борьбы за национальную независимость, демократию и социальный прогресс»¹³. В этом районе сокращается военное присутствие империалистов, а в тех странах, где оно еще сохраняется, как в Таиланде и на Филиппинах, ширится движение за полную ликвидацию американских военных баз. Таиланд потребовал полной ликвидации американских баз, расположенных на его территории, к марту 1976 г. Правительство Филиппин, не ставя пока вопроса о полной ликвидации американских баз, объявило о своем намерении установить над ними контроль. Как заявил президент Филиппин Ф. Маркос, его правительство намерено покончить с положением, при котором военные базы США на Филиппинах пользуются правом экстерриториальности.

Серьезные перемены в Юго-Восточной Азии поставили в повестку дня вопрос о ликвидации замкнутых военных группировок и блоков. Особенно показательным в этом отношении явилось заявление руководителей Таиланда и Филиппин о их намерении добиться «постепенного свертывания» Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), изложенное в опубликованном 25 июля 1975 г. совместном коммюнике об итогах их переговоров. Предложение руководителей Таиланда и Филиппин получило поддержку со стороны Малайзии и других стран. В сентябре 1975 г. на заседании совета СЕАТО в Нью-Йорке было официально объявлено, что этот блок прекращает свое существование и его аппарат ликвидируется в ближайшие два года.

Крах СЕАТО обусловлен прежде всего нежеланием азиатских стран — участниц этого блока следовать старому бесперспективному курсу. Как справедливо отмечала монреальская газета «Газетт», СЕАТО «сходит со сцены, но об этом не пожалеет никто, за исключением призрака Джона Фостера Даллеса... На счету СЕАТО не было никаких реальных достижений. СЕАТО была продуктом холодной войны... Попытки вовлечь в СЕАТО Индию, Цейлон, Бирму и Индонезию были безуспешными, и даже в лучшую пору жизни СЕАТО в этой организации было меньше представителей Юго-Восточной Азии, чем вне ее»¹⁴.

Под влиянием событий в Индокитае усиливается стремление стран Юго-Восточной Азии к нейтрализации региона и превращению его в зону мира. Как показала проходившая в мае 1975 г. в Куала-Лумпуре очередная конференция министров иностранных дел Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), успехи освободительной борьбы народов Индокитая во многом способствовали тому, что в рядах АСЕАН теперь стали более активно раздаваться призывы к поиску конструктивных путей разрядки напряженности в этом районе. Вместе с тем реакционные круги в странах ЮВА вынашивают планы превращения АСЕАН в военно-политическую группировку с антикоммунистической направленностью. В этих целях они изображают победу патриотических сил Индокитая как некую «угрозу» азиатским странам, что, несомненно, на руку лишь империалистическим кругам, стремящимся использовать пугало «коммунистической опасности» для разделения азиатских государств на враждебные группировки.

¹³ «Куан дой нян зан», 28. V. 1975.

¹⁴ «Gazette», 28. VII. 1975.

Историческая победа народов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса существенно ослабила позиции империализма и неокOLONиализма в Юго-Восточной Азии. Складываются предпосылки для перестройки отношений между странами района на новой основе. Этому противодействуют империалистические круги, заинтересованные в сохранении здесь напряженности и конфликтов. И вновь, как это случалось уже много раз, союзниками империалистов выступили нынешние руководители Китая, ратующие за сохранение империалистического присутствия в этом районе.

Как сообщала западная печать, официальные лица в Пекине в беседах с посещавшими КНР руководящими деятелями Таиланда и Филиппин не скрывали, что «Китай не хочет военного ухода Соединенных Штатов из Азии»¹⁵. По свидетельству газеты «Вашингтон пост», КНР «поощряет Соединенные Штаты в их желании сохранить американские базы в Таиланде и на Филиппинах»¹⁶. Объясняя причины заинтересованности пекинских руководителей в сохранении американского присутствия, бывший министр обороны США Шлессинджер заявил, что «китайцы не считают теперь американцев главной угрозой своему существованию, а видят в США полезный противовес Советскому Союзу»¹⁷.

В последнее время маоистская пропаганда усердно распространяет версию о том, будто Советский Союз «рвется в Юго-Восточную Азию, стремясь создать там военные базы, закабалить народы». Пекин оказывает нажим на участников АСЕАН, проявляющих готовность к установлению с Китаем нормальных межгосударственных отношений. Он требует от них подписаться под маоистским тезисом «борьбы с гегемонизмом», обещая в обмен отказаться от поддержки промаоистских вооруженных групп, действующих на территории некоторых из этих стран. Тем самым под фальшивым лозунгом «борьбы против гегемонизма» странам Юго-Восточной Азии предлагается, по существу, оформить антисоветский союз с Пекином.

Подобная линия Пекина в Юго-Восточной Азии отнюдь не случайна и является продолжением его политики предательства освободительной борьбы народов этого района. В период империалистической агрессии против народов Индокитая Пекин чинил всевозможные помехи доставке советских грузов в сражающийся Вьетнам и стремился подорвать усилия вьетнамских патриотов, направленные на скорейшее урегулирование конфликта политическими и дипломатическими методами. Ныне Пекин, как справедливо писала джакартская газета «Синар паги», «активно выступает за сохранение военного присутствия США в Юго-Восточной Азии и Индийском океане, чтобы использовать связанную с этим напряженность в своих великодержавных интересах»¹⁸. Готовясь к заполнению «вакуума» в ЮВА, о котором постоянно твердит пекинская пропаганда, маоисты усматривают в сохранении американских военных баз необходимое препятствие на пути дальнейшего укрепления независимости стран района и нормализации взаимоотношений между ними.

Этим же целям служат и антисоветские клеветнические измышления маоистов. С их помощью китайские лидеры стремятся отвлечь внимание общественности стран Юго-Восточной Азии от активизации подрывной деятельности маоистов в странах района. В то же самое время, заверяя эти страны в дружбе и невмешательстве в их внутренние дела, Пекин оказывает промаоистским и другим мятежным организациям на их территории экономическую и военную поддержку, засылает агентов и под-

¹⁵ «Правда», 14. VIII. 1975.

¹⁶ «Washington Post», 9. VII. 1975.

¹⁷ «U. S. News and World Report», 26. V. 1975, p. 25.

¹⁸ «Sinar pagi», 18. II. 1975.

рывную литературу. В 1974 г. маоисты осуществили вооруженные акции на Парасельских островах и островах Спратли, которые Пекин объявил «составной частью китайской территории».

Отмечая двойную игру Пекина в Юго-Восточной Азии, газета «Ди вельт» писала, что, встречая руководителей Малайзии, Таиланда и Филиппин со всеми почестями, «в то же время Китай посылает тысячи партизан в Таиланд (и Бирму), финансирует мусульманских мятежников на Филиппинах»¹⁹. Индонезийская газета «Брита юдха», говоря о «двуличной политике Пекина в отношении стран АСЕАН», указывала, что «Китай уклоняется от выполнения данных им обещаний не вмешиваться во внутренние дела этих стран»²⁰.

Некоторое время тому назад в Пекине были переизданы географические карты, на которых территории Бирмы, Таиланда, Лаоса и других независимых государств обозначены как часть территории Китая. «Теоретическим» обоснованием территориальных притязаний пекинских экспансионистов в ЮВА служат следующие высказывания Мао Цзэ-дуна: «Мы, — говорил он, — обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... Этот район богат природными ресурсами и стоит наших усилий». Таким образом, и после поражения империалистической агрессии в Индокитае империализм продолжает угрожать независимости стран ЮВА, пытаясь сохранить свое военное присутствие. Реальную угрозу безопасности и независимости народов этого района представляет политика Пекина, направленная на нагнетание здесь напряженности и сохранение империалистического присутствия.

Что касается Советского Союза, то он был и остается активным борником укрепления мира и безопасности в Юго-Восточной Азии, свободы и независимости народов этого района. Ликвидация военного очага и новая обстановка в ЮВА создают предпосылки для упрочения мира и безопасности во всей Азии коллективными усилиями на основе равноправного сотрудничества всех стран континента, независимо от их общественной системы. «...Ликвидация военного очага в Индокитае, — отмечал Л. И. Брежнев, — создает условия для дальнейшего оздоровления международной атмосферы. От этого выиграет дело международной разрядки, в том числе, как мы полагаем, и разрядки в отношениях между нашей страной и Соединенными Штатами Америки»²¹.

С окончанием войны перед народами Индокитая открылась перспектива мирного созидательного труда. Как в годы войны, так и в период мирного строительства народы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи опираются на братскую помощь и поддержку КПСС и советского народа. «...Советские люди могут с гордостью сказать, — говорится в приветствии Л. И. Брежнева Обществу вьетнамо-советской дружбы по случаю его 25-летия, — что на всем 30-летнем пути Демократической Республики Вьетнам Советский Союз был плечом к плечу с вьетнамскими братьями. Советский народ постоянно оказывал и будет оказывать всестороннюю помощь и поддержку вьетнамскому народу в его борьбе за мирное и демократическое развитие своей родины»²².

При экономическом и техническом содействии СССР в ДРВ за годы социалистического строительства было сооружено более 150 предприятий, имеющих важное народнохозяйственное значение. Ныне Советский

¹⁹ «Die Welt», 11. VII. 1975.

²⁰ «Berita judha», 28. V. 1975.

²¹ «Правда», 9. V. 1975.

²² Там же, 22. V. 1975.

Союз помогает вьетнамскому народу залечивать раны, нанесенные войной, и восстанавливать народное хозяйство страны. 12 мая 1975 г. в Москве было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом срочной безвозмездной помощи Вьетнаму. Руководствуясь своей неизменной политикой поддержки патриотов Камбоджи, Советское правительство приняло в середине апреля решение оказать им материальную помощь гуманного характера.

В яркую демонстрацию нерушимой дружбы и солидарности между советским и вьетнамским народами вылился официальный дружественный визит в СССР делегации Партии Трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном в октябре 1975 г. Переговоры и беседы советских и вьетнамских руководителей проходили в атмосфере сердечности, братской солидарности, взаимопонимания и взаимного уважения. Обе стороны отметили полное единство взглядов по всем обсуждавшимся вопросам. Подписанная в результате переговоров советско-вьетнамская декларация определяет основные направления углубления всесторонних связей между двумя братскими партиями и народами, их тесного взаимодействия в строительстве социализма и коммунизма, в общей борьбе за мир, национальную независимость, демократию и социализм. Подписаны также соглашение об оказании ДРВ экономической помощи и протокол о результатах координации народнохозяйственных планов СССР и ДРВ на 1976—1980 гг.

Обращаясь к вьетнамским товарищам, Л. И. Брежнев говорил: «Со всей определенностью хочу подчеркнуть: в вашей мирной социалистической работе вы и впредь можете твердо рассчитывать на поддержку партии Ленина, Страны Советов»²³.

Советско-вьетнамские переговоры были повсеместно восприняты как крупное событие международной жизни, имеющее первостепенное значение для дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между народами СССР и Вьетнама и всех стран социализма, для упрочения всеобщего мира. В своей передовой статье «Великая вечная дружба» газета «Нян зан», в частности, писала, что «прекрасные результаты визита в Советский Союз нашей делегации и подписанное соглашение являются живым отражением усилий по укреплению боевой солидарности и дружеского сотрудничества между партиями, правительствами и народами двух стран»²⁴. Советско-вьетнамская декларация, отмечала индийская газета «Пэтриот», подтверждает готовность обеих стран оказывать поддержку странам Азии, Африки и Латинской Америки в их борьбе против империализма и неокOLONиализма²⁵.

Бескорыстная помощь Советского Союза получает высокую оценку народов Индокитая. «С давних пор вьетнамский и советский народы,— говорится, например, в приветственном послании руководителей ДРВ по случаю 58-й годовщины Великого Октября,— тесно связывают узы братской дружбы и боевой солидарности, основанные на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Советский народ неизменно выступает на стороне вьетнамского народа, оказывает ему искреннюю поддержку и помощь». В послании южновьетнамских руководителей выражалась искренняя и глубокая признательность КПСС и советскому народу «за всестороннюю поддержку, большую, ценную и эффективную помощь народу Южного Вьетнама в его увенчавшейся недавно победой борьбе против американской агрессии, за национальное спа-

²³ «Правда», 29. X. 1975.

²⁴ «Нян зан», 1. XI. 1975.

²⁵ См.: «Patriot», 3. XI. 1975.

сение». В приветствии руководителей Лаоса отмечался «высокий дух пролетарского интернационализма, присущий Коммунистической партии и советскому народу, неизменно оказывающим поддержку и помощь революционным движениям во всем мире и, в частности, активную помощь и поддержку революционному делу лаосского народа как в годы войны, так и в мирное время»²⁶.

Ликвидация опасного военного очага в Юго-Восточной Азии — это убедительное доказательство того, что в наши дни никакая сила не способна сломить народы, борющиеся за свободу и независимость. Это наглядное подтверждение жизненной силы и действенности Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, дальновидности и реалистичности поставленных в ней задач, их соответствия господствующим тенденциям развития обстановки в мире. Славная победа патриотов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса — это успех ленинской внешней политики КПСС и Советского государства, политики солидарности с народами, борющимися за свое национальное и социальное освобождение.

²⁶ «Правда», 8, 9, 12. XI. 1975.

Армия — основа маоистского режима

*Р. М. Неронов,
кандидат исторических наук
Б. П. Барахта*

Установление военно-бюрократической диктатуры

В советской научной литературе и партийных документах с начала 60-х гг. было отмечено стремление группы Мао Цзэ-дуна поставить армию над партией, положить милитаризм и военно-принудительные методы в основу экономической, политической и всей общественной жизни Китая. Особенно четко этот политический курс Мао Цзэ-дуна определился во время и после «культурной революции».

«Борьба за гегемонию в коммунистическом движении, против марксистско-ленинских партий неразрывно связана с великодержавными устремлениями нынешнего пекинского руководства, с его притязаниями на территорию других стран,— говорил Л. И. Брежнев 7 июня 1969 г. на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве.— Китайским рабочим и крестьянам внушается мысль о мессианской роли Китая. Идет массовая обработка умов в духе шовинизма, злобного антисоветизма... В свете всего этого особый смысл приобретает курс на милитаризацию Китая. Мы не можем не сопоставить лихорадочные военные приготовления с разжиганием враждебных социалистическим странам шовинистических настроений, с общим подходом руководителей Китая к проблемам войны и мира в современную эпоху»¹. Таким образом, стратегические замыслы пекинского руководства неизбежно требуют милитаризации и ставят армию в основу всего маоистского режима.

Справедливость подобного вывода подтверждает развитие событий в Китае в 70-е гг.: в КНР продолжает углубляться антисоциалистический процесс. Китай вступил в этап все большего ужесточения всей внутривластной обстановки во имя борьбы пекинского руководства за осуществление своих геополитических планов. Естественно, что это было немислимо без дальнейшего укрепления карательно-репрессивного аппарата и усиления контроля над армией.

Важным шагом в этом направлении после «культурной революции» и X съезда КПК была сессия Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 г. Она приняла новую конституцию КНР, законодательно оформившую и закрепившую антинародную, антисоциалистическую политику Мао Цзэ-дуна.

Основной закон КНР представляет собой манифест откровенного милитаризма. В нем записано: «Государство осуществляет курс на... стимулирование подготовки к войне». В конституции не указывается, какой государственный орган наделен правом решать вопросы войны и

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М., 1970, с. 393.

мира, но в ней оговорено, что Мао Цзэ-дун как председатель КПК «возглавляет вооруженные силы всей страны». Маоистская конституция предоставляет правящей верхушке мандат на проведение безудержных репрессий против любых противников нынешнего режима. Она свидетельствует о том, что китайское руководство в предстоящий период намерено делать упор на дальнейший зажим демократии, на углубление идеологической обработки населения в духе маоизма, на широкое использование административно-принудительных методов поддержания трудовой активности населения при максимальном ограничении потребления.

Между тем некоторые даже хорошо осведомленные зарубежные синологи изображают жесткую милитаризацию КНР как своего рода эксцесс, как уже преодоленное или почти преодоленное наследие «культурной революции». Устранение Линь Бяо (сентябрь 1971 г.) и решения X съезда КПК (август 1973 г.) дали буржуазным китаеведам видимость основания для выдвижения тезисов, вроде «снижение политической роли» армии, «партия полностью руководит армией» и т. п.². Отсюда делается вывод об изменении военно-диктаторской природы маоистского режима, о его некоторой «либерализации». Буржуазная синология усердно ссылается на чистку командных верхов в связи с «делом Линь Бяо», на создание маоистской КПК, снижение доли военных среди делегатов X съезда и т. п. Они, эти ученые, охотно занимаясь исследованием борьбы течений и группировок в маоистском руководстве, не замечают, а скорее всего, не хотят заметить, главное противоречие современного Китая — противоречие между антисоциалистическим курсом «великого кормчего» и социалистическими чаяниями китайского народа. При этом они со всей очевидностью поддаются воздействию пекинской пропаганды.

Маоистам до разреза нужно придать своей военно-бюрократической диктатуре благопристойную наружность. Поэтому они устами самого Мао Цзэ-дуна именуют свой режим словечком «единоначалие» (см. его речь 28 апреля 1969 г. на I пленуме ЦК КПК девятого созыва). Мы хорошо знаем, что скрывается за этим невинным термином: военные провокации на границах, преследования инакомыслящих, публичное их шельмование, аресты, публичные и тайные казни, нагнетание военного психоза по поводу мифической угрозы с Севера.

Для осуществления такой политики требуется мощный и послушный инструмент. В качестве него избрана (наряду с секретной службой) армия.

Беседуя с Э. Сноу о роли армии в политической структуре китайского общества, Чжоу Энь-лай, бывший тогда премьером Госсовета и вторым после Мао лицом в Китае, как-то обмолвился: «Все мы связаны с армией» и многозначительно добавил: «Армия связывает всех нас»³.

Особенно наглядно неизменно доминирующая роль военных выступает при сравнении состава руководящих органов КНР за ряд лет. Так, на I пленуме ЦК КПК девятого созыва в 1969 г. в состав Политбюро был избран из 25 членов и кандидатов в члены лишь один человек, формально не связанный с армией (Чэнь Бо-да, тогда личный секретарь Мао), а остальные были либо кадровыми военными, либо ответственными политработниками, занимавшими ключевые посты в воору-

² См., например: W. W. Whitson. Chinese Military and Political Leaders and the Distribution of Power in China, 1956—1971. Santa Monica, 1973; J. Domes. The Internal Politics of China 1949—1972. N. Y.—Washington, 1973.

³ См.: «The New Republic», 25. V. 1971.

женных силах. На I пленуме ЦК КПК десятого созыва (1973) из 25 членов и кандидатов 4 человека не состояли на военной службе (в том числе 2 женщины). Стало быть, говорить всерьез о каких-то принципиальных изменениях в составе руководящего партийного органа не приходится, все свелось к персональным перестановкам. В Политбюро не входят крупные хозяйственные руководители, ученые, специалисты по планированию и организации промышленности и сельского хозяйства — их держат в нижнем исполнительном эшелоне руководящего состава, а решение судеб страны находится в руках узкой группы высшего военно-политического комсостава.

Как в 1969—1971 гг., так и в 1975 г. военные, за малым исключением, продолжают сосредоточивать в своих руках громадную власть, выступая одновременно в качестве секретарей парткомов провинций и городов центрального подчинения, председателей «ревкомов» и командующих или политкомиссаров соответствующих военных округов или гарнизонов.

В Госсовете, который всегда оставался под эгидой Чжоу Энь-ляя, несколько снизилась прямая военно-контрольная роль военных, которую они играли в период «культурной революции». Однако следует учитывать, что, во-первых, в составе руководителей Госсовета более половины бывшие кадровые военные, сохранившие связи с армией. Во-вторых, в исследованиях по административной системе КНР обычно слабо учтены (ввиду отсутствия данных) ведомства и управления, непосредственно работающие на военно-промышленный потенциал и вооружение НОАК.

Что же остается от утверждения об ослаблении роли армии в административно-политическом механизме режима? Практически ничего. В реальном ходе политического развития КНР мы наблюдаем другую тенденцию: все эти годы группировка Мао Цзэ-дуна пытается, не меняя сущности режима как военно-бюрократической диктатуры, подавить сепаратизм и перевести руководство страной с рельс малоэффективного и опасного для правящей верхушки военного контроля на рельсы политического контроля со стороны маоистской партии, в которую военные кадры были бы включены в качестве составного и подчиненного элемента.

Привилегированное социально-экономическое положение военных

Милитаризм в сегодняшнем Китае является следствием реализации маоистской концепции социально-экономического развития, которая включает в себя в качестве важнейшей составной части идею о насилии как универсальном средстве решения экономических и политических проблем. Нельзя не согласиться с теми учеными⁴, которые начало повсеместного внедрения насильственно-административных методов руководства и военизации общественной жизни в КНР относят к 1958 г., когда группе Мао Цзэ-дуна удалось навязать КПК и китайскому народу авантюристическую политику «трех красных знамен», которая была направлена на тотальную мобилизацию людских и материальных ресурсов, в целях искусственного форсирования темпов эко-

⁴ См.: М. И. Сладковский, А. П. Морозов, В. И. Акимов. Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974, с. 224—227.

номического и военного развития. Основным методом ее проведения стало подчинение всей системы организации труда и быта армейской дисциплине. Эта политика с ее отказом от материального стимулирования или его максимальным ограничением, ставкой на голый энтузиазм, стремлением к предельному уровню обобществления средств производства, с уравнительным распределением основана на использовании военных форм организации. Она существует в той или иной степени с начала 60-х гг. и по настоящее время как принципиальная «линия» Мао Цзэ-дуна и его сторонников.

IX съезд КПК официально провозгласил и закрепил курс на усиление милитаризации страны. В следующем году на II пленуме ЦК КПК девятого созыва этот курс был подтвержден. В коммюнике пленума было записано, что армия, ополчение и все население должны еще больше усилить подготовку к войне «в идейном, материальном и организационном отношениях». II пленум рассмотрел и утвердил доклад Военного совета ЦК КПК об усилении работы по подготовке к войне⁵.

Известно, что «подготовка к войне» в Китае включает ряд социально-экономических моментов, усиливающих милитаризацию общества в целом. Так, формирование производственного цикла предприятий перестраивается с учетом перевода их на выпуск военной продукции, ведется накопление запасов продовольствия в деревне. Предпринято строительство бомбоубежищ, подземных заводов и целых «городов», дублирующих наземные пункты, особых объектов на случай войны (железнодорожные пути, специальные пункты разгрузки, шоссейные дороги и т. п.). Повсеместно проводится обучение населения, начиная с учащихся начальных школ, методам «народной войны». Развертываются отряды народного ополчения в деревне и в городе. Все годы идет расширение производственно-строительных корпусов НОАК в Тибете, Синьцзяне, Внутренней Монголии, провинциях Хэйлуцзян, Ганьсу, Цинхай, Гуандун и др. Сохраняются военизированные формирования хунвэйбинов и хунсяобинов. Засекречена вся хозяйственно-финансовая статистика и местная печать.

Удивительно ли, что в обстановке всеобщего военного психоза в Китае привилегированное положение военных воспринимается как естественное явление. Оно обуславливается прежде всего экономическим могуществом армии. Это положение достаточно полно отражено в ряде исследований по современному Китаю как у советских, так и у зарубежных исследователей. Например, советские экономисты показали, что в КНР разделен народнохозяйственный организм на два сектора: военный и гражданский⁶. Первый находится в особом положении с точки зрения централизованного обеспечения сырьем, электро-энергией, оборудованием, квалифицированными кадрами. Этот сектор охватывает современные крупные и средние предприятия военной промышленности и обеспечивающих ее отраслей тяжелой индустрии. Руководство подобными предприятиями находится под централизован-

⁵ Сейчас мы также знаем, что именно в дни II пленума ЦК КПК девятого созыва открыто проявились разногласия в пекинском руководстве, которые в конечном итоге привели к устранению Линь Бяо и его фракции. Судя по китайской печати, Линь Бяо был не согласен с переориентацией армии на сотрудничество с американским и мировым империализмом.

⁶ См.: О. Е. Владимиров. О некоторых особенностях современного положения в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3; В. И. Акимов. Некоторые особенности современной промышленности КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2; В. Гельбрас. Два «яруса» китайской экономики. — «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 9, и др.

ным контролем армии и Госсовета КНР. В армейских госхозах и строительных корпусах НОАК, снабженных удобрениями, тракторами и другой сельскохозяйственной техникой, производится большая часть товарного зерна страны. Что же касается второго, гражданского, сектора производства, то он базируется на местных материальных и трудовых ресурсах, полунатуральном сельском хозяйстве, мелкой местной промышленности. Главной его задачей продолжает оставаться обеспечение развития производства по принципу «опоры на собственные силы», без какой-либо существенной помощи со стороны государства, но при условии обязательного отчисления государству львиной доли материальных и финансовых средств.

Подобное разделение народного хозяйства на два сектора началось в годы «большого скачка» и сложилось к середине 60-х гг.; оно означало гипертрофирование военно-промышленного комплекса и соответственно нарастание роли армии в КНР. В частности, в ведение централизованной части хозяйства переданы: крупная промышленность и часть средних предприятий, имеющих военное значение; центральная система транспорта и связи; банковская система; внешняя торговля; оптовая торговля, особенно сбыт средств производства и продукции крупной промышленности; заготовительная система, в первую очередь заготовка зерна, масличных культур и хлопка; научно-исследовательские институты и вузы, удовлетворяющие нужды армии. В сфере второго сектора, который относится к местной системе управления, находится большая часть сельского хозяйства, которая реализует государственные задания, местная промышленность (мелкие и средние предприятия), кустарное и ремесленное производство, местный транспорт, розничная торговля, большая часть местных школ и учреждений здравоохранения⁷. К сожалению, отсутствие надежных статистических данных по КНР не позволяет дать точное заключение о пропорциях капиталовложений в первый и второй секторы, о распределении бюджетных средств для них, поскольку пекинское руководство тщательно скрывает действительную картину военизации экономики. По оценкам советских экономистов, только за 1960—1970 гг. ежегодные расходы КНР на военные нужды возросли с 5,8 до 20 млрд. юаней, то есть более чем в 3,5 раза. Эта сумма превышает $\frac{1}{3}$ бюджета страны⁸.

Гонка вооружений сопровождается широким наступлением на жизненный уровень китайского народа, объективно она ставит военных в привилегированное положение.

Трудные условия жизни в Китае заставляют молодежь стремиться в армию, где по сравнению с гражданским населением установлены более высокие нормы денежного и продовольственного обеспечения. Так, например, в норму ежемесячного продовольственного довольствия рядовых и младшего комсостава входит 23 кг зерновых, что на 8—10 кг больше, чем у рабочих и служащих. К этому следует добавить, что в 1971 г. сержантскому и младшему командному составу было повышено денежное содержание, которое составило от 40 до 90 юаней в месяц.

В условиях Китая для военнослужащих НОАК весьма важны и другие социальные льготы, которыми пользуются их семьи и родственники — освобождение от налогов и части обязательных продовольст-

⁷ Современный Китай. Социально-экономические проблемы (Сборник статей). М., 1972, с. 102.

⁸ А. П. Памор. Место и роль армии в социально-политической жизни современного Китая. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3.

венных закупок, принудительных мобилизаций на трудовую повинность, а также выдача всякого рода пособий и т. д. Военные занимают привилегированное положение в обществе и после демобилизации. По признанию «Жэньминь жибао», в «обществе распространено мнение, что, «став солдатом и вступив в партию, после демобилизации можно подыскать хорошую руководящую работу»⁹.

Маоистское руководство сознательно предоставляет льготы военным, поскольку военная сила прибегается не только для ведения войны, но и для подавления выступлений трудящихся.

К концу 1975 г. в западной прессе появились выводы доклада Объединенной экономической комиссии конгресса США, в котором содержатся оценки производства оружия. Согласно этим данным, производство оружия в Китае в 1974 г. составило 21,8% от общего объема промышленного производства¹⁰.

Динамика политической роли военных

К IX съезду КПК (апрель 1969 г.) армия была в зените своего могущества. Составляя по численности лишь седьмую часть Коммунистической партии Китая, военные послали на этот съезд около $\frac{2}{3}$ общего числа делегатов. Из 170 членов ЦК девятого созыва военные составили 43%, из 109 кандидатов в члены ЦК — 45%. В состав Политбюро из 21 человека входило 11 кадровых военных. Заместителем председателя ЦК КПК и «преемником председателя Мао» был назначен министр обороны Линь Бяо.

В отличие от Устава партии, принятого на VIII съезде КПК, в ст. 10 Устава партии, утвержденного IX съездом, говорилось о партсъездах в армии. В Уставе IX съезда отмечалось, что НОАК «обязана подчиняться руководству партии». Однако это было фикцией. На IX съезде фактически разгромленная в годы «культурной революции» КПК была представлена армейскими парткомами, а высшую власть осуществлял Военный совет ЦК под председательством Мао Цзэ-дуна и его заместителя Линь Бяо.

После IX съезда процесс становления и закрепления руководящей роли армии продолжался: 86% председателей «ревкомов» провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, 85% председателей «ревкомов» спецрайонов и автономных округов и 78% председателей «ревкомов» уездов были военными. Если к этому добавить 36% военных, которые занимали посты заместителей «предревкомов» провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, то ясно, что представители различных фракций армии заняли доминирующее положение в административных органах маоистской военно-бюрократической диктатуры.

В 1970 г. шел активный процесс создания под вывеской КПК маоистской партии. Основным организующим звеном этой кампании была армия. Анализ состава провинциальных парткомов, сформированных с декабря 1970 по август 1971 г., показывает, что около 72% первых секретарей парткомов провинций, городов центрального подчинения и автономных округов были военными. Такое положение полностью соответствовало тогдашнему указанию Мао Цзэ-дуна о том, что «первые секретари провинциальных парткомов» должны «быть военными». Как

⁹ «Жэньминь жибао», 24. II. 1975.

¹⁰ См.: «The Economist», 30. VIII. 1975.

далеко заходило засилье военного контроля в партийном и государственном аппарате КНР, показывает такой факт, что в 1970—1971 гг., например, в различных отделах ЦК 30% руководителей были военными, а среди ответственных работников министерств и госкомитетов более 45% также были военными.

Не следует, однако, абсолютизировать возрастание политической роли военных, говорить о завоевании армией власти в Китае после «культурной революции». Командование НОАК являло собой пестрый конгломерат фракций командиров, которые объединялись принадлежностью к группировкам выходцев из общих мест учебы, службы, по прежнему служебному подчинению и т. п. После IX съезда значительно усилилась, естественно, фракция командиров — выходцев из 4-й полевой армии, которой в прошлом командовал Линь Бяо. К лету 1971 г. представители группировки Линь Бяо составляли 40% военной элиты в центральном командовании, им же принадлежало около 40% всех ключевых гражданских постов. С этой точки зрения фракция Линь Бяо была лишь одной из наиболее усилившихся группировок военных. Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай в дальнейшем ловко использовали опасения других фракций военных перед усилением Линь Бяо.

«Сентябрьский кризис» 1971 г. и падение Линь Бяо были вызваны борьбой за власть. Внутренней причиной для ее вспышки послужило обострение борьбы между фракциями маоистского режима. Проблема сводилась к перераспределению рычагов власти и сфер влияния, устранению фракции Линь Бяо из системы власти. Решающим оказалось то, что по мере отхода от экстремистской линии «культурной революции» вся политическая система в целом все больше оказывалась под влиянием Чжоу Энь-лая. Когда появился противовес военно-контрольному механизму в лице новых парткомов, Чжоу Энь-лай смог выступить против Линь Бяо, а Мао Цзэ-дун поддержал Чжоу и его союзников, учтя новую расстановку политических сил.

Наиболее сложной для маоистов после сентября 1971 г. явилась проблема армии и связанная с этим более общая задача подавления всех явных и потенциальных оппозиционеров в рамках военно-политической системы. И после «сентябрьского кризиса» армия осталась важнейшей опорой режима, целиком сохраняющего свой военно-бюрократический характер. Поэтому в целой серии массовых кампаний после сентября 1971 г. речь шла не о механической замене военного контингента в рамках политической системы, а о еще большем подчинении армии маоистской диктатуре. Соответственно и широкая задача идейно-политической переориентации армии преобладала в сравнении с узкой задачей чистки определенных элементов в ее составе.

Мы не ставим перед собой задачу детального рассмотрения «сентябрьского кризиса» 1971 г., а попытаемся проследить дальнейшую политическую судьбу армии в системе военно-бюрократического режима Мао Цзэ-дуна, тем более что в зарубежных китайцеведческих кругах в связи с «делом Линь Бяо» говорят о «снижении политической роли армии», о «выдвижении на первый план партии», о полном отказе от политики «трех поддержек, двух военных частей» и т. д.

После «дела Линь Бяо» шла активная чистка его мнимых и явных сторонников. По некоторым данным, после устранения Линь Бяо в центре и на местах было заменено около 60% военных руководителей. К 1972 г. стало ясно, что 45% исчезнувших военных руководителей в центре принадлежали к группировке 4-й полевой армии Линь Бяо.

Этот процесс устранения сторонников Линь Бяо сопровождался шумной кампанией о выдвижении «свежих сил» на командные посты в

армии, то есть ставленников фракции руководителей «культурной революции», и провозглашением лозунга «партия командует винтовкой». На основе лозунга «соединения трех поколений в руководстве» в широких масштабах прошла чистка командного состава вплоть до полка, и выдвижение «молодых кадровых работников». Для подготовки младшего командного состава в начале 1972 г. были созданы специальные учебные заведения. В 1974 г. были сообщения о том, что «молодые кадры работники» широко представлены в командном звене армии от роты до полка включительно¹¹.

Стремление «лево»-радикального крыла маоистов поставить НОАК под свой контроль и обезопасить себя от возможного неповиновения со стороны высшего командования стало очевидным на X съезде КПК. Яснее определилось и стремление Мао Цзэ-дуна передать власть новому клану руководителей, группирующихся вокруг Цзян Цин, создав для них опору путем широкого обновления состава партии, включения в ее ряды промаоистских сил, выдвинувшихся в ходе «культурной революции».

В ЦК, сформированном на X съезде КПК, военные стали составлять 40,7% при явном преобладании лиц, группирующихся вокруг Мао Цзэ-дуна и Цзян Цин. Важно отметить, что из прежнего состава ЦК в новый состав не вошло 66 человек, из них 50 военные, или 75,7% не вошедших в новый список, причем это в основном были военные из группировки Линь Бяо.

Несмотря на то что военные в новом ЦК частично утратили свои позиции, анализ показывает, что именно среди военных было больше всего лиц, обладавших в то время реальной властью на местах. Самой представительной являлась группа лиц, служивших когда-то под командованием Сюй Сян-цяня и Лю Бо-чэна. Эти военные занимали ключевые посты в Военном совете ЦК КПК, министерстве обороны, Генштабе, Главпуре, командовании ВМС и ВВС НОАК. Они контролировали в 1973 г. военные округа Восточного и Северного Китая, являлись командующими региональными военными округами и первыми или вторыми секретарями парткомов, председателями или зампредами «ревкомов» провинций и автономных районов.

Наряду с этим после съезда сложилась диспропорция между усилением «лево»-радикального крыла маоистов в ЦК (до 39%) и их слабыми позициями в местных органах власти — парткомах и «ревкомах» провинций, автономных районов, городов (где их представительство в 1973 г. оценивалось в 4—6%). Такая ситуация требовала от фракции Цзян Цин дальнейшего упрочения своих позиций за счет подчинения своему контролю региональных командующих и борьбы с теми из них, кто выступит против.

О том, что X съезд явился лишь временной передышкой в преддверии новой борьбы за армию свидетельствовали некоторые аспекты «критики Линь Бяо и Конфуция», создание городского ополчения и то, что остались вакантными посты министра обороны и начальника Генштаба НОАК.

Наряду с политическими кампаниями, с созданием городского ополчения Мао Цзэ-дун предпринимал и серьезные организационные меры для ослабления центробежных тенденций, связанных с чрезмерно возросшей властью военных в политической системе. Так, например, для НОАК 1974 г. начался с сообщения о беспрецедентном перемещении командующих в 8 (из 11) больших военных округах Китая.

¹¹ «Жэньминь жибао», 16. VII. 1974.

Развитие внутривластной борьбы в Китае со времени X съезда КПК дает основание считать, что данные перемещения были следствием сдвигов в стратегии пекинского руководства — за установление контроля над армией со стороны группировки «лево»-радикальных лидеров.

Перемещенные военные деятели представляли мощные военные группировки, в руках которых была сосредоточена партийная административная и военная власть на местах. Перемещенные командующие потеряли посты первых секретарей и председателей «ревкомов» провинций¹². Вместе с тем командующие были удалены из своих опорных баз, что ослабило их власть. Если учесть, что в Пекинском, Гуанчжоуском и Цзинаньском военных округах вскоре были назначены новые политкомиссары (Цзи Дэн-куй, Вэй Го-цин, Бай Жу-бин), то очевидно, что данное перемещение явилось мерой, направленной на усиление контроля группировки Цзян Цин над НОАК.

Однако все это не привело к существенному снижению политической роли военных в органах власти на местах. В группе председателей «ревкомов» и их заместителей военные стали составлять 35%, то есть со времени чистки после «дела Линь Бяо» их представительство уменьшилось лишь на 4%.

Весьма показательны процессы манипулирования маоистами армией в связи с самой массовой кампанией 1974 г. — «критикой Линь Бяо и Конфуция».

До января 1974 г. сообщений о развертывании «критики Конфуция» в частях НОАК не было. В новогодней статье 1974 г. было указано, что «критика Конфуция является составной частью критики Линь Бяо», а передовая «Жэньминь жибао» 2 февраля 1974 г. подчеркнула роль «критики Линь Бяо и Конфуция» как «дела первостепенной важности всей партии, всей армии и народа всей страны». Анализ лозунгов и статей по «критике Линь Бяо и Конфуция» за 1974 г. свидетельствует о том, что в отношении НОАК эта кампания преследует вполне определенные цели, далекие от изучения истории, но имеющие очевидную связь со стремлением маоистов полностью контролировать армию.

Задачи «критики Линь Бяо и Конфуция» в НОАК были сформулированы в закрытом документе ЦК КПК «Чжунфа» № 3 от 22 января 1974 г., составленном на основании письма Цзян Цин роте химзащиты Н-ской части 20-го корпуса Чжэцзянского ВО. В первую очередь в нем подчеркивалось, что кампанию необходимо проводить с учетом указаний Цзян Цин («все части должны ухватиться за изучение писем тов. Цзян Цин как за главное дело углубления «критики Линь Бяо и Конфуция», потому что «это письмо воплощает в себе заботу председателя Мао и ЦК партии в отношении широких масс бойцов и командиров»). Таким образом, прежде всего проглядывало стремление группировки Цзян Цин играть роль директивного центра армии.

Стремление маоистов превратить НОАК в послушное орудие беспрекословной поддержки своей политики на местах вытекает из следующих задач, поставленных в том же документе. В «движении за критику Линь Бяо и Конфуция» НОАК обязывали: «1) изучать произведения председателя Мао; 2) повышать способность отличать истинный марксизм (подразумевается маоизм. — Авт.) от псевдомарксизма; 3) усиливать борьбу против ревизионизма; 4) овладевать социа-

¹² Например, 15 апреля 1974 г. агентство «Синьхуа» опубликовало сообщение о том, что Чжао-Цзы-ян назначен первым секретарем «паркома и председателем „ревкома“ провинции Гуандун».

листической революцией в области надстройки, обращая пристальное внимание на классовую борьбу в области форм сознания (т. е. проводить маоистскую политику.— Авт.); 5) горячо поддерживать новые явления, появившиеся во время культурной революции, укреплять и развивать великие достижения культурной революции; 6) своевременно откликаться на призывы партии и наносить удары там, где она укажет (т. е. служить карательным органом маоистов.— Авт.); 7) усилить идейно-политическое строительство частей; 8) стимулировать подготовку к войне».

Документ было предписано «распространить вплоть до рот», а ответственность за проведение «критики Линь Бяо и Конфуция» в НОАК «возложить на армейские парткомы всех ступеней».

Под видом борьбы с «мошенниками типа Линь Бяо» и защиты «новых явлений» активисты развернули критику командного состава армии. Предъявляя обвинения в отрицании достижений «культурной революции», выступлении против «социалистических новых явлений» и в консерватизме по отношению к выдвижению молодых кадров, старых кадровых командиров и политработников в широких масштабах стали отправлять в «школы 7 мая». Причем после возвращения их ставили на низшие посты, а вакантные должности занимали выдвиженцы «культурной революции», которые были подготовлены в специальных группах при парткомах частей.

Однако столь активное выдвижение «свежих сил» вплоть до полка и развертывание «широкой революционной критики Линь Бяо и Конфуция» в частях, под флагом которой проходило внедрение сторонников группировки Цзян Цин в НОАК, не могло не вызвать сопротивления кадровых военных. Резко обозначилась тенденция к формальному проведению кампании, к ее свертыванию в армии. Например, «Жэньминь жибао» выделила три недостатка в проведении «критики Линь Бяо и Конфуция»: «во-первых, в некоторых частях предложили вместо критики Линь Бяо и Конфуция сосредоточить все усилия на другом; во-вторых, не дают глубокого идейно-теоретического анализа преступлениям Линь Бяо; в-третьих, много и заумно говорят на собраниях, чтобы никто ничего не понял»¹³.

Таким образом, кампания встретила сильное сопротивление и противодействие со стороны местного военного руководства. Усиленно выдвигая своих сторонников на руководящие должности (вплоть до полка), фракции Цзян Цин в то же время, видимо, не удалось внедриться в руководящее звено военного руководства на уровне военных округов. На январь 1974 г. в целом по Китаю свыше 60% заместителей командующих большими военными округами и около 50% заместителей политкомиссаров были старыми кадрами Линь Бяо. При таком соотношении сил наступление под флагом «критики Линь Бяо и Конфуция», естественно, на местах захлебнулось. Ярким тому подтверждением явилась кампания дацзыбао летом 1974 г. В этот период во многих дацзыбао отмечалось, что «представителей масс» вытесняют из «ревкомов», оказывают на них давление, запрещают проводить «критику Линь Бяо и Конфуция». В качестве объектов критики дацзыбао называли видных военачальников и политкомиссаров, а из военных учреждений наибольшим нападкам подверглось Главное политуправление НОАК.

Нападкам за зажим «масс», зажим «критики Линь Бяо и Конфуция», «аресты представителей революционных масс», за «проведение

¹³ «Жэньминь жибао», 3. XII. 1974.

правой реставрации и создание независимых удельных княжеств» подверглись многие военные деятели.

Широкий размах кампании написания дацзыбао привел к обострению борьбы на местах. В 12 провинциальных центрах имели место вооруженные стычки между войсками и сторонниками радикальных маоистов, резко сократилось промышленное производство.

В такой обстановке Пекин вынужден был опереться на армию, роль военных возросла.

Однако кампания дацзыбао не прошла бесследно. В провинциях Гуандун, Хунань, Гуйчжоу, Цзянсу, Шаньдун, Фуцзянь и Цзянси на постах первых секретарей провинциальных парткомов одни военные были заменены другими, а Ли Дэ-шэн был снят с поста начальника Главпура НОАК. Основную роль в этих заменах играл учет фракционных интересов и комбинаций.

Рассматривая в целом кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция» в армии, нельзя не видеть и ее второй основной задачи — дальнейшей переориентации НОАК на идейно-политическую платформу маоизма. Программные установки «лево»-радикальных сторонников Мао в отношении НОАК в это время были аллегорически изложены в «антиконфуцианских» статьях за 1974 г.

Необходимость авторитарной власти Мао Цзэ-дуна и подчинения армии маоистским установкам была «обоснована» выдержками из классических канонов Сюнь-цзы и Хань Фэя, которые пропагандировали «твердую власть императора над владетельными князьями», то есть власть Мао над региональным командованием. Выдвижение на руководящие должности лояльных маоистов якобы вытекает еще из «кадровой политики» древнего полководца и императора Цао Цао, который «в армии и государстве назначал на посты способных». Милитаризация жизни страны, усиление подготовки к войне нашли свое «обоснование» в политике древнего сановника Шан Яна, который говорил: «Государство, опирающееся на сельское хозяйство и войну, спокойно, а правителя почитают», а также в действиях Ван Ань-ши, который будто бы стремился «сделать весь народ солдатами», что текстуально соответствует известному постулату Мао.

Наиболее часто в «исторических» статьях поднимался вопрос борьбы с местничеством и регионализмом военных. Подавляющее большинство июльских и августовских статей за 1974 г. в пекинской пропаганде было посвящено «борьбе центральной власти с владетельными князьями». Как указывала «Гуанмин жибао», древний термин «владетельный князь» ныне следует понимать как «местный милитарист»¹⁴.

Той же цели идейно-политической переориентации армии служила кампания против «военной линии Линь Бяо», начавшаяся с 1 августа 1974 г.

Важное место в новой кампании заняла критика «горного местничества Линь Бяо», то есть, по сути дела, сепаратистских настроений военных. Утверждалось, будто Линь Бяо рассматривал районы, находившиеся под его командованием, как «независимые удельные княжества», «выступал против директив председателя Мао, ЦК КПК и Военного совета ЦК КПК, саботировал централизованное руководство и единое командование, по многим вопросам предварительно не запрашивал инструкций, а после прошедших событий не докладывал»¹⁵.

¹⁴ «Гуанмин жибао», 29. VI. 1974.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 11. VIII. 1974; 13. IX. 1974.

Такие нападки на Линь Бяо можно расценить как предупреждение военным руководителям на местах. Косвенно это признал журнал «Хунци», когда указал, что «в военном деле идет борьба с антипартийной группировкой Линь Бяо по вопросу о том, чья линия будет командовать винтовкой ... поэтому, хотя Линь Бяо уже нет, это отнюдь не означает окончания борьбы»¹⁶.

Как следует из приведенных фактов, идейно-политическая обработка армии в маоистском духе, непрерывные чистки ее командного состава преследуют цель превратить НОАК в слепое орудие Мао Цзэ-дуна и его политических преемников.

Как уже говорилось, в западной синологической литературе много говорят об отмене «военного контроля» в Китае. Однако так ли это? В 1971 г. после устранения Линь Бяо в Пекине распространилась листовка, в которой призывали «отказаться от политики «трех поддержек, двух военных частей».

Однако и сейчас, через 4 года после «сентябрьского кризиса» 1971 г., армия «поддерживает левых», «поддерживает промышленность», «поддерживает сельское хозяйство», «участвует в политическом обучении населения». Фактически имеет место и «участие в военном контроле», только в видоизмененных формах. Не потому ли это происходит, что ни одна из соперничающих группировок в маоистском руководстве не может пойти на снижение политической роли армии, так как это подорвало бы саму основу режима? «Лево»-маоистские лидеры, например, отвергают даже саму мысль о выводе военных из аппарата управления, считая военный контроль одним из завоеваний «культурной революции». Ван Хун-вэнь в речи 14 января 1974 г. недвусмысленно выступил против руководителей, которые требуют «старых кадровых работников... вернуть на свои места, новых кадровых работников вернуть на рабочее место, военных, «поддерживающих левых», вернуть в части, потому что культурная революция была большой ошибкой». Он сказал: «Этого делать нельзя ни в коем случае».

Борьба за право манипулирования армией продолжается. В этой связи совсем не случайным выглядит недавнее назначение Чжан Чуньцяо, выдвиженца «культурной революции», на пост начальника Главпура НОАК. Тем более что в китайской армии положение политкомиссаров выше, чем любого командира.

Подтверждением того, что армия по-прежнему остается главной опорой военно-бюрократического режима группы Мао Цзэ-дуна, является массовая кампания «за изучение теории диктатуры пролетариата». Армейские пропагандистские группы являлись главными организаторами и проводниками новой кампании. Так как в кампании главным объектом является китайский пролетариат, то, естественно, вновь возрожден лозунг об армии как «главной опоре диктатуры пролетариата»¹⁷. Китайская печать перечислила следующие задачи армии в указанной кампании: «Борьба с идеологией буржуазного права (так в Китае сегодня называют право рабочих получать по труду.— Авт.); борьба с новыми буржуазными элементами среди членов партии, рабочих и крестьян; подавление «внутренних классовых врагов»¹⁸. Таким образом, армию вновь и вновь призывают расправиться с антимаоистами.

¹⁶ «Хунци», 1974, № 9.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 12. II. 1975.

¹⁸ Там же, 2. IV. 1975.

Карательно-репрессивный аппарат в системе маоистской диктатуры

К. А. Егоров

Режим военно-бюрократической диктатуры, установленный маонистами в результате «культурной революции», законодательно закреплён в новой конституции КНР, принятой год назад. Маоистский режим основан на жесточайшем насилии, хотя в основном законе он именуется «социалистическим государством диктатуры пролетариата»¹. Игнорируя созидательную роль диктатуры пролетариата, Мао Цзэ-дун и его сторонники пытаются свести всю деятельность государственной власти к подавлению «реакционных классов» внутри страны и решению внешнеполитических задач в соответствии с гегемонистскими, великодержавными устремлениями маонистов. При этом под «реакционными классами» маонисты подразумевают всех, кто не исповедует «идей Мао Цзэ-дуна», и «классовая борьба», таким образом, выступает как всемерное подавление инакомыслия. Любое критическое выступление в современном Китае может быть расценено как враждебная акция «классового врага».

Утверждая, что «управление страной путем насилия является исторической необходимостью»², маонисты ссылаются на «идеи Мао Цзэ-дуна» — будто в условиях диктатуры пролетариата необходимы революции, необходимы многократные повторения переворотов типа «культурной революции»³. Подобные «идеи», как известно, находятся в вопиющем противоречии с марксистско-ленинским учением о диктатуре пролетариата. В. И. Ленин указывал, что насилие не составляет главной сущности диктатуры пролетариата и что «...все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой»⁴. Не отрицая, разумеется, необходимости подавления любых попыток реставрации старой власти, В. И. Ленин видел главную задачу пролетарского государства в том, что «пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом»⁵, и придавал особое значение хозяйственно-организаторской функции государства диктатуры пролетариата.

В условиях обобществления основных средств производства маоистский режим, естественно, не может совершенно игнорировать хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную деятельность. Но и все эти виды деятельности маонисты стремятся проводить с помощью на-

¹ Конституция Китайской Народной Республики (принята на первой сессии ВСНП четвертого созыва 17 января 1975 г.). — «Жэньминь жибао», 20. I. 1975.

² «Жэньминь жибао», I. VIII. 1974.

³ Устав Коммунистической партии Китая (принят X съездом КПК 28 августа 1973 г.). — «Жэньминь жибао», 2. IX. 1973.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 122.

⁵ Там же, т. 39, с. 13.

силственных мероприятий. Все это и обусловило формирование в Китае мощного, всепроникающего карательно-репрессивного аппарата, являющегося важной составной частью механизма военно-бюрократической диктатуры. Маонисты не скрывают, что армия, полиция и суд являются для них главными компонентами механизма государственной власти, призванного служить «орудием подавления и насилия»⁶.

В числе названных трех компонентов маоистского аппарата подавления первое место по-прежнему занимает армия. Выполнение армией Китая чуждых армиям социалистических стран функций карательного органа определяет ее роль главной опоры маоистской диктатуры. Эта функция значительно усилена в новой конституции КНР, предусматривающей, что главнокомандующим вооруженными силами (армией и народным ополчением) является председатель ЦК КПК, то есть Мао Цзэ-дун. При этом армия называется не только «боевым отрядом», но также «рабочим» и «производственным отрядом» (ст. 15), что облегчает ее использование для решения хозяйственных и тесно связанных с ними внутривнутриполитических проблем.

Во время «культурной революции» карательные акции проводились специальными воинскими частями «поддержки левых», которые обеспечивали маонистам «захват власти» по всей стране. Военнослужащие, получившие право на вмешательство в деятельность народных коммун, стали осуществлять внеэкономическое принуждение крестьян к труду, выявлять «классовых врагов» среди крестьян, пытавшихся совмещать работу в производственной бригаде с обработкой собственного приусадебного участка. В настоящее время во время посевной или уборочной кампании в сельском хозяйстве специально выделенные воинские части обязаны «мобилизовывать» массы крестьян на своевременное выполнение работ, вести борьбу с «подрывными» действиями «классовых врагов». При этом военнослужащие вмешиваются в производственную деятельность бригад, расправляются с должностными лицами, ведут различного рода расследования и т. п.

После «культурной революции» одной из наиболее активных форм участия армии в проведении политики маонистов явилась деятельность армейских агитбригад по пропаганде «идей Мао Цзэ-дуна» — специальных вооруженных отрядов, которые занимались выявлением «классовых врагов», вели идеологическую обработку населения Китая в духе маонизма. Военнослужащие агитбригад осуществляли аресты, вели следствие, с формального согласия соответствующего «ревкома» устраивали массовые судилища («митинги борьбы») и исполняли смертные приговоры.

Армия продолжает служить маонистам главной опорой при проведении массовых политических кампаний, неизменно сопровождаемых широкими репрессиями. Без помощи армии маонистам не удалось бы выселить из городов и удержать в отдаленных сельских и горных районах Китая десятки миллионов молодежи, а также проводить кампанию массового перемещения кадровых работников на низовые должности или направлять их в деревню для «перевоспитания» крестьянами.

Выполнение армией жандармских функций дополняется деятельностью народного ополчения, созданного в сельской местности, а затем и в городах. Народное ополчение включается в организационную структуру механизма маоистской диктатуры. В сельской местности вопросы ополчения занимают отделы народных вооружений, подчиненные партийному руководству, военному командованию (в части ведения «клас-

⁶ «Хунци», 1972, № 8.

совой борьбы»). В городах создаются штабы народного ополчения, командования ополчения и руководящие группы по работе ополчения. Партийные органы тесно увязывают деятельность руководящих органов армии, ополчения и общественной безопасности.

Народное ополчение действует вне рамок законности. Оно руководствуется исключительно требованиями «практической целесообразности», разумеется в маоистском понимании. На ополчение маоистами возложены задачи по участию в «классовой борьбе», раскрытию «заговоров классовых врагов», по охране удобного маоистам порядка, проверке благонадежности населения, производству произвольных обысков, поимке молодежи, бегущей в города из отдаленной сельской местности, розыску «замаскировавшихся контрреволюционеров» и «вредных элементов», то есть недовольных маоистским режимом, патрулированию улиц городов, охране важных объектов и т. п.

Городское ополчение помогает маоистскому руководству на местах осуществлять внеэкономическое принуждение рабочих и служащих добиваться выполнения производственных планов при отсутствии материального стимулирования труда. Например, по официальным китайским сообщениям, на гуанчжоуской бумажной фабрике выполнение производственных заданий обеспечивается ополченцами. Особая роль отводится ополчению в ходе проведения сменяющих друг друга маоистских политико-идеологических кампаний («критика Линь Бяо и Конфуция», «изучение теории диктатуры пролетариата», «обсуждение» романа «Речные заводи»).

Кроме армии и ополчения, для подготовки и проведения репрессий группа Мао Цзэ-дуна использует специальные органы, выполняющие задачи слежки и полицейские функции. Ведущее место среди них принадлежит органам общественной безопасности. Они получили право производить аресты, вести допросы и предварительное следствие без санкции прокуратуры или решения суда. Чтобы облегчить расправу над своими противниками с помощью органов безопасности, маоистское руководство ликвидировало народные прокуратуры — органы, которые по конституции КНР 1954 г. были призваны следить за точным и неукоснительным соблюдением законов государственными органами, работниками государственного аппарата и гражданами и которые не должны быть зависимыми от государственных административных органов на местах (ст. 81)⁷. Согласно новой конституции КНР, принятой в 1975 г., функции прокуратур передаются органам общественной безопасности (ст. 25).

Органы общественной безопасности теперь сами принимают решения о проведении репрессий, сами исполняют их и сами же «контролируют» исполнение собственных решений, отнюдь не руководствуясь законами государства и не подчиняясь судебному надзору со стороны Верховного народного суда. В их ведении находятся исправительно-трудовые учреждения, за деятельностью которых отсутствует надзор со стороны других государственных органов. Это открывает широкие возможности для изоляции неугодных маоистам лиц.

Исключительной компетенцией органов безопасности является проведение дознания и следствия по всем «серьезным делам». При этом признание вины, полученное органами безопасности, считается достаточным основанием для вынесения приговора. Если также учесть, что органам безопасности подчинена полиция, становится очевидным, сколь огромными полномочиями обладают эти органы в проведении карательной политики маоистского режима.

⁷ Конституция Китайской Народной Республики. М., 1954.

Для повышения эффективности карательных мероприятий органов безопасности в производственных бригадах сельских коммун, в городских кварталах, на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях созданы так называемые комитеты охраны порядка. Эти «массовые» органы привлекаются для слежки за населением и выявления «контрреволюционеров», «вредных элементов» и прочих «классовых врагов».

Наиболее массовым способом обнаружения скрытых политических или идейных противников Мао Цзэ-дуна является деятельность всеохватывающих групп «учебы», создаваемых по территориальному и производственному принципам, а также «школ 7 мая» для кадровых работников, в которых на деле ведется не учеба, а взаимная «критика» и «самокритика», поощряются покаяния и взаимные доносы. Для открытых или анонимных доносов используются «широкие высказывания мнений», собрания «борьбы», газеты больших иероглифов (дацзыбао), приемы населения, организуемые партийными и административными работниками, проведение «социальных обследований» с целью отыскания «пятен» в биографиях лиц, подозреваемых в принадлежности к скрытым «врагам».

Для усиления контроля и слежки за населением городов организованы «большие социалистические дворы», руководство которых подчинено квартальным «ревкомам» и контролируется местными органами безопасности. Подобная система организации населения напоминает старокитайскую систему «баоцзя» (десятидворки, стодворки), в которой применялась система взаимной ответственности — круговая порука. При этом следует иметь в виду, что китайские граждане лишены права на свободное передвижение по стране. На всей территории Китая осуществляется строжайший контроль за появлением новых лиц, прибывших из других районов страны. Такой контроль ведется силами воинских частей местного гарнизона, а также отрядов народного ополчения, которые патрулируют улицы и дворы, дежурят в жилых домах и общественных местах, проверяют документы и производят обыски без ордеров. С этой же целью используются «инспекционные бригады», составленные из представителей армии, ополчения, органов безопасности, а также «красные роты охраны» и «красные часовые», привлекающие подростков. Помимо этого, престарелых жителей побуждают сидеть вдоль дорог и пристально всматриваться в лица прохожих. Подобными способами маоистский режим стремится обеспечить всеобъемлющий контроль за населением страны.

В ходе формирования военно-бюрократической диктатуры существенные качественные изменения произведены и в других ранее существовавших органах народно-демократического государства. Так, народные суды наряду с рассмотрением уголовных и гражданских дел стали использоваться для «чисток» и репрессий. При этом были отброшены такие социалистические принципы организации и деятельности судов, предусмотренные конституцией и законом об организации народных судов 1954 г., как осуществление правосудия только судами, независимость судов от местной администрации, коллегальная форма деятельности судов, участие народных заседателей, гласность судопроизводства, предоставление обвиняемому права на защиту.

В новой конституции эти принципы отброшены, и при рассмотрении дел рекомендуется проводить «линию масс», что открывает пути для беззакония и произвола. По новой конституции судебную систему возглавляет Верховный народный суд. На местах судебные функции осуществляют народные и специальные народные суды. Местные народные суды делятся на три ступени. В провинциях, автономных областях и городах центрального подчинения действуют суды высшей ступени, в районах и городах провинциального подчинения — суды средней ступени, в уездах и

небольших городах районного подчинения, а также в административных районах крупных городов — суды низшей ступени. К специальным народным судам относятся военные суды, суды горнорудных предприятий и железнодорожные (линейные) суды.

По конституции КНР 1954 г. Верховный народный суд осуществлял высший судебный надзор. Конституция же 1975 г. предусматривает, что Верховный народный суд осуществляет лишь судебные функции наряду с прочими судами (ст. 25). В настоящее время суды фактически работают под контролем партийно-административных органов. Деятельность народных судов лишена гласности. Для судопроизводства не существует никаких законодательно закрепленных процессуальных норм. Задача судов заключается прежде всего в обеспечении необходимых условий для проведения маоистской политики на местах и в применении санкций в отношении тех, кто так или иначе не согласен с нею.

Характерным примером служит использование судов для наказания тех, кто не согласен с маоистской кампанией высылки городской молодежи в отдаленные сельские и горные районы. Надо заметить, что эти высылки сопровождалась преступлениями власть имущими. Эти преступления были столь возмутительными, что даже маоистский режим вынужден был предать виновных суду. Так, в конце 1973 г. в ряде районов Китая была проведена серия судебных процессов по делам лиц, причастных к актам произвола и насилия в отношении девушек, высланных из городов. Например, суд уезда Цзиньчжай (провинция Аньхой) рассмотрел ряд уголовных дел по обвинению 6 человек в растлении несовершеннолетних девушек, полигамном сожителстве и т. п. В решении Тяньцзиньского городского суда по делу 29 человек, обвиненных в изнасиловании девушек, направленных в деревню, наказанию подлежали также руководящие работники, которые создали в деревне атмосферу полнейшего беззакония и произвола в отношении высланной молодежи, распоряжались ее жизнью и судьбой, заставляли работать неограниченное время, произвольно распределяли доходы и т. п. Характерно, что в вынесенных судом приговорах эти лица осуждались не за конкретные уголовные преступления в отношении китайских граждан, а за «подрыв политики партии» по высылке городской молодежи.

Следует также отметить, что смертные приговоры по этому делу были утверждены местным «ревкомом», а не Верховным народным судом, как это предусматривалось Постановлением сессии Всекитайского собрания народных представителей от 15 июля 1957 г.⁸, требующим рассмотрения и утверждения Верховным народным судом всех дел, связанных с применением смертной казни. Этот акт, как и многие другие законодательные акты народно-демократического государства, фактически отменен по «указанию» Мао Цзэ-дуна, который накануне «культурной революции» объявил: «Мы снимаем запрет на казни».

«Культурная революция» возвела внесудебные расправы над противниками маоистов в норму жизни режима военно-бюрократической диктатуры. Право «судить» в современном Китае имеют не только суды, но и руководящие работники административного и партийного аппарата. Для прикрытия незаконного характера административных расправ применяется официально закрепленная в конституции 1975 г. «линия масс». Под предлогом выявления «непосредственной воли революционных масс» маоисты устраивают массовые судилища, на которых выносятся заранее подготовленные администрацией приговоры. На этих же судилищах якобы

⁸ Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики (1954—1958). М., 1959, с. 680—681.

«по требованию масс» могут изменяться и решения народных судов, если вынесенные ими приговоры покажутся администрации «мягкими». В таких случаях применяется процедура «диктатуры масс», которая позволяет участникам массового судилища приносить жалобы на недостаточно жесткие приговоры народных судов. Это открывает широкие возможности для административной расправы над неугодными маоистским властям лицами под прикрытием «линии масс».

Стремясь обеспечить принятие «массовыми судами» угодных им решений, маоисты тщательно разработали методику разжигания страстей у масс, сгоняемых для участия в судилище. Так, в одной из маоистских установок говорится о необходимости прежде всего «возбудить массы», «настроить их воинственно против воображаемых «врагов народа», затем ослабить возбуждение и вести идеологическую обработку для принятия заранее подготовленного приговора. Для выдвижения обвинения против подсудимых заранее готовятся «активисты». В заключение судилища массы вновь приводятся в такое возбуждение, чтобы чувство негодования не покидало их и после исполнения смертного приговора.

Для маоистских массовых судилищ, применяющих процедуру «диктатуры масс», типично привлечение лжесвидетелей, составление обвинительных заключений на основании ложных доносов или показаний, полученных органами общественной безопасности, активная психологическая обработка участников массовых судилищ, лишение обвиняемого в праве на защиту и обжалование «приговора масс», унижение человеческого достоинства подсудимых перед вынесением и исполнением приговора, глумление над трупами казненных.

Пытаясь оправдать незаконные, маоисты ссылаются на то, что «зависимость от права» будто бы мешает развитию «массового революционного движения»⁹, будто «коренная роль права» заключается только в «подавлении врагов»¹⁰, а не в защите прав и законных интересов граждан. Во время «культурной революции» Мао Цзэ-дун настаивал на разрушении всей политико-юридической системы КНР, которая мешала проводить массовые репрессии под видом «линии масс». Несмотря на формальное сохранение некоторых компонентов прежней политико-юридической системы, после «культурной революции» маоистам удалось использовать законодательно закрепленную «линию масс» для проведения репрессий и карательных акций в обход законов, без участия специализированных органов государства. Не случайно в разгар кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» появились дацзыбао, свидетельствующие о казни на массовых судилищах тех, кто выражал недовольство кампанией.

Проведение своей карательной политики на местах маоистское руководство пытается обеспечить с помощью жесткого централизованного контроля над системой карательных органов со стороны политико-юридических канцелярий «ревкомов», которые непосредственно подчиняются «руководящим ядрам» — специально подобранной сверху узкой группе лиц, совмещающих руководящие должности в парткомах и «ревкомах». Строгая иерархия системы «руководящих ядер» создает необходимые условия для бюрократической централизации всех государственных органов, в том числе карательно-репрессивного аппарата. Деятельность всей системы карательных органов обеспечивается работой механизма партийно-политической и военной разведки и контрразведки, направляемого социальным отделом ЦК КПК, Главным политическим управлением и охранным отделом Генерального штаба вооруженных сил.

⁹ «Чжунго циннянь бао», 20. X. 1956.

¹⁰ «Чжэнфа яньцзю», 1963, № 3.

Перечисленные органы в свою очередь находятся под неусыпным надзором маонистской верхушки. Слежку за работниками спецорганов, как и за всеми работниками высшего эшелона партийного и государственного руководства, осуществляет Группа по расследованию специальных дел ЦК КПК, которую до последнего времени возглавлял приближенный Мао Цзэ-дуна, «палач партии»¹¹ Кан Шэн. О деятельности этой группы официально упоминается очень редко. О ней говорилось в коммюнике «расширенного» XII пленума ЦК в октябре 1968 г. в связи с «делом Лю Шао-ци», а затем в августе 1973 г. в связи с расследованием «контрреволюционных преступлений антипартийной группы Линь Бяо». Центральная группа опирается в своей деятельности на широкую сеть местных групп по расследованию спецдел, ведущих подробные досье на кадровых работников партийного и государственного аппарата. Таким образом обеспечивается всеохватывающая слежка за кадровыми работниками.

Карательно-репрессивный аппарат маонистов располагает целой системой исправительно-трудовых учреждений: тюрьмы, исправительно-трудовые лагеря, воспитательно-трудовые лагеря, лагеря принудительного труда, воспитательно-трудовые колонии для несовершеннолетних. Все они мало чем отличаются друг от друга по режиму содержания осужденных. По зарубежным данным, в них содержится около 20 млн. заключенных¹². Заключенные не имеют права обжаловать условия своего содержания. Администрация исправительно-трудовых учреждений может по своему усмотрению усиливать режим содержания осужденных и созывать «митинги борьбы», на которых «массы» утверждают заранее predetermined меры наказания в отношении самих себя. Эти меры включают и смертную казнь.

На основе совместных решений администрации исправительно-трудового учреждения и органа общественной безопасности может продлеваться срок заключения. Иногда для формального подкрепления подобных решений сами же заключенные сгоняются администрацией на «митинги одобрения наказаний». Администрации дано право оставлять в качестве «добровольцев» на постоянное жительство в малонаселенных местах лишения свободы лиц, отбывших полный срок заключения, прошедших специальную идеологическую проверку, раскаявшихся в содеянном и доказавших свое «исправление» и превращение в «новых людей».

Немногочисленные группы лиц, которые освобождаются из мест заключения, попадают в обстановку презрения и моральных унижений. Они оказываются под строгим контролем комитетов охраны порядка, администрации предприятий, органов общественной безопасности. Такие люди должны доказать органам слежки свое «исправление», продолжать самоуничтожение под видом «самокритики» и раскаяния. Семья и соседи несут ответственность за поведение этих лиц и обязаны регулярно информировать органы безопасности об их мыслях и поступках. В таких условиях появляется масса «добровольцев», желающих трудоустроиться в местах заключения. По своему общественному положению они мало чем отличаются от заключенных. Родственникам «добровольцев» строго запрещено проживать вместе с ними в лагерной «гостинице». Их заработная плата (18—22 юаня) гораздо меньше заработной платы неквалифицированного рабочего на заводе (36 юаней). Поэтому из мест заключения возвращаются домой только, как правило, лица, утратившие трудоспособ-

¹¹ Назван так за расправы над китайскими коммунистами еще в ходе кампании «упорядочения стиля» (1942—1945). См.: П. П. В л а д и м и р о в. Особый район Китая, 1942—1945. М., 1973.

¹² «International Herald Tribune». Paris, 1974, February 2—3, p. 14.

ность, и женщины. Безвыходность положения, невозможность начать новую жизнь после отбытия срока наказания, является одной из причин роста числа нарушений внутреннего распорядка заключенными, теряющими всякий интерес к своей судьбе. Маоисты отвечают на это усилением карательных акций против них, изысканием изошренных мер, специальной психологической обработки заключенных концлагерей и тюрем.

Для облегчения слежки и контроля заключенные всегда разбиваются на небольшие группы из 10—15 человек. Общение с заключенными другой группы сводится к минимуму и возможно лишь в очень короткий период отдыха. Состав групп определяется администрацией лагеря таким образом, чтобы обеспечить наибольший эффект от «критики» заключенными друг друга, не допустить гуманных отношений между ними. С этой целью подбирается самый разношерстный состав группы: в нее включаются заключенные, прибывшие из разных провинций, имеющие различный уровень образования, совершившие различные по своему характеру и тяжести вины преступления против режима. Администрация производит частые перемещения из одной группы в другую, всячески поощряет работу осведомителей-активистов¹³. Необходимым условием освобождения из мест заключения в КНР является «критика» заключенным не менее 6 других членов своей группы. Все это порождает страх и взаимное недоверие заключенных друг к другу, «критика» превращается в разжигание антагонизмов между ними, служит средством усиления элементов кары, а вовсе не эффективным средством контроля за поведением лиц, лишенных свободы.

Постоянное моральное давление на заключенных с помощью «идей Мао Цзэ-дуна» и запугивание смертной казнью приводит к тому, что заключенные утрачивают качества психически нормальных людей. Например, бывший заключенный Бао Жо-ван (гражданин Франции) после возвращения из Китая поведал миру о том, как в тюрьму, где он отбывал срок заключения, поместили одного китайца, от которого власти требовали признать свою «вину». С помощью запугивания, угроз и специальной обработки сознания работники органов безопасности заставили этого человека «признать» предъявленное ему обвинение. Через несколько месяцев администрация установила, что он не совершал преступления, а принял на себя вину другого лица. Однако угрозы расправы за непризнание предъявленного ему ранее обвинения настолько сильно подействовали на психику заключенного, что он побоялся выйти из заключения, когда ему объявили об освобождении¹⁴.

Стараясь завуалировать антисоциалистический характер своей карательной политики, маоисты придают ей характер борьбы против «классовых врагов». Перед «культурной революцией» Мао Цзэ-дун объявил, что в китайском обществе скрывается около 5% «врагов». Для охоты за ними создавались «специальные бригады по выявлению 5% врагов». При этом «врагов» стали классифицировать по 5 категориям: 1) неперевоспитавшиеся помещики; 2) кулаки; 3) «контрреволюционеры»; 4) «вредные элементы»; 5) «правые».

Произвольное применение, например, категорий «вредный элемент» или «правый» позволяет обрушивать репрессии на любого гражданина КНР. К числу «правых», как известно, был отнесен Линь Бяо, названный ранее «левым». К одной и той же категории «контрреволюционеров» в Китае относят и уголовных преступников, совершающих убийства, поджоги, и лиц, выступающих с критикой «идей Мао Цзэ-дуна». За выступ-

¹³ M. K. Whyte. *Small Groups and Political Rituals in China*. Berkeley, 1974.

¹⁴ Bao Ruo-wang and R. Chelminski. *Prisoner of Mao*. New York, 1973.

ление против «культурной революции» Линь Бяо, который, по словам Яо Вэнь-юаня, называл диктатуру Мао Цзэ-дуна режимом «современного императора Цинь Ши-хуана», его группу маоисты именуют «антипартийной группировкой, отражающей требования «контрреволюционеров» и прочих категорий «классовых врагов»¹⁵.

Карательная политика маоистов направлена также на подавление китайских трудящихся, стихийно или сознательно сопротивляющихся проведению маоистской политики. Выступая против применения экономических методов руководства, маоисты ратуют за внеэкономическое принуждение трудящихся, за интенсификацию труда ради решения гегемонистских, великодержавных планов создания «Великого Китая». Всех, кто сопротивляется подобному курсу, маоисты называют «новыми буржуазными элементами» и в рамках кампании за «ограничение буржуазного права» ведут против них борьбу.

Борьба с «обычными» преступлениями и нарушениями общественного порядка занимает второстепенное место в условиях маоистского режима. При этом следует иметь в виду, что маоистская «культурная революция», связанная с жесточайшим насилием, кровавыми схватками между соперничающими группировками, бесчеловечным обращением с противниками маоистов, породила надолго такую атмосферу в Китае, в которой нарушения общественного порядка (отсутствие дисциплины, грабежи, насилие) стали «нормой жизни». Осложнения вызвало проведение и маоистских установок, навязанных китайскому обществу в ходе «культурной революции», в частности политика высылки в деревню молодежи, получившей образование в городах. Многие молодые люди бегут в города, где живут нелегально, не имея продовольственных карточек, идут на всякого рода преступления ради получения куска хлеба. Маоистские карательные органы беспощадно расправляются с такими людьми.

Антинародная политика маоистского руководства порождает, таким образом, условия, способствующие распространению преступлений. В обстановке, созданной маоистским режимом, жизнь и судьба каждого китайца — от бедного крестьянина до лица, стоящего на ступеньку ниже Мао Цзэ-дуна, — подчинена задаче проведения политической линии партийного «вождя». Всякое отклонение от указанной «линии» фиксируется широко разветвленной сетью органов и организаций, составляющих шупальца маоистского карательно-репрессивного аппарата.

Ужесточение политического режима, укрепление специального аппарата, служащего для проведения репрессий и карательных акций, существование всеохватывающей, разветвленной системы слежки за населением Китая — все это свидетельствует о наличии кризиса политического авторитета маоистского руководства, прибегающего ради упрочения своей власти над обществом к насильственным действиям, незаконным расправам над идейной и политической оппозицией маоистскому режиму, к принуждению широких масс китайского населения следовать «курсу», навязываемому Мао Цзэ-дуном.

Режим, связывающий свое существование только с подавлением и насилием над обществом, исторически обречен.

¹⁵ «Хунци», 1975, № 3.

Советско-японские экономические отношения

*И. В. Казаков,
кандидат экономических наук*

Развивающиеся торгово-экономические связи между СССР и Японией вносят все более важный вклад в совершенствование и развитие международного разделения труда между странами с различными социально-экономическими системами на самом крупном и наиболее населенном континенте земного шара — Азиатском.

Прошло почти 20 лет с момента подписания (6 декабря 1957 г.) первого советско-японского межправительственного торгового соглашения, взаимно предоставившего обмен сторонам режим наибольшего благоприятствования в вопросах торговли и судоходства. За этот период торгово-экономические связи СССР и Японии существенно расширились, претерпев в ходе количественного роста существенные качественные изменения. К числу последних относятся: переход от однолетних к трехлетним, а затем и к пятилетним межправительственным торговым соглашениям, развитие с 1963 г. прибрежной торговли между ближайшими к СССР префектурами Японии и советским Дальним Востоком, а также практическое осуществление с 1968 г. взаимовыгодного долговременного крупномасштабного экономического сотрудничества (после создания в 1965 г. Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству) в развитии отдельных отраслей народного хозяйства восточных районов СССР.

За период с 1958 по 1974 г. годовой товарооборот советско-японской торговли возрос с 34 млн. руб. до 1683 млн. руб., или почти в 50 раз, увеличиваясь в среднем ежегодно на 25,9%. Товарообмен в течение выполнения первого пятилетнего торгового соглашения (1966—1970) выразился в 2,6 млрд. руб., а прирост его составлял 15% в год.

В период второго пятилетия советско-японской торговли (1971—1975) интенсивность ее еще более возросла, несмотря на то, что товарные потоки и их стоимостные показатели уже достигли значительного уровня. В среднем за истекшие четыре года советско-японский товарооборот возрастал на 26,6% в год, или с 652,3 млн. руб. в 1970 г. (последний год первого пятилетнего соглашения) до 1683 млн. руб. в 1974 г. В 1972 г. товарооборот впервые превысил рубеж 1 млрд. долл., а в 1973 г. — достиг почти 1 млрд. руб. Только за 1974 г. взаимный товарообмен увеличился на 69% при росте советского экспорта на 46% и увеличении импорта Советским Союзом японских товаров более чем вдвое (на 108%), как это видно из анализа динамики советско-японской торговли.

Таким образом, за четыре года действия второго пятилетнего соглашения общая сумма товарооборота составила 4,2 млрд. руб., а с

учетом предварительных итогов торговли за 1975 г. достигает 6 млрд. руб., что в 2,3 раза превысит объем товарооборота за предшествующее пятилетие. Это означает, что объем взаимных поставок значительно превысил уровень, намеченный Обменными письмами (около 4,7 млрд. руб.), которые были подписаны одновременно с пятилетним соглашением министрами внешней торговли СССР и Японии в Токио в сентябре 1971 г.

Объективной основой динамичного развития советско-японского торгового обмена является известная взаимодополняемость экономик

Т а б л и ц а

Динамика товарооборота между СССР и Японией
в 1970 — 1974 гг. (в млн. руб.)

	Год				
	1970	1971	1972	1973	1974
Товарооборот	652,3	733,6	815,6	994	1683,2
Экспорт	341,4	377,4	381,7	622	905,7
Импорт	310,9	356,2	435,9	372	777,5

Источники: Данные за 1970 — 1974 гг. взяты из статистических обзоров «Внешняя торговля СССР» за соответствующие годы.

обеих стран, а также их географическая близость. И хотя доля советско-японского товарооборота во внешней торговле Японии и не столь велика, как, например, США или Австралии, но отдельные советские товары занимают заметное место на японском рынке. Так, в 1974 г. доля советской деловой древесины в импорте ее Японией составила более 17%, а в потреблении — 10%, хлопка — соответственно 14 и 12, калийных солей — 25 и 25, асбеста — 15 и 15, никеля — 30 и 10, вторичного алюминия — 40 и 8, платины — 40 и 40, палладия — 80 и 80% и т. д.

В соответствии с данными «Белой книги о внешней торговле Японии» за 1974 г., в 1973 г. СССР занял второе место среди экспортеров на японском рынке хлопка, калийных солей и никеля, третье место — среди поставщиков лома черных металлов и чугуна, хромовой руды, мазута, меди и цинка, четвертое место — по лесным и целлюлозным товарам, углю и станкам.

В свою очередь Советский Союз является важным рынком сбыта японских экспортных товаров. Так, в 1973 г. СССР занял первое место в японском экспорте металлообрабатывающих станков и кузнечно-прессового оборудования, третье место — по поставкам белой жести и обуви, четвертое — по экспорту стальных труб и арматуры, кабельных изделий, кранов и экскаваторов, отдельных видов проката, пятое — изделий из текстиля.

Увеличение советско-японской торговли за годы истекшего пятилетнего торгового соглашения сопровождалось и расширением товарной экспортно-импортной номенклатуры.

Анализ структуры советского экспорта в Японию, например, в 1974 г., показывает, что основное место в нем занимали лесоматериалы (деловая древесина, технологическая щепка и балансы лиственных пород, пиломатериалы и т. п.) — 35,5%, хлопок — 17,7, топливо (уголь, нефть и нефтепродукты) — 16, драгоценные металлы и камни (платина,

палладий, родий, бриллианты и т. п.) — 8,4, цветные металлы (алюминий, медь, никель и др.) — 7,9, чугун и стальной лом — 1,8%¹. Кроме того, поставлялись значительные количества калийных солей (443,2 тыс. т), асбеста (66,5 тыс. т), цинка (6 тыс. т), на 13 млн. руб. было поставлено химикатов, на 15 млн. руб. — рыбы и морепродуктов.

Большая часть советского экспорта машин и оборудования в Японию приходится на долю поставок металлорежущих станков (67,3%), причем только за 1974 г. специалисты В/О «Станкоимпорт» смонтировали на предприятиях покупателей и пустили в эксплуатацию более 100 станков. В 1974 г. был подписан долгосрочный контракт с фирмой «Ито-тю» на продажу в Японию советских радиально-сверлильных станков через станкостроительную фирму «Окума», которая будет осуществлять техническое обслуживание советских станков. Возросли на 50% поставки и на 70% объем заключенных в 1974 г. экспортных контрактов В/О «Машприборинторг», основной объем экспорта которого приходится на фотоаппараты и измерительные приборы. В/О «Энергомашэкспорт» подписало первые контракты на поставку советских паровых турбин, а также на опытные партии электромоторов и сварочных преобразователей. В/О «Авиаэкспорт» поставило в Японию первый советский вертолет КА-26. В/О «Судоимпорт» впервые продало в Японию теплоход «Комета-М» на подводных крыльях (который с успехом использовался покупателем на выставке «ЭКСПО-75» на Окинаве), а также катера на подводных крыльях «Волга-70».

Превратившись в послевоенный период во вторую (после США) по экономическому потенциалу капиталистическую державу, с высоко развитой промышленностью, Япония расширяет реализацию выпускаемой ею продукции на чрезвычайно емком рынке Советского Союза, причем, всевозрастающие потребности социалистического строительства в СССР, прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке, привели за истекший пятилетний период к значительному расширению номенклатуры советского импорта из Японии. Так, если в 60-е гг. в советском импорте машинотехнических изделий из Японии преобладали суда и отдельные виды машин, в частности металлорежущие станки, то начиная с 1966 г. в этой группе ведущее место заняло комплектное оборудование заводов, технологических линий и промышленных установок.

Если же проанализировать товарную структуру советского импорта из Японии, например, в 1974 г., то по укрупненным позициям она будет иметь в стоимостном выражении следующий вид: машины и оборудование — 24,1%, продукция черной металлургии (прокат черных металлов, трубы, белая жель, стальной трос) — 44,1, химикаты (включая пластмассы, гербициды, лакокрасочные материалы, каучук) — 7,6, а также товары народного потребления и сырье для их производства (трикотажные и швейные изделия, сырье и полуфабрикаты для швейной промышленности, синтетическое и вискозное волокно, шерстяная пряжа, обувь, искусственная кожа и др.) — 14,3%.

Всего за 1971—1974 гг. Советский Союз импортировал из Японии товаров примерно на 2 млрд. руб., и в том числе: машины и оборудования — на 672 млн. руб. (34% всего импорта за этот четырехлетний период), продукции черной металлургии — примерно на 575 млн. руб.

¹ Подсчитано по данным «Статистического обзора «Внешняя торговля СССР» за 1974 г.

(1,7 млн. т. проката черных металлов — на 331 млн. руб.; 312,3 тыс. т белой жести — на 71 млн.; 574 млн. т труб — на 163 млн. и стальной трос на 10 млн. руб.), что составляет 29,6% советского импорта из Японии за данный период; химикаты — почти на 140 млн. руб. (7% импорта), а также значительное количество сырья и полуфабрикатов для текстильной промышленности, тканей и других товаров народного потребления. Если же учесть возможные итоги резко возросшего советского импорта из Японии в 1975 г., то общая сумма его за 1971—1975 гг. превысила 3 млрд. руб., что несколько больше стоимости экспорта СССР в Японию за данный пятилетний период.

Рассмотрим на фоне приведенных выше количественных показателей роста советско-японской торговли характерные качественные особенности и специфические черты развития торгово-экономических связей между СССР и Японией во второй пятилетке советско-японского торгового обмена.

Обращают на себя внимание, в частности, его следующие тенденции и особенности: во-первых, заметное увеличение в структуре советского импорта японской техники доли машин и оборудования комплектных установок и заводов; во-вторых, возросшая подверженность суммарных показателей экспорта и импорта в советско-японской торговле конъюнктурным колебаниям японского рынка и стремление партнеров для их преодоления заключать по ряду традиционных товаров долгосрочные контракты; в-третьих, успешное развитие бартерной прибрежной торговли; в-четвертых, совершенствование организационной и фирменной структуры советско-японской торговли; в-пятых, неуклонное развитие научно-технического сотрудничества и обмена; в-шестых, все большее воздействие на торговлю советско-японского экономического сотрудничества в осуществлении компенсационных проектов разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока; и, наконец, наращивание и совершенствование кредитно-финансовых связей двух стран.

В связи с большой практической значимостью отмеченных выше тенденций и характерных новых черт советско-японских торгово-экономических связей, представляется целесообразным, хотя бы вкратце, проанализировать отдельно каждую из них.

Рост импорта в СССР комплектного оборудования связан прежде всего с выполнением планов развития народного хозяйства Советского Союза, предусматривающих, в частности, наращивание выпуска товаров народного потребления и повышение технического уровня ряда отраслей промышленности. В этой связи с помощью закупленного в Японии комплектного оборудования в СССР был построен и пущен в эксплуатацию ряд крупных предприятий, в том числе химические заводы, заводы по производству компрессоров для бытовых холодильников, завод по производству сульфатной целлюлозы, швейная фабрика и многие другие. В стадии строительства также находятся многие заводы и другие предприятия.

Началась поставка в Советский Союз комплектного оборудования для производства электродвигателей для катушечных магнитофонов (фирма «Санъё»), а также для кассетных магнитофонов (фирма «Мацусита»), линии обработки крупногабаритного стального листа для строительства судов, комплектного агрегата и технологической линии продольной резки стальной холоднокатаной ленты, комплектное оборудование завода электрических батареек (фирма «Ниппон электрик корп.») и ряда других.

В настоящее время в СССР действует 12 заводов аммиака и кар-

бамида, оборудование которых было поставлено японскими фирмами, причем недавно в Москве был подписан контракт с группой «Мицуи» стоимостью около 275 млн. долл. на поставку еще четырех комплектных технологических линий синтеза аммиака (производительность 1360 т аммиака в сутки каждая, технология американской фирмы «Келлог»), которые будут смонтированы уже в начале десятой пятилетки. Для финансирования этого крупнейшего импортного контракта в истории советско-японской торговли комплектным оборудованием правительственный Экспортно-импортный банк Японии (совместно с 23 коммерческими банками) предоставил Банку для внешней торговли СССР банковский кредит на сумму 71,4 млрд. иен. В условиях экономической депрессии в Японии этот огромный контракт позволит, по оценкам японской прессы, увеличить загрузку производственных мощностей на 800 фирмах (включая мейкеров, агентские и торговые компании), поскольку поставка оборудования начнется уже с мая 1976 г. и будет осуществляться в течение 30 месяцев.

В связи с анализом тенденции роста импорта японского комплектного оборудования следует подчеркнуть следующую новую черту его: компенсационный характер некоторых сделок. Так, например, впервые в истории советско-японской торговли заключен компенсационный контракт на расширение в СССР (г. Полоцк) завода по производству акрилонитриловой кислоты путем импорта японского оборудования с последующим погашением кредитной стоимости его поставками до 1980 г. части вырабатываемой на нем продукции.

Расширение импорта из Японии комплектного оборудования (с длительным циклом изготовления и поставки его и с последующими закупками запасных частей) имеет и другое благоприятное воздействие на советско-японский товарооборот, в известной степени стабилизируя и делая его менее подверженным возросшим за 1971—1975 гг. конъюнктурным колебаниям японского рынка.

В истекшие годы последнее обстоятельство стало весьма существенным фактором развития советско-японской торговли. Японская экономика, развитие которой в существенной степени предопределяется нормальным функционированием системы ее внешнеэкономических связей, в 70-е гг. незамедлительно и резко негативно реагировала на все перипетии валютно-финансового и энергетического кризисов, охвативших капиталистическую систему в целом и японскую экономику в частности.

На советско-японскую торговлю «перегрев» японской экономики в 1973 г. и экономический кризис в Японии в 1974—1975 гг. оказали весьма существенное воздействие. Так, инвестиционный бум конца 1972 г. и 1973 г. в связи с массивным обновлением основного капитала фирмами и расширением объема общественных работ, в результате попыток осуществления так называемого «Плана реконструкции японского архипелага», привел к существенному расширению внутреннего спроса и росту инфляции в Японии, что резко затруднило для Советского Союза закупки в Японии даже традиционных товаров японского экспорта (оборудование, прокат, химикаты, полуфабрикаты для текстильной промышленности, товары народного потребления и т. д.). Именно в этой связи в течение 1973 г. произошло сокращение советского импорта из Японии на 11,7%, до 372 млн. руб.

Экономический спад в Японии в 1974—1975 гг. (за 20 месяцев — с декабря 1973 г. по июнь 1975 г. — индекс выпуска промышленной

продукции в стране сократился на 20,2%²) и падение оптовых цен на многие товары резко осложнили позиции советских экспортеров даже по их традиционным товарам (лес, хлопок, цветные металлы, бриллианты и др.). В связи с этим советский экспорт в Японию в 1975 г. в стоимостном выражении сократился против уровня 1974 г. почти на 25%.

Анализ советско-японской торговли, например, в первом полугодии 1975 г. является весьма показательным для иллюстрации воздействия на нее конъюнктурных колебаний японского рынка. Так, нестабильность общехозяйственной конъюнктуры в 1974 г. (когда в условиях спада происходило заключение экспортных контрактов на 1975 г.) и в I квартале 1975 г. привела к тому, что хотя объем взаимных поставок за январь — июнь 1975 г. составил 873,2 млн. руб., или возрос на 20,2% по сравнению с соответствующим периодом 1974 г., но при этом фактические поставки советских экспортных товаров в Японию сократились на 41% по сравнению с первым полугодием 1974 г. и выразились лишь в 278,5 млн. руб., тогда как импорт из Японии возрос на 134,1%, до 594,7 млн. руб.

Тем не менее в 1975 г. стоимость взаимных поставок товаров в советско-японской торговле, по предварительным данным, очевидно превышает уровень 1974 г. (1,68 млрд. руб.) и приблизится к 2 млрд. руб.

Подверженность советско-японской торговли конъюнктурным колебаниям японского рынка вынуждает партнеров совершенствовать формы традиционной торговли с таким расчетом, чтобы устранить отрицательные последствия этих колебаний как для советской, так и для японской стороны. Именно в этой связи в последние годы в советско-японской торговле все чаще заключаются взаимовыгодные долгосрочные контракты, в частности, на закупку у Японии товаров традиционного советского импорта (прокат черных металлов, трубы, химикаты).

Успешно выполняются и долгосрочные экспортные контракты на поставку в Японию советских угля и железной руды. Японские металлургические компании проявляют заинтересованность в заключении новых долгосрочных контрактов по данным товарам на 1976—1980 гг.

Своеобразное и весьма важное место в советско-японском торговом обмене занимает прибрежная торговля японских фирм с хозяйственными организациями советского Дальнего Востока (через всесоюзную внешнеторговую контору «Дальинторг»), которая осуществляется путем реализации бартерных сделок.

Значение прибрежной торговли выходит далеко за рамки чисто коммерческих операций, поскольку, в частности, японские товары поступают непосредственно жителям и рабочим дальневосточных городов и леспромхозов, тогда как местные дальневосточные ресурсы поставляются многим японским мелким и средним фирмам. Прибрежная торговля — сравнительно новый вид товарообмена между СССР и Японией: в 1973 г. был отмечен ее десятилетний юбилей. Она регулируется обменными письмами, подписываемыми представителями правительств обеих сторон, охватывающими пятилетний период.

За сравнительно короткий период своего развития прибрежная торговля прочно утвердилась в советско-японском товарообороте и вносит в него все более ощутимый вклад. Популярность ее в Японии год от года возрастает, и сейчас в ней участвуют более 100 мелких и

² Подсчитано по данным: «Jарап Economic Journal», January 1974; July 1975.

средних фирм, многие из которых рассматривают прибрежную торговлю не только как канал для установления новых взаимовыгодных экономических связей, но и как эффективное средство укрепления дружественных связей между народами СССР и Японии. Ведь прибрежная торговля вовлекает в сферу советско-японских торгово-экономических отношений мелкие фирмы, торговые кооперативы и кооперативные объединения Японии, которые иначе не могут конкурировать с крупными японскими торговыми компаниями, практически монополизировавшими всю внешнюю торговлю Японии.

В последние годы развитие прибрежной торговли шло более высокими темпами, чем это предусматривается соответствующими Обменными письмами: в соответствии с ними оборота прибрежной торговли в 22,4 млн. руб. планировалось достигнуть лишь в 1975 г., но фактически уже в 1973 г. этот уровень был превзойден и составил 25 млн. руб., в 1974 г. — 35 млн.

С развитием прибрежной торговли расширялась номенклатура экспортных и импортных товаров. В номенклатуре советского экспорта насчитывается более 90 наименований товаров и в том числе: лесоматериалы, рыба и морепродукты, сырье минерального происхождения, мед, воск, соленые побеги папоротника, варенье и т. д. Еще более разнообразна структура советского импорта, в номенклатуре которого насчитывается более 100 наименований японских товаров, в том числе: товары народного потребления (одежда, обувь, ткани и др.), различное оборудование (закаточные машины, рыбопоисковое оборудование, настольные калькуляторы, кондиционеры, медицинское оборудование и др.), стальной трос, канаты, сборные металлические склады, автопокрышки, лаки и краски, удобрения и гербициды, пленочные материалы для сельскохозяйственного производства, фрукты, соки и т. п.

Перспективным направлением развития прибрежной торговли является дальнейшее расширение ее советской экспортной номенклатуры, и в том числе за счет таких товаров, как торф, мрамор и гранит в блоках, гравий, щебень, кварцевые пески (формовочные и для стекольного производства), дощечки для рыбного фарша, палочки для еды, древесно-стружечные и древесно-волоконные плиты. Будет увеличиваться экспорт готовых древесных изделий (палочки для мороженого, тарная дощечка, поддоны), а также новых марок энергетических углей типа азейского, гузино-озерского и уральского.

Поскольку расширение экспортной номенклатуры зачастую связано с необходимостью применения импортного оборудования, будет расширяться практика заключения сделок по закупке такого комплектного оборудования на компенсационной основе, то есть с последующей оплатой его стоимости продукцией, вырабатываемой на данном оборудовании.

Развитие советско-японской торговли и рост товарного обмена сопровождались и обуславливались значительным расширением контактов между деловыми кругами обеих стран, что в конечном итоге привело к формированию существующей в настоящее время ее организационной и фирменной структуры.

За 1971—1975 гг. значительно расширились связи между советскими внешнеторговыми объединениями и японскими фирмами. Так, если на начальном этапе развития советско-японской торговли контрагентами всесоюзных объединений выступали преимущественно небольшие посреднические фирмы, специализировавшиеся на торговле с социалистическими странами, то начиная с середины 60-х, а еще бо-

лее — с начала 70-х гг. в торговлю с СССР включились практически все крупнейшие торговые компании Японии.

В настоящее время свыше 90% всего товарооборота советско-японской торговли приходится на 14 торговых фирм Японии: «Мицуи буссан», «Мицубиси корп.», «Сумитомо сёдзи», «Марубэни корп.», «Ито-тю сёдзи», «Нитимэн дзицугё», «Тёри», «Ниссё-Иваи», «Канэмацу госё», «Атака сангё», «Кэхо цусё», «Тойё мэнка», «Токно боэки» и «Искра сангё»; вместе с тем в советско-японскую торговлю вовлечены сотни японских компаний, тем или иным образом связанных с этими фирмами.

Японские фирмы, ведущие активную торговлю с советскими организациями, имеют 23 постоянных представительства в Советском Союзе.

Экспортно-импортные операции на японском рынке осуществляют многие советские внешнеторговые объединения как сырьевой, так и машинотехнической отраслей; на долю 21 объединения в 1974 г. пришлась подавляющая часть советско-японского товарооборота.

В комплексе советско-японских торгово-экономических отношений все большее развитие получает научно-техническое сотрудничество. Советский Союз рассматривает заключение соглашений о научно-техническом сотрудничестве в качестве весьма эффективного шага к расширению торговли и экономического сотрудничества между СССР и Японией. В октябре 1973 г. в Москве было подписано межправительственное советско-японское соглашение о научно-техническом сотрудничестве.

В подписанном в начале марта 1975 г. в Токио протоколе сделан новый шаг в развитии научно-технического сотрудничества. Протоколом предусматривается проведение совместных научных исследований по взаимно согласованным направлениям научно-технического прогресса.

Научно-технические связи зачастую естественно перерастают в перспективные коммерческие отношения. Так, например, фирма «Тойё инджиниринг» в ходе научно-технического сотрудничества закупила в Советском Союзе две лицензии.

Прочные научно-технические связи установились у советских организаций также с группами «Ниссё — Иваи», «Ито-тю», а с 1974 г. — с «Мицубиси», «Сумитомо». Министерство электротехнической промышленности СССР подписало научно-техническое соглашение с фирмой «Тосиба», ГКНТ — с фирмой «Ниппон электрик корп.», министерство строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР — с фирмой «Комацу». Во исполнение последнего соглашения уже несколько лет проводятся совместные испытания в Советском Союзе мощных (более 300 л. с.) бульдозеров и тракторов фирмы «Комацу» на Колыме (в условиях низких температур) и в Армении (в условиях жаркого климата и крепких каменных и грунтовых пород). В ходе испытаний совместно разрабатываются меры по конструктивной доработке японской техники для успешной работы в условиях различных климатических и геолого-почвенных зон Советского Союза, прежде всего Сибири и Дальнего Востока.

Научно-технические связи советских организаций с японскими фирмами способствуют интенсификации торговли лицензиями между В/О «Лицензинторг» и японскими торговыми партнерами. Так, только за последние три года было заключено 15 соглашений с различными японскими фирмами на экспорт советских лицензий.

Всего за историю советско-японской лицензионной торговли Япония

закупила в СССР 40 лицензий, причем 35 лицензионных соглашений действуют по настоящее время.

Сотрудничество между советскими организациями и японскими фирмами значительно расширилось после заключения в июле 1965 г. соглашения между торгово-промышленными палатами обеих сторон о создании Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству.

В результате плодотворной деятельности этих комитетов и регулярных советско-японских экономических совещаний (в период с 1966 по 1974 г. было проведено шесть таких встреч поочередно в Москве и в Токио) получило развитие экономическое сотрудничество СССР и Японии в развитии природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Главные направления и объекты взаимовыгодного экономического сотрудничества сторон: первый проект развития лесной промышленности Дальнего Востока; строительство нового морского порта Восточный в бухте Врангеля; поставка в Японию в течение десятилетия технологической щепы и балансов лиственных пород; разработка угольных месторождений Южной Якутии; второе лесное соглашение; разведка на нефть и газ шельфа острова Сахалин и доразведка месторождений природного газа Якутии.

В течение «второй пятилетки» советско-японской торговли было полностью выполнено первое Генеральное соглашение по лесу. СССР закупил в Японии на условиях фирменного кредита машины, оборудование, материалы и товары народного потребления на сумму 130 млн. долл. и поставил в оплату его 7665 тыс. куб. м деловой древесины и других лесоматериалов на сумму 155,6 млн. руб.

После подписания 18 декабря 1970 г. Генерального соглашения о поставках из Японии в СССР оборудования, машин и материалов для строительства морского порта в бухте Врангеля в счет коммерческого кредита (80 млн. долл. с погашением в течение 7 лет) закуплено оборудование (в частности, для лесного, угольного, контейнерного и щепового причалов) и часть необходимых материалов и развернуто строительство этого самого крупного на советском Дальнем Востоке торгового порта, причем отдельные причалы (например, лесной) уже пущены в эксплуатацию. Роль порта Восточный в быстро расширяющихся советско-японских торгово-экономических и транспортных связях будет огромна, он позволит практически реализовать преимущества географической близости Японии и СССР.

В декабре 1971 г. подписанием в Токио Генерального соглашения о поставках из СССР в Японию технологической щепы и балансового долготья лиственных пород и из Японии в СССР оборудования, машин и материалов для производства технологической щепы и балансового долготья лиственных пород началось осуществление третьего проекта советско-японского экономического сотрудничества. Японская сторона предоставила фирменный кредит в 45 млн. долл. сроком на 6 лет с последующим погашением его поставками в 1972—1981 гг. около 8 млн. куб. м щепы и 4,7 млн. куб. м древесины лиственных пород. В счет данного соглашения у японских фирм куплено товаров на 42,5 млн. руб., однако в счет предоставленного кредита — лишь на 7,8 млн. руб. В связи с резким повышением фирмами цен на оборудование СССР был вынужден закупить большую часть его (суда-щеповозы, автолесовозы и др.) за наличный расчет.

Осуществление первых трех генеральных соглашений, несмотря на возникавшие временами объективные трудности, принесло значительные положительные результаты. Так, в частности, были определены и

разработаны юридическая и организационная формы сотрудничества, в товарооборот были вовлечены на долговременной основе дополнительные товарные потоки, достигнуто практическое решение проблем ускорения морской транспортировки грузов советско-японской торговли и транссибирских транзитных перевозок японских грузов. Таким образом были подтверждены возможность и взаимовыгодность советско-японского экономического сотрудничества, что предопределило дальнейшее нарастание масштабов его в 1974—1975 гг.

В результате переговоров на высшем уровне осенью 1973 г. между премьер-министром Японии и советскими руководителями была достигнута договоренность форсировать продвижение проектов советско-японского экономического сотрудничества. Это развязало инициативу советских организаций и японских фирм, ответственных за практическую реализацию этих проектов. В апреле 1974 г. в Токио впервые в истории экономических отношений СССР и Японии были подписаны межправительственные банковские протоколы, предусматривавшие предоставление Советскому Союзу государственных кредитов Экспортно-импортного банка Японии на сумму, эквивалентную более 1 млрд. долл. (на сравнительно льготных условиях — 6,375% годовых).

В Москве 3 июня 1974 г. было подписано Генеральное соглашение о поставках из СССР в Японию южноякутских коксующихся углей и о поставках в СССР оборудования, машин, материалов и других товаров для разработки Южно-Якутского угольного бассейна. Целями этого соглашения является, во-первых, сотрудничество в разработке Южно-Якутского угольного бассейна, включая строительство железной дороги БАМ — Тында — Беркамит, и, во-вторых, поставка из СССР в Японию в течение 20 лет южноякутского коксующегося угля. В соответствии с соглашением японские фирмы поставят в СССР машины, оборудование, материалы и другие товары в счет кредита, предоставленного Экспортно-импортным банком Японии, на сумму, эквивалентную 450 млн. долл., а В/О «Союзпромэкспорт» начиная с 1979 г. будет поставлять в погашение кредита и процентов по нему кузнецкие и южноякутские угли. Всего по соглашению в Японию будет поставлено с 1979 по 1998 г. включительно 104,4 млн. т коксующегося угля сверх того количества угля, которое будет поставляться ежегодно из СССР в Японию по соглашению о товарообороте и платежах на соответствующий период.

Подписанием Генерального и кредитного соглашения по южноякутскому угольному проекту, вопрос о котором впервые был поднят японской стороной на втором японо-советском экономическом совещании в июне 1967 г., и успешным началом реализации его открыта новая страница в советско-японском экономическом сотрудничестве. В товарооборот двух стран впервые начнут вовлекаться практически неисчерпаемые энергетические ресурсы Сибири. Японские машины (бульдозеры, экскаваторы, краны, грузовики и т. п.) и смонтированное на предприятиях Южно-Якутского угольного комплекса технологическое оборудование помогут начать разработку открытым способом коксующегося угля, последующие отгрузки которого металлургической промышленности Японии обеспечат последние гарантированные поставки этого дефицитного сырья.

Положительный опыт осуществления первого Генерального соглашения о разработке лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока создал благоприятные предпосылки для дальнейшего экономического сотрудничества в этой области, и стороны согласились продолжить такую форму сотрудничества, подписав 30 июля 1974 г. в Токио вто-

рое Генеральное соглашение о поставках из Японии в СССР оборудования, машин, судов, материалов и других товаров и о поставках в Японию деловой древесины и пиломатериалов. Соглашение предусматривает поставку японских машин, оборудования и других товаров в СССР в 1975—1978 гг. на сумму 550 млн. долл. и поставку в Японию в 1975—1979 гг. 17,5 млн. куб. м деловой древесины и 900 тыс. куб. м пиломатериалов. Таким образом второе Генеральное соглашение по объему более чем вдвое превышает первое. Таковы конкретные масштабы наращивания советско-японского экономического сотрудничества в частности в лесной индустрии.

Сотрудничество СССР и Японии в разработке лесных ресурсов советского Дальнего Востока имеет благоприятные перспективы и на более отдаленное будущее, так как только в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сосредоточено 63% лесной площади Советского Союза, или 45,2 млрд. куб. м (из 80 млрд. куб. м сосредоточенных в СССР, что составляет 25% мировых запасов леса) спелых и перестойных лесов СССР.

Таким образом, в 1974 г. экономическое сотрудничество между СССР и Японией перешло на новую качественную ступень: оно стало крупномасштабным, долговременным и осуществляемым с использованием японских государственных кредитов, причем во внешнеторговый оборот вовлекаются, в частности, значительные количества энергетических ресурсов.

В течение 1975 г. получили дальнейшее благоприятное разрешение некоторые важные практические вопросы советско-японского экономического сотрудничества, хотя в целом для развития его в Японии сложилась сложная политическая и экономическая обстановка. Однако несмотря на это, большая объективная заинтересованность Японии в развитии взаимовыгодных торгово-экономических связей с Советским Союзом, экономика которого не подвержена конъюнктурным колебаниям, привела в конечном итоге к заметным сдвигам при решении ряда практических вопросов экономического сотрудничества с СССР, как это наглядно показала серия проведенных в 1975 г. переговоров с японской стороны. В этом же направлении воздействовало стремление правительства Японии повысить конкурентоспособность японских экспортеров.

В 1975 г. был осуществлен ряд важных торгово-политических мероприятий, среди которых следует отметить: проведение в Токио переговоров по проверке хода выполнения действующего пятилетнего (1971—1975 годы) соглашения о товарообороте и платежах; совещание в Москве по подготовке нового пятилетнего торгового соглашения; третье совещание руководителей Советско-японского и Японо-советского комитетов экономического сотрудничества; посещение Японии советскими делегациями для проведения заключительных переговоров и подписания Генерального соглашения о сотрудничестве в разведке, об устройстве нефтяных и газовых месторождений и добыче нефти или газа на шельфе острова Сахалин и для проведения переговоров по кредитно-финансовым вопросам. В результате этих переговоров сделаны новые крупные шаги к расширению советско-японского экономического сотрудничества.

Существенно продвинулся советско-японский проект сотрудничества в разведке нефти и газа на шельфе острова Сахалин. В 1974 г. переговоры по Сахалинскому проекту были доведены до завершающей стадии, и 28 января 1975 г. в Токио было подписано соответствующее Генеральное соглашение. Оно предусматривает проведение на шельфе

острова Сахалин в течение длительного периода широкой программы геологоразведочных работ на нефть и газ, включающей геофизические исследования и бурение морских поисково-разведочных скважин. Стороны согласовали конкретные районы проведения геологоразведочных работ, которые, по мнению советских и японских экспертов, представляются весьма перспективными. Для разведки шельфа острова Сахалин в Японии создана специальная фирма «Сахалин сэкию кайхацу кёрёку кабусики кайся».

Осуществление Сахалинского проекта позволит вовлечь в советско-японский товарооборот такие считающиеся стратегическими товары, как нефть и газ. Но, помимо чисто коммерческих интересов обеих стран, осуществление этого проекта совместными усилиями советских рабочих, инженеров и японских специалистов еще более укрепит научно-технические и дружеские связи между Японией и СССР.

В настоящее время ведется обсуждение еще нескольких возможных объектов экономического сотрудничества. Это — строительство при участии Японии двух крупных целлюлозно-бумажных комбинатов на советском Дальнем Востоке и советско-японо-американский проект разработки месторождений природного газа Якутии.

Несомненно, в процессе реализации Генеральных соглашений по сибирским проектам возникают порой определенные трудности. Так, например, в условиях экономического спада в Японии в 1974—1975 гг. японские контрагенты пытались сократить темпы советского экспорта по ряду товаров (лес, технологическая щепка и др.). В том числе и поставки их по уже заключенным Генеральным соглашениям, хотя в соответствии с ними Советская сторона, строго выполняя взятые на себя обязательства, закупила в Японии значительное количество машин и оборудования.

Тем не менее для дальнейшего существенного развития советско-японского крупномасштабного экономического сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке СССР складываются благоприятные объективные предпосылки как в Советском Союзе, так и в Японии.

В послевоенный период Сибирь и советский Дальний Восток развиваются в 1,5 раза быстрее, чем промышленность СССР в целом. Мощный стимул к дальнейшему освоению природных богатств восточных районов СССР дает начавшееся строительство новой Байкало-Амурской магистрали. Введение ее в эксплуатацию в 1982 г. позволит вовлечь в хозяйственный оборот многие минерально-сырьевые ресурсы, географически тяготеющие к маршруту этой второй транссибирской трассы. К ним относятся коксующийся уголь, железная и марганцевая руда, медь, золото, никель, цинк, свинец, олово, молибден, другие цветные и редкие металлы, апатиты, асбест, слюда, огромные лесные массивы. По трассе БАМ возникнут рудники, карьеры, заводы, будут проложены автомобильные дороги, трубопроводы, созданы аэродромы; здесь будут построены рабочие поселки и целые города. Нефть Тюмени, медь Удокана, уголь Чульмана, руда Южной Якутии, лес Забайкалья — все это и многое другое будет стекаться к рельсам БАМ, чтобы двинуться затем к индустриальным центрам на западе и на востоке, к портам Тихоокеанского побережья, в частности для экспорта в Японию.

В непосредственной близости от трассы БАМ уже начато сооружение первенца угледобывающей промышленности — Южно-Якутского угольного комплекса, которое осуществляется при экономическом сотрудничестве с Японией.

Открытие нефти в Сибири значительно увеличивает энергетический

потенциал Советского Союза. Оно также облегчает развитие ряда районов, в том числе Крайнего Севера и Дальнего Востока, где нефть поможет успешной разработке запасов меди (например, в районе Талнаха), алмазов (в Якутии), золота (на Колыме), железа (в Забайкалье) и множества других полезных ископаемых. Открывается, в частности, перспектива для бурного развития нефтехимии. Экономика Зауралья, а вместе с тем и всей страны получает могучий импульс для еще более ускоренного развития.

Это вместе с тем содействует дальнейшему расширению благоприятных перспектив советско-японского торгово-экономического сотрудничества. А общность интересов в ряде хозяйственных областей является объективной предпосылкой эффективного взаимовыгодного разделения труда между СССР и Японией.

Поэтому в настоящее время чрезвычайно актуальной представляется задача определения новых перспективных направлений взаимовыгодного советско-японского экономического сотрудничества на ближайшие 10—15 лет. Разрабатываемые в Японии прогнозы развития японской экономики позволяют уже сейчас наметить возможные точки соприкосновения хозяйственного взаимодействия СССР и Японии.

Так, интересным для советских экономистов явился доклад «Направления изменения структуры промышленности Японии», подготовленный Советом по вопросам структуры промышленности (совещательный орган МИТИ, возглавляемый президентом «Кэйданрэнь» Т. Доко). Содержащиеся в этом докладе данные и выводы свидетельствуют о том, что объективная заинтересованность Японии в экономическом сотрудничестве в Сибири имеет тенденцию возрастать.

Представляется очевидным, что переход в советско-японском крупномасштабном экономическом сотрудничестве от ставшей традиционной кооперации в разработке природных ресурсов к сотрудничеству в создании крупных промышленных комплексов в области черной и цветной металлургии, нефте- и газопереработки, нефтехимии и химии, целлюлозно-бумажной промышленности выгоден для обеих сторон.

Во время визита в Москву премьер-министра Японии Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин предложил лидерам делового мира Японии приступить к выработке совместной программы советско-японского экономического сотрудничества, охватывающей 10—15-летний период³.

Японские деловые круги начинают отчетливо понимать, что некоторое отставание организационного уровня советско-японского торгово-экономического сотрудничества (отсутствие долгосрочного соглашения и программы сотрудничества, неразвитость пока практики предоставления Советскому Союзу Японией несвязанных кредитов и др.) по сравнению, в частности, с западноевропейскими конкурентами японских фирм уже сейчас приводит, а в ближайшем будущем может привести к более существенным потерям для Японии, лишив ее возможности получения многих перспективных заказов, в которых она заинтересована. Кроме того, в связи с резко обострившейся для Японии проблемой обеспечения экономики энергетическо-сырьевыми ресурсами и продовольствием, в разряд первоочередных задач японской экономической дипломатии выдвинулась необходимость диверсификации поставок этих товаров по различным географическим регионам мира с целью импорта их на долговременной и максимально гарантированной стабильной основе. Поэтому деловые круги Японии проявля-

³ «Правда», 31. X. 1974.

ют все больший интерес к экономическим планам (пятилетним, перспективным) своего дальневосточного соседа — Советского Союза, который быстрыми темпами, на плановой основе осуществляет индустриализацию Сибири и Дальнего Востока, развитие их огромных природных ресурсов. Ведь японские фирмы отчетливо понимают (в частности, из опыта экономического спада в Японии и снижения экспортного спроса мирового капиталистического рынка), какие коммерческие преимущества они получают в случае налаживания стабильного международного разделения труда с таким мощным партнером, как советская плановая экономика.

Несомненно, что совершенствование организационных форм советско-японского экономического сотрудничества, внесение элементов перспективного планирования в торгово-экономические связи будут в существенной степени способствовать их непрерывному поступательному развитию, предопределяя дальнейшую стабилизацию экономического фундамента добрососедства между СССР и Японией в интересах советского и японского народов, мира во всем мире.

Фальсификация маоистами научного коммунизма

В. Я. Сидихменов,
кандидат экономических наук

В семирно-историческая заслуга классиков марксизма состоит прежде всего в том, что они научно доказали неизбежность гибели капитализма и победы социалистической революции и диктатуры пролетариата, создали стройную теорию научного коммунизма, раскрыли общие закономерности становления и развития нового общественного строя, предсказали, что все народы, населяющие земной шар, придут к коммунизму.

В. И. Ленин обогатил и развил теорию научного коммунизма в новых исторических условиях, когда победила Великая Октябрьская социалистическая революция и Советская Россия встала на путь социалистического развития. В его выдающемся произведении «Государство и революция» четко выделены основные этапы становления и развития коммунистической общественной формации: переходный период от капитализма к социализму, первая фаза коммунистического общества, то есть социализм, и высшая фаза коммунистического общества. Каждый из этих этапов решает свои исторические задачи.

Маоизм ревизует марксистско-ленинское учение о переходном периоде, социализме и коммунизме. В чем проявляется эта ревизия, будет предметом критического рассмотрения в предлагаемой статье.

Переходный период. Прошло сто лет с тех пор, как К. Маркс написал свой труд «Критика Готской программы», посвященный критике оппортунистического течения в рабочем движении Германии 60—70-х гг. XIX в. и его наиболее яркого представителя — Лассаля. По своему значению труд этот является бесценным вкладом в теорию и практику научного коммунизма.

Центральное место в «Критике Готской программы» занимают проблемы социалистической революции, диктатуры пролетариата, переходного периода от капитализма к коммунизму, двух фаз коммунистического общества: низшей и высшей.

Обобщая роль пролетарского государства в переходный период от капитализма к коммунизму, К. Маркс указывал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹.

Конкретизируя положения К. Маркса о переходном периоде между капитализмом и коммунизмом, В. И. Ленин писал: «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит из-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, с. 27.

вестный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»².

Основными формами общественного хозяйства переходного периода, указывал В. И. Ленин, являются «капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм», а основными классами — «буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»³.

Существование в переходный период многоукладной экономики, которая представлена социалистическими и несоциалистическими секторами хозяйства, предопределяет наличие антагонистических классов, а следовательно, и классовой борьбы, причем последняя может иной раз принимать крайне острый характер.

Было время, когда в Компартии Китая исходили из ленинского понимания переходного периода, и это нашло отражение в обнародованном в 1952 г. документе о генеральной линии партии в переходный период, в котором говорилось: «Период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества есть переходный период. Основными задачами государства в переходный период являются постепенное осуществление социалистической индустриализации страны, постепенное завершение социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, а также капиталистической промышленности и торговли»⁴.

В декабре 1953 г. ЦК КПК утвердил «Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период», которые назывались «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство». В них выдвигались следующие основные задачи.

В области социалистической индустриализации. Всемерно развивать социалистическую промышленность, сделать ее руководящей силой, играющей решающую роль в развитии всего народного хозяйства страны. В целях развития и преобразования сельского хозяйства Китая сконцентрировать силы на развитие промышленности, особенно тяжелой.

В области кооперирования крестьян. На базе социалистических принципов постепенно преобразовать сельское хозяйство с тем, чтобы оно из отсталого, мелкого, индивидуального хозяйства превратилось в передовое, крупное, коллективное хозяйство. Голое администрирование и принуждение крестьян, подчеркивалось в «Тезисах», не только не могут способствовать продвижению вперед дела кооперирования, но и являются преступными действиями, подрывающими союз рабочих и крестьян.

В области кооперирования кустарей. Постепенно вовлекать кустарей в те или иные формы кустарно-промысловой кооперации, что является единственным путем осуществления государством социалистического преобразования кустарной промышленности.

В области преобразования капиталистической экономики. Партия со времени образования КНР в отношении капиталистической промышленности и торговли проводила политику использования, ограничения и преобразования. Преобразование капиталистической экономики осуществляется посредством перевода ее на рельсы государственного капитализма.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 271.

³ Там же, т. 39, с. 272.

⁴ См.: «Синь цзяньшэ», 1954, № 10, с. 1 — 2.

«Тезисы» заканчивались словами: «Нужно воспитывать народ всей страны в духе понимания того, что помощь, получаемая нашей страной со стороны Советского Союза и стран народной демократии, могучее сплочение всего лагеря мира, демократии и социализма и миролюбивых народов всего мира, а также успешное развитие борьбы в защиту мира во всем мире — это неперемненное условие для победы дела строительства социализма в нашей стране».

Основные задачи генеральной линии партии в переходный период были зафиксированы в конституции КНР, принятой в 1954 г. на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей, и в документах VIII съезда КПК, проходившего в сентябре 1956 г.

VIII съезд КПК подтвердил правильность генеральной линии партии в переходный период, подвел итоги социалистических преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговли и определил задачи второго пятилетнего плана (1958—1962), обеспечивавшие дальнейший рост производительных сил в Китае.

Успешное выполнение первого пятилетнего плана (1953—1957) явилось практическим воплощением в жизнь идей генеральной линии партии в переходный период. Это можно проиллюстрировать на таких фактах. В КНР с помощью Советского Союза и других социалистических стран была создана первичная база социалистической индустриализации. Удельный вес современной машинной промышленности увеличился с 64,2% в 1952 г. до 70,9% в 1957 г.⁵ Предприятия, построенные в КНР с помощью Советского Союза, производили в начале 60-х гг. значительную часть общей промышленной продукции: 30% чугуна, 40 — стали, 50 — проката, 80 — автомашин, более 90 — тракторов, 25 — вырабатываемой электроэнергии, 55% производства турбин⁶.

За годы первой пятилетки произошли коренные перемены в социальной структуре китайской деревни: 500 млн. крестьян были объединены в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Кустари, число которых превышало 8 млн., были вовлечены в различные кооперативные объединения. Все частнокапиталистические предприятия были преобразованы в государственно-частные, которые, по существу, стали государственной собственностью. И хотя при проведении социалистических преобразований допускались серьезные ошибки, тем не менее это была великая победа китайского народа на фронте экономического строительства. Но на пути его дальнейшего продвижения к социализму возникли серьезные препятствия, порожденные авантюристической политикой Мао Цзэ-дуна и его группы.

Маонизм извратил марксистско-ленинское понимание сущности переходного периода между капитализмом и социализмом, предал забвению положения генеральной линии партии в переходный период, и это нанесло огромный урон социально-экономическому развитию Китая.

Социализм. Марксизм-ленинизм, как известно, под социализмом понимает низшую фазу коммунизма. В. И. Ленин говорил: «То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм»⁷. Социализм

⁵ См.: Китайская Народная Республика. Экономика, государство и право. культура. М., 1970, с. 73.

⁶ См.: Современный Китай. Социально-экономические проблемы. М., 1972, с. 131.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 98.

лизм и коммунизм, следовательно, не две различные общественно-экономические формации, а две фазы одной и той же формации. Эти два общества составляют органически одно целое, хотя между ними имеется существенное качественное различие, как в уровне развития производительных сил, так и в уровне сознания производителей.

Социалистическое общество, являясь низшей фазой коммунизма, вместе с тем отличается от переходного периода. И если в свое время в Китае четко отличали переходный период от социализма, то после проведения социалистических преобразований термин «переходный период» исчез из лексикона китайской печати.

Утверждение незрелых социалистических производственных отношений Мао Цзэ-дун и его адепты стали рассматривать как завершение переходного периода и вступление Китая в социализм. Вот рассуждения китайской печати на этот счет:

«Завершение в основном социалистических преобразований означает окончание переходного периода от капитализма к социализму»⁸.

«Наша страна в 1956 г. уже в основном завершила социалистические преобразования капиталистической промышленности и торговли, а также единоличного сельского хозяйства и кустарной промышленности (осуществлено кооперирование), заложила первичную основу социалистической индустриализации. Поэтому можно сказать, что уже в основном завершены задачи переходного периода и мы вступили в этап социализма»⁹.

«В настоящее время в нашей стране существует и в дальнейшем определен период будет существовать социалистическое общество — начальная ступень коммунизма»¹⁰.

«Мы в настоящее время живем в социалистическом обществе. Мы сами испытали и познали несравненные преимущества социализма перед капитализмом»¹¹.

Если верить приведенным высказываниям, то в Китае в 1956 г. закончился переходный период и страна вступила в социализм.

В КПК были коммунисты, которые правильно понимали, что такое социализм как способ производства. Так, Чэнь Чжи-юань в 1954 г. писал: «Если мы хотим успешно завершить социалистическое строительство, успешно перейти к социалистическому обществу, то прежде всего необходимо для такого общества создать материальную базу — высокоразвитые общественные производительные силы; только тогда социалистическое общество сможет из научной теории превратиться в материальную реальность»¹².

Такое правильное утверждение, к сожалению, не стало ведущим в общественно-политической мысли Китая. Верх взяла антинаучная маоистская концепция о том, что с осуществлением социалистических преобразований, даже при низком материально-техническом уровне, в Китае построен социализм.

Правомерно ли утверждение о том, что в Китае построен социализм? Такое утверждение не соответствует действительности, потому что задачи переходного периода далеки еще до своего завершения.

Действительно, важнейшим условием для построения социализма является утверждение социалистических производственных отношений, в

⁸ «Сюэси», 1956, № 9, с. 40.

⁹ «Синь цзяньшэ», 1958, № 8, с. 13.

¹⁰ «Чжунго циняньбао», 8. IX. 1967.

¹¹ Изучим «Критику Готской программы», укрепим диктатуру пролетариата. Пекин, 1975, с. 72.

¹² «Сюэси», 1954, № 4, с. 12.

основе которых лежит общественная собственность в ее двух формах: государственная (общенародная) и кооперативная (групповая). Именно обобществление средств производства во имя интересов народа является коренным условием для строительства социализма. Строй цивилизованных кооператоров, говорил В. И. Ленин, при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма¹³.

Означает ли это, однако, что задачи построения социализма ограничиваются утверждением новых производственных отношений? Нет, не означает. Вот что по этому поводу говорил В. И. Ленин: «Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки...»¹⁴. И еще: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность»¹⁵.

При определении сущности любого способа производства, в том числе и коммунистического, марксисты исходят не только из факта установления новых производственных отношений, но и из уровня развития производительных сил. Социалистические производственные отношения, опирающиеся на производительные силы, материально-вещественный элемент которых соответствует феодальному способу производства, неправомерно отождествлять с социализмом, как это делают маоистские идеологи.

Маоизм в этом вопросе допускает метафизический подход: он игнорирует уровень развития материально-технической базы социализма и все сводит к проблеме становления новых производственных отношений, а это приводит к карикатурному пониманию социалистического общества: если-де крестьяне кооперировались, пусть даже на самой отсталой материально-технической базе, значит, социализм построен.

Китай продолжает оставаться на стадии переходного периода к социализму, однако в его продвижении по этому пути возникло огромное препятствие — авантюристический курс группы Мао Цзэ-дуна во внутренней и внешней политике, и это создало серьезную угрозу социалистическим завоеваниям китайского народа.

Отождествив утверждение незрелых социалистических производственных отношений с созданием социалистического способа производства, то есть с построением социализма, Мао Цзэ-дун и его окружение были охвачены нетерпением скорее «покончить» с социализмом и взять «прямой курс» на коммунизм. Именно это явилось истоком стремления изобразить социалистическое общество как переходный этап, на котором не следует долго «задерживаться».

Укрепление социалистического общественного строя маоистские идеологи рассматривали как топтание на месте или даже как нежелание перейти от социализма к коммунизму. Критикуя так называемых сторонников «застывшего социализма», китайская печать писала: «Требование закрепить на мертвой точке социалистические производственные отношения, а также коллективную собственность и распределение по труду является выражением позиций тех людей, которые желают законсервировать социалистическое общество. Такие взгляды ошибочны»¹⁶.

Развитие и совершенствование социалистических производственных отношений, таким образом, маоисты отождествляют с попыткой «законсервировать социалистическое общество».

¹³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 373.

¹⁴ Там же, т. 43, с. 210.

¹⁵ Там же, с. 305.

¹⁶ «Цзинцзи яньцзю», 1960, № 5.

Так утверждалось в 1960 г., то есть во времена «большого скачка». Изменили ли с тех пор маоистские идеологи свои взгляды? Нет, не изменили.

При ознакомлении с теоретическими статьями, опубликованными в последнее время в китайской печати, привлекают внимание тщетные попытки их авторов по-прежнему отставать со ссылками на труды К. Маркса и В. И. Ленина ту точку зрения, что социализм — это-де «переходное общество». Приводится высказывание К. Маркса из его работы «Критика Готской программы» о том, что между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе и что этому периоду соответствует и политический переходный период¹⁷.

Приводя это высказывание, маоистские идеологи делают следующий вывод: «Маркс ясно указал, что период диктатуры пролетариата есть переходный период от капитализма к коммунизму, то есть период социализма»¹⁸.

Ничего подобного ни в одном произведении основоположника научного коммунизма невозможно встретить! И хотя в его работе «Критика Готской программы» не употребляется термин «социализм», в ней совершенно четко говорится, что коммунизм имеет низшую и высшую фазы.

В китайской печати искажаются также и мысли В. И. Ленина, когда утверждается: «Ленин писал как нельзя яснее: переходный период — это период между «капитализмом и полным коммунизмом, т. е. период социализма»¹⁹. Ничего подобного в произведениях В. И. Ленина невозможно встретить!

Чтобы доказать «переходный характер» социализма, маоистские идеологи делают ссылки на работу В. И. Ленина «Государство и революция», где говорится, что социалистическое общество, вышедшее из капитализма, сохраняет на себе много родимых пятен старого общества. Действительно, В. И. Ленин говорил: «В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма»²⁰. И хотя В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что социалистическое общество несет на себе многие черты капитализма, однако он давал четкое научное определение и переходному периоду, и социализму, и коммунизму. Марксизм-ленинизм не рассматривает социализм как переходное общество от капитализма к коммунизму, потому что и социализм, и коммунизм суть две фазы единой коммунистической формации. Маоистские же идеологи трактуют это совершенно иным образом.

Мао Цзэ-дун смешивает закономерности переходного периода и социализма, и об этом можно судить по таким его утверждениям: «В течение всего переходного периода существуют классы, существует борьба между двумя путями — социалистическим и капиталистическим»²¹. Здесь же: «На всем историческом этапе социалистического общества все еще существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, все еще существует борьба между пролетариатом и буржуазией, между двумя путями — социалистическим и капиталистическим»²².

Приведенные высказывания Мао Цзэ-дуна, опубликованные в одном и том же номере журнала «Хунци», показывают, что он не видит при-

¹⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, с. 27.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 19. VIII. 1975.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 98.

²¹ «Хунци», 1975, № 1, с. 3.

²² Там же, с. 58.

ципиальной разницы между социалистическим обществом и переходным периодом: по его мнению, и в первом и во втором существуют антагонистические классы, идет классовая борьба.

Маонизм переносит закономерности переходного периода на социалистическое общество, выдвигая тезисы, что «период социализма — это период взаимной борьбы между умирающим капитализмом и родившимся коммунизмом»²³ или что «социалистическое общество является переходным от капитализма к коммунизму»²⁴.

Для чего потребовалось Мао Цзэ-дуну и его окружению фальсифицировать научное понимание социализма?

Во-первых, чтобы опорочить социалистические завоевания советского народа, перечеркнуть победу социализма в СССР. Ибо, расширяя рамки переходного периода вплоть до высшей фазы коммунизма, маонисты тем самым отвергают низшую фазу коммунизма вообще и ее победу в СССР в частности.

Во-вторых, смешивая закономерности переходного периода и закономерности социалистического общества, Мао Цзэ-дун пытается обосновать правомерность «теории» о том, что основным содержанием социалистического общества являются классовая борьба и классовые антагонизмы. Эта вздорная «теория» призвана оправдать массовые расправы над антимаонистами в Китае и укрепить военно-бюрократическую диктатуру Мао Цзэ-дуна.

Коммунизм. Основные принципы коммунизма были сформулированы К. Марксом в работе «Критика Готской программы» и развиты В. И. Лениным в работе «Государство и революция». Практика коммунистического строительства в Советском Союзе подтверждает правильность выводов, сформулированных классиками марксизма-ленинизма.

Маонизм пытается создать собственную теорию коммунизма, паразитируя при этом на марксизме-ленинизме и фальсифицируя его методологию.

Закону планомерного, пропорционального развития экономики маонизм противопоставил метод «скачкообразного» развития, официально названный на второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) «универсальным методом строительства социализма и перехода к коммунизму». Мао Цзэ-дуну удалось навязать второй сессии VIII съезда КПК новую генеральную линию партии, которая была сформулирована так: «Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее». Эта генеральная линия имеет форму призыва и не выражает какой-либо конкретной цели, к которой должен стремиться китайский народ. Если отбросить цветистые выражения, оформлявшие генеральную линию, то ее существо выражалось в следующем.

Китайский народ пытались убедить в том, что переход к коммунизму произойдет в самом ближайшем будущем посредством «скачкообразного развития». Ставилась задача «перепрыгнуть» непройденный этап — социализм и непосредственно перейти к коммунизму, который вначале предполагалось построить в деревне. Главным условием построения коммунизма считалось не достижение высокого уровня развития производительных сил, а искусственное изменение производственных отношений. Средством ускорения темпов экономического развития объявлялся «трудолюбивый энтузиазм масс», прежде всего крестьянства. Отрицался примат производства по отношению к обмену и распределению; на первое место

²³ «Гуанмин жибао», 9. II. 1975.

²⁴ «Хунци», 1975, № 3, с. 45.

ставилось не коммунистическое производство, а «коммунистическое распределение». Игнорировался опыт социалистического строительства в других странах, и прежде всего в Советском Союзе. Таким образом, разумное использование объективных законов социалистического строительства подменялось субъективизмом и волюнтаризмом.

Мао Цзэ-дун при этом исходил из следующей посылки: поскольку-де социализм корреспондируется с кооперативной собственностью, а коммунизм — с общенародной собственностью, то для перехода от социалистического к коммунистическому обществу нужно кооперативную собственность превратить в общенародную. «Превращение коллективной собственности во всенародную собственность, — поясняла газета «Гуанмин жибао», — есть предпосылка для коренного перехода к коммунизму»²⁵.

В Китае в 1956—1957 гг. было завершено кооперирование мелких производителей города и деревни. Что же дальше? Дальше, заявил Мао Цзэ-дун, не следует «топтаться» на этапе социализма.

Подчеркивание переходного характера социалистического общества во время «большого скачка» в 1958 г. понадобилось маоистам для того, чтобы снять задачи завершения строительства социализма в Китае и ориентировать китайский народ на непосредственный переход к коммунистическому обществу. «Социализм не представляет собой нашего высшего идеала, — писала «Жэньминь жибао», — нашим высшим идеалом является коммунистическое общество. Мы строим социализм для перехода к коммунистическому обществу, а не для того, чтобы закрепить становление социалистического общества, рассматривать его как исторический период стабильности и отсутствия изменений или же как этап количественных, но не качественных изменений»²⁶.

В решении ЦК КПК от 29 августа 1958 г. «О создании народных коммун в деревнях» говорилось: «По-видимому, осуществление коммунизма в нашей стране уже не является чем-то далеким. Мы должны активно использовать форму народной коммуны и через нее найти конкретный путь перехода к коммунизму».

Отход от генеральной линии партии в переходный период, курс на «скачкообразное» развитие экономики — все это нанесло национальной экономике Китая огромный урон. К концу периода «большого скачка» сельское хозяйство было полностью дезорганизовано. Резко сократилось производство сельскохозяйственной продукции. Урожай зерновых составил в 1960 г. 160 млн. т вместо 200 млн. т в 1958 г.²⁷ «Сокращение сбора зерновых и технических культур, спад производства подсобных промыслов, — признавала 1 октября 1961 г. «Жэньминь жибао», — все это сказалось на выпуске продукции как легкой, так и тяжелой промышленности, на снабжении рынка и материальном положении трудящихся».

После провала «большого скачка» (1958—1960) лозунг «срочного построения коммунизма» был отброшен и маоистские идеологи вновь говорили о социализме. Если судить по китайской печати, то китайский народ ныне живет при социализме, прочность которого, однако, вызывает сомнение у Мао Цзэ-дуна и его окружения. Такой вывод можно сделать из высказывания Мао Цзэ-дуна, приведенного на IX съезде КПК в апреле 1969 г.: «С точки зрения ленинизма, окончательная победа социализма в одной стране требует усилий не только пролетариата и ши-

²⁵ «Гуанмин жибао», 29 — 30. I. 1959.

²⁶ «Жэньминь жибао», 24. IV. 1960.

²⁷ Китайская Народная Республика. Экономика, государство и право, культура. М., 1970, с. 91.

роких народных масс данной страны, но и находится в зависимости от торжества мировой революции...»²⁸.

Итак, утверждается, что окончательной победы социализма в одной стране нельзя добиться в исторически обозримые сроки, и она поставлена в прямую зависимость от победы мировой революции. Это ли не перепевы троцкистских постулатов, давным-давно отброшенных на свалку истории!

В принятой на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 17.1.1975 г. новой конституции говорится только о социализме. Так, ст. 9 конституции гласит: «Государство осуществляет принцип социализма: «кто не работает, тот не ест», «от каждого по его способностям, каждому — по его труду»²⁹. Означает ли это, что Мао Цзэ-дун и его окружение «остановились» на социализме и отказались от демагогического лозунга о «построении коммунизма» в маоистской интерпретации этого понятия? Нет, не означает.

И хотя под воздействием объективных экономических законов Мао Цзэ-дун вынужден отходить от некоторых своих установок, однако этот отход не есть отказ от идей мелкобуржуазного, уравнительного коммунизма.

Чтобы «развенчать» социализм в глазах китайского народа как общество «взрывоопасное», могущее привести к «реставрации капитализма» в Китае, и «возвеличить» коммунизм, маоисты вытащили на свет «буржуазное право», сделав его пугалом для народа.

Как известно, К. Маркс впервые применил термин «буржуазное право» в произведении «Критика Готской программы». Касаясь принципа распределения на первой фазе коммунистического общества, он отмечал: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему»³⁰.

Распределение по труду К. Маркс назвал «буржуазным правом», или «узким горизонтом буржуазного права». Следует при этом подчеркнуть, что хотя в социалистическом обществе при распределении материальных благ применяется «буржуазное право», однако оно действует не в «чистом виде»: в таком обществе отсутствуют как эксплуатация трудящихся, так и дискриминация их в размерах оплаты за труд в зависимости от пола, возраста, национальности, а также все более возрастающую роль играют общественные фонды потребления, которые в значительной мере сокращают различия в уровне жизни разных слоев трудящихся.

Неравенство людей, сохраняющееся на первой фазе коммунизма, К. Маркс понимал как исторически неизбежное явление, не связанное ни с какими классовыми различиями, то есть не имеющее классового характера. «Но один человек, — писал К. Маркс, — физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того

²⁸ Великая пролетарская культурная революция (важнейшие документы). Пекин, 1970, с. 58.

²⁹ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики четвертого созыва (документы). Пекин, 1975, с. 14.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, с. 18.

чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть *неравное* право для *неравного* труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает *неравную индивидуальную одаренность*, а следовательно, и *неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право*³¹.

Конкретизируя мысли, выдвинутые К. Марксом в «Критике Готской программы» о «буржуазном праве» при социализме, В. И. Ленин сделал такой вывод: «Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* — и лишь *постольку* — «буржуазное право» отпадает»³². Но оно, подчеркивал В. И. Ленин, остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества³³.

К. Маркс и В. И. Ленин рассматривали способ распределения материальных благ как объективный процесс, не навязанный субъективной волей людей, а вытекающий из способа производства материальных благ. «Всякое распределение предметов потребления, — отмечал К. Маркс, — есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства»³⁴.

В. И. Ленин, развивая учение К. Маркса о двух фазах развития коммунистического общества, подчеркивал: «Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)»³⁵.

Классики марксизма-ленинизма научно обосновали правомерность применения при социализме принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», а при коммунизме — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Доказали, что эти принципы определяются не волевым началом, а носят объективный характер — они связаны с определенным уровнем развития производительных сил.

Разрабатывая теорию научного коммунизма, К. Маркс не мог предвидеть, что товарное производство и действие закона стоимости сохраняются в преобразованных формах и в социалистическом обществе, однако, как показала практика социалистического строительства, положения его учения применимы и к социализму: учение о двух сторонах товара — потребительной стоимости и стоимости, о конкретном и абстрактном труде, о сущности денег и т. п. Понятно, что в условиях господства общественной собственности на средства производства роль этих экономических категорий качественно иная, чем при капитализме.

В. И. Ленин, развивая экономическое учение К. Маркса в условиях

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, с. 19.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 94.

³³ Там же.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, с. 20.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 93.

победы социалистической революции, убедительно показал возможность и необходимость использования рынка, торговли и товарно-денежных отношений в интересах социализма.

Опыт социалистического строительства в СССР и советская экономическая наука давно уже доказали, что товарно-денежные отношения при социализме имеют иное социальное содержание, чем при капитализме, что использование в интересах социализма таких экономических категорий, как деньги, товар, прибыль, цена, стоимость и т. п., вовсе не означает переход на буржуазные методы хозяйствования.

Маоистские идеологи к проблемам политической экономии социализма подходят с позиции мелкобуржуазного анархизма. Если товарно-денежные отношения присущи капиталистическому хозяйству, рассуждают они, то их надо всячески «ограничить». Причем в качестве метода такого «ограничения» мыслится не использование механизма социалистического хозяйствования, а применение волевого начала. «Товарная система, товарное производство и денежное обращение, осуществляемые в нашей стране, — утверждает «Хунци», — по-прежнему содержат буржуазное право, содержат почву и условия для появления капитализма и буржуазных элементов»³⁶.

Сама по себе постановка вопроса маоистскими идеологами о «буржуазном праве» носит схоластический характер. «Как относиться к буржуазному праву — ограничивать или расширять его?» — вопрошает «Хунци» и отвечает на этот вопрос так: «Это важная сторона борьбы двух классов, двух путей, двух линий при социализме»³⁷.

Если следовать пропагандистским призывам маоистов о том, что надо ограничивать «буржуазное право», то, следовательно, надо ограничивать при социализме товарно-денежные отношения, социалистический принцип оплаты по труду и т. д. Но ведь это будет шагом назад, а не вперед по пути развития производительных сил. Речь может идти не об ограничении «буржуазного права», а о правильном использовании его в интересах социализма³⁸.

Нет нужды говорить, что стихийное проявление закона стоимости и товарно-денежных отношений может причинить серьезный ущерб социалистической экономике; но это вовсе не может быть основанием для отрицания объективного характера экономических законов социализма.

В китайских статьях о «буржуазном праве» часто приводится следующее рассуждение Мао Цзэ-дуна: «Китай принадлежит к числу социалистических стран. До освобождения он мало чем отличался от капитализма. В настоящее время все еще осуществляются 8-разрядная система заработной платы, распределение по труду и обмен посредством денег.

³⁶ «Хунци», 1975, № 6, с. 24.

³⁷ Там же, № 3, с. 32.

³⁸ О «буржуазном праве» и «опасности» товарно-денежных отношений в китайской печати было опубликовано большое количество статей: См.: Ограничение буржуазного права есть историческая задача диктатуры пролетариата. — «Жэньминь жибао», 8. IV. 1975; Чем руководствоваться в повышении социалистической производственной активности. — «Гуанмин жибао», 20. III. 1975; Чэн Юэ. Надлежащим образом читать книги, взяться по-настоящему за учебу; Лу Мин. Решительно отставить теоретическое оружие диктатуры пролетариата. К столетию со дня выхода в свет «Критики Готской программы»; Тянь Чжи-сун. Всеми силами будем изменять мировоззрение. — «Хунци», 1975, № 3; Цэн Янь. Идеологическое оружие по ограничению буржуазного права; Чжуан Нин. Одолеем идеологическое сопротивление буржуазии. — «Хунци», 1975, № 4; Ган Гэ. Повысим бдительность в отношении отрицательного влияния на партию принципа товарного обращения. — «Хунци», 1975, № 5; Юань Цин. Важный вопрос в производственных отношениях: Ся Ли-чжи. Денежное обращение и реальная классовая борьба; В товарном обращении решительно придерживаться социалистического принципа. — «Хунци», 1975, № 6.

Все это мало чем отличается от того, что было в старом обществе. Разница лишь в том, что изменилась форма собственности»³⁹.

Согласно этому утверждению, гоминьдановский Китай и нынешний Китай мало чем отличаются друг от друга. Что же касается изменения форм собственности (а это является великой экономической победой китайского народа над эксплуататорами), то об этом говорится между прочим («Разница лишь в том, что...»).

Данное высказывание призвано породить подозрительность к экономическим законам социализма, как якобы «неполноценным», заимствованным у капитализма, бросить тень на социалистический принцип оплаты по труду, который-де мало чем отличается от системы оплаты при капитализме, принизить значение социалистических преобразований, проведенных в Китае в первом десятилетии после победы народной революции.

Социалистический принцип оплаты по труду маоистские идеологи рассматривают не как объективный экономический закон социализма, а как какое-то «наваждение» или «стихийное бедствие». И они стремятся не к тому, чтобы использовать этот закон во имя развития производительных сил, а к тому, чтобы искусственно создать препятствия на пути его действия. «Ограничение буржуазного права в условиях диктатуры пролетариата, — писал «Хунци», — это чрезвычайно тяжелая и сложная боевая задача. Так называемое ограничение — это постепенное уменьшение сферы действия и роли буржуазного права, это активное создание таких условий в духовной и материальной сфере, при которых будет достигнуто его окончательное устранение»⁴⁰.

Если судить по китайской печати, то социалистическое общество может легко переродиться в капиталистическое, потому что в нем действует «буржуазное право». Об этом газета «Жэньминь жибао» писала так: «Есть две возможности для развития социалистического общества: вперед — к коммунизму и назад — к капитализму. Какая возможность будет реализована, зависит от того, что за линия осуществляется. Ограничить ли буржуазное право или укрепить, расширить и усилить его есть важная сторона борьбы двух путей в партии, которая связана с важным вопросом о том, в каком направлении развиваться социалистическому обществу»⁴¹.

Маоисты вынуждены признать, что «на этапе социализма все еще необходимо сохранить товарное производство и денежное обращение»⁴². В то же самое время товарно-денежные отношения в китайской печати отождествляются с «буржуазным правом», заимствованным у капитализма и якобы чуждым социализму. Не в силах противопоставить этим экономическим категориям что-либо свое, Мао Цзэ-дун и его адепты пытаются изобразить их как какой-то рок, с которым нельзя не считаться, но действие которого всячески надо ограничивать. «Вслед за развитием товарного производства, — читаем в «Хунци», — соответственно увеличивается и денежное обращение. Однако мы должны постоянно повышать бдительность в отношении вреда, который приносит денежное обращение, продолжать использовать соответствующие меры для его ограничения»⁴³. Или: «Товарную систему, обмен посредством денег, оплату по труду в на-

³⁹ «Хунци», 1975, № 3, с. 22.

⁴⁰ Там же, № 4, с. 32.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 8. IV. 1975.

⁴² «Хунци», 1975, № 6, с. 22.

⁴³ Там же, с. 22.

стоящее время нельзя упразднить, однако необходимо в условиях диктатуры пролетариата ограничить их отрицательные действия»⁴⁴.

И хотя социалистический принцип «от каждого по способностям, каждому по труду» записан в новую конституцию, он продолжает быть объектом шельмования и дискредитации. Находясь во власти идей мелкобуржуазного равенства, маоизм пытается искусственно противопоставить социалистический принцип «от каждого по способностям, каждому по труду» коммунистическому принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Первый принцип объявляется «буржуазным», второй — «истинно справедливым».

Маоистские сторонники казарменного коммунизма шельмуют социалистическое «неравенство» — принцип «от каждого по способностям, каждому по труду». Они демагогически требуют введения коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям», полагая, что мелкобуржуазное равенство созвучно с коммунистическим равенством. Но ведь это глубокое заблуждение! Маоистское «равенство» основано на низком уровне развития производительных сил, а отсюда — на принципах аскетического и спартанского образа жизни. Коммунистическое равенство основано на высоком уровне развития производительных сил, которое обеспечивает изобилие материальных и духовных ценностей.

Маоизм под равенством понимает нивелировку людей. Это наиболее рельефно можно видеть на примере того, как в китайской печати ставится задача сокращения «трех больших различий»: между рабочими и крестьянами, между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Преодоление этих различий, как известно, возможно, только на высшей фазе коммунизма, хотя на этапе социализма закладываются материальные предпосылки для решения этой проблемы. В Китае же, где еще не построен социализм, выдвигаются задачи, которые можно решить только при коммунизме. Причем при решении проблемы преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом речь идет не о повышении культурного уровня трудящихся, а о снижении культурного уровня интеллигенции.

Предлагается, например, студентам — выходцам из крестьян, окончившим вузы, вернуться в деревню и вновь стать крестьянами. И это непосредственно связывается с «преодолением» упомянутых выше «трех больших различий». «Если студент, окончивший вуз, — сетует «Хунци», — не сможет вновь стать рабочим и крестьянином, то как же можно сократить различия между рабочими и крестьянами, различия между городом и деревней, различия между умственным и физическим трудом? Получится так: чем больше студентов окончат вузы, тем больше будут расти «три больших различия»⁴⁵.

Понятно, что неправомерно игнорировать роль физического труда в воспитании нового поколения не только в физиологическом, но и в политическом плане. Маоизм к этой проблеме подходит с реакционных позиций: не надо-де иметь высокообразованную интеллигенцию, потому что она может «превратиться в буржуазию и будет господствовать над народом»; пусть образцом для китайского общества станет полуобразованный человек — «полурабочий», «полукрестьянин», «полунинтеллигент».

Так предполагается решить чрезвычайно сложную задачу коммунистического общества — преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом.

⁴⁴ Там же, с. 15.

⁴⁵ Там же, № 5, с. 28.

* * *

Маонистское понимание переходного периода, социализма и коммунизма не имеет ничего общего с взглядами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина: это от начала до конца фальсификация научного коммунизма, его грубая дискредитация. Мелкобуржуазный, чисто потребительский, уравнилельный подход к распределению материальных благ, навязываемый Мао Цзэ-дуном китайскому народу, идет вразрез с объективными экономическими законами общественного развития. Поэтому сама жизнь рано или поздно отбросит в сторону эти антимарксистские и антиленинские установки.

По существу же, под видом борьбы с «буржуазным правом» маонисты ведут наступление на жизненные интересы китайского народа: ограниченные «буржуазного права» (то есть нападки на социалистический принцип оплаты по труду) должно подготовить китайских трудящихся к новым материальным жертвам. Предметом особой заботы Мао Цзэ-дуна и его приближенных является не строительство социализма и коммунизма в Китае, как это изображается в китайской печати, а использование всех средств и возможностей, в том числе сохранившихся социалистических элементов в экономическом базисе, для наращивания военной мощи и создания милитаристского государства. Не случайно в Китае лозунги о социалистическом строительстве и повышении жизненного уровня народа подменены маонистскими призывами: «готовиться к войне, готовиться к голоду», «глубже рыть убежища, повсюду запасать зерно», «не бояться смерти, не бояться лишений». Такие призывы призваны обеспечить тотальную мобилизацию людских и материальных ресурсов страны во имя осуществления шовинистических, гегемонистских целей Мао Цзэ-дуна и его группы.

ИСТОРИЯ

К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну)

Г. Сухбаатар (МНР)

В древней истории народов Центральной Азии исключительно важную роль играли хунны (сюнну), впервые в истории кочевников этого региона создавшие государство. Оно существовало более двухсот лет (с III в. до н. э. по I в. н. э.) и занимало огромную территорию с центром в теперешней МНР. По договору, заключенному в 162 г. до н. э. между государством хуннов и империей Хань¹, хуннская держава официально была признана равноправным с Китаем государством.

Данная статья посвящена исключительно проблеме этнической принадлежности хуннов.

Господствующее племя государства хуннов известно из китайских источников под названием сюнну. Известно, что этноним и его носитель не всегда совпадают. Нередко один и тот же этноним обозначает разные народы. Этноним завоевателей часто становится наименованием и для завоеванных народов. Несомненно, что и этноним сюнну относился к ряду неродственных народов, входивших в хуннскую державу. Поэтому без специального критического разбора нельзя считать все племена, обозначенные этнонимом сюнну, этнически родственными.

Н. Я. Бичурин, К. Сиратори, Ю. Клапрот и другие отождествляли сюнну с монг. *gü'ün* (халх. хун) или тюрк. *kün* — человек. Дословное же значение китайского сочетания *сюнну* — злой раб. То, что в древности китайцы имели обыкновение записывать наименования не китайских народов иероглифами, имеющими унижительное значение, было, по всей вероятности, связано с этноцентризмом. Теоретически допустимо что сюн — запись слова *gü'ün* или *kün*, так как древнейшими этнонимами весьма часто служили слова, означавшие человек или люди.

Большинство ученых относит сюнну либо к тюркам, либо к монголам и лишь немногие — к другим народам. А. Ремюза, Ю. Клапрот, Ф. Миллер, Жирар де-Рналь, В. В. Радлов, Н. А. Аристов, Ф. Хирт, И. Блейер, В. А. Панов, Е. Паркер, Ф. Шварц, А. Н. Бернштам, Ю. А. Зуев считали их тюркоязычными.

П. Паллас, Б. Бергман, М. Шмидт, И. Бэр, Н. Я. Бичурин, К. Нейман, Х. Ховорс, в последнее время Ма Чан-шоу, К. Сиратори, Н. Иш-жамц и некоторые другие считали хуннов монголоязычными. Наконец, некоторые относили хуннов к народам неалтайских семей языков. Точка зрения Сен-Мартена, согласно которой хунны были финноязычными, давно отвергнута. Слабо аргументирована попытка Л. Лигети толковать гуннский из палеоазиатских языков, равно как и сближение Е. Пулльблэнком и отчасти советским ученым А. П. Дульзоном гуннского с кетским.

¹ Цзянь Бо-цзянь и др. Ли-дай гэ минь-цзу чжуань-цзи хуэй-бянь. Т. 1. Шанхай, 1958, с. 31 — 32 (далее: Цзянь Бо-цзянь. Хуэй-бянь).

Названные авторы нередко искали решение гуннской проблемы на путях лингвистического анализа и языковых параллелей, часто случайных и недостаточно убедительных. Между тем ее можно решить, только основываясь на тщательном изучении совокупности всех этнических связей разбираемого этноса. Как известно, эти связи формируют общность происхождения и исторической судьбы языка и связанных с ним форм мышления, обрядов и обычаев, традиционных форм материальной и духовной культуры и традиционных форм социальной организации. При этом надлежит опираться и на лингвистические, и на археологические, и на этнографические материалы, не говоря уже о тех неоценимых сведениях, которые сохранили нарративные источники и пр.

Существует мнение, что с I в. до н. э. началось переселение хуннов на запад. В действительности оно охватило только незначительную часть хуннов. Так, в первой половине I в. до н. э. шаньюй Чжичжи переселился в долины Таласа и Сырдарьи лишь с 3 тыс. человек (можно думать, что имеются в виду мужчины, способные носить оружие).

Род хуннских шаньюев *сюйляньти* (люаньти) и главные господствующие роды *хуянь*, *сюйбу* и *лань* остались на прежней территории, создали свое государство и сыграли важную роль в истории кочевников Центральной Азии. В I в. н. э. более 100 тыс. хуннских дворов, которые остались здесь после падения державы хуннов, присоединились к сяньби и приняли их этноним. Это самое меньшее полмиллиона человек, если считать, что у хунну была уже малая семья в составе 4—5 человек.

Поэтому при решении проблемы этногенеза хуннов мы должны тщательно рассмотреть взаимоотношения и этнические связи между хуннами и народами, сменившими их на исторической арене — сяньби, жузянями, тюрками и монголами.

Хунну, сяньби. Сопоставление данных китайских источников о происхождении сяньбийского племени *тоба* и хуннского племени *юйвэнь* ясно показывают существование с незапамятных времен этнической связи между хуннами и сяньби. В главе 95 «Вэй шу» говорится: «Тефуский Люху был потомком южного (хуннского. — Г. С.) шаньюя... Северный народ называется тефу тех, у кого отец ху (хунну. — Г. С.), а мать — сяньби...». М. Коймен отмечает, что тефу были смесью хуннов и сяньби. В «Нань Ци шу» сообщается: «Вэй лу («вэйские рабы», т. е. тоба. — Г. С.) были племенем хунну и у них был род тоба... (Тобаский) Илу переселился в область Дай, и их также называют сяньби». В «Цзинь шу» говорится: «Туфаский Угу был сяньбийцем из Хэси. Его предок был одного происхождения с Хоу Вэй (тобаское государство Поздняя Вэй. — Г. С.). Восьмой предок Пигу, возглавляя свое племя, переселился с севера укрепленной линии (Великой китайской стены. — Г. С.) в Хэси. После смерти Пигу его сын Шоутянь занял его место. Когда Шоутянь был в утробе, мать из рода хуе во сне родила его в одеяле, по-сяньбийски одеяло называлось туфа, потому так и прозваны»². По мнению многих ученых, род *хуе* был то же, что и *хуянь*, один из главных хуннских родов. Согласно китайским источникам, такие главные роды хунну, как *хуянь*, *лань* и др., в среде которых шаньюи заключали брачные союзы, были также и у сяньби.

Из приведенных цитат очевидно, что тоба выступают в одних источ-

² Цзянь Бо-цзянь, Хуэй-бянь, с. 1727, 1631, 1449; М. Коумен. Der Hsiung-nu — Stamm der Tu-ku (Tu-ko). — «Universite d'Ankara, Revue de Faculté de Langues, d'Histoire et de Geographie», 1944, № 3.

никах как ветвь хунну, а в других — сяньби, что смешавшиеся хунны и сяньби назывались тефу и что хунны и сяньби состояли в отношениях постоянных брачных союзов, что предполагает их дуальную организацию. Исследователи подтверждают, что тефу и туфа — варианты этнонима тоба и, следовательно, представляли собой племя, возникшее в результате смешения хуннов и сяньби. Это и другие факты этнических связей между хуннами и сяньби позволяют делать вывод о том, что их главное ядро было одним и тем же этносом³.

Есть основание думать, что хуннуский шаньюй Маодунь и тобаский хан Мао были одной и той же личностью. В мифе, воспроизведенном в предисловии к «Вэй шу», сообщается о происхождении тобасцев от легендарного китайского императора Хуанди (характерный для подобных источников сиоцентризм). При перечислении тобаских ханов здесь говорится о «мудром и храбром человеке» хане Мао, принадлежавшем будто бы к 67-му поколению от Хуанди и Яо и управлявшем 36 «государствами» и 99 большими родами⁴.

Можно предположить, что Мао — обычное для китайцев сокращение имени Маодунь. Сообщение о том, что хан Мао завоевал 36 «государств», точно соответствует событиям эпохи шаньюя Маодуня. В то время, по сообщению китайского путешественника II в. до н. э. Чжан Цяня и других источников, в Западном Крае (Си-юй) было 36 «государств», то есть владений. Сам шаньюй Маодунь писал китайскому императору в 176 г. до н. э., что он усмирил 26 государств Западного Края, в том числе Усунь⁵. Таким образом, анализ приведенного сообщения «Вэй шу» позволяет предположить, что тоба были прямыми потомками господствующего племени державы хуннов.

Хунну, жужань. В «Вэй шу» прямо говорится, что жужане были «потомками хуннов». «Лян шу» сообщает, что «жужу (жужане. — Г. С.) были, вероятно, племенем хунну. Во время династий Вэй и Цзинь хуннов было несколько сотен и тысяч групп, каждая из которых имела собственное наименование, и одной из них были жужане». Жужаньский хан Анахуань в китайских источниках фигурирует как хуннуский правитель. Кроме того, во время своего визита к тобаскому императору в 520 г. н. э. Анахуань говорил: «Наши предки происходили от великих Вэй» (тобаской династии. — Г. С.)⁶. Поэтому в источниках и говорится, что жужане были потомками хуннов. Относительно хуннов и жужаней в 1907 г. К. Сиратори высказал предположение, что они составляли один этнос. Факт, что в «Цзинь шу», «Тун дэнь», «Шилу го чуньцю» и других сочинениях сообщается, что жужане — это «сяньби из Хэси»⁷, указывает на этническую связь между хуннами и сяньби.

В настоящее время большинство ученых считает жужаней прото-монголами. Этноним «татары», под которым одно время были известны монголы, и даже этноним «монгол» восходят к жужаням. В сообщении, относящемся к первой половине V в., в «Сун шу» говорится: «Другим названием жужаней было датань, еще одним таньтань, и они есть отдельная ветвь хуннов»⁸. По мнению автора, датань или тань-

³ Г. Сухбаатар. Сяньби. Улан-Батор, 1971, с. 30 — 31, 37.

⁴ «Вэй шу». Б. м., 1873, с. 1 а.

⁵ Цзянь Бо-цзянь. Хуэй-бянь, с. 17, 29, 619.

⁶ «Жужань цзы-ляо цзи-лу». Пекин, 1962, с. 38, 43, 204; Цзянь Бо-цзянь. Хуэй-бянь, с. 2034.

⁷ К. Сиратори. Дзэнсю. Т. 4. Токио, 1970, с. 60 — 61; Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 63.

⁸ «Жужань цзы-ляо цзи-лу», с. 39.

тань — этнонимы татар⁹. Сначала жужане были известны под названием *мугулюй*. По мнению П. Футида, очень вероятно, что мугулюй является одной из форм этнонима монгол.

Хунну, туцье (тюрки). Выводы европейских ученых, считающих хунну предками тюрков, основанные на данных китайских источников¹⁰, по моему мнению, не подтверждаются фактами.

Некоторые ученые пытаются обосновать тюркоязычность хуннов тем, что знатный хуннский род *хуянь* будто бы был тюркским, что сочетание *хуянь* запись тюрк, *куян* (заяц)¹¹. Однако, кроме приблизительного фонетического сходства, нет никаких данных, подтверждающих это. В китайских источниках значение данного этнонима не дано. Как известно, род *хуянь* упоминался вплоть до IV в. в составе сяньбийцев. Если бы *хуянь* действительно был тюркским родом *куян*, он должен был бы встречаться среди тюрков и более поздней эпохи. Но сколько-нибудь влиятельный род под таким названием среди тюркских народов не зарегистрирован. У туркмен, например, только племя эрсари имеет в своем составе род товсон — заяц. Следует указать, что в древнетюркском языке заяц назывался табишган¹².

А. Н. Бернштам, рассматривая фигуру быка (яка) на серебряной пряжке из Ноинулинского кургана как тотемный знак, полагает, что бык назывался по-тюркски *огуз* (название тюркского рода VII—XIII вв.), и считает легенду об Огуз-хане отражением деятельности хуннского шаньюя Маодуня. Отсюда он делает вывод, что хунны были тюрками. По его мнению, кит. *хуянь* должно быть реконструировано как *огуз* (бык). Но, как известно, большинство ученых отвергает предположение о том, что *огуз* означает «бык». *Хуянь* был родом не шаньюя, а лишь одним из знатных родов, вступавших в брачные отношения с шаньюем. Поэтому В. С. Таскин с полным основанием отвергает точку зрения А. Н. Бернштама¹³.

Хунну (тоба), монголы. Автор имел возможность показать, что тоба, которые, как сказано выше, были потомками хуннского племени, в свою очередь являлись предками монголов¹⁴. Поэтому здесь мы только осветим этнические связи между тоба и монголами.

В «Вэй шу» содержится предание о том, что тоба, которые в пятом поколении после хана Мао (по моему мнению, хуннского Маодуня) переселились в темную болотистую местность с большим озером, при ханах Сянь (Линь) и Сюань (Туйинь) ввиду непригодности земель были вынуждены двинуться далее на юг, на старую территорию хунну, «прорыв и протерев (гору)»¹⁵. Рашид-ад-Дин излагает предание о том,

⁹ Подробно см.: Г. Сухбаатар. Указ. произв.

¹⁰ Предположения о том, что тюрки первоначально были хуннским племенем, содержатся в «Чжоу шу», «Бэй ши», «Тун дян», «Тайпин хуань юй цзи» и «Синь Тан шу». См.: Чэнь Чжун-мянь. Туцье цзи-ши. Т. 1,2. Шанхай, 1958, с. 499, 516, 527, 576, 607.

¹¹ Ю. А. Зуев. К этнической истории усуней. — Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 5—25.

¹² С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1955, № 9—10. М. — Л., с. 3—41; Древнетюркский словарь. Л., 1962, с. 526а.

¹³ А. Н. Бернштам. Очерки истории гунов. Л., 1951, с. 226, 230—231; его же. Изображение быка в находках из Ноинулинских курганов. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6, с. 130; В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну, М., 1968, с. 130.

¹⁴ Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 164.

¹⁵ «Вэй шу». Гл. 1, с. 1.

что за две тысячи лет до его времени от монголов после войн с другими племенами остались только две семьи — Нукуза и Кияна, что они бежали в Эргунэ-Кун — степь, окруженную недоступными горами, там размножились и вследствие перенаселения (букв. — тесноты) вышли оттуда, расплавив проход в горах с помощью кузнечных мехов. Это предание дополняется «Тайной историей монголов», сообщающей о том, что предки Чингисхана пришли к рекам Онон и Керулен, переплыв через тэнгис (море или озеро). По мнению некоторых исследователей, Эргунэ-Кун можно отождествить с бассейном Аргуни¹⁶. Тоба перед переселением на территорию хуннов жили по Онону и Аргуни. Между обоими преданиями нет и большого хронологического разрыва. Одним словом, сопоставление текстов позволяет сделать вывод о том, что они представляют собой варианты одного и того же предания этнически родственных народов — тоба и монголов.

У древних монголов можно найти много общих этнографических черт с тоба и хуннами. По сообщению «Вэй ши» и «Цзы-чжи тун-цзянь», в 532 г. при провозглашении тобаским ханом Сяо Уди семь человек, посадили его на черный войлок и подняли на трон, при этом хан молился Небу, обращаясь направо. Как пишет Гетум Патлич (1307), при возведении на престол Чингиса семь его родовичей, посадив его на черный войлок, подняли на трон¹⁷. По сообщению Д'Осона, такая же церемония состоялась при возведении на престол монгольского хагана Хайсана. Этот обычай специфичен для тоба и монголов и отличается от тюркского¹⁸.

Сыма Цянь сообщает, что хунны «для похорон употребляют внешний и внутренний гроб, золото и серебро, одежды и шубы, но не насыпают могильных холмов, не сажают деревья и не носят траурных одежд. Любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу». Аналогичный обычай захоронения покойников наблюдается и у монголов XIII в. Обычай класть в гроб косы, практиковавшийся у хуннов, существовал у халха-монголов вплоть до недавнего времени. Вообще, согласно К. Сиратори, ношение кос было своеобразным обычаем хуннов, тобасцев и монголов. Хуннские женщины краской из сафлора (*Carthamus li*) румянили себе щеки так же, как монголки красили щеки вплоть до Народной революции 1921 г. Хунны пользовались лодками из лошадиных кож для переправы через реки так же, как и монголы XIII в. Свистящие стрелы, первые сведения о которых относятся к эпохе шаньюя Маодуня, также были у монголов. По мнению В. С. Таскина, «хуннская юрта, по-видимому, мало отличалась от более известной монгольской юрты XIII в.». У хуннов и жужаней левая сторона считалась почетной¹⁹. То же самое было у древних монголов. Это находит отражение в том, что в настоящее время монгольская национальная борьба начинается с левой стороны.

Что касается тобаского языка, то автор показал, что некоторые названия должностных лиц могут быть отождествлены с соответствующими монгольскими административными терминами XIII—XIV вв.²⁰ По этому вопросу Л. Лигети пришел к выводу: «...некоторые рассмотрен-

¹⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. первая. М.—Л., 1952, с. 77 (прим. 10), 153, 154; «Юань-чао би-ши». М., 1962, с. 13.

¹⁷ См.: Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 132.

¹⁸ Чэнь Чжун-мянь. Ту-цзюэ цзи-ши, с. 501, 604—605.

¹⁹ Цзянь Бо-цзянь. Хуэй-бянь, с. 15, 17, 52, 690. С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноннулинские курганы. М.—Л., 1962, с. 89; Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 131; В. С. Таскин. Указ. произв., с. 143; «Жу-жань цзы-ляо цзи-лу», с. 50.

²⁰ Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 87—94.

ные глоссы позволяют весьма приближенно предполагать, что табгачский (тобаский) язык, диалект сяньбийского, был монгольским диалектом, родственным киданьскому, другому диалекту сяньбийского, и что тот и другой отражают старомонгольский²¹.

Данные антропологии, археологии. Хунны по антропологическому типу относятся к монгольской расе. По этому поводу С. И. Руденко пишет: «...волосы хуннов не только по окраске, но и по форме оказались типичными для монгольской расы, резко отличаясь как от финно-угорских, так и от славянских народов. Любопытно, что волосы из Нонн-Улы обнаружили существенное отличие от волос населения Алтая в скифское время». Тип одежды хуннов «сохранился до наших дней, в частности у тюрко-монгольских народов Центральной и Средней Азии»²².

В хуннских погребениях были найдены в основном костные остатки монгольских табунных лошадей небольшого роста, коренастых, с короткой и широкой мордой. Судя по костям быка, обнаруженным в значительном количестве в хуннских могилах, крупный рогатый скот близок к современной калмыцкой породе. У хуннов были двугорбые верблюды, как и у монголов. Порода хуннских собак, черепа которых обнаружены в погребениях Ильмовой пади, оказалась обычной для монгольских степных собак, с довольно короткой мордой²³.

Лингвистические данные. Что касается ономастики, то она изучена совершенно недостаточно. Но нет сомнения в том, что имя отца Маодуня Тоумань соответствует тюрк.-монг. *tümen* (десять тысяч). По мнению некоторых, Маодунь = монг. *modun* (дерево) или тюрк.-монг. *bajatur* (герой). Окончания хуннских антропонимов похожи на окончания монгольских.

Есть основание утверждать, что упоминавшийся род *хуянь* был монгольским эпонимическим родом *kijan*, который, как было сказано, ушел в Эргунэ-Кун. Это событие мы относим к периоду распада державы хуннов. После хуннов род *хуянь* упоминался в составе сяньбийцев. Он, очевидно, не исчез с исторической арены, и, кроме монгольского *киян*, нет другого крупного рода, который можно было бы отождествить с ним. Окончания хуннских этнонимов *-янь*, *-ти* и другие также, по-видимому, объяснимы фактами монгольского языка.

Необходимо учитывать историю народа при исследовании его языка. Это тем более важно при решении проблемы этнической принадлежности хуннов, от которых сохранилось лишь несколько слов. При разборе их нужно изучить историю каждого из них и связь его с основным словарным фондом языка, к которому оно относится. Необходимо принимать во внимание и возможные искажения при транскрибировании иноязычных слов китайскими иероглифами. Наконец, китайская письменность очень плохо отражает многослоговость монгольского и других алтайских языков. Разберем несколько хуннских слов, значения которых известны.

1. *Шаньюй* — «хуннский хан», по-кит. *гуанда* (обширный). К. Сиратори объяснял его из монг. *dengüi* (слишком), Г. Ж. Рамстедт и Г. Утида из монг. *delgegüi* (широкий), Е. Пуллиблэнк из монг. *dargan* (титул), Г. Клосон из тюрк. *явгу*, В. А. Панов сближал с тюрк. *там-*

²¹ Л. Лигети. Табгачский язык — диалект сяньбийского. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 1, с. 116.

²² С. И. Руденко. Указ. произв., с. 111, 113.

²³ Там же, с. 24—25.

хан²⁴. Из этих предположений некоторыми учеными поддерживается объяснение слова *шаньюй* как *дархан*. Однако П. Пельо и Хань Жу-линь показали, что слово *дархан* впервые зарегистрировано у жужаней. В это же время в китайских источниках употреблялось и слово *шаньюй*. В 506 г. жужаньский хаган Футу вступил на престол, получив титул тахань (*la[r]qan*), что на китайский переводится как *сюй* (начало, дело, преемник). После хуннов титул *шаньюй* употреблялся усунями и сяньби, а также другими народами²⁵.

Есть основание отождествлять *шаньюй* с монг. *sayin* (хороший, лучший, добрый) и т. д. *Sayin* употреблялось в переписке вместо хаган. Так сделал ильхан Олджэйтү из государства Хулагидов в 1305 г. в письме на монгольском языке к французскому королю Филиппу Красивому. Например, он писал: «Наш сайин прадед, сайин дед, сайин отец, сайин старший брат», подразумевая своих предшественников на престоле. А. Мостарт и Ф. В. Кливз перевели *sayin* как «*noble, eminent, glorieux*»²⁶. Но мне кажется, что *sayin* здесь означает именно «хаган». Даже в более позднее время в монгольской административной практике *sayin* употреблялось наряду с *qaγan*. Например, монгольский хан Бату-Монкэ официально назывался «Бату-Монкэ сайин дай Юань хаган». Теоретически вполне допустимо, что слово «сайин» имело значение «хаган». Нередко глава рода и племени назывался по личным качествам. Например, глава рода у эскимосов именовался «думающий», а у шошонов — «говорящий»²⁷. И у монголов до возникновения классового общества *sayin*, по-видимому, означало главу рода или племени и позже было вытеснено словом «хаган». Даже в современном монгольском языке имеются следы того, что оно когда-то означало должностное лицо, например сейчас глава министерства называется сайнд (мн. число от сайин). Тот факт, что титул *шаньюй* был известен китайцам еще в эпоху Чжань-го (V—III вв. до н. э.)²⁸, является косвенным свидетельством того, что он традиционно связан с родовым обществом. Что касается фонетического аспекта, то оба слова, по-видимому, могут быть сведены одно к другому. *Sayin* в некоторых диалектах (например, в джалайт-дурбет-хорчинском говоре) и теперь может произноситься как *layin*²⁹.

2. *Янь-чжи* или *э-чжи* (жена императора, шаньюя, императрица). К. Сиратори объяснял его как тунгусск. *аси* (жена), Б. Мункачи — венгерск. *эмсэ* (женщина), В. А. Панов — тюрк. *эчи* (жена), Э. Пуллейбланк — кетским жена³⁰. Но это, вероятно, монг. *esi* (корень, клетка). В монгольской хронике «Алтан тобчи» и надписи XIV в. у горного прохода Цзюйюньгуань *esi* употребляется в значении монг. *qatun* (императрица, ханша)³¹. *Esi*, вероятно, сначала употреблялось в значе-

²⁴ Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 157; К. Сиратори. Указ. произв., с. 543; J. Ramstedt. Alte türkische und mongolische Titel. — «Suomalais-ugrilaisen seuren Aikakuskirja, Journal de la Societe finnoougrienne». Helsinki, 1955, № 55, p. 61; E. G. Pulleyblank. Consonantal system, p. 256; Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 99, 100; В. А. Панов. К истории народов Средней Азии, 1951, с. 51—52.

²⁵ «Жу-жань цзы-ляо», с. 21; Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 724, 813; K. Wittfogel. Feng Chia-shen. History of Chinese Society: Liao (907—1125). Philadelphia, 1949, p. 102.

²⁶ A. Mostaert et F. W. Cleaves. Les lettres 1289 et 1309 des Ilkhan Argun et Oljeitu a Philippe le Bel. Cambridge, Mass., 1962, p. 55, 59—60.

²⁷ Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 101.

²⁸ В. С. Таскин. Указ. произв., с. 128.

²⁹ Б. Х. Тодаева. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960, с. 27.

³⁰ К. Сиратори. Указ. произв., с. 40; В. А. Панов. Указ. произв., с. 26; E. G. Pulleyblank. Consonantal system, p. 264.

³¹ «Табаидзүйлинн үегээр хабсарсан манджүгийн толи бичиг». Т. 2. Пекин, 1957, с. 163; Г. Сухбаатар. Указ. произв., с. 101.

нин «ханша» и впоследствии было вытеснено словом «хатун».

3. *Чэнли*, «небо». В «Цянь Хань шу» говорится: «В хуннуском государстве шаньюя называют «чэнли гуту шаньюю». Хунны называют «небо» — «чэнли», а «сына» — «гуту». Слово «шаньюю» означает «обширный» и показывает, что носитель этого титула обширен, подобно небу»³². Ученые единодушно признают чэнли тюрк.-монг. *tenggeri* (небо).

4. *Гуту* — «сын». К. Сиратори объясняет его как монг. *kö'üd* (сыновья), В. А. Панов — тюрк. *кот* (поставить), Э. Пуллиблэнк сближает с кетским сын³³. *Чэнли гуту* отражает шаманский культ неба и космогонические представления хуннов, характерные и для других народов мира, а не является калькой кит. *тянь-цзы* (сын неба). В источнике говорится, что хунны «в 5-й луне съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам»³⁴. Культ неба был распространен и среди монголов. Как отмечено в «Тайной истории» монголов, Алан-Гоа говорила пяти сыновьям: «*ta... tenggeri-yin kö'üt buyuje*» («Вы — сыновья неба»). В этой фразе в подстрочном переводе *tenggeri-yin kö'üt* передано через кит. *тянь-цзы* (сын неба)³⁵. Есть основание считать правильным предположение К. Сиратори о том, что хуннуское *гуту* соответствует монг. *kö'üd* (сыновья).

5. *Оуто*. В «Ши цзи» сказано: «Между дунху и хуннами пролегла брошенная земля, на которой на расстоянии более 1000 ли никто не жил, и те и другие жили по ее краям, образуя оуто». По моему мнению, древнекитайские комментаторы в основном правильно объясняют *оуто* как пограничные караулы, сторожевые башни. К. Сиратори объясняет этот термин как *ода, оток* (двор, жилище) в алтайских языках. В. А. Панов — тюрк. *ода, одак, отаг* (помещение, шалаш); В. С. Таскин — тюрк. *ordu* — «дворец»³⁶. Но, как мне кажется, *оуто* — это *утку*, которое существовало в монгольском языке XII—XIII вв. Рашид-ад-Дин сообщает, что когда-то цзиньский император для обороны от монголов по северной границе империи построил стену, которая по-монгольски называлась *утку* или *уткух*, а по-тюркски — *буркуро*. Здесь речь идет, конечно, не о Великой китайской стене, а о так называемой «новой стене», построенной чжурчжэнями в XII в.³⁷ Утку не может отождествляться с тюрк.-монг. *Ordu* (дворец) или *olaj* (шатер). Буркур сохранилось в монгольском языке в форме *бурх* (хижина или жилище для путешественников и пастухов; покрытая глиной лачуга в форме монгольской юрты)³⁸, а *утку*, по-видимому, связано с монг. *örlüge* (почтовая станция). Как известно, на почтовом тракте приблизительно через каждые 30 км имелась станция — *örlüge*. По личному наблюдению автора на так называемых «оборонительных валах Чингисхана», тянувшихся на несколько сотен километров по юго-восточной части территории МНР, на определенном расстоянии друг от друга заметны следы сторожевых башен. Думается, что слово *утку* означало не самую стену, а именно эти башни — жилища для пограничников. У хунну было должностное

³² Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 157.

³³ К. Сиратори. Указ. произв., с. 542; В. А. Панов. Указ. произв., с. 42; F. G. Pullerblank. Consonantal system, p. 245.

³⁴ Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 17.

³⁵ «Юань-чао би-ши», с. 26.

³⁶ Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 16, 21—22; К. Сиратори. Указ. произв., с. 43; В. А. Панов. Указ. произв., с. 28; В. С. Таскин. Указ. произв., с. 131—132.

³⁷ Рашид-ад-Дин. Указ. произв., с. 140, 161 (прим. 6); «Юань-чао би-ши», с. 453; Древнетюркский словарь, с. 3706, 3736.

³⁸ Я. Цэвэл. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улан-Батор, 1966, с. 1176.

лицо — *оуго ван*, которое, по всей вероятности, было ответственно за охрану сторожевых башен — *оуго* или *утку*.

6. *Жо-ти* (по «Цянь Хань шу», кит. сяо — «почитать родителей») ³⁹. Нельзя согласиться с К. Сиратори, который связывает жо-ти с монг. *čisutu* (кровнородственный). Но, как сказано, *сяо* — «почитать, почтительный». В этом смысле оно часто употреблялось перед именем китайских императоров. По моему мнению, *жо-ти* даже фонетически соответствует монг. *nu'un* (сыновья). Что касается последнего слога *ти* из *жо-ти*, то он, по-видимому, является обычным суффиксом совместного падежа — *tei*.

7. *Туци*, по «Ши цзи», кит. *сянь* — «мудрый; тот, кто совершает благородные поступки; слава, славный» ⁴⁰. Старший сын шаньюя всегда ставился «левым туци-ваном» — самым крупным чиновником хуннской державы, поэтому неправильны утверждения некоторых ученых, что так называемые 24 старейшины (да-жэнь) не чиновники, а родовые старейшины. Простая логика вещей подсказывает, что отец и сын не могут являться одновременно родовыми вождями (старейшинами). К. Сиратори объяснял туци как монг. *sekegē* (сознание) и тюрк. *saqalsiq* (мудрый), а Э. Пуллиблэнк — как тюрк. *tu* (знамя) — название титула ⁴¹. Но, как мне представляется, туци соотносится с монг. *tüsiy-e* (опора, возвышение). Киданьское *тоуся*, по мнению К. Витфогеля и Фэн Шэя-шэня, соответствует монг. *tüsiy-e*, которое широко употреблялось у монголов как эпитет перед титулами, как, например, перед титулом «хан» (*tüsie-tü qan*). *Туци* фигурирует как эпитет и перед титулом восточного хана хуннов. Как считает Чэнь Чжун-мянь, *туци* встречается в китайском тексте памятника Кюль-тегину ⁴². Здесь *туци*, по-видимому, употребляется как известное китайцам слово для перевода названия какого-то тюркского племени. Монг. *tüsiy-e* могло употребляться в значении «мудрый», как имеющее с ним общий корень. По-видимому, это монгольское заимствование в уйгурском *tüsimäl*, зарегистрированное в памятнике XIV в., означает «прорицатель», «толкователь снов» ⁴³, то есть «мудрец». Поэтому есть основание сближать термин *туци* с монг. *tüsiy-e*.

8. *Цзинлу* по-кит. название меча. Термин был известен китайцам еще в XIII в. до н. э. По Ф. Хирту, У-ван отрубил последнему иньскому правителю Чжоу-синю голову мечом, названным в тексте *цзинлюй*. Ф. Хирт и вслед за ним К. Сиратори отождествили этот термин с тюрк. *kyngrak, qingrak* (обоюдоострый нож, кинжал). Однако последний связывает его и с монг. *kingyar* (нож), который до сих пор монголы употребляют при обработке шкур. В. А. Панов *цзинлу* вместе со следующим словом *люли* отождествляет с тюрк. *кэмлэ* (гадать) ⁴⁴. Но фонетически *цзинлу* — скорее всего тюрк.-монг. *qingraq* (обоюдоострый нож).

9. *Цзюйцы*. В «Цянь Хань шу» сообщается, что от брака шаньюя Фучжулей с Ван Чжао-цзюнь (33 г. до н. э.) родились две дочери и что старшую называли Сюйбу-цзюйцы, а младшую — Даньюй-цзюйцы.

³⁹ Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 257.

⁴⁰ Там же, с. 17; «Чжун-вэнь да цы-дянь», т. 32, с. 13876.

⁴¹ К. Сиратори. Указ. произв., с. 45; F. G. Pulleyblank. Consonantal system, p. 31—32.

⁴² Чэнь Чжун-мянь. Ту-цзюе цзи-ши, с. 828, 835.

⁴³ Древнетюркский словарь, с. 6006.

⁴⁴ Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 221; Чэнь Чжун-мянь. Ту-цзюе цзи-ши, с. 1112; В. С. Таскин. Тюркские названия домашних животных в языке сюнну. — «Краткие сообщения Института народов Азии». М., 1964, № 85, с. 19; К. Сиратори. Указ. произв., с. 45; В. А. Панов. Указ. произв., с. 73.

Комментатор Ли Цзи пишет, что *цзюйцы* есть женский титул, соответствующий китайскому *гун-чжу* (принцесса). Но в 70—60-е гг. до н. э. китайский наместник Чан Хуэй и усуньские войска подошли к стойбищу западного гули-вана и взяли в плен тестя шаньюя, жену его старшего брата и *цзюйцы*. Комментатор Шэнь Цинь-хань пишет: «Цзюйцы есть жена хуннуского вана, а не гунчжу — принцесса»⁴⁵. Поэтому надо думать, что слово *цзюйцы* было известно китайцам до Хуханье и что оно, по-видимому, усуньское. По-моему, правильны мнения Б. Мункачи, К. Сиратори, В. А. Панова и других о том, что *цзюйцы* соответствует тюрк. *kis* (жена) и *qis* (девочка, девушка)⁴⁶.

10. *Доуло*. Комментатор III в. н. э. Чжан Хуан, объясняя обычай захоронения у хуннов, описанный в «Ши цзи», писал: «*чжун* (могила, курган) называется у хуннов *доу ло*». Неприемлема точка зрения К. Сиратори, который, рассматривая это *чжун* как *чжун* (другой иероглиф) — *семя*, отождествляет его с общеалтайск. *tariya* (зерно). Но можно согласиться с В. А. Пановым, который сближает *доуло* с тюрк.-монг. *tuga* (крепость, дом, укрепленное жилище)⁴⁷.

11. *Куайти (цзюети)*. В «Ши цзи» читаем, что у хунну есть кони *куайти*, *таньси* и *таоту*. *Куайти* определялось как «прекрасная лошадь северных варваров», «лошадь или прекрасная лошадь», «гибрид от скрещивания ослицы с жеребцом — лошак». Намно Эгами предположительно отождествляет *куайти* с монг. *kölüsün* (пот) — название коня из Западного края, распространенного в Китае через хунну, а Э. Пуллиблэнк — с кет. *kut* (конь). Мне представляется предпочтительным отождествление *куайти* В. С. Таскиным с азербайджан., туркмен. *fatir*; тат. *katir*; казах., каракалпак. *каир*; киргиз., татар. *качир*; узбек. *хачир* (мул)⁴⁸.

12. *Таньси* — «дикая лошадь», «из породы прекрасных лошадей», «пегая лошадь», «из породы мулов», «серая лошадь с белыми разводами». По фонетическим соображениям К. Сиратори отождествляет его с монг. *таху* (дикая лошадь). В. С. Таскин согласен с ним⁴⁹.

13. *Таоту* — «прекрасная лошадь северных диких мест», «дикое животное, по виду похожее на лошадь серой масти», «дикая лошадь», «похожа на лошадь серой масти», «похожа на лошадь, поменьше ее». В. С. Таскин предположительно отождествляет его с тюркск. *ту[r]ti* (пони). Намно Эгами, читая последний слог *ту* как *юй*, сближает слово *таоту* с монг. *таху* (дикая лошадь)⁵⁰. Можно предположить, что *таоту* — это тюрк.-монг. кулан (дикий осел).

Мною разобрано 13 хуннских слов. Что касается остальных сохранившихся хуннских слов, то они не имеют китайских переводов и объяснений. Из разобранных слов *шаньюй*, *яньчжи*, *эчжи*, *чэнли*, *гуту*, *оуто*, *жоти*, *туци*, *таньси*, *таоту* и *доуло* относятся к основному словарному фонду языка господствующего племени хуннов; 2 (*цзюйцы* и *куайти*) — иноязычные заимствования; 1 (*цзинлу*) — либо также принадлежит к основному словарному фонду хуннского языка, или иноязыч-

⁴⁵ Цзянь Бо-цзань. Хуэй-бянь, с. 232, 229, 237.

⁴⁶ К. Иностранцев. Хунну. СПб., 1914, с. 145; К. Сиратори. Указ. произв., с. 46; В. А. Панов. Указ. произв., с. 19.

⁴⁷ К. Сиратори. Указ. произв., с. 55; В. А. Панов. Указ. произв., с. 35—36.

⁴⁸ В. С. Таскин. Тюркские названия..., с. 14; N. Egami. The Kuai-ti, the tao-yu and fan-hsi: the strange domestic animals of the Hsiung-nu. — «Memoires of Research Department of the Toyo Bunko», № 13, 1951. Tokyo, p. 93—94; E. G. Pulleyblank. Consonantal system, p. 246.

⁴⁹ В. С. Таскин. Тюркские названия..., с. 17; К. Сиратори. Указ. произв., с. 696.

⁵⁰ В. С. Таскин. Тюркские названия..., с. 15; N. Egami. The Kuai-ti..., p. 123.

ное заимствование. Считалось, что языковая принадлежность слов *чэнли*, *таньси*, *цзюйцы* и *цзинлу* не вызывает сомнений. По-моему, несомненна языковая принадлежность 9 слов (перечисленные плюс *шаньюй*, *э-чжи*, *гуту*, *оуто* и *туци*), из них 5 (*шаньюй*, *эчжи*, *гуту*, *оуто* и *таньси*) — монгольские, 3 (*чэнли*, *цзинлу* и *туци*) — тюрк.-монг. и 1 (*цзюйцы*) — тюркское. Языковая принадлежность 4 слов (*жоти*, *таоту*, *куайти* и *доуло*) сомнительна. Из них *жоти* и *таоту*, по-видимому, монгольские, *доуло* — тюрко-монгольское и *куайти* — тюркское. Поэтому можно предположить, что язык господствующего племени хуннов был протомонгольским.

Все приведенные факты дают основание предположить, что господствующее племя хуннов и основные подчиненные ему племена были протомонголами. Исследование этнических связей между хуннами, сяньби (*тоба*), жужанями и монголами дает основание считать, что хунны, сяньби, жужане и монголы были этнически родственными народами. Что касается тюрков (*туцюе*), то они этнически не связаны с хуннами, сяньби (*тоба*) и жужанями.

КОММЕНТАРИИ

Микронезия: аннексия под видом плебисцита

*А. П. Марков,
кандидат исторических наук*

Поражение американской интервенции в Индокитае явилось тяжелым ударом по всей системе империализма в Азии и бассейне Тихого океана, по военным блокам и союзам, созданным здесь США в послевоенные годы. Страны этого обширного региона воочию убедились в полном крахе политики агрессии и войны, проводившейся американскими «ястребами». Ныне они пересматривают свою политику с учетом современных реальностей и собственных национальных интересов. Особенно хорошо это видно на примере стран Юго-Восточной Азии, в правящих и общественно-политических кругах которых ясно вырисовываются тенденции превращения ЮВА в район мира и процветания, тесного политического и экономического сотрудничества, в район, свободный от иностранного вмешательства. Как известно, Таиланд уже приступил к ликвидации американских военных баз на своей территории. Филиппины требуют пересмотра военных соглашений с США. Инициатива этих двух стран, поддержанная Малайзией, Австралией и Новой Зеландией и направленная на свертывание деятельности военного блока СЕАТО, привела к фактическому развалу этой организации. Серьезные трудности американская политика испытывает и в других странах, в частности в Японии, где растет движение за ликвидацию японо-американского «договора безопасности», за вывод из страны американских войск и военных баз.

Хотя американский президент Дж. Форд в своей речи в Гонолулу 7 декабря 1975 г. и заявил, что США сохраняют свои позиции в Японии, Южной Корее и Юго-Восточной Азии, совершенно очевидно, что происходящие там процессы ведут к дальнейшему подрыву перспектив американской политики в этих районах. США и в дальнейшем будут вынуждены сокращать свое военное присутствие в Азии, где они сталкиваются с растущим сопротивлением своей «блоковой политике», представляющей угрозу безопасности азиатских народов. По этой причине, как заявил в своей речи Дж. Форд, «центр политического влияния США сместился к западу». «Наши интересы и заботы на Тихом океане, — подчеркнул он, — возросли».

В сложившихся условиях Пентагон обращает свои взоры на так называемые «костровые территории» Тихоокеанского бассейна, которые, как он надеется, можно беспрепятственно превратить в военные базы и плацдармы для американской армии. С этой точки зрения острова Микронезии, расположенные в западной и юго-западной части Тихого океана, представляются американским генералам идеальным местом, где их власть может быть безграничной. Пентагон уже давно вынашивает планы милитаризации Микронезии. По мнению командующего военно-воздушными силами США в зоне Тихого океана Л. Клея, министерство обороны заинтересовано в том, чтобы «обосноваться в районах, в которых не приходится иметь дело с иностранными правительствами»¹.

«Американские военно-морские и военно-воздушные силы, — писала газета «Вашингтон инвинг ньюс-стар энд дейли ньюс», — постепенно изгоняются или выводятся с Окинавы, из Японии, с Тайваня. Их будущий статус на Филиппинах, в Корее и Таиланде в разной степени неопределенен. Однако сейчас активно осуществляются планы создания нового и постоянного центра американских военно-морских и военно-воздушных сил на Марианских островах»².

В состав Микронезии входит более 2100 вулканических островов и атоллов Маршалловой, Марианской и Каролинской групп общей площадью 1,8 тыс. кв. км с населением около 100 тыс. человек. С 1947 г. Микронезия является подопечной территорией США согласно мандату Организации Объединенных Наций.

В июне 1975 г. на Марианских островах состоялся навязанный Соединенными Шта-

¹ «Правда», 31. V. 1974.

² «Washington Evening News-Star and Daily News», 12. VI. 1975.

тами «плебисцит», в результате которого эта территория включается в состав США в качестве «свободно присоединившегося государства»³.

Подготовка этой акции началась несколько лет назад. Еще в сентябре 1969 г. американский Конгресс одобрил законопроект о проведении на островах плебисцита⁴. Позднее комиссия Конгресса прямо рекомендовала добиваться превращения Микронезии в «самоуправляющееся государство, свободно ассоциированное с США». В январе 1973 г. сообщалось, что «в скором времени на острове Сайпан (Марианская группа) состоятся переговоры, на которых будет рассмотрено предложение о тесном и постоянном союзе с США»⁵.

Разумеется, творцы американской политики не могут ныне действовать так же бесцеремонно, как это было в 1952 г., когда Вашингтон добился «добровольного присоединения» к США Пуэрто-Рико. Они не могут просто отбросить обязательства, возложенные на США Организацией Объединенных Наций в связи с передачей им Микронезии под временную опеку, не могут не считаться с требованиями островитян о предоставлении политических свобод и полностью игнорировать мировое общественное мнение. Поэтому Вашингтон вынужден действовать осторожно, стремясь придать замышляемой акции видимость респектабельности и законности.

Разобщенное на своих островах в условиях американской оккупации население Микронезии всегда стремилось использовать всякую возможность для выражения протеста против засилья чужеземцев. В Совет по опеке ООН поступали тысячи заявлений от микронезийцев, в которых они требовали положить конец американской оккупации их родины, вернуть им их земли, обеспечить возможность использовать свое суверенное право на них. «Пожалуйста, помогите нам! — с такой просьбой обратился в Совет посланец жителей Маршалловых островов Амата Кабуа. — Для нас было чрезвычайно трудно приехать сюда... Мы знаем, что нас накажут за это, но мы должны рассказать правду. Мы просим о простой справедливости, которой не можем добиться от США. Американцы забрали у нас землю и ничего за нее не заплатили. Они разорили наши лучшие рыбные промыслы, мы настолько бедны, что живем в лачугах, сделанных из старых корзин. Они превратили наши острова в полигоны для испытания атомного оружия... Наш народ боится за свое будущее. Мы хотим, чтобы нам вернули нашу свободу». Летом 1970 г. такие протесты рассматривались в Совете по опеке ООН⁶.

Убедить микронезийцев согласиться на требования американцев оказалось делом весьма сложным. Они продолжали настаивать на предоставлении им независимости. «Переговоры между вашингтонскими чиновниками и представителями Микронезии увязли в спорах, — писала американская пресса. — Жители тихоокеанских островов все резче критикуют Соединенные Штаты»⁷. В этих условиях американские власти решили изменить тактику. Они стали добиваться «союза» пока хотя бы с частью Микронезии — с Марианскими островами, на чем особенно сильно настаивали военные, учитывая их «исключительно важное стратегическое положение». «Интерес Соединенных Штатов к этим островам, — отмечали политические наблюдатели, — объясняется главным образом военными целями. Соединенные Штаты желают использовать маленький уединенный необитаемый остров Фральон-де-Мединилья для намеченных целей. На другом острове — Сайпане — США владеют 4960 акрами земли, что позволит в будущем использовать часть этого острова для строительства военных объектов. Однако наибольший интерес для Соединенных Штатов представляет остров Тиниан, вылетев с которого в 1945 г. бомбардировщики «Б-29» сбросили две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки»⁸.

На 14 основных островах Марианского архипелага проживает 13 тыс. аборигенов. Именно их особенно усиленно обрабатывали за последние годы американские власти. Население Сайпана, крупнейшего острова группы, на котором размещается американская оккупационная администрация, «в течение всех последних лет подвергалось идеологической обработке и сильному давлению законодательного органа Гуама»⁹.

В январе 1973 г. автор статьи в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд Репорт» указывал, что «плод уже созрел» и пора оформлять «союз» с группой Марианских островов. Он выражал уверенность в том, что после основательно проведенной обработки нужное большинство населения этих островов теперь «хочет отделиться от подопечных территорий островов Тихого океана и укрепить связь с Америкой». «Основную тревогу вызывает вопрос о собственности на землю, — сокрушался он. — Островитяне желают оставить ее за собой...» Но автор выражал убеждение, что «дело в шляпе», хотя и предвидел возражения, в частности со стороны ООН. «Современные отели, — писал он, — уже вырастают на золотых пляжах островов, куда прямо с пароходов устремляются

³ См.: «Правда», 19. VI. 1975.

⁴ См.: «Известия», 6. IX. 1969.

⁵ «U. S. News and World Report», 29. I. 1973.

⁶ «Правда», 26. VIII. 1970.

⁷ «New York Times», 24. II. 1974.

⁸ «Washington Evening News-Star and Daily News», 22. VI. 1973.

⁹ Оксания (справочник). М., 1971, с. 220.

тысячи туристов... Если союз будет одобрен, то для США это будет первое крупное приобретение чуть ли не за пятьдесят последних лет»¹⁰.

Дело, конечно, не в туристском бизнесе, который американские дельцы мечтают развернуть на аннексированных Марианских островах. Главное в том, что территория островов может служить целям Пентагона, который в настоящее время «рассматривает планы строительства новых военных баз», готовых принять американские войска в случае их вывода из других опорных пунктов на Тихом океане, таких, как Филиппины, Окинава и Япония¹¹.

После поражения США в Индокитае, приведшего к резкому ослаблению их позиций в Восточной и Юго-Восточной Азии, включая и такие союзные им страны, как Таиланд, Филиппины и Япония, Пентагон заметно активизировал аннексионистские усилия, открыто игнорируя обязанности США по опеке Микронезии, действуя вопреки воле и желанию местного населения.

Судьба микронезийцев поистине трагична. На протяжении более трех столетий Микронезия была объектом ожесточенной борьбы империалистических держав, стремившихся утвердить свое господство в бассейне Тихого океана. Сначала испанцы, затем немцы, японцы и, наконец, американцы стремились «прикарманить» острова архипелага, прикрываясь «священными принципами» гуманизма и цивилизации.

Хорошо известно, какой характер носила подобная политика в странах Азии, Африки, Южной и Северной Америки, где «цивилизаторы» снискали себе всеобщую ненависть туземного населения. И чтобы уничтожить это чувство ненависти, вызванное собственным жестоким поведением, они стремились уничтожать самих носителей этого чувства. «Освоение» островов Микронезии пришельцами осуществлялось без большого шума, как правило, в условиях «военного режима», когда въезд «посторонних» был ограничен или полностью запрещен. Отличаясь необыкновенной красотой и благодатным климатом, некоторые группы островов получили наименование «тихоокеанского рая». Но население их, всегда ведущее простой и непритязательный образ жизни рыбаков, охотников, скотоводов, в полной мере разделило трагическую судьбу «цветных рабов» Азии, Африки и Америки. Многие племена, обитавшие на островах, исчезли совсем. Оставшиеся были обречены на вымирание.

Принимая в 1920 г. от Лиги Наций мандат на управление Микронезией, японский представитель Адати говорил, что надо предусмотреть, чтобы в более или менее близком будущем эти народы (мандатных территорий. — А. М.) смогли бы стать независимыми, смогли бы воспользоваться политической свободой.

Освоение Японией островов Микронезии продолжалось вплоть до окончания второй мировой войны. Скрытно от внешнего мира в этом «жизненно важном», по заявлению японских милитаристов, районе осуществлялось широкое строительство военных сооружений. Япония лихорадочно готовилась к войне. На островах было введено военное управление. Лучшие пастбища и поля стали собственностью японских колонизаторов. Когда-то сильные туземные племена чоморро и канеки, а также сохранившиеся к тому времени остатки других племен, быстро исчезали. «Туземцы сами проявляют полное безразличие к исчезновению своих этнических групп», — цинично заявил один из членов японской делегации в Лиге Наций. К счастью, японские империалисты не успели закончить свою «великую цивилизаторскую миссию». Однако за время их хозяйничанья население Микронезии сократилось на несколько десятков тысяч человек.

За четыре года войны наиболее крупные острова (Сайпан, Трук, Понапе и др.), на которых проживает большая часть туземного населения и где была сосредоточена основная промышленность Микронезии, подверглись многократным и ожесточенным бомбардировкам и с воздуха, и с моря. Жилища микронезийцев были разрушены. Плантации риса, сахарного тростника, плодовых деревьев были почти полностью уничтожены. Разрушению подверглись местная промышленность островов, рыболовные промыслы.

После второй мировой войны место японцев в Микронезии заняли американцы. В соответствии со ст. 73 Устава ООН американские правящие круги обязались «обеспечить, соблюдая должное уважение к культуре указанных народов (несамоуправляющихся территорий. — А. М.), их политический, экономический и социальный прогресс, прогресс в области образования, справедливое обращение с ними и защиту их от злоупотребления». Они взяли также на себя обязательство, согласно Уставу ООН (ст. 76), способствовать прогрессивному развитию подопечной территории «в направлении к самоуправлению или независимости».

Но обязательства и на этот раз остались лишь на бумаге. Соединенные Штаты, по существу, продолжали политику своих предшественников — японских колонизаторов, придав ей свои, американские, масштабы. Объявив Микронезию «стратегической зоной», американские военные власти согнали туземцев с обрабатываемой земли, заняв ее под различные военные объекты. На островах Марианской группы и теперь островитяне

¹⁰ «U. S. News and World Report», 29. I. 1973.

¹¹ Там же.

владеют только 11,6% земельных площадей¹². Въезд на острова архипелага был строго запрещен. Туземцы, как и при японцах, использовались на строительстве различных военных сооружений, выполняя наиболее трудоемкие работы и получая за это в 15—20 раз меньше американских рабочих.

Население Микронезии, как известно, сильно пострадало и от испытаний американцами ядерного оружия. Жители Бикини и других островов архипелага были насильно переселены в чуждые им места и оставлены фактически на произвол судьбы. Население многих островов, где испытания не проводились, и поныне страдает от тяжелых последствий выпадения радиоактивных осадков.

В своих многочисленных петициях в Совет по опеке ООН население островов требует восстановления разрушенной экономики, компенсации нанесенного ущерба, но безрезультатно. В связи с этим выездная миссия ООН, посетившая в 1964 г. Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, указала на срочную необходимость решения этого вопроса. Безрезультатными оказались также рекомендации многих других миссий ООН и международных организаций, побывавших на островах Микронезии в последующие годы. Все они под давлением неопровержимых фактов свидетельствовали о крайне неблагоприятном положении на этих землях, затерянных в необъятных просторах Тихого океана. Представитель микронезийцев Д. Досалуа, прибывший в Токио в августе 1973 г., вновь потребовал от имени своих соотечественников возмещения убытков, нанесенных им во время второй мировой войны. В петиции, переданной в Министерство иностранных дел, Д. Досалуа указал, что около тысяч микронезийцев погибли в сражениях или умерли от разного рода заболеваний в годы войны. Он подчеркнул, что настаивает на выплате компенсации семьям погибших¹³. Однако никаких мер так и не было принято. Ни победители, ни побежденные в Тихоокеанской войне даже не помышляют о выплате населению компенсации за нанесенный ущерб или хотя бы частичном восстановлении разрушенного. Американские монополисты не заинтересованы в развитии местной промышленности островов. Некоторое исключение составляет спирто-водочная и, пожалуй, кустарная промышленность. Американскому солдату полагается ежедневная порция спиртного, а богатые янки, большие любители разного рода сувениров, скупают за гроши кустарные изделия аборигенов.

Миссия Совета ООН по опеке сообщила в 1970 г., что она «не усматривает признаков значительного прогресса в экономике этой территории в целом».

Плачевное состояние экономики Микронезии ставит ее в полную финансовую зависимость от США, тем более что контроль за расходованием средств находится в руках американской администрации, которая тратит их на цели, далекие от нужд и потребностей подопечной территории. В результате в туземных школах обучается лишь небольшая часть микронезийцев школьного возраста. В 1966 г. комиссия Всемирной организации здравоохранения сообщила о плохой постановке медицинского обслуживания в этом районе. Среди местного населения широко распространены туберкулез, проказа, трахома и т. п. Имеется много тяжелых заболеваний, вызванных радиоактивным облучением. По данным за 1967 г., на всех островах было лишь 472 больничные койки. Вымирание туземного населения продолжается. Однако американцев не интересует судьба населения. Для них острова Микронезии — прежде всего район, важный с точки зрения военной, с точки зрения усиления их стратегических позиций в Океании и на Дальнем Востоке.

«То, что мы делаем в Микронезии, ничем не отличается от колониализма. — писал в журнале «Форин Аффферс» его редактор Ф. Квинг, совершивший продолжительную поездку по островам. — Микронезийцы впадают в жалкое существование. Их хозяйство разрушено, и теперь, через 25 лет после войны, металлолом, оставшийся там после ожесточенных сражений, составляет главную статью экспорта Микронезии. Бюджет ее, составляющий 40 млн. долл., в основном идет на содержание дорогостоящего (американского) административного аппарата. Самое большое богатство микронезийцев — земля, но и ее военные власти отбирают без разговоров. Они выселили туземцев с острова Бикини и с других островов, создав на острове Эбей своеобразное гетто»¹⁴.

Ф. Квинг не призывает предоставить Микронезии независимость, он — за продолжение ее колонизации, но не столь жестокими методами. «Скоро, — пишет он. — Микронезия будет иметь для США столь важное значение, что необходимо отказаться от обращения с нею как с бедной сестрой Вирджинских островов»¹⁵. Он напоминает, что важность Микронезии для США возрастает в связи с огромными трудностями, с которыми они встретились во Вьетнаме и вообще в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Это по его убеждению, должно заставить Вашингтон рассматривать острова как важный рубеж американской обороны в Азии, «усилить интерес американского министерства обороны к островам».

¹² Океания, с. 229.

¹³ «Известия», 22. VII. 1973.

¹⁴ «Foreign Affairs», 1969, № 3, p. 493—508.

¹⁵ Там же.

Указывая на реальную угрозу подрыва этих планов в результате «озлобления микронезийцев», Ф. Квинг предлагает «дать им хотя бы почувствовать, что они что-то решают у себя дома». Он считает, что заранее и «хорошо организованный» плебисцит по вопросу о дальнейшей форме правления на островах может способствовать получению согласия большинства микронезийцев на воссоединение с США.

Результаты такого «хорошо организованного» плебисцита теперь известны. Однако Маррианские острова, судя по всему, лишь первая жертва замышляемой США политики захватов в районе Микронезийского архипелага. Следующими на очереди, по мысли охотников до чужих земель, должны стать Маршалловы и Каролинские группы островов, население которых сейчас подвергается усиленной обработке. Касаясь этого вопроса, президент США в своей речи от 7 декабря 1975 г., заявил: «Сейчас мы вырабатываем новые соглашения об ассоциации с подопечными территориями Тихоокеанских островов».

Между тем строительство военных баз, аэродромов и ракетных центров осуществляется в послевоенные годы практически на всех крупных островах Микронезии. На острове Сайпан США построили дорогостоящий комплекс для тренировок своих войск, ведущих действия против повстанческих войск; на атолле Кваджалейн (Маршалловы острова) создан один из лучших по оснащению и оборудованию ракетный центр вооруженных сил США¹⁶. На Энветоке, Труке, Тиниане и других островах военные сооружения сейчас спешно модернизируются и расширяются, а местное население насильственно переселяется на другие острова¹⁷.

Действия американских властей, связанные с изгнанием местного населения с постоянных мест проживания, являются грубым нарушением общепринятых моральных и правовых норм. Они противоречат всеобщей Декларации прав человека, под которой, как известно, стоит подпись и правительства Соединенных Штатов. Но трагическое положение островитян не трогает американскую военщину и реакцию. Их агрессивные планы и действия в отношении Микронезии так же, как и в отношении других небольших развивавшихся стран, отражают общую экспансионистскую сущность устремлений американского империализма. Жители Микронезии неоднократно поднимались на борьбу против своих угнетателей. «С исторической точки зрения туземцы не раз с оружием в руках оказывали сопротивление чужеземцам... При немцах жители острова Понапе открыто восстали против мероприятий официальных властей. Японцы на первых порах оккупации острова Трук также встретились с сопротивлением местного населения...»¹⁸.

Сопротивление микронезийцев иностранному владычеству продолжается. Силы противников неравны. Однако на стороне островитян право, симпатии и поддержка прогрессивных людей всего мира. Расчеты американских политиков и военных ввести в заблуждение мировое общественное мнение путем проведения «хорошо подготовленного плебисцита», разумеется, никого не могут обмануть. Советский Союз так же, как и многие другие страны, представленные в Совете по опеке ООН, отказался направить своих наблюдателей для ознакомления с результатами навязанного Вашингтоном «плебисцита».

Попытка американской администрации по частям присоединить Микронезию к США, используя факт военной оккупации островов, является односторонней империалистической акцией, противоречащей общепринятым нормам международного права и обязательствам США в отношении этой подопечной территории, полученной ими лишь во временную опеку в соответствии с Уставом ООН в целях обеспечения ее политического, экономического и социального прогресса и развития по пути к самоуправлению и независимости. Это вопиющее нарушение Устава ООН, ст. 83 которого гласит, что «все функции ООН, относящиеся к стратегическим районам, включая утверждение условий соглашений об опеке и их изменений или поправок к ним, осуществляются Советом Безопасности».

¹⁶ «Nation», 11. X. 1971.

¹⁷ Подобная же практика применяется американской военщиной и в других районах, где создаются военные комплексы на островах. Так, по сообщению газеты «Вашингтон пост», с острова Диего-Гарсия в Индийском океане, на котором, как известно, вопреки протестам всех прибрежных азиатских государств американцами осуществляется строительство крупнейшей военной базы, было выселено более 1000 человек на Маврикий, где многие из них умерли от нищеты, голода и болезней. — См.: «Правда», 11. IX. 1975.

¹⁸ Океания, с. 220.

ОСНАА и проблемы мира и безопасности в Азии

*В. И. Петухов,
кандидат исторических наук*

Активное участие народных масс, их партий и организаций в решении проблем войны и мира превратилось в наше время в один из важнейших факторов международного развития. «Можно сказать с уверенностью, — подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в своем выступлении на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 г., — что нынешние сдвиги в мировой обстановке — это в значительной мере плод деятельности общественных сил, результат невиданной донныне активности народных масс, проявляющих острую нетерпимость к произволу и агрессии, негибаемую волю к миру».

Среди общественных сил, борющихся против империалистической агрессии и колониализма, за независимость, мир и безопасность, видное место принадлежит Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА), которая в настоящее время объединяет в своих рядах более 80 революционно-демократических партий, освободительных движений и национальных организаций солидарности многочисленных стран названных континентов. Основы этой организации были заложены на Учредительной конференции, состоявшейся в Каире в декабре 1957 г. На XI сессии руководящего органа движения — Совета ОСНАА, состоявшейся в Багдаде в марте 1974 г., в Устав Организации были внесены изменения, отразившие особенности нынешнего этапа антиимпериалистической борьбы и направленные на дальнейшую активизацию деятельности ОСНАА.

Формирование и развитие движения афро-азиатской солидарности совпало с периодом мощного подъема национально-освободительной борьбы в колониях и зависимых странах. Оно отражало собой объективную потребность в сплочении свободолюбивых и миролюбивых сил, поднявшихся на штурм колониальной системы империализма во имя национального и социального освобождения народов, их мира и безопасности.

За 20 лет своего существования движение афро-азиатской солидарности выросло в мощную силу, отстаивающую жизненные интересы народов двух континентов. ОСНАА проделала большую работу, которая с полным основанием может рассматриваться как важный вклад в исторические успехи, одержанные в наше время антиимпериалистическими, прогрессивными силами на многих участках противоборства с империализмом. Мобилизация мирового общественного мнения на решительную поддержку народов Вьетнама и других стран Индокитая в отражении агрессии американского империализма, осуждение агрессии Израиля и выступления за справедливое урегулирование на Ближнем Востоке, борьба за окончательную ликвидацию колониальной системы и пресечение всех видов национального и расового угнетения, разработка и пропаганда мер, направленных на обеспечение подлинной независимости и социального прогресса стран, освободившихся от колониального ига, содействие разрядке международной напряженности и утверждению принципов мирного сосуществования в международных отношениях в Азии и Африке — один уже перечень этих основных направлений движения афро-азиатской солидарности говорит о масштабах и значении его деятельности.

Нужно особо отметить, что ОСНАА выступает в тесном сотрудничестве с представительными организациями социалистических стран, с рабочими и другими демократическими партиями капиталистических государств, с прогрессивными международными организациями. Передовые силы афро-азиатских стран, осознавшие жизненную необходимость такого сотрудничества, используют опыт мирового социализма и рабочего движения в решении проблем национального развития, опираются в своей борьбе на их неизменную помощь и поддержку. Таким образом, в деятельности ОСНАА, как и всех боевых отрядов антиимпериалистического движения, находит свое конкретное практическое воплощение великий союз трех основных революционных сил современности — социализма, международного рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов.

Империалистическая реакция и объективно смыкающиеся с нею экстремистские и шовинистические элементы в странах Азии и Африки делают все, чтобы подорвать этот

союз, изолировать борющиеся народы двух континентов от их естественных друзей и соратников — стран социалистического содружества и международного рабочего движения. С этой целью распространяются всякого рода «теории» о непримиримости интересов «белых» и «небелых», «больших и малых народов», «богатых и бедных стран», о сговоре «двух сверхдержав». Особое рвение в пропаганде этих «теорий» проявляют сейчас маонисты, чьи раскольнические прожекты в развивающихся странах преследуют цель установления гегемонии Китая над «третьим миром».

Нужно, однако, отметить, что ОСНАА дала решительный отпор попыткам маонистов подорвать движение афро-азиатской солидарности изнутри. На V конференции ОСНАА, состоявшейся в Каире в январе 1972 г., была выработана Программа деятельности Организации, в которой отвергалась позиция Пекина по вопросам национально-освободительной борьбы и подчеркивалась решающая роль в этой борьбе единства основных революционных сил современности. Передовые силы афро-азиатских стран, сплоченные в рядах ОСНАА, успешно преодолевают идеологические диверсии империалистической и маонистской реакции, активно содействуя росту национального и политического самосознания своих народов. Участие в движении солидарности явилось хорошей школой для многих общественных и государственных деятелей Азии и Африки, а идеи и принципы, разработанные ОСНАА, находят свое отражение в политической и социально-экономической практике целого ряда развивающихся государств этих континентов.

Общественность нашей страны, кровно заинтересованная в делах Азии и верная заветам В. И. Ленина о поддержке национально-освободительной борьбе народов, принимает активное участие в движении афро-азиатской солидарности с момента его возникновения. Это участие осуществляется через Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, который был основан в 1956 г. В его состав входят 300 представителей различных кругов нашей общественности: работники промышленности и сельского хозяйства, представители профсоюзов, деятели науки и культуры, писатели, журналисты, общественные, партийные и государственные деятели. В составе комитета более 50 депутатов Верховного Совета СССР, верховных советов союзных и автономных республик. Комитет является, таким образом, представительной общественной организацией, выступающей от имени многонациональной семьи народов СССР.

В союзных республиках Средней Азии, Закавказья и Казахстана функционируют республиканские комитеты солидарности, избранные на конференциях представителей местной общественности.

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки поддерживает широкие братские связи с национальными комитетами солидарности, революционно-демократическими партиями, национально-освободительными движениями указанных стран. Эти связи проявляются в таких формах, как взаимный обмен делегациями, двусторонние и многосторонние встречи и дискуссии, помощь в подготовке национальных кадров, предоставление стипендий в советских вузах для студентов из развивающихся стран, приглашение в СССР представителей этих стран для изучения отдельных вопросов экономического, культурного и социального строительства, обмен научной и политической литературой. Особое внимание уделяется ознакомлению делегаций прогрессивной общественности развивающихся стран с жизнью и строительством в районах Советского Востока, что является лучшим средством передачи опыта СССР в решении национального вопроса, а также экономических и социальных проблем. Важными мероприятиями в этом плане были, например, симпозиум на тему «Опыт аграрных преобразований в республиках Средней Азии и Казахстана», проведенный в г. Фрунзе в августе 1971 г., и международная научная конференция на тему «Опыт социалистических преобразований в республиках Средней Азии и его международное значение», состоявшаяся в Ташкенте в октябре 1972 г.

Советский комитет солидарности тесно сотрудничает и координирует свою деятельность в ОСНАА с комитетами солидарности Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Чехословацкой Социалистической Республики, которые также активно поддерживают программу ОСНАА на международной арене и вносят большой вклад в практическую помощь социалистических стран народам Азии и Африки в их борьбе за национальное и социальное освобождение. На правах ассоциированных членов ОСНАА комитеты солидарности указанных социалистических стран Европы принимают участие во всех международных форумах, проводимых этой организацией.

Последним по времени таким форумом, имевшим особое значение для дальнейшей активизации движения афро-азиатской солидарности, была XII сессия Совета ОСНАА, состоявшаяся в Москве в сентябре 1975 г.

Избрание столицы СССР местом проведения сессии свидетельствовало о признании участниками движения огромных заслуг первого в мире социалистического государства — «страны, которая, — как отмечалось в Отчетном докладе Постоянного секретариата ОСНАА, — стала надежным оплотом, верным другом и союзником, ведущей и влиятельнейшей силой во всемирном движении за свободу и прогресс, в борьбе против колониализма, расизма и неоколониализма». «Это — тот долг уважения, который в 30-ю годов-

шину победы над фашизмом народы Азии и Африки платят Советскому Союзу, сыгравшему главную роль в уничтожении фашизма», — заявил в речи на сессии представитель Шри Ланка Патирака Джаярагхи.

Поступившие в адрес сессии многочисленные приветственные послания от глав государств и правительств развивающихся стран, руководителей социалистических стран и коммунистических партий, международных и национальных демократических организаций отразили собой возросший авторитет движения солидарности. С особым воодушевлением участники сессии встретили приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, в котором отмечены выдающиеся успехи национально-освободительного движения и выражена уверенность в том, что «своей плодотворной деятельностью Организация солидарности народов Азии и Африки будет и дальше вносить весомый вклад в дело укрепления мира, в решение задач национальной независимости и социального прогресса, упрочение боевого союза национально-освободительного движения с силами социализма и демократии во всем мире».

Работа XII сессии Совета ОСНАА проходила в обстановке дружественных деловых дискуссий, выявивших высокую степень политической зрелости и принципиальное единодушие участников сессии по большинству вопросов, стоявших в повестке дня. Сессия рассмотрела такие важные и сложные вопросы, как новые задачи движения афро-азиатской солидарности в свете побед народов Индокитая; взаимосвязь между борьбой за национальное и социальное освобождение и разрядкой напряженности; роль ОСНАА в борьбе арабских стран против империализма и сионизма, за достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке и обеспечение национальных прав палестинского народа; перспективы мира, безопасности и сотрудничества в Азии; проблемы социально-экономического развития афро-азиатских стран на современном этапе.

Общей дискуссии предшествовал доклад Постоянного секретариата, представленный заместителем генерального секретаря ОСНАА, государственным министром Ирака Азизом Шерифом. В специальном разделе этого доклада содержательный анализ положения в Азии и формулировались связанные с этим задачи движения солидарности. «Наиболее важным событием последнего времени, — отмечалось в докладе, — было полное крушение империалистических прожектов во Вьетнаме и во всем Индокитае. Сокрушительные удары, нанесенные американским агрессорам героическим народом Вьетнама, останутся самой вдохновляющей главой в истории национально-освободительной борьбы... Окончательное освобождение вьетнамского народа воодушевило весь азиатский континент и изменило положение в пользу народных прогрессивных сил». В докладе также подчеркивалось, что империалистические державы, особенно США, несмотря на постигшие их поражения, не оставляют своих планов господства и эксплуатации азиатских народов, провозглашают своей политикой дальнейшее военное присутствие в Азии, расширяют сеть своих военных баз, плетут заговоры против прогрессивных правительств (в Индии и других странах), прибегают к ядерному шантажу в отношении Корейской Народно-Демократической Республики. «В этой обстановке, — указывалось в докладе, — движение афро-азиатской солидарности должно играть еще более активную роль в дальнейшем изгнании империализма из районов, в которых он еще удерживается и создает напряженность».

Особое внимание в докладе Постоянного секретариата было уделено проблеме обеспечения безопасности в Азии. «Нет сомнения, — указывалось в нем, — что азиатская безопасность означает решение таких неотложных вопросов, как незамедлительная ликвидация нынешних очагов войны, прекращение иностранной агрессии и вмешательства, устранение их последствий... Народы Азии нуждаются в коллективной безопасности не только для того, чтобы добиться длительного мира, но и для того, чтобы использовать его выгоды в целях удовлетворения своих основных материальных и духовных потребностей». Отметив в этой связи огромное значение развития сотрудничества между странами в области экономики, науки, техники и культуры, Постоянный секретариат в заключение подчеркнул: «Недавняя встреча в верхах в Хельсинки по вопросам европейской безопасности и сотрудничества, несомненно, вдохновит народы Азии на борьбу за систему коллективной безопасности также и в Азии. Если правительства европейских стран, столь различные по своему типу, смогли к взаимной выгоде достичь соглашения об общих принципах, то страны Азии, располагающие великим наследством Бандунга, также могут прийти к коллективному соглашению и навсегда запретить военные базы и военные пакты, которые создают напряженность».

Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в Азии нашли свое отражение в общей дискуссии, проходившей на пленарных заседаниях XII сессии Совета ОСНАА, а также в обсуждении, состоявшемся в специальной комиссии по указанным проблемам. Участники сессии подчеркнули необходимость дальнейшей борьбы за оздоровление международного климата и распространения опыта общеевропейского совещания на политическую жизнь Азиатского континента. Они выразили живейшую заинтересованность своих стран в реализации идеи коллективной безопасности в Азии и подвергли осуждению позицию, занятую в этом вопросе маонистами. «Здесь, как и в ряде других внешнеполитических акций Пекина, — заявил представитель Монгольской Народной Республики П. Хорлоо, — находит отражение нежелание китайских руководителей связы-

вать себя обязательствами, которые хоть в какой-то степени препятствовали бы осуществлению их великодержавного курса». Монгольская общественность, отметил указанный представитель, твердо выступает за укрепление мира и безопасности на коллективной основе.

Депутат парламента Индии В. Сатхе, упомянув о благотворном воздействии разрядки международной напряженности на массовое движение за национальный и социально-политический прогресс, заявил: «Результаты конференции в Хельсинки кладут начало качественно новому историческому этапу не только в Европе, но и на других континентах. В Азии также процесс разрядки вступает в новую, более зрелую фазу... Число сторонников идеи коллективной безопасности в Азии неуклонно растет». Представитель Индии отметил, что принципы коллективной безопасности в Азии, выдвинутые Л. Н. Брежневым, отражают потребность развития азиатских государств; эти принципы, сказал он, образуют незыблемую платформу, на которой могут объединить и уже объединяют свои усилия государства, искренне заинтересованные в обеспечении мирного будущего для своих народов. «Маонистские раскольники, — указал далее В. Сатхе, — выдвигают абсурдные утверждения о «гегемонии двух сверхдержав» и в то же время выступают за продолжение военного присутствия США в Азии. Отвергая систему коллективной безопасности в Азии, Пекин мечтает о своей собственной гегемонии в этом районе мира. Маонисты маскируют свои планы бредовыми утверждениями, будто Советский Союз стремится использовать систему безопасности, чтобы «окружить и изолировать» Китайскую Народную Республику. Мы вновь повторяем, что безопасность в Азии должна носить коллективный характер, поскольку все азиатские государства без всякого исключения приглашаются принять участие в ее создании. Ее главный смысл состоит в том, что она призвана охватить собой всю Азию, весь Азиатский континент. Таким образом, по самой своей сути концепция коллективной безопасности органически отвергает любую попытку, от кого бы она ни исходила, установить чью-либо гегемонию в Азии».

Результаты дискуссии по проблемам мира, безопасности и сотрудничества в Азии были обобщены в специальной резолюции, которая вошла составной частью в решения XII сессии Совета ОСНАА.

Сессия одобрила также резолюции по Ближнему Востоку, Палестине и Кипру, по проблемам Африки, по вопросам социально-экономического развития афро-азиатских стран. Сессия выразила свою солидарность с борющимся чилийским народом и обратилась с призывом к мировой общественности продолжать добиваться политической, экономической и дипломатической изоляции фашистской военной хунты в Чили.

С большим воодушевлением сессия приняла резолюцию по поводу 30-й годовщины разгрома германского фашизма и японского милитаризма. Участники сессии, говорится в резолюции, высоко оценивают всемирно-историческую победу Советского Союза, антигитлеровской коалиции, добившихся ценой величайших усилий и жертв уничтожения самых реакционных режимов империализма и избавления европейских, азиатских и африканских народов от нависшей над ними угрозы жестокого порабощения.

В качестве своих итоговых документов XII сессия Совета ОСНАА единодушно приняла Генеральную декларацию и Программу действий. В этих документах обрисованы основные моменты положения в Азии и Африке, освещены перспективы и задачи антиимпериалистической борьбы их народов, намечены конкретные практические меры в области политической, экономической, социальной и культурной деятельности ОСНАА.

Сессия, таким образом, вооружила движение афро-азиатской солидарности решениями, которые освещают путь к новому подъему борьбы широких народных масс двух континентов за национальное возрождение и социальный прогресс, за упрочение мира и безопасности.

В свете указанных решений активность ОСНАА и ее национальных отрядов, включая Советский комитет солидарности, приобретает еще более важное международное значение.

Нет сомнения, что Советский комитет солидарности будет и впредь направлять свои усилия к тому, чтобы способствовать дальнейшим успехам прогрессивных сил Азии и Африки. Отмечая 20-летие со дня образования комитета, советская общественность желает ему плодотворного продолжения его большой и ответственной деятельности.

Монгольская наука

Сегодня

к 15-летию АН МНР)

Э. А. Новгородова,
кандидат исторических наук

В этом году монгольский народ отмечает 15-летие Академии наук, созданной на базе Комитета наук и высшего образования. 3 мая 1961 г. в соответствии с решением ЦК МНРП об учреждении Академии наук МНР открылась ее первая учредительная сессия, на которой видные ученые страны были избраны действительными членами Академии, а первым ее президентом стал Б. Ширендыб.

Молодая Академия наук сразу же установила широкие связи с академиями наук СССР и других братских социалистических стран. Особенно большое значение придавалось изучению опыта организации научной работы в СССР и других социалистических странах, необходимости строгого учета международного разделения труда в области научного сотрудничества и творческого применения в условиях своей страны достижений современного научно-технического прогресса. Большое внимание уделялось правильному выбору направления науки на основе глубокого изучения опыта передовой советской науки, применения современных достижений научно-технической революции — ядерной физики, электроники, лазерной технологии, биологии и др., а также учета потребностей развития народного хозяйства Монголии, решения наиболее актуальных проблем, повышения теоретического уровня и эффективности научных исследований.

Первые годы создания АН МНР сопровождались напряженными организационными мероприятиями по формированию научных учреждений, созданию новых институтов, подбору и подготовке научных кадров, по выбору направления научных исследований, по планированию научно-исследовательской работы и по созданию лабораторно-хозяйственной базы для институтов Академии наук.

В настоящее время в Академии наук МНР насчитывается 12 научно-исследова-

тельских институтов: Институт истории, Институт языка и литературы, Институт экономики, Институт философии, социологии и права и недавно выделившийся Отдел востоковедения. Естественные науки изучаются в следующих научных центрах: Институт математики с вычислительным центром, Институт физики и техники с обсерваторией, Институт химических наук, Институт геологии, Институт географии и мерзлотоведения, Институт общей экспериментальной биологии, Институт природных соединений, Институт ботаники с Ботаническим садом.

Монгольская Академия наук славится богатейшим книгохранилищем, архивом с редкими рукописями, имеет типографию и издательство, свою аспирантуру и создает докторантуру. Институты опираются в работе на прекрасно оснащенные лаборатории, фонотеки и стационарные базы, функционирующие в разных районах страны.

Судя по итогам выполнения пятилетних планов научных исследований в системе АН МНР, монгольские ученые вносят огромный вклад в социалистическое строительство, способствуя успешному выполнению народнохозяйственных задач¹.

Особое внимание обращалось на укрепление институтов экономики, геологии, физики, математики, химии и биологии, которые должны играть существенную роль в деле изучения природных, трудовых и сырьевых ресурсов страны, во внедрении достижений науки и техники в народное хозяйство. Монгольские ученые много сил отдают развитию инженерно-технической мысли, налаживанию социологических и правовых исследований в стране, а также необходимости подготовки первой монгольской энциклопедии. Характерно также и то, что наиболее крупные проблемы решаются не только внутри академических учреждений, но также и совместно с ведомственными отраслевыми институтами, вузами и сельскохозяйственными научно-исследовательскими институтами.

В 1969 г. в Институте биологии был создан сектор генетики. Наряду с широкими проблемными исследованиями перед учеными были поставлены задачи конкретные и практические. В своем докладе «Основные итоги и главные задачи научных исследова-

¹ Б. Ширендыб. О ходе выполнения пятилетнего плана научных исследований Академии наук МНР на 1966—1970 гг. и наши задачи. Улан-Батор, 1969; его же. Монгольская наука к своему 50-летию. Улан-Батор, 1971.

ний в МНР», сделанном на сессии АН МНР в 1966 г., ее президент говорил: «Вопросы повышения научно-технического уровня исследований всегда имели и имеют первостепенное значение. В исследованиях сельскохозяйственных, медицинских, биологических и других наук главную роль должна играть биологическая наука. Успех селекционной работы по увеличению сельскохозяйственной продукции зависит от применения достижений современной генетической науки. В исследованиях должна быть продумана роль наследственности, особенно хозяйственно полезных качеств животных и растений». Сегодня монгольские ученые заняты поисками путей рационального использования современных достижений генетики и физиологии в разных отраслях сельского хозяйства. Группа генетики растений во главе с Г. Сухэ-Батором занята улучшением качеств пшениц, выращенных в Монголии, стремится сократить вегетационный период и улучшить молотильные их качества. Группа генетики животных разрабатывает методы прогнозирования племенных качеств крупного рогатого скота, селекции каракульских овец.

Новой темой является исследование генетической основы гетерозиса у животных, то есть явления исключительной мощности гибридов первого поколения от скрещивания генетически различных линий. Цель таких поисков — разработка лабораторных методов прогнозирования гетерозисных сочетаний у животных. Работы генетиков станут еще более перспективными в связи с созданием по линии СЭВ специальной хорошо оснащенной лаборатории.

С 60-х гг. выделен в Институте биологии сектор народной медицины, ныне перенесенный в сектор химии и биологии природных соединений во главе с доктором биологических наук Ц. Хайдавом. Здесь переводятся с тибетского языка и тщательно изучаются древние медицинские книги, в которых преобладают описания средств, состава и дозировки лекарств растительного происхождения. Ц. Хайдав и его коллеги собрали более 1000 листов гербария, определив их точное название в тибетских книгах на монгольском языке, а также на русском языке и на латыни. Благодаря таким поискам, например, был вновь открыт адонис монгольский, известный в тибетских книгах под названием «барбада» и издавна применяемый при сердечно-сосудистых заболеваниях. Второе свое рождение пережила и камнеломка болотная, вновь открытая для лечения болезней печени и желчевыводных путей². Не менее интересны сведения, почерпнутые монгольскими учеными из тех же книг, о лечении с применением толченых драгоценных и полудрагоценных камней, например бирюзы, нефрита, полевого шпата. Выяснилось, например, что широко известное в настоящее время мумиё бы-

ло известно в Монголии и раньше. Важно и то, что оно довольно часто встречается в стране, потому сотрудники Академии наук решили заняться изучением монгольского варианта этого уникального природного соединения.

Много нового и интересного можно увидеть в стенах Института биологии, в лаборатории, быть может единственной в своем роде, ибо там народная медицина и многовековая монгольская и тибетская наука с целебных свойств растений переживают свое второе рождение.

Нуждами строителей, гидротехников и архитекторов продиктовано создание карты сейсмического районирования Улан-Батора. Завершены исследования по геоморфологическому, климатологическому, гидрологическому и почвенному районированию всей территории МНР с учетом использования для нужд народного хозяйства.

Институтом геологии АН МНР составлена «Геологическая карта МНР» и «Тектоническая карта МНР», установлена закономерность распространения разновозрастных гранатовидных комплексов и выявлены критерии проведения поисково-разведочных работ на золото, вольфрам, олово и другие ценные металлы, собраны данные для составления прогнозной «Металлогенетической карты территории МНР». Создание Института геологии (1966) совпало с началом работ монгольско-советской геологической экспедиции во главе с доктором геологических наук Лубсанданзаном и советским академиком А. Л. Яншиным. Ныне экспедиция насчитывает несколько десятков отрядов и работает во всех аймаках страны. Можно с уверенностью сказать, что это крупнейшая из всех когда-либо проводившихся в Центральной Азии экспедиций.

В области космической физики ведутся исследования по изучению солнечной поверхности. Организован национальный центр по изучению космоса, председателем которого является академик Б. Ширендыб. Под его руководством осуществляется координация совместной работы и наблюдения за искусственными спутниками Земли, запущенными по программе «Интеркосмос». Монгольские ученые участвуют в обработке полученных материалов в тесном сотрудничестве с советскими исследователями. В сентябре 1972 г. они приняли участие в международной конференции по наблюдению за искусственными спутниками Земли. В организации запуска спутника 1972 г. монгольская наука участвовала наряду с другими социалистическими странами.

Что касается экономики, то здесь интенсивно ведутся работы по изучению перспектив развития и размещения производительных сил, путей совершенствования социалистических производственных отношений. Рекомендации, разработанные институтом, по дополнительной оплате труда в СХО, были одобрены постановлением ЦК МНРП и Совета Министров МНР в 1963 г. Не только научный, но и практический интерес

² Лх. Бадамхаид. Таинственный мир сутр. — «Монголия», 1973, № 3.

представляют работы монгольских экономистов: «Экономическая оценка сельскохозяйственных угодий»; «Методика исчисления производительности труда в СХО»; «Трудовые ресурсы СХО и их использование в гобийской зоне МНР».

Одним из крупнейших в мире учреждений по изучению монгольских языков и национальной литературы является Институт языка и литературы АН МНР. Трудно перечислить хотя бы наиболее фундаментальные его труды: «Толковый словарь монгольского языка» (30 тыс. слов), «Русско-монгольский словарь» (50 тыс. слов), «Терминологический словарь» (80 тыс. слов), первый том «Этнологического лингвистического атласа», «Очерки дореволюционной монгольской литературы», «Краткая история монгольской литературы XIX века», «История современной монгольской литературы» и многие другие.

Институт истории, которым руководит академик Ш. Нацагдорж, и Отдел востоковедения во главе с доктором исторических наук Ш. Сандагом исследуют проблемы древней, новой и новейшей истории Монголии и стран Востока. Вопросы истории, прежде всего новой и новейшей, изучение связанных с этим проблем сегодня приобретают особое актуальное значение. Зарубежные фальсификаторы пытаются всячески извратить путь исторического развития Монголии, ее революционных завоеваний, исказить или принизить опыт монгольского народа, впервые в истории человечества доказавшего возможность развития страны к социализму, минуя капитализм.

В течение многих лет ведет экспедиционные разведки и раскопки на территориях страны сектор археологии и этнографии. С 1969 г. работает монгольско-советская историко-культурная экспедиция. В сотрудничестве с советскими коллегами работают И.Н. Сэр-Оджав, Х. Пэрлээ, Д. Дорж. Открыты древнейшие в Центральной Азии памятники каменного века, пещерные рисунки палеолитического времени, неолитические поселения и погребения, установлены следы существования в Монголии примитивного земледелия еще в неолите. Исследованы памятники скифской эпохи, хуннского времени, ранние городища и города, открыты новые рунические и согдийские надписи на камне, каменные «бабы» и наскальные рисунки. Открытые и раскопанные могильники середины I тысячелетия до н.э. на западе (Улан-гом) и на востоке (в районе г. Чойбалсан) позволили проследить ранние этапы монгольского этногенеза и наметить истоки двух ветвей на территории Монголии: тюркских и монгольских народов, удревнив тем самым решение проблемы монгольского этногенеза по крайней мере на одну тысячу лет³.

³ В. В. Волков. Основные проблемы изучения бронзового и раннего железного века МНР. — «Второй международный конгресс монголоведов». Улан-Батор, 1973.

Истоки древнемонгольской цивилизации, ранний монгольский этногенез, происхождение и отличительные черты традиционной кочевой культуры на территории Центральной Азии — вот вопросы, с постановки и решения которых начинается монгольская история. Б. Ширендыб, резюмируя итоги многолетних работ монгольских и советских археологов в докладе «Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии»⁴, отметил значение и вклад кочевых народов в цивилизацию Азии, проследил специфику и характер ранних государств кочевников, указав преемственность традиционной культуры, во многом зависящей от особенностей быта и хозяйства. Эти выводы Б. Ширендыба можно проиллюстрировать на новых археологических материалах. На протяжении долгой истории кочевые и земледельческие племена жили в постоянном соседстве, то контактируя, обмениваясь товарами и торгуя, то враждуя и воюя. Не удивительно, что сплошь и рядом на широких территориях в разных по культуре памятниках синхронных культур археологи обнаруживают аналогичные находки. Выяснение происхождения тех или иных элементов и направления их передвижения становится более возможным в последние годы благодаря работам в МНР советско-монгольской историко-культурной экспедиции. Сегодня, например, можно с уверенностью сказать, что элементы так называемого «звериного стиля», широко распространенного в Евразии и присущего степным скотоводческим культурам скифской эпохи (I тысячелетие до н.э.) и прослеживающиеся также в бассейне Хуанхэ, чаще всего на бронзовых орудиях труда и оружии, были привнесены туда из более северных районов, где обитали кочевые скотоводческие племена. Причем на территории Монголии традиции «звериного стиля» прослеживаются уже в середине II тысячелетия до н.э. Можно также предполагать, что степным кочевникам следует отдать предпочтение в приручении целого ряда домашних животных⁵, а также в изобретении седла, узды, стремени, равно как и кочевого жилища-юрты⁶. Акцентируя внимание на необходимости изучения «ранних периодов истории кочевых народов, игравших значительную роль в цивилизации Центральной Азии», монгольские ученые отмечают, что «мы столь же большое зна-

⁴ См. сб.: Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.

⁵ Н. Ф. Шулъженко. Животноводство Монгольской Народной Республики. М. — Л., 1954, с. 14.

⁶ Н. Сэр-Оджав. Кочевые народы и цивилизация Центральной Азии. — Сб.: Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974, с. 278.

чение придаем исследованию истории этих народов от средневековья до наших дней»⁷.

Результаты археологических разведок и раскопок обобщены в монографиях и статьях, среди которых надо назвать первые большие публикации по археологии Восточной Монголии: «Неолит Восточной Монголии» Д. Доржа и «Бронзовый век Восточной Монголии» Д. Наваана. Работы Ц. Доржсурена «Северные хунну» и Н. Сэр-Оджава «Древние тюрки (VI—VIII вв.)», написанные на основе большого впервые открытого материала, заполнили серьезные пробелы в истории Центральной Азии. Исследователи в области эпиграфики представили на суд читателя дешифровку новых рунических текстов, открытых экспедицией, — М. Шинэху «Новый памятник орхонской письменности из Тариата». Интересную работу в области выявления древнейшей письменности у народов Центральной Азии, а также истории, культуры и общественном строе у хуннов ведет Г. Сухбаатар. Этногенезу, культуре и хозяйству сянби посвящена его книга «Сянби».

Проблемы средневековой истории страны отражены в трудах академика Нацагдоржа, генезис феодализма — в работах докторов исторических наук Д. Гонгора и Н. Ишжамца, историографии раннего периода истории посвящены публикации доктора исторических наук Ш. Биры.

Вышли в свет «История Халха-Монголии в период маньчжурского владычества 1691—1911 гг.» Ш. Нацагдоржа, «Халхаточвон» («Исторический очерк Халхи») Д. Гонгора. Тщательному и глубокому изучению трудов монгольских историков XVII—XIX вв., созданных на тибетском языке, посвящены работы Ш. Биры, наиболее значительна из них монография «Монгольская тибето-язычная историческая литература (XVII—XIX)».

Большое место, как говорилось, в исторической проблематике занимают работы по новой и новейшей истории: по национально-освободительному движению, истории народной революции, некапиталистическому пути развития, истории МНРП, истории строительства социализма в МНР.

Создание «Истории Монгольской Народной Республики»⁸ явилось результатом большого коллективного труда монгольских и советских историков.

Монгольской революции и ее связи с Великой Октябрьской революцией посвящены

сборники: «50 лет Народной Монголии — Великая Октябрьская социалистическая революция и Монголия», «Боевой авангард монгольского народа», 80-летию со дня рождения великого революционера Д. Сухэ-Батора посвящены работы С. Дамдинсурэна «Пламенный патриот и последовательный интернационалист» и Д. Даша «Заметки о Сухэ-Баторе».

Анализ и опыт некапиталистического развития МНР дан в сборнике «Некоторые вопросы исторического опыта некапиталистического развития МНР». Этой же проблеме была посвящена международная конференция, проходившая в Улан-Баторе в октябре 1974 г.⁹ С докладами выступил академик Б. Ширендыб («Об опыте некапиталистического развития МНР») и советский академик И. И. Минц («Великая Октябрьская социалистическая революция и ленинская теория о некапиталистическом пути развития»).

Много внимания всегда уделял разработке проблем новой и новейшей истории своей страны Б. Ширендыб, президент Академии наук МНР. На основе больших архивных и статистических подборок, впервые приводимых в литературе, Б. Ширендыб воссоздал развернутую картину монгольской действительности конца XIX — начала XX вв. во всех ее экономических, социальных и политических аспектах. В изданном в 1963 г. в Улан-Баторе на русском языке одним из наиболее крупных и значительных его трудов, «Монголия на рубеже XIX—XX веков», автор рассматривает историю страны за период с 60-х гг. прошлого века до момента образования Народной республики. Дав глубокий анализ национально-освободительной и классовой борьбы монгольского народа, автор облегчил задачу раскрытия сущности народной революции, ее направления, победы и результатов¹⁰.

Показательно, что ученый придает большое значение анализу анкла¹¹ — первичной ячейки общества, одной из наиболее устойчивых социальных форм, через которую как в призмe преломляются все социальные изменения в стране. К проблемам социологии, этнологии и этнографии он возвращается все более настойчиво¹², осуществляя также

⁷ Б. Ширендыб. Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». — Сб.: Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии, с. 29.

⁸ «История Монгольской Народной Республики» — второе переработанное издание (Улан-Батор, 1967); трехтомное издание под тем же названием вышло в свет в 1966—1969 гг. под редакцией монгольских ученых.

⁹ Программа международной конференции «Некапиталистический путь развития и современность». Улан-Батор, 1974.

¹⁰ Б. Ширендыб. Монголия на рубеже XIX—XX веков. Улан-Батор, 1963.

¹¹ Анкл — группа юрт, расположенных в одном месте, члены анкла ведут общее хозяйство и потому совместно кочуют.

¹² Б. Ширендыб. Современный художник анкла. — Избранные произведения, с. 93—97; его же. Монгольская наука к своему 50-летию. — Там же, с. 269—281.

постоянное активное руководство всеми социологическими исследованиями в МНР¹³. В этом плане значительный интерес представляет его книга «Марксистская социология и ее метод конкретных исследований», изданная в Улан-Баторе в 1970 г.

Однако основная тема исторических трудов Ширендыба — новая история Монголии, особенности монгольской революции и значение Октябрьской революции для стран Востока, и прежде всего для Монголии. Одной из первых наиболее крупных работ такого рода была монография «Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной Республики. 1921—1924»¹⁴, посвященная периоду новейшей истории Монголии, насыщенному большими и яркими событиями. Та же тема продолжена и обобщена в «Истории Монгольской народной революции» — труде, представляющем результат многолетней работы автора. В этом труде раскрывается яркая картина и вскрывается глубина значения народной революции, совершившейся в Монголии в 1921 г. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Изучая опыт Октябрьской революции Ширендыб анализировал специфику монгольской революции, указав, что основной движущей силой монгольской революции было арагство, особенно бедняки и середняки. Он пишет: «Исторические факты полностью опровергают утверждение Р. Рупена и ему подобных буржуазных авторов о том, что монгольская революция якобы явилась лишь переворотом небольшой кучки людей, навязанным извне, а не результатом внутренней закономерной борьбы арагства за свою национальную и социальную свободу под влиянием международного революционного движения. Участие широких масс Монголии в Народной революции подтверждает ленинские положения о том, что революции нельзя навязывать народам извне»¹⁵.

Автор излагает внутренние и внешние предпосылки и факты, подготовившие победу народной революции в Монголии. Он рассматривает расстановку классовых сил, прослеживает нарастание революционного протеста и, наконец, победу народной революции как поворотный пункт во всей истории страны.

В тесной связи с рассмотренными проблемами явились работы Б. Ширендыба «Влияние Великой Октябрьской социали-

стической революции на Монголию», «Из истории национально-освободительного движения в Монголии», «Деятельность первого премьер-министра МНР Б. Цэрэндоржа»¹⁶.

Показав антифеодалный, народно-демократический характер Монгольской народной революции, ученый пишет, что главным ее итогом стал некапиталистический путь развития страны. Отсюда следующая задача, стоявшая перед историком: дать обобщенную картину развития МНР за 50 лет и показать путь страны, некогда отсталой, к социализму, минуя капитализм.

Опыт некапиталистического пути развития Монголии — тема многих работ академика Б. Ширендыба.

Выступая на международной научной конференции «Некапиталистический путь развития и современность», посвященной 50-летию III съезда МНРП и Монгольской Народной Республики, Б. Ширендыб отметил два этапа перехода Монголии к социализму: демократический — с 1921 по 1940 г., и социалистический — с 1940 по 1961 г., дал их характеристику и подчеркнул, что «опыт Монголии в деле создания политико-экономических и культурно-идеологических предпосылок некапиталистического пути развития к социализму, несомненно, может представлять интерес для стран некапиталистической ориентации»¹⁷.

Международное значение некапиталистического развития Монголии отмечается в документах братских партий и выступлениях их руководителей. Товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на митинге советско-монгольской дружбы в январе 1966 г. говорил: «Ваш опыт подтвердил на практике ленинское предвидение о возможности перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Он доказывает, что в наше время завоевавшая независимость страна, каков бы ни был уровень ее экономического развития, может стать на путь социализма и, опираясь на поддержку дружественных социалистических государств, успешно может строить новую жизнь»¹⁸.

Буржуазные ученые стараются очернить успехи Монголии и доказать, что МНР в своем развитии по некапиталистическому пути не достигла ничего, что могло бы стать примером для развивающихся стран Азии и Африки. Американские экономисты Дж. Мэрфи, Р. Рупен, английский профессор Ч. Боуден и другие преследуют одну

¹³ Имеется в виду создание сектора социологии АН МНР, а также регулярные работы монгольско-польской социологической экспедиции (руководитель профессор В. Дыновский).

¹⁴ Б. Ширендыб. Народная революция в Монголии и образование МНР. 1921—1924 гг. М., 1955; его же. История Монгольской народной революции 1921 года. Улан-Батор, 1971.

¹⁵ Б. Ширендыб. В. И. Ленин и монгольский народ. М., 1970, с. 27—28.

¹⁶ «Унэн», 7. X. 1967; Б. Ширендыб. Из истории национально-освободительного движения в Монголии. Улан-Батор, 1963 (на рус. и англ. яз.); его же. Деятельность первого премьер-министра МНР Б. Цэрэндоржа. Улан-Батор, 1965.

¹⁷ Б. Ширендыб. Об опыте некапиталистического развития МНР. Улан-Батор, 1974, с. 7.

¹⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 1. М., 1970, с. 253.

цель: дискредитировать в глазах общественных и политических деятелей марксистско-ленинское положение о возможности перехода к социализму, минуя капитализм, ранее отстававших в своем развитии стран¹⁹.

Подневалами западных антимонголистов выступают сегодня маонисты. Они проповедуют ту же идею, но в гораздо более грубой и циничной форме. Пекинская пропаганда изо всех сил старается свести на нет значение некапиталистического пути развития МНР.

Цель этой озлобленной, антисоветской, антимонгольской пропаганды, пишет академик Б. Ширендыб, ясна каждому: «Маонистам явно не по душе расцвет МНР, развивающейся независимо от великодержавной политики маонистов. Им тем более не нравится то, что монгольский народ завоевал свой государственный суверенитет и достиг больших успехов в строительстве социализма с помощью Советского Союза. Им также не по душе, что опыт некапиталистического пути развития МНР к социализму притягивает внимание и интерес передовых деятелей стран Азии, Африки и Латинской Америки, отвлекая их от навязываемого им маонистами китайского «опыта социализма». Маонисты уверяют, что только их опыт является образцом для всех зависимых и колониальных стран»²⁰.

Стремясь навязать коммунистическим и другим революционным партиям развивающихся стран методы вооруженной борьбы независимо от наличия объективных условий, маонисты «пытаются поставить под свой контроль национально-освободительные войны, не останавливаясь ради достижения этой цели перед расколом национально-революционных партий, возглавляющих эту борьбу. В Азии и Африке маонисты стремятся опорочить путь некапиталистического развития, социалистической ориентации, избранной рядом стран»²¹.

Опираясь на известные ленинские положения о значении роли революционной партии в деле осуществления задач некапиталистического развития, Б. Ширендыб ссылается на слова В. И. Ленина, обращенные к монгольской делегации в 1921 г.: «...Главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, приви-

вались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства спланировалось аратство за экономическое и культурное развитие страны. Только из островков нового хозяйственного уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая некапиталистическая экономическая система аратской Монголии»²².

Обобщенно и лаконичный обзор перечисленных выше проблем академик Б. Ширендыб дал в книге «Минуя капитализм»²³, которая была издана на монгольском, русском, английском, французском, испанском, немецком и арабском языках. Не удивительно, что именно эта небольшая книга получила столь широкий отклик со стороны научных кругов и читателей разных стран. Высокую оценку этой работе дали советские ученые. В Берлине она издана под названием «МНР от феодализма к социализму» с предисловием заместителя председателя Совета Министров ГДР д-ра Вернера Гиттеля. Немецкая пресса живо реагировала на ее появление. Д-р Хельга Мейер пишет в своей рецензии, что книга дает читателю ГДР яркое представление об общественном развитии МНР со времени ее основания в 1921 г., что она помогает лучше понять сложные проблемы монгольского народа. Особенно важно, по мнению Х. Мейер, что на примере МНР Б. Ширендыб показал процесс социалистического преобразования общества, основанный на ряде общих, свойственных всем странам закономерностей, но отметил конкретно-исторические условия, при которых эти закономерности осуществляются.

Говоря об успешном развитии Монголии, Ширендыб подтверждает эти конкретными фактами, цифрами и данными настолько наглядно, что эта книга будет полезна и доступна широкому кругу читателей.

Другой рецензент из ГДР, Г. Раткин, пишет: «Эта книга представляет актуальный интерес в двояком отношении: во-первых, ввиду всестороннего углубления отношений между ГДР и МНР граждане ГДР смогут ближе познакомиться со страной, связанной с нами узами братства. Во-вторых, эта книга должна в значительной степени углубить понимание значения дружбы с МНР и способствовать еще более тесным контактам с ней. Автор, блестящий знаток истории монгольского народа, дает впечатляющую картину роста и становления социалистического государства, расположенного в сердце Азии».

И еще одна проблема, которая проходит через все творчество Б. Ширендыба: строительство социалистической экономики в МНР, кооперация аратов. В статье «О кооперативном движении в Монгольской Нар-

¹⁹ Б. Ширендыб. Против всяких антинаучных измышлений, за высокий теоретический уровень исследований обществоведческих проблем. — Избранные произведения, с. 103.

²⁰ Там же, с. 104.

²¹ О. Л. Леонидов. Подрывная деятельность руководства КПК против международного коммунистического движения (1957—1972). — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, с. 25.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 233.

²³ Б. Ширендыб. Минуя капитализм. Улан-Батор, 1967.

родной Республике»²⁴ он последовательно проследил ликвидацию экономической базы феодализма от победы революции до 1940 г., показав как результат повышения жизненного уровня аратов рост поголовья скота.

В Монгольской Народной Республике сложились следующие основные формы собственности на средства производства: государственная (общенародная), кооперативная (собственность кустарно-промышленной и потребительской кооперации) и частная собственность аратов-единоличников на скот и другое имущество. Соответственно этим формам собственности на средства производства образовались два экономических сектора: социалистический (государственные и кооперативные предприятия) и сектор индивидуальных аратских хозяйств. Таким образом, примерно к 1940 г. завершился первый этап Монгольской народной революции — этап антифеодальный и антиимпериалистический, и начался второй, социалистический, этап развития»²⁵.

Второй этап народной революции Б. Ширендыб характеризует как период неуклонного укрепления и роста социалистического сектора, период строительства основ социализма. Именно эти задачи и были сформулированы в программе МНРП, принятой в 1940 г. X съездом. Партия и правительство всегда поддерживали все виды коллективного хозяйства, оказывали помощь аратским производственным объединениям (АПО), снабжая их сельскохозяйственным инвентарем, давая кредит, направляя опытные кадры.

«В 1945 г. было уже 99 аратских производственных объединений, а к 1950 г. их число увеличилось до 121. В 1954 г. число аратских производственных объединений достигло 160. К этому времени аратские производственные объединения значительно укрепились, развивалось их общественное хозяйство, внедрялось земледелие, выросли кадры. Так в борьбе партии за преодоление ошибок и трудностей родилась и укрепилась наиболее доступная для аратов форма кооперирования сельского хозяйства»²⁶.

Важным шагом в деле укрепления и развития АПО было утверждение в 1942 г. Устава аратских производственных объединений. «Примерный устав 1942 г. не фиксировал соотношение общественного и личного поголовья скота членов АПО, не определял степень участия членов АПО в общественном производстве, не конкретизировал порядок организации труда... это еще не был устав кооператива полностью социали-

стического типа, ибо общественное хозяйство еще не стало основой АПО, социалистические принципы организации и оплаты труда еще не были господствующими»²⁷.

В послевоенные годы увеличилось число аратских объединений и число их членов. В 1947 г. в Отчетном докладе ЦК МНРП XI съезду партии Х. Чойбалсан отметил, что объединения «укрепляются, имеют серьезные успехи в работе и неплохо выполняют задания партии и правительства в области животноводства»²⁸.

Следующей важной вехой в развитии аратских кооперативов был пленум ЦК МНРП, обсудивший в марте 1953 г. вопрос об организационно-хозяйственном укреплении АПО. Пленум отметил также отдельные недостатки в их деятельности — слабый рост общественной собственности, неудовлетворительную организацию и оплату труда, нарушение демократических принципов устава»²⁹.

В марте 1955 г. ЦК МНРП и Совет Министров МНР созвали первый съезд представителей аратских производственных объединений, в котором приняли участие 563 делегата³⁰. Значение этого съезда АПО определяется тем, что он подвел итоги кооперативного движения в МНР, выдвинул очередные задачи и утвердил новый Примерный устав объединения»³¹. По новому Примерному уставу аратские производственные объединения были переименованы в сельскохозяйственные объединения — СХО.

В обращении ко всем членам СХО, принятом на первом съезде объединений, говорилось, что «сельскохозяйственное объединение — это единственно правильный путь создания зажиточной и культурной жизни в худоне, путь социалистического преобразования нашего сельского хозяйства»³².

Все эти мероприятия партии и правительства, пишет Ширендыб, превратили социалистический сектор в сельском хозяйстве МНР в огромную преобразующую силу не только как пример в деле убеждения аратов, ведущих индивидуальное хозяйство, но и в смысле культурного преобразования худона.

На конкретных фактах, проследив длинный путь борьбы, автор показал начавшийся в стране поворот аратов-частников к об-

²⁷ С. К. Рошин. Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути. М., 1971, с. 52.

²⁸ Х. Чойбалсан. О работе ЦК МНРП. Отчетный доклад XI съезду партии 8 декабря 1947 г. — Избранные статьи и речи. М., 1961, с. 208—209.

²⁹ С. К. Рошин. Сельское хозяйство МНР на социалистическом пути.

³⁰ Там же, с. 67.

³¹ Примерный устав сельскохозяйственного объединения. — «Унэн», 31. VIII. 1955.

³² «Унэн», 18. III. 1955.

²⁴ Б. Ширендыб. О кооперативном движении в Монгольской Народной Республике. — «Советское востоковедение», 1956, № 4, с. 3—15.

²⁵ Там же, с. 4.

²⁶ Там же, с. 7.

щественно-социалистической форме ведения хозяйства, которая открывает перед ними перспективный путь новой жизни.

В 1958 г. Б. Ширендыб вновь возвращается к этой теме. Подводя итоги достигнутый монгольских трудящихся в области социалистического строительства, он пишет: «Кооперативные объединения стали сейчас именно той формой передового сельского хозяйства, которая открывает перед крестьянами-скотоводами путь социалистического развития. Повысилась активность середняков. Целыми баганами и сомонами (административные единицы) вступают крестьяне в сельскохозяйственные объединения. Сельское хозяйство вплотную подошло к массовой коллективизации»³³.

С завершением кооперирования индивидуальных аратских хозяйств в Монголии победили социалистические производственные отношения во всех областях жизни. По словам Первого секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбала, социалистическое кооперирование аратских хозяйств по своему значению может быть названо второй революцией после народной революции 1921 г. «Огромный путь от феодального общества до полной победы социалистических производственных отношений во всех областях жизни прошла Монголия за 40 лет... В результате Монгольская Народная Республика, в недалеком прошлом отсталая животноводческая страна, превратилась в аграрно-индустриальное государство. Это крупнейшее достижение монгольского народа неразрывно связано с помощью советского народа»³⁴. В результате этого создана единая социалистическая система народного хозяйства МНР, которая открыла возможность ускорения темпов развития производительных сил страны³⁵.

Победа Монгольской народной революции, образование Народной республики, успешное строительство социализма в стране, минуя капитализм, свидетельствует о торжестве ленинских идей и претворении их в жизнь. Все работы Ширендыба неизменно опираются на опыт советского государства, на заветы В. И. Ленина³⁶.

С позиций марксизма-ленинизма выступает Б. Ширендыб против антинаучных измышлений, против «идей Мао Цзэ-дуна», в корне противоречащих философии марксизма-ленинизма, задачам социалистическо-

го преобразования общества³⁷. «Объявленные в Китае вершиной развития марксизма-ленинизма «идеи Мао Цзэ-дуна» представляют собой примитивные, антинаучные, ревизионистские политические взгляды»³⁸.

Выступая против учения о прогрессивной смене социально-экономических формаций, против признания объективных закономерностей общественного развития, маоцзэдунизм играет на руку современной буржуазной идеологии.

Руководители КПК, пишет Б. Ширендыб, «занимаются ревизией ленинских положений о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем. Их политика построена на ложном представлении о том, что термоядерная война является единственным средством победы мировой революции. При проведении своей авантюристической политики они уповая на 700-миллионное население Китая, рассчитывая на победу в случае любого военного конфликта. При этом характерно, что китайские шовинисты готовы пожертвовать сотнями миллионов людей, обречь на полное уничтожение целые нации, особенно рабочие, которые, по их мнению, «должны принести себя в жертву, если вспыхнет ядерная война». Они прилагают все усилия к тому, чтобы столкнуть СССР с мировым империализмом, обострить международные отношения в том или ином районе земного шара»³⁹.

Маоисты не брезгают расистской теорией, стремясь столкнуть народы желтой и черной расы с народами белой расы. «Все это имеет своей конечной целью отрыв национально-освободительного движения от мировой системы социализма и международного коммунистического движения и подчинение великих сил национально-освободительной борьбы диктату группы Мао Цзэ-дуна»⁴⁰. Идея союза рабочего класса и крестьянства и идея объединения пролетариев всех стран и континентов «маоисты противопоставляют мировую деревню — мировому городу, Восток — Западу, богатые нации — бедным, независимо от классовой природы существующего социально-политического строя в их странах. Мао Цзэ-дун и его сторонники призывают к обособлению народов Востока на основе расовых различий, они рассчитывают на разжигание националистических настроений среди этих народов. Однако ни маоизм, ни какая-либо другая аналогичная «теория» не способны служить идейной основой для решения на-

³³ Б. Ширендыб. Успехи строительства социализма в Монгольской Народной Республике. — «Советское востоковедение», 1958, № 5, с. 53.

³⁴ В кн.: 40 лет Монгольской Народной революции. Улан-Батор, 1961, с. 9.

³⁵ Ж. Самбу. Торжество ленинских идей дружбы народов. — «Коммунист», 1972, № 5, с. 30.

³⁶ Б. Ширендыб. В. И. Ленин и монгольский народ.

³⁷ Б. Ширендыб. Против всяких антинаучных измышлений, за высокий теоретический уровень исследований обществоведческих проблем, с. 101.

³⁸ Там же.

³⁹ Б. Ширендыб. В. И. Ленин и монгольский народ, с. 7.

⁴⁰ Б. Ширендыб. Великодержавный шовинизм группы Мао Цзэ-дуна. — Избранные произведения, с. 287.

«сущных национальных и социальных проблем современного общества»⁴¹.

Монгольский ученый разоблачил в своих работах узконационалистическую и антиинтернациональную политику Мао Цзэдуна и его окружения.

Таков в общих чертах сегодняшшний день монгольской науки, деятельности АН МНР. Каждый год и даже каждый месяц приносят новые достижения и новые открытия в институтах Академии наук МНР. В этих успехах определяющую и направляющую роль играет забота МНРП и Монгольского

правительства о процветании науки. «Мы уверены, — заявляют монгольские ученые, — что научные силы нашей страны, вдохновленные чутким вниманием и заботой партии и правительства к науке и ее кадрам, опираясь на достигнутый уровень своей научной мысли по ряду важных областей и звеньев, на широкое сотрудничество с учеными СССР и других братских социалистических стран — членов СЭВ, с честью справятся с возложенными на них почетными задачами»⁴².

⁴¹ Б. Ширендыб. В. И. Ленин и монгольский народ, с. 9.

⁴² Б. Ширендыб. Монгольская наука к своему 50-летию, с. 17.

О политическом содержании лозунга «древность на службу современности»

(по поводу кампании «критики
романа «Речные заводы»)

С. В. Меринов

После X съезда КПК (август 1973 г.), официально провозгласившего мероприятия типа «культурной революции» нормой политической жизни страны, Китай переживает уже третью массовую политико-идеологическую кампанию. Все они призваны в соответствии с выдвинутым съездом требованием «закреплять и множить завоевание великой пролетарской культурной революции» и нацелены на укрепление маоистского режима. Так, в начале 1974 г. народу была навязана необычайно широкая по масштабам политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция». Задуманная и организованная пекинскими лидерами как общенациональная, она действительно охватила все китайское общество. В ходе «критики Линь Бяо и Конфуция» маоисты пытались разрешить насущные экономические, политические, социальные и иные задачи, жизненно важные для самого существования режима. Среди них — оправдание практики «культурной революции», дальнейшее внедрение в сознание народа «идей Мао Цзэ-дуна», усиление военно-бюрократической диктатуры и т. д. Однако уже осенью 1974 г. эта кампания, не встретившая поддержки и понимания со стороны масс, пошла на убыль, во многом не оправдав возлагавшихся на нее надежд.

Прошло не так уж много времени, и вскоре после первой сессии ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.) разразилась новая политическая кампания, именуемая «изучением теории диктатуры пролетариата». Ее стержневым моментом стал тезис об «ограничении буржуазного права при социализме», вылившийся, по сути дела, в отрицание принципа оплаты по труду (зафиксированного, кстати, в новой конституции КНР).

Такое наступление на жизненные права трудящихся не проходит гладко, о чем свидетельствуют поступающие из Китая сообщения о волнениях и забастовках среди рабочих, нередко оканчивающихся вмешательством армии и кровопролитием.

Активизация тех сил в китайском руководстве, которые стремятся к дальнейшему ужесточению экономического и политического курса, привела к новому обострению внутривнутриполитической борьбы в КНР. Оппозиция кампании за «изучение теории диктатуры пролетариата» оказалась настолько широкой, что это не могло не вызвать самых серьезных опасений у ее инициаторов. Это и понятно: ведь противоречия по поводу «ограничения буржуазного права» в известном смысле отражают расхождение по кардинальным проблемам дальнейшего развития страны. В настоящее время именно эти проблемы встают в полный рост, поскольку китайское общество еще далеко не прониклось духом «идей Мао Цзэ-дуна», и поэтому приближающийся уход «великого кормчего» с политической арены может ознаменоваться в Китае новым туром внутривнутриполитической борьбы.

В этом свете прежде всего следует рассматривать и новую идейно-политическую кампанию, развернутую в сентябре 1975 г. в форме «обсуждения» классического романа «Речные заводы».

У истоков «обсуждения» романа «Речные заводы», как и предшествовавших кампаний, стоит сам Мао Цзэ-дун. Его «новейшие указания» по поводу знаменитого романа представляют собой, по сути дела, тезисы, в соответствии с которыми должна проходить новая кампания: «Речные заводы» хороши именно тем, что описывают капитулянтство. Являясь негативным учебным материалом, роман позволяет узнать, что такое капитулянтство. «Речные заводы» выступают только против алчных чиновников, но не против императора, а Чао Гай вытеснен из числа 108 героев. Сун Цзян капитулировал и проводил ревизионизм. Он преобразовал «Зал сплочения за справедливость» Чао Гая в «Зал верности и справедливости», открыв тем самым путь к принятию помилования. Борьба Сун Цзяна с Гао Цю — это борьба группировок внутри класса помещиков. Капитулировав, Сун Цзян сразу отправился на подавление Фан Ла»¹.

В установочных статьях, разъясняющих эти высказывания Мао Цзэ-дуна, цель кампании формулируется следующим образом: «Мы должны извлечь уроки из «Речных за-

¹ «Гуанмин жибао», 4. IX. 1975.

«заводей» — этого негативного учебного материала, обобщить исторический опыт, научиться в сложной борьбе распознавать правильную и ошибочную линии; узнать, что такое «капитулянты»². И тут же переоценка старого романа недвусмысленно увязывается с современной политикой. «Более чем 550-летняя история нашей партии, — подчеркивает «Гуанмин жибао», — свидетельствует, что каждый, кто проводит ревизионизм, является капитулянтом, проводящим классовое капитулянтство внутри страны и национальное капитулянтство во внешних отношениях. Таковы были Лю Шао-ци и Линь Бяо. Оба они пошли на капитуляцию перед социал-империализмом советских ревизионистов».

Прочитрованные выше высказывания китайской прессы вкупе с «указаниями» Мао Цзэ-дуна со всей очевидностью показывают, что объектом критики будет не мифический «ревизионист» Сун Цзян, а вполне реальные противники нынешнего режима. Кроме того, уже в самом начале кампании постулируется ее антисоветизм, давно ставший непременным компонентом всех политических акций пекинского руководства.

Основным звеном в новой кампании является, безусловно, вопрос о преемственности власти. Причем под преемственностью в данном случае подразумевается нечто неизмеримо более важное, нежели простой вопрос о том, кто займет кресло председателя и какие перестановки произойдут в руководстве. Речь идет, скорее, о преемственности нынешнего политического курса, об увековечении его антисоциалистических, антисоветских основ. Выступая от имени Мао Цзэ-дуна, организаторы «обсуждения» романа «Речные заводы» стараются сплотить под знаменем его «идей» все слои китайского общества и гарантировать тем самым неизменность маоистского режима.

В этой связи заслуживает внимания тактика, избранная маоистской пропагандой в ходе кампании. Дело в том, что в большинстве статей, посвященных критике «Речных заводей», как правило, ничего не говорится о «сплочении» и в то же время настойчиво муссируется мысль о постоянной борьбе (с внешними врагами, со своими ревизионистами, разложивцами и т. д.). Характерны также, например, высказывания: «Добиться классового примирения невозможно, невозможно долго сохранять внешнюю сплоченность, основанную на идее надклассовой справедливости»³. Хотя это и сказано о сложной ситуации из «Речных заводей», но, как и все в нынешней кампании, проецируется на современность, а именно на положение в стране. Казалось бы, апологеты маоизма стремятся не к стабилизации и консолидации, а, напротив, форсируют новые обострения внутривнутриполитической борьбы. Однако это «несоответствие» объяснимо. Особенность проводимой сегодня кампании заклю-

чается в том, что она должна обеспечить превращение китайского общества в организм, пусть внутренне разнородный, но спаянный признанием правильности «линии председателя Мао». Предлагая народу сделать самый общий выбор между «революцией» и «капитуляцией», маоисты ничем не рискуют, а выигрывают многое, поскольку в ходе «обсуждения» романа «Речные заводы» в качестве «истинных революционеров» выступают именно они. Кампания построена таким образом, что важную роль в ней должен сыграть психологический момент: предметом политических спекуляций маоистов становятся революционные традиции китайского народа, вера в революцию, ненависть к предателям и т. п. Предваряя возможную активизацию в недалеком будущем своих противников, инициаторы кампании паносят «превентивный удар», который в случае успеха сулит им возможность впредь квалифицировать любые отступления от своей линии как уступки «капитулянтству». Вопрос стоит об обеспечении за истинными приверженцами маоизма общего идейно-политического руководства обществом, что в значительной степени облегчило бы проведение в жизнь конкретных социально-экономических акций маоистов (взять хотя бы все то же «ограничение буржуазного права»).

Кстати, одновременно с критикой «Речных заводей» китайская печать стала усиленно пропагандировать опыт Дачжяя. Не исключено, что дальнейшая «дачжайзация» сельского хозяйства КНР отражает экономическое содержание нынешней кампании. «Обсуждение» романа «Речные заводы» само по себе предполагает повышенное внимание к крестьянству, поскольку речь в этом произведении идет о крестьянском восстании. Теме крестьянства организаторы кампании постарались придать особое звучание. Во всех без исключения статьях восхваляются революционность крестьянства, его героический дух и самоотверженность в борьбе. Все эти славословия весьма симптоматичны — ведь до начала кампании определяющим был спекулятивный маоистский лозунг «рабочий класс должен руководить всем».

Поэтому и рекламирование китайской пропагандой Дачжяя, и полемика вокруг «Речных заводей» — это в конечном счете звенья одной цепи, хотя формально они и не связаны. Кампания служит своего рода идеологическим прикрытием нового тура «коммунизации» деревни, которая была и остается в Китае основным источником средств для наращивания экономического потенциала. Действительно, через всю кампанию красной нитью проходит мысль о неисчерпаемой «революционности» крестьянства и способности его вершить великие дела при том главном условии, что ему будут предложены самые радикальные лозунги, о которых в свою очередь должно позаботиться «революционное» руководство.

Важным моментом в «обсуждении» рома-

² Там же.

³ «Хунци», 1975, № 9.

на «Речные заводы» представляется также явно выраженное недовольство определенных кругов в Пекине политикой реабилитации работников партийного и государственного аппарата, ошельмованных в период «культурной революции». Как известно, возвращение старых кадров к активной политической деятельности началось фактически уже в 1969 г., а за последние два-три года приобрело особенно широкие размеры. Этот процесс наблюдается во всех звеньях руководства и, естественно, не может не вызывать сопротивления со стороны выдвиженцев «культурной революции», которые усматривают в этом ущемление своих интересов. Протест против реабилитации старых кадров звучал уже в ходе «критики Линь Бяо и Конфуция», еще сильнее он становится в нынешней кампании.

Маоистские критики находят в «Речных заводах» целых три «линии» в кадровой политике. Единственно правильная — это «революционная» линия Чао Гая, одного из героев романа, который «назначал людей на посты, только учитывая их таланты, представлял людей согласно их заслугам»⁴. До Чао Гая в повстанческом лагере хозяйничал «классовый карьерист и выскочка» Ван Лунь, проводивший «сектантскую линию». Правда, он продержался недолго и был свергнут усилиями Чао Гая, Линь Чуна и прочих «революционеров».

Однако главным объектом нападок становится Сун Цзян, занявший после Чао Гая кресло предводителя восставших. Ему инкриминируется ревизия «революционной» линии Чао Гая, что в организационном плане вылилось в «привлечение капитулянтов и предателей» к руководству восстанием. Воображение помогает критикам «Речных заводов» восстановить ход дальнейших событий, развивавшихся стремительно и неотвратимо: в руководстве повстанцами проникло все больше помещиков и императорских генералов, изменился его классовый состав, возобладало капитулянтство, и восстание бесславно погибло.

Чтобы поставить все на свои места, остается только посмотреть на восстание Сун Цзяна через призму «культурной революции», как это и делается сейчас в Китае. И тогда становится понятной истинная подоплека политической возни вокруг «Речных заводов»: все то же недовольство группировки «культурной революции», вынужденной делить власть с некогда поверженными, но вновь набравшими силу старыми партийными кадрами. При этом нельзя не заметить, что нынешняя кампания не просто унаследовала протупившее в «критике Линь Бяо и Конфуция» негативное отношение к политике реабилитации, но и дала ему новый импульс. Пожалуй, со времен «культурной революции», когда говорили о «стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути», еще никогда обвинения в адрес определенной части руководства не были

столь суровы и категоричны, как сегодня. Понятно поэтому желание тех наблюдателей извне Китая, которые пытаются не только разобраться в общей схеме кампании, но и разглядеть за персонажами «Речных заводов» конкретные фигуры из маоистской кулушки. Сובлази заняться такого рода «исследыванием» весьма велик, поскольку главные герои романа в их современной трактовке легко увязываются с некоторыми из последних лидеров (по рангу, по политическим характеристикам и пр.).

При всем том, что новая кампания открывает обострение внутривластной политической борьбы в КНР и должна поэтому решать конкретные политические задачи, ее содержание этим не исчерпывается. «Обсуждение» романа «Речные заводы» входит составной частью в массированное наступление маоистов на идеологическом фронте и в этом смысле является логическим продолжением кампаний по «изучению теории диктатуры пролетариата» и особенно «критике Линь Бяо и Конфуция». Цель маоистов — прежде всего же: добиться того, чтобы «идеи Мао Цзэ-дуна» овладели умами китайцев, чтобы они руководствовались ими в своей повседневной жизни. Именно этой цели в конечном счете и служат мощные политико-идеологические кампании, которые постоянно лихорадят китайское общество. Если посмотреть на бесчисленные «изучения», «исправления стиля» и «обсуждения» под таким углом, то все они предстают в виде единого комплекса мероприятий, рассчитанных на планомерную обработку населения в духе шовинизма, антагонизма, слепой веры в непогрешимость «великого кормчего». Не составляет исключения в этом смысле и нынешняя кампания

* * *

В системе средств, применяемых маоистами для обработки общественного сознания, важное место занимает известная идея «использования древности на службе современности». Фактически в рамках этой идеи и возникло «обсуждение» романа «Речные заводы». На практике «использование древности на службе современности» выливается в пересмотр и утилитарное толкование истории, традиционной философии, старейшей культуры, нравственных норм. Усилия маоистов в этой области очень велики, поскольку для современного китайского общества в высшей степени характерно складывавшееся веками традиционное миропонимание. Как отмечают советские ученые, «приверженность к традициям — сложившимся нормам поведения, форме мышления, моральным и духовным ценностям, художественным образам и многому другому — стала одной из основных черт национального характера китайцев»⁵. Шум мощной пропагандистской машины, восхваляющей «идею

⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3, с. 19.

⁴ «Хунци», 1975, № 9.

«Мао Цзэ-дуна», во многом теряет свою эффективность, наталкиваясь на глухую стену традиционного мироощущения, вековых убеждений, привычек и т. д. Все это в той или иной мере учитывают маонисты и стараются, насколько возможно более основательно «расчислить» соотношение своих соотечественников, для чего широко используется переоценка духовного наследия нации. Нельзя сказать, что в этом наследии маонистским идеологам претит абсолютно все. Так, в ходе «критики Линь Бяо и Конфуция» они ополчились против принципа «гуманности» (не столько в конфуцианском, сколько в общечеловеческом его смысле), но одновременно поднимали на щит столь же традиционный «китаецентризм» идею превосходства китайцев над всеми другими народами.

Благодатным материалом для проводимой ныне маонистами переоценки ценностей оказались, в частности, те немногие произведения китайской классической литературы, которые не были раскритикованы во время «культурной революции». Маонистская пропаганда, исходя из соображений политической конъюнктуры, нещадно фальсифицирует их идейное содержание и предлагает свою интерпретацию, предельно вульгаризированную и утилитарную. При всей ненависти маонистов к классическому наследию они в то же время стараются использовать его в своих целях, а сегодня, как мы видим, дело дошло до организации под видом «обсуждения» романа «Речные заводы» массовой политической кампании. Еще до «культурной революции» безобидные, казалось бы, дискуссии о тех или иных произведениях и авторах нередко оборачивались травлей инакомыслящих и служили основанием «идей Мао Цзэ-дуна» — достаточно вспомнить обсуждение романа «Сон в красном тереме» или критику Ху Фэна. Но все эти дискуссии проводились главным образом в академических кругах, тогда как нынешняя кампания рассчитана на самую широкую аудиторию. В этом отношении критика «Речных заводов» серьезно отличается и от предшествовавших ей «критики Линь Бяо и Конфуция» и «изучения теории диктатуры пролетариата». Критика конфуцианства, например, требовала определенных специальных знаний, и поэтому малограмотное в массе своей население Китая не могло быть активным или по крайней мере сознательным участником дискуссии. Объединенная с «критикой Линь Бяо», кампания против конфуцианства во многом оставалась «верхушечной», не встречая понимания со стороны широких масс. Не лучше обстояло дело и с «изучением теории диктатуры пролетариата».

Теперь, когда предметом критики стал низменный роман, кампания в значительной степени «популяризируется». Опуская политическую дискуссию до такого уровня, на котором она становится доступной пониманию широких слоев общества, маонисты тем самым вовлекают в орбиту новой кампании тех, кто раньше в силу указанных причин

оставался пассивным. Таким образом, идея «использования древности на службе современности» более чем когда-либо находит себе применение.

Вполне объясним конкретный выбор маонистами «Речных заводов», а не какого-либо другого произведения. В данном случае побудительным мотивом послужило то, что содержание романа при соответствующей вульгаризации может дать повод для «анализа борьбы двух линий» в крестьянском восстании. Так, далеко не все герои Ляншаньбо хотели принимать помилование, и Сун Цзяну, который стремился к этому, приходилось преодолевать сопротивление некоторых из повстанцев. Кроме того, когда восставшие возмели достаточно сил для крупных сражений с правительственными войсками, Сун Цзян старался залучить в горный стан опытных в военном деле императорских полководцев и тем повысить боеготовность повстанцев. При желании все это можно представить в виде злонамеренных действий «капитулянта и предателя» отеснявшего от руководства восстанием «революционные силы» и погубившего «крестьянскую революцию». По этому пути и пошли организаторы новой кампании, предложив «извлечь из «Речных заводов» полезные уроки: разобраться в том, что из себя представляют капитулянты, что такое капитулянтская линия, каким образом эта линия губит плоды революции и приводит к полному ее поражению»⁶. Если раньше в ходу были такие оценки романа, как «героическая эпопея крестьянского восстания» или «учебник крестьянского восстания», то теперь он стал «негативным учебным материалом, воспевающим капитулянтство», «романом, разлагающим крестьянские восстания путем пропаганды капитулянтской линии».

До сих пор мы говорили о «Речных заводах» в самых общих чертах, сейчас настало время ознакомиться с этим романом подробнее и на конкретном материале убедиться, так ли он «негативен», как это пытаются представить маонисты.

В китайской литературе трудно найти произведение, которое могло бы сравниться в популярности с романом «Речные заводы». Конкурировать с ним в этом могут, пожалуй, лишь не менее знаменитые «Троецарствие» (XIV в.), «Путешествие на запад» (XVI в.) и «Сон в красном тереме» (XVIII в.). В репертуаре национального театра, столь распространенного и любимого в Китае, среди пьес на историческую тематику почетное место отведено сюжетам из этого романа. Именно театр наряду с деятельностью народных сказителей послужил причиной того, что с содержанием «Речных заводов» знакомы миллионы китайцев — как грамотных, так и неграмотных.

Существует несколько мнений по вопросу об авторстве романа, но большинство исследователей сходится на том, что создание

⁶ «Гуанмин жибао», 23. VIII. 1975.

романа завершил Ши Най-ань (1296—1370). «Речные заводы» повествуют о небольшом крестьянском восстании Сун Цзяна, имевшем место в 1120—1121 гг. в провинции Шаньдун. Новеллы-хуабэнь о подвигах героев Ляншаньбо были широко распространены уже в XIII в., о чем свидетельствуют литературные памятники тех лет «Хвала тридцати шести героям Сун Цзяна» Гун Шэн-юя и сборник новелл «Забытые деяния (лет правления) Сюаньхэ». Если в «Хвале» Гун Шэн-юя содержались лишь краткие характеристики повстанцев, основанные на их прозвищах, то в «Забытых деяниях» уже циклизированы все новеллы о подвигах того или иного героя. Исключительную важность для последующего развития темы «Речных заводов» представляли юаньские драмы цзацзюй, давшие много нового по сравнению с сунскими литературными источниками. Так, в них к тридцати шести героям Сун Цзяна прибавляются остальные семьдесят два, окончательно устанавливается место действия — Ляншаньбо. И главное, изменяется отношение к повстанцам: из бунтовщиков (хотя и наделенных некоторыми положительными чертами) они превращаются в борцов за справедливость. В основе такой трансформации, безусловно, лежала борьба против чужеземных поработителей. Эта патриотическая направленность сохраняется и в романе — приняв помилование, восставшие дают отпор воинственным кочевникам.

Существует несколько вариантов «Речных заводов», из которых наиболее известны двадцатидесятиглавый (самый полный), стоглавый и семидесятиглавый вариант цинского ученого Цзинь Шэн-таня. Первая часть, включающая семьдесят глав, заканчивается «распределением мест» среди предводителей Ляншаньбо, а затем следует рассказ о принятии Сун Цзяном следования, карательном походе повстанцев на Фан Ла (вождя другого крестьянского восстания, конец XI — начало XII в.), усмирении ими киданьского царства Ляо и гибели ляншаньских удальцов от рук высшей знати.

В феодальном Китае «Речные заводы» пользовались огромной популярностью у низов общества, но неоднократно запрещались властями, а в Цинскую эпоху стали одним из основных объектов «письменных судилищ». Утверждалось, что «Речные заводы» учат разбою... это самая вредная из еретических книг⁷. Лишь самые передовые люди своего времени осмеливались подавать голос в защиту романа. Примером может служить Ли Чжи (1527—1602), называвший книгу Ши Най-аня «творением гнева» или «Речными заводами верности и долга». Герои произведения неизменно были в большом почете у участников многочисленных крестьянских движений: в повстанческой армии Чжан Сянь-чжуна, у тайпинов и ихэтуаней. И это вполне можно понять — в

старой литературе нечасто встретишь повстанцев в качестве главных героев, причём герои не просто положительные, но «действующие по велению Неба». Фактически разбойники из «Речных заводов» уравнивались в правах с самим императором — «сыном Неба», что в условиях абсолютистского строя было кощунством.

Молодцы из стаи Ляншаньбо выгодно отличались и от персонажей судебных и императорских романов, которые распространялись в конце династии Цин (1644—1911) и заслужили такую характеристику Лу Синя: «Описанные здесь герои... очень похожи на героев «Речных заводов», но в «Речных заводах» они борются с правительством, а в такого сорта книгах помогают правительству⁸. Кстати, в ходе «обсуждения» романа «Речные заводы» маонисты, спекулируя на авторитете Лу Синя, приводят, как правило, такое его высказывание о романе: «В «Речных заводах» сказано ясно: поскольку не выступали против императора, то с приходом большой армии сразу приняли помилование и отправились на подавление других, не действующих по велению Неба» разбойников. В конечном счете это рабство⁹. Оценка, безусловно, резкая, но она касается отнюдь не Сун Цзяна с его «капитулянтской линией», а, скорее, колеблющегося и склонного к компромиссам крестьянства. Кроме того, необходимо учитывать, что эти слова были сказаны Лу Синем в 1929 г. то есть сразу после поражения национальной революции 1925—1927 гг. Здесь могла косвенно отразиться неудовлетворенность писателя, да и всей прогрессивной интеллигенции развалом единого фронта, что поставило страну на грань гражданской войны, наступлением реакции и т. д. Во всяком случае, высказывание Лу Синя не имеет ничего общего с изысканиями его маонистских толкователей.

* * *

Инспирированная маонистами критика «Речных заводов» охватывает широкий круг вопросов, связанных как с самим романом, так и с историей его создания. Поскольку пекинские идеологи решили «обсудить» произведение, некогда считавшееся продуктом народного творчества и в меньшей степени авторского, то необходимо было искать какой-то выход. Ведь не мог же великий китайский народ участвовать в столь грязном деле, как создание «негативных» «Речных заводов».

Прежде всего маонисты отмечают, что «широкое хождение истории Сун Цзяна тесно связано с классовой борьбой того времени»¹⁰. Они останавливаются на двух восстаниях XII в. — Фан Ла и Сун Цзяна. Если Фан Ла был несгибаемым борцом, то

⁸ Цит. по: Ляо Чжун-ань. Коротко о «Речных заводах». Пекин, 1973, с. 40.

⁹ «Гуанмин жибао», 4. IX. 1975.

¹⁰ Там же, 20. IX. 1975.

⁷ Литература Востока в средние века. Ч. 1. М., 1970, с. 210.

Сун Цзян, наоборот, пошел на классовое примирение, принял помилование и отправился подавлять других повстанцев. Такой «разбойник», как Сун Цзян, в высшей степени удовлетворял феодальных правителей, и они стремились направить все крестьянские восстания в это русло верноподданнических устремлений.

Поэтому сразу после поражения восставших Сун Цзяна и Фан Ла за дело взялись феодальные литераторы, которые стали на все лады воспевать одного из них и всячески чернить другого. А в XIV в. эту напряженную работу завершил созданием романа «реакционный борзописец» Ши Най-ань, вышолнявший заказ властей.

Как видим, рассуждения маоистских критиков построены на том, что исторический Сун Цзян принял помилование и подавлял Фан Ла. Однако именно это главное звено искажается наиболее уязвимым, поскольку сама история не дает веских оснований говорить о такой, а не иной судьбе восстания и его вождя.

Восстание Сун Цзяна не было столь велико и, конечно, не могло сравниться с крупным движением Фан Ла. Однако и повстанцы, предводительствуемые Сун Цзяном и действовавшие неподалеку от тогдашней столицы — Кайфына, представляли определенную опасность для властей. Тем паче, что жгательным войскам не удавалось справиться с восставшими.

Более чем через год после первого упоминания в хронике о Сун Цзяне, датированного 4 января 1120 г., в марте 1121 г. один из чиновников, по имени Хоу Мэн, в докладе императору предложил свой «план обуздания разбойников»: «Ныне поднялись разбойники из Цинси. Лучшее всего было бы... объявить [Сун Цзяну] о помиловании, призвать к повиновению, и пусть он нападет на Фан Ла, дабы самому искупить вину. Вероятно, этого будет достаточно, чтобы усмирить мятеж на юго-востоке»¹¹.

Император Чжао Цзи принял этот план и, поручив его реализацию Хоу Мэну, 20 марта 1121 г. издал декрет об амнистии. Осуществлению задуманного помешала внезапная смерть Хоу Мэна, и в мае того же года восставшие были разбиты отрядом начальника области Хайчжоу Чжан Шу-е, а сам Сун Цзян пришел к нему с повинной.

В другом источнике имеется свидетельство о получении неким Чжэ Кэ-цунем предписания схватить Сун Цзяна, что и было им исполнено, но не в мае 1121 г., а лишь в середине лета 1122 г. Причем на этот же промежуток времени приходится подавление и пленение тем же Чжэ Кэ-цунем Фан Ла¹².

Таким образом, при общей скудости исторических сведений о Сун Цзяне совершенно отсутствуют какие бы то ни было

упоминания о нем с мая 1121 г. до лета 1122 г. Но ни один из источников не дает указания на участие Сун Цзяна в борьбе правительства против Фан Ла. С другой стороны, если он был заодно с властями в этой борьбе, то почему его снова стали искать и вылавливать как «разбойника». Во всяком случае, вариант с подавлением Фан Ла маловероятен.

Было бы неверно полагать, что все это неизвестно инициаторам критики «Речных заводов». Еще в 50-е гг. известный историк Чжан Чжэн-лан приходил к выводу о несостоятельности версии об участии исторического Сун Цзяна в подавлении Фан Ла, когда анализировал обнаруженные в то время документы Сунской эпохи¹³. Поэтому дело заключается не в незнании маоистами исторических фактов, а в их нежелании научно осмыслить процесс создания романа. Говоря о событиях, связанных с движением Сун Цзяна, трудно утверждать что-либо наверняка — слишком много в истории восстания белых пятен. Поскольку эта тема может дискутироваться лишь на уровне предположений, точка зрения нынешних критиков романа, казалось бы, имеет право на существование. Но и здесь у них возникают неувязки. Предположим, исторический Сун Цзян все же «капитулировал». Тогда от феодальных покровителей литературного Сун Цзяна, заинтересованных в том, чтобы по его пути шли другие повстанцы, логично было бы ожидать иной концовки в романе. Действительно, имея Ши Най-ань целью показ «образцового» восстания, то героев Ляншаньбо, вернувшихся под сень закона и оказавших немалые услуги династии, не должна была постичь столь трагическая участь. Смерть же Сун Цзяна и остальных повстанцев в «полном» варианте «Речных заводов» последовавшая за принятием ими амнистии, подавлением Фан Ла и отпором воинственным кочевникам, неизбежно ставила под удар непогрешимость императора, подрывала веру в незыблемые, именованные Неба осященные устои государства.

Но все это нисколько не смущает маоистов, задавшихся целью во что бы то ни стало дискредитировать роман вместе с его создателями.

Роман Ши Най-аня в целом может быть охарактеризован как героический. Собственно говоря, похождения и подвиги таких колоритных персонажей «Речных заводов», как Линь Чун, У Сун, Лу Чжи-шэн, Ян Чжи, и составляют притягательную силу романа. Примечательно, что ни один из этих героев, издавна любимых народом, не подвергается какой бы то ни было критике в ходе нынешней кампании. Они не фигурируют в числе сторонников «капитулянта» Сун Цзяна, хотя в равной мере заражены монархическими иллюзиями, феодальной моралью и прочим. Маоистские критики отдают себе отчет в том, что при всем желании они не

¹¹ См.: Г. Я. См о л и н. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974, с. 449.

¹² Там же, с. 451—452.

¹³ Сборник статей о «Речных заводах». Пекин, 1957, с. 207—223.

смогли бы дискредитировать в глазах читателей этих героев — здесь они натолкнулись бы на вековую привязанность, передаваемую из поколения в поколение. Но это и не входит в планы инициаторов «обсуждения» романа, которые искусно пользуются этой привязанностью для развенчания Сун Цзяна: наделяя самых привлекательных героев Ляншаньбо «революционными» качествами, они объявляют Сун Цзяна виновником их гибели. Маонисты, таким образом, якобы не покушаясь на героинку романа, облегчают свою задачу фальсификации идейного содержания.

Разговор о «Речных заводах» был бы неполным без упоминания об утопических мотивах, прослеживающихся в описании жизни ляншаньских героев. Если, например, в «Троецарствии» Ло Гуань-чжуну показан идеал общественного устройства, основанный на конфуцианской концепции благоденствия при мудром и гуманном правителе, то в «Речных заводах» проводится совершенно иная идея: там все основано на равенстве братьев. Это позволяет отнестись избороженную у Ши Най-аня утопию к другой традиции в китайской литературе, ведущей начало от раннедаосских легенд о счастливых землях и «Персикового источника» Тао Юань-мина.

Утопическая мысль получает в «Речных заводах» новое развитие: некоторая отвлеченность Тао Юань-мина уступает здесь место более конкретной картине лагеря с описанием хозяйства, четким распределением обязанностей среди повстанцев. Полная однородность жителей «Персикового источника» сменяется пестрым составом обитателей Ляншаньбо, где собрались «и потомки императоров, и монахи, выходцы из богатых, состоятельных семей, и полководцы, и чиновники — одним словом, самые различные люди, вплоть до охотников, рыболовов и даже убийц и палачей, однако все они называют друг друга братьями»¹⁴. Огромной силой, сумевшей сплотить их в единую семью, выступает «справедливость», и сам характер жизни в горном стане доказывает иное, не ортодоксально-конфуцианское звучание этого принципа в романе. В свое время это отмечали многие китайские литературоведы, которые говорили о «благородном идеализме» автора, сумевшего показать тип справедливого человеческого общежития.

Сейчас таких оценок в китайской прессе уже не встретить. Все ранее бытовавшие точки зрения на роман хотя и упоминаются в печати, но с неперменным обвинением в антинаучности, аполитичности и многом другом. Инициаторы «обсуждения» романа «Речные заводы» не обошли вниманием и «справедливости». Более того, вкупе с «верностью» она объявлена идейной основой «капитулянтской линии» Сун Цзяна и подвергается уничтожающей критике¹⁵.

Следует отметить, что требования раскритиковать идеологию «Речных заводов» раздавались и раньше, еще до «культурной революции». Не претендуя на детальное освещение длительного наступления маонистов на роман, остановимся лишь на одной из работ, вышедших незадолго до начала кампании.

Речь идет о брошюре Ляо Чжун-аня о «Речных заводах», где автор подробно останавливается на воспетых в романе идеях «справедливости» и «верности». «Речные заводы», — пишет он, — создавались в период феодализма и неизбежно должны иметь историческую и классовую ограниченность, которая главным образом отразилась в идее совместного существования героев». Далее автор поясняет свою позицию: «Ограниченность этой идеи может быть понята, если исходить из исторических условий того времени, но мы не должны из-за этого пренебрегать ее критикой, поскольку эта идея явилась одной из важных причин того, что мощное восстание было обречено на поражение»¹⁶. Ляо Чжун-ань фактически отказывается от исторического подхода в оценке идеологии «Речных заводов» и вслед за этим добавляет: «Не осознав ошибочности и опасности этих воззрений, не удастся верно определить границу с идеологией пролетарской и эксплуататорской, и это может даже сегодня причинить вред нашему революционному делу». Такая постановка вопроса не предвещает для идеологии романа ничего хорошего: по сути дела, она противопоставлена идеологии пролетарской, что чревато самыми неблагоприятными последствиями.

Ляо Чжун-ань начинает с критики монархической идеи «верности государю», перечисляя порождавшие ее объективные причины. Хотя с некоторыми доводами автора трудно не согласиться, но недопустимое в изучении художественного произведения социологизаторство оставляет неприятный осадок, даже когда встречаешь, в общем-то, правильные суждения. Однако вне поля зрения автора остается, например, такой важный момент, как патристическое звучание принципа «верности» в романе, неоднократно отмечавшийся ранее и китайскими и советскими исследователями. Об этом писал, в частности, Дин Ли: «Книга создавалась в конце династии Юань — начале династии Мин, когда под жестоким господством монголов люди думали об эпохе Сун. Оставалось лишь описать Сун Цзяна преданным Сунской династии, верным нации»¹⁷. В качестве аргумента Дин Ли приводил слова Лу Синя, сказанные по поводу помилования (сейчас принято говорить о «капитуляции»): «Это отражение идей, царивших на рубеже династий Сун и Юань»¹⁸. Лу Синь имел в виду переход разбойников на сторону прави-

¹⁴ Ши Най-ань. Речные заводы. Т. 2. М., 1955, с. 617.

¹⁵ «Гуанмин жибао», 6. X. 1975.

¹⁶ Ляо Чжун-ань. Указ. соч.

¹⁷ Сборник статей о китайских классических романах. Пекин, 1957, с. 37.

¹⁸ «Дружба», 1958, № 39.

тельства, практиковавшийся в силу необходимости защищать страну от воинственных племен. Однако в 1973 г. об этом уже умалчивалось.

* * *

Хотя со времени опубликования работы Ляо Чжун-аня до начала «обсуждения» романа «Речные заводы» прошло всего два года, оценки идейного содержания романа существенно изменились. При всем вульгаризаторстве Ляо Чжун-аня ему нельзя отказать в трезвом отношении к крестьянству как носителю разного рода непролетарских идей, в том числе «верности» и «справедливости». В нынешней кампании, наоборот, утверждается, что крестьянство было свободно от каких-либо иллюзий, от «исторической и классовой ограниченности». Дело доходит до абсурдного заявления о «программе» революционных крестьян», заключавшейся якобы в «окончательном разрушении государственного аппарата феодального государства и создания собственной государственной власти армии восставших крестьян»¹⁹. И это на том лишь основании, что Ли Куяй, которого преподносят сейчас как «революционера», на протяжении всего романа два-три раза порывался сам и предлагал другим пойти на Восточную столицу и захватить трон. Кстати, и здесь маоистские критики не обходятся без подтасовок, опускающая конец одной из бунтарских тирад Ли Куяя: «Старший брат Чао Гай будет главным императором великих Сунов, брат Сун Цзян — малым сунским императором... а все мы станем полководцами»²⁰. Выходит и Ли Куяй с его «правильной и последовательной революционной линией» тем не менее оставался монархистом. Другое дело, кого именно он хотел видеть императором.

Но полностью раскрывать образ Ли Куяя сейчас не принято, поскольку в ходе «обсуждения» романа «Речные заводы» он призван олицетворять «революционное крестьянство» и должен быть поэтому безупречен.

Славословия в честь крестьянства, которыми пестрят ныне китайские газеты, сами по себе не новы. Как отмечают советские исследователи, «у Мао Цзэ-дуна сложилось убеждение, что крестьянство Китая является более способным к революционному действию, чем пролетариат «новых западных стран»²¹. Пресловутый «китаизированный марксизм» вырос из мелкобуржуазной стихии, тысячами нитей с этой стихией связан и без нее немислим. Мао Цзэ-дун и его группа никогда не увязывали свою политику с интересами рабочего класса, отдавая лишь словесную дань марксистской идее о его руководящей роли в построении социализма. Чтобы теоретически оправдать свою ориен-

тацию на крестьянство и тяготеющие к нему непролетарские слои общества, маоисты вынуждены наделять их высоким революционным духом и рассматривать в качестве ведущей силы истории. Причем эта завышенная оценка распространяется и на средневековое крестьянство. Ставшие уже правилом утверждения о непоколебимости духа и осознанных (не стихийных!) устремлениях старого крестьянства несут в себе важный политический смысл и призваны доказать готовность крестьянского в массе своей населения Китая к «прыжку» в коммунизм.

Особое отношение к крестьянству, отнюдь не сегодня сложившееся у части руководства КПК, всегда сказывалось и на изучении «Речных заводов», которые сразу после 1949 г. стали объектом самого пристального внимания со стороны китайских литературоведов. Все споры вокруг романа в конечном счете замыкались на следующем вопросе: насколько глубоко и правдиво удалось автору «Речных заводов» отразить великую роль крестьянских движений (чаще «революций») в эпоху феодализма. Поэтому уже в 50-е гг., когда в КНР шли многочисленные дискуссии по крестьянскому вопросу и единого мнения еще выработано не было (это произошло лишь в 1963—1965 гг.)²², «Речные заводы» стали ареной борьбы мнений по проблемам скорее политического, нежели литературоведческого порядка.

Уже тогда некоторые «левые» критики «Речных заводов» обнаружили неумное желание видеть все крестьянские восстания исключительно в розовом свете. В их идеальную умозрительную модель «антифеодальных революций» прошлого никак не укладывались ни принятие повстанцами помилования, ни братоубийственный поход против Фан Ла, ни вождь восставших, полный веры в «хорошего императора». По мысли таких критиков, любые бунтари или просто разбойники — это уже революционеры, свободные от иллюзий и колебаний, осознавшие интересы своего класса и цели борьбы. Поэтому их и не мог полностью удовлетворить роман Ши Най-аня, отразивший и силу и слабость старых китайских бунтов.

Еще до начала нынешней кампании вульгаризаторы «Речных заводов» в поисках виновников гибели «мощного крестьянского восстания» нередко набредали на Сун Цзяна. В этом неопределенную услугу им оказывал и продолжает оказывать так называемый «классовый» подход, который в примитивном исполнении маоистов стал поистине бичом не только «Речных заводов», но и всей китайской классической культуры. Эта линия восходит к 1952 г., когда была опубликована книга Хуан Шана «О пьесах на сюжеты «Речных заводов» и др.».

В своей работе автор прежде всего проводит анализ социального состава ста восьми героев Ляншаньбо и приходит к весьма неутешительным выводам: лишь рыбаки

¹⁹ «Гуанмин жибао», 23. VIII. 1975.

²⁰ Ши Най-ань. Указ. соч., с. 137.

²¹ Китайская Народная Республика. Экономика, государство и право, культура. М., 1970, с. 36.

²² См.: Историческая наука в КНР. М., 1971.

брatья Юань, лодочники Ли Цзюнь и Чжан Хэн, охотники Цзе Чжэнь и Цзе Бао оказываются «истинно трудовыми людьми», остальные же — это военные, чиновники, помещики и интеллигенты, от которых пользы для «революции» почти не было. Более того, «революция погибла, преданная этими колеблющимися предателями своих классов».

Неудобное «классовое происхождение» заставляет Хуан Шана обрушиться на Сун Цзяна. Ведь он, судя по описанию поместья старого Суна, довольно богат, не вышел из гущи народных масс и поэтому «в душе никогда не считал этого движения «крестьянской революцией», рассматривая его только как капитал для достижения политического положения».

Если раньше подобные оценки встречали отпор, то теперь они считаются единственно правильными и встречаются во всех статьях, посвященных критике «Речных заводов». Сходство остается даже в деталях. Сейчас тоже пишут, что Сун Цзян «собирался продать и переметнуться на сторону врага, а в качестве капитала для своего успеха хотел использовать силы восставших крестьян»²³. Точка зрения, сторонников которой с полным на то основанием обвиняли в антиисторизме и вульгаризаторстве, стала в ходе нынешнего «обсуждения» романа «Речные заводы» официальной и непререкаемой.

На примере работы Хуан Шана можно убедиться в том, что курс на воспевание революционных традиций китайского крестьянства с первых же лет существования КНР вносил свои коррективы в изучении «Речных заводов». Очевидные слабости описанного в романе восстания, в особенности казус с принятием помилования, бросали тень не только на средневековое, но отчасти и на современное крестьянство. Предвзятое отношение к характеру и роли крестьянских выступлений в период феодализма заставляло критиков «левого» толка искусственно отделить от безликой «революционной повстанческой армии» ее вождя Сун Цзяна и усматривать в нем корень всех бед. Хуан Шан прямо называл его авантюристом, другие говорили, что образ Сун Цзяна «неудачен, слаб и нереален», третьи обвиняли авторов романа в искажении облика исторического Сун Цзяна²⁴. Характерно, что именно в работах «антисунциновски» настроенных критиков меньше всего говорилось о непоследовательности и исторической ограниченности крестьянства.

В нынешней кампании ни о какой «ограниченности» не может быть и речи: «революционность — вот основная черта крестьянства»²⁵. Такого рода заявления чередуются с критикой Сун Цзяна и занимают почетное место на страницах китайской печати. Кро-

ме того, как мы уже отмечали, формально независимо от «обсуждения» романа «Речные заводы» оживилась пропаганда Дачжэя, в газетах стали появляться соответствующие высказывания Мао Цзэ-дуна о деревне, нередко встречаются передовицы с многозначительными заголовками типа «Поставить слово «крестьянин» на первое место» и т. д. Безусловно, в этом дружном хоре должна исполнить свою ответственную партию и критика «Речных заводов» с ее обильными уверениями о революционности китайского крестьянства.

Однако «Речные заводы» приобрели в глазах маоистов особую ценность не только потому, что давали возможность в нужный момент акцентировать всеобщее внимание на революционных потенциях крестьянства. Для этого, в конце концов, хватило бы и просто газетной шумихи. Инициаторов кампании интересовала главным образом представленная в романе борьба — военная, политическая, идеологическая — различных сил. Правда, в «Речных заводах» противоборствуют герои Ляншаньбо и их враги (правительственные войска и чиновники), но это лишь в том случае, если не искажать содержания романа. Исходя из своих целей, маоисты построили «обсуждение» на анализе уже не двух, а трех группировок: революционных соратников Ли Куя, возглавляемого императором реакционного лагеря и капитулянтской группировки Сун Цзяна. Причем каждая из них оценивается крайне прямолинейно, без каких-либо полутонов.

Новая кампания, как уже отмечалось, рассчитана на самую широкую аудиторию, на рядового китайского читателя, который преимущественно не очень грамотен, хорошо знаком с «Речными заводами» и не разбирается в тонкостях политической борьбы в своей стране. У такого читателя уже сложилось вполне определенное отношение к роману, он полон устоявшихся симпатий и антипатий. Наиболее любимы — могучий У Сун, сумевший одним кулаками убить тигра-людоеда; бесстрашный Линь Чун, на долю которого выпало много невзгод; Лу Чжи-шэнь, всегда готовый постоять за себя, своих друзей и вообще за всех обиженных и обездоленных; Ли Куй, глуповатый, иногда смешной, но прямодушный и отважный. Ненавистны описанные в романе в самых мрачных красках командующий Гао Цю сворой его приближенных, начальник области Чжан Шу-е, императорский сановник Цай Цзин. Что касается старосты Чао Гая и сменившего его Сун Цзяна, то ни один из них не претендует в романе на особую удачу. Оба они славились в мире воинов людей своей честностью, справедливостью, умом и пользовались непререкаемым авторитетом у героев Ляншаньбо. Эти персонажи несколько идеализированы, схематичны и поэтому не столь интересны, как, скажем, У Сун или Ли Куй, с именами которых связаны захватывающие эпизоды «Речных заводов». Однако ни сам роман, ни многочисленные пьесы на его сюжеты не дают ни-

²³ «Хунци», 1975, № 9.

²⁴ См. статьи Лю Чжуна и Чжан Чжэньлапа в «Сборнике статей о «Речных заводах». Пекин, 1957.

²⁵ «Гуанмин жибао», 23. VIII. 1975.

и таких оснований противопоставлять Сун Цзяна и Чао Гая остальным повстанцам либо друг другу. Трагическая гибель Чао Гая, раненного в бою отравленной стрелой, и мучительная смерть Сун Цзяна, жестоко обманутого властями, в равной степени вызывают у читателя чувства боли и сострадания.

Таков старый, традиционный взгляд на роман и его героев. Нельзя сказать, что в ходе нынешней кампании этот взгляд подвергается коренной ломке — ведь переосмыслению подлежит образ одного только Сун Цзяна, тогда как отношение ко всем другим персонажам не изменяется. За рамками «обсуждения» остается, по сути дела, живая ткань романа с ее удивительными и такими непохожими героями, с их рискованными приключениями и славными подвигами. Инициаторы кампании отнюдь не посягают на героинку «Речных заводов», а предлагают читателям оценить роман под непривычным углом зрения, то есть в плане «борьбы двух линий».

Как известно, внутривнутриполитическая практика китайского руководства зиждется на пресловутой «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата», в соответствии с которой в стране, строящей социализм, продолжается и обостряется классовая борьба. Маоисты во всеуслышание заявляют о непреходящей опасности реставрации капитализма в Китае и извлекают из этой «вечной» опасности максимум практической пользы, развязывая себе руки в борьбе с «иначе мыслящими». Но после «культурной революции», ознаменовавшейся утверждением у власти мелкобуржуазной националистической группировки Мао Цзэ-дуна, «борьба двух классов, путей и линий» стала все более напоминать междоусобицу в стане самих маоистов. Действительно, в шаблонном обвинении «мошенники типа Лю Шао-ци и Линь Бяо» не заложено конкретного, «осязаемого» содержания. Ясно лишь то, что они являются врагами председателя Мао и противниками «культурной революции». С другой стороны, в сегодняшнем Китае никто открыто не выступает против Мао Цзэ-дуна и все признают (хотя бы на словах) заслуги «культурной революции». При таком положении вещей безадресная брань и навешивание ярлыков на обезличенных противников ничего не решают, а, напротив, порождают у широких масс недоумение и непонимание. В известном смысле под удар попадает сама идея «продолжения революции при диктатуре пролетариата». Назойливая критика Линь Бяо уже не дает должного эффекта, а новый «крупный агент капитализма», появление которого могло бы оживить эту идею, заставляет себя ждать.

В этой ситуации организаторы «обсуждения» романа «Речные заводы» решили на общедоступном материале доказать неизбежность «борьбы двух линий», чтобы народ не рассчитывал в обозримом будущем на спокойную и мирную жизнь. Слово «обсуждение», вынесенное в название кампании, вы-

брано не случайно, и призвано свидетельствовать о якобы демократическом и добровольном начале в дискуссии. Рядовому читателю предоставляется возможность как бы самому прийти к выводу о капитулянтстве Сун Цзяна и проникнуться благородным негодованием. Иными словами, в новой кампании ставка делается не на вынужденное, а на «осмысленное» восприятие, что придает ей особое звучание.

«Политизируя» содержание «Речных заводов», маоисты во многом компенсируют былую абстрактность своих выпадов против врагов «революционной линии председателя Мао». Чтобы популярно объяснить разницу между «революционерами» и «капитулянтами», инициаторы кампании отыскали историко-литературный прототип «мошенников типа Лю Шао-ци и Линь Бяо», которым оказался Сун Цзян. Развенчивая Сун Цзяна, всегда считавшегося положительным героем, маоисты тем самым решают одну из главных задач «обсуждения»: укрепить соотечественников в мысли о предрешенности длительной борьбы, поскольку на «революции» продолжают паразитировать скрытые и потому опасные враги. Попутно объясняются и фантастические метаморфозы Линь Бяо, который из «лучшего ученика» Мао Цзэ-дуна внезапно превратился в давнишнего (!) противника его «линии». Природу капитулянтов крайне трудно разглядеть, и выручает только «гений» председателя Мао, сумевшего разоблачить сначала Линь Бяо, а теперь и Сун Цзяна.

Кампания призвана дать ответ и на вопрос о том, где именно кончается «революционность» и начинается «капитулянтство». Для повстанцев из «Речных заводов» критерием революционности служит отношение к императору, о чем говорилось уже в установочных статьях и «указаниях» Мао Цзэ-дуна. Но в таком виде этот критерий еще мало соотносится с современностью, «борьба против императора» должна ассоциироваться с какой-то реальной политической линией. Непримиримый тон кампании, избилующей призывами к решительной и последовательной борьбе, позволяет расценить ее как наступление наиболее радикально настроенной части пекинского руководства. В этом не остается никаких сомнений, если вновь обратиться к «Речным заводам» и вспомнить традиционное отношение к Сун Цзяну. Ведь предводитель удалцов из Ляншаньбо, несмотря на его монархические иллюзии и другие слабости, тем не менее всегда наделялся определенным бунтарским духом. Действительно, в старом Китае его именовали «разбойником», после освобождения он стал «защитником обездоленных» или, в принятой терминологии, «революционером». Таким образом, в глазах миллионов китайцев Сун Цзян — это борец, пусть не такой отчаянный, как Ли Куй, но все же борец и «революционер».

В ходе кампании ее инициаторы стремятся доказать, что «маленькая» революционность равносильна капитулянтству и преда-

тельству, и единственно правильной и допустимой является «ультрареволюционная» линия. Такая постановка вопроса отвечает интересам «лево»-маоистской группировки, которая делает серьезную заявку на признание ее в качестве полномочного представителя «революционной линии». Скорее всего, «обсуждение» романа «Речные заводи» должно привести к усилению позиций этой группировки, вызвав значительное «полевание» масс, обеспокоенных мрачной перспективой капитуляции. Во всяком случае, кампания решает не только сиюминутные конъюнктурные задачи. В ней заложен куда более мощный заряд, чем это может показаться, если фиксировать внимание на сугубо политическом ее аспекте.

Взять того же многострадального Сун Цзяна, которого китайская печать изо дня в день обливает грязью. Вместе с его предполагаемым «капитулянтством» под удар попадают и все чисто человеческие качества этого популярнейшего литературного персонажа, которого знали и любили многие по-

колесня китайцев. Однако добрый и порядочный Сун Цзян ненавистен маоистам с их воинствующим антигуманизмом, давно введенным в норму взаимоотношений между людьми.

Кстати сказать, Ли Куй, этот «революционный» антипод Сун Цзяна, часто бывает в романе неоправданно, бессмысленно жестоким и выглядит подчас настоящим головорезом. Однако именно такие качества Ли Куя импонируют маоистам, которые сделали насилие непрременным атрибутом своего «особого курса».

Верные замыслам «великого коричневого» превратить весь китайский народ в «послушных буйволов», маоисты продолжают в глобальных масштабах обрабатывать своих соотечественников в духе «идей Мао Цзэ-дуна», разрушая их представления о добре и зле, заставляя усомниться в себе и слепо идти за тем, кто единственный будто все знает и понимает. Сейчас этой неблагоприятной цели должно послужить и «обсуждение» романа «Речные заводи».

ВОСПОМИНАНИЯ

Шанхай, год 1926

*М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР*

Осенью 1925 г. начался для меня второй учебный год на китайском отделении Восточного факультета Государственного дальневосточного университета.

Политическая атмосфера на Восточном факультете была «архиреволюционная». Интернационалистическая деятельность наших советников, приглашенных Сунь Ят-сеном в Китай (М. М. Бородин, В. К. Блюхера и других), создание в Кантоне с помощью Советского Союза первой военно-революционной школы Вампу (в начале 1924 г.), шанхайские события «30 мая» 1925 г. и другие живо обсуждались нами, студентами. Симпатии советских людей, и, конечно нас, изучающих Китай, к революционной борьбе китайского народа объяснялись и тем, что эта борьба направлялась не только против китайских милитаристов-феодалов, но и против стоящих за их спиной империалистических государств, господствовавших в Китае, против которых пришлось вести суровую и длительную борьбу и советскому народу, закончившуюся на Дальнем Востоке лишь в 1922 г. Среди студентов Восточного и других факультетов ГДУ (включая рабфак) были такие еще недавно прославленные вожаки дальневосточных партизан, как Бойко-Павлов, Савва Кургузов, партизаны Костя Поседко, Феодосий Кобыща, комсомольцы-подпольщики Ваня Ильюхинов, Саша Боянов-Помилуйко и другие активные участники борьбы против белогвардейщины и японских интервентов.

В научном уяснении происходящих в Китае событий, в понимании характера и движущих сил китайской революции нам студентам-китаистам оказали исключительно большую помощь первые преподаватели-коммунисты Восточного факультета — новый декан факультета В. А. Погодин и преподаватель-доцент К. А. Харнский.

В. А. Погодин не был профессиональным востоковедом. Он вел курс политэкономии. Но именно ему, прекрасному лектору, всесторонне марксистски образованному коммунисту, отличавшемуся исключительной глубиной научного анализа и логичностью изложения, мы были обязаны пониманием основ марксизма-ленинизма.

К. А. Харнский уже тогда считался видным востоковедом. По существу, он был первым историком-марксистом по Востоку, давшим весьма ценные монографии по истории Китая и Японии¹. Свообразие исторических исследований по Японии и Китаю этого энциклопедически образованного ученого состояло в том, что факты и события он рассматривал в сопоставлении и в связи с историей Европы, Арабского Востока, Индии, что придавало широту его исследованиям и более объективное и убедительное представление о реальной истории Дальнего Востока. Как никто из других преподавателей, К. А. Харнский умел оживлять историю веков современностью, заставляя переживать нас все трагедии трудового люда и радоваться его успехам.

¹ К. Харнский. Обзор политической и экономической жизни Китая. — «Народы Дальнего Востока», 1921, № 2; Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926; Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск — Владивосток, 1927.

Заметные сдвиги на втором курсе произошли в изучении китайского языка. Наш любимый профессор Аполлинарый Васильевич Рудаков наряду с мандаринской грамматикой, старыми коммерческими текстами, отводил много времени изучению современного китайского языка. Мы читали, заучивали целыми страницами знаменитое произведение Сунь Ят-сена «Саньминь чжун» («Три народных принципа») и чувствовали себя вполне зрелыми китаистами. Основанием для этого было и то, что наши старшие однокашники уже выехали в Китай, в том числе Вишнякова, Дубасова, Баконенко и Виноградов. На факультете они были старшекурсниками — студентами первого советского набора (1923). В группе уехавших выделялся Баконенко, который по знаниям разговорного китайского языка превосходил даже преподавателей. Слава о нем пошла с тех пор, как он оказался основным переводчиком при встречах с видным гоминьдановским деятелем Ху Хань-минем², который весной 1925 г., возвращаясь из Москвы в Кантон, останавливался во Владивостоке и встречался с нами — студентами-китаистами.

Успешно работали переводчиками при советских советниках на севере Китая в армии Фын Юй-сяна и в Кантоне студентки В. Вишнякова и З. Дубасова³.

Вот почему не только нам, но и ответственным товарищам, имевшим отношение к вопросам оказания помощи китайской революции, казалось, что мы, студенты, вполне подготовлены к практической работе с китайским языком, тем более что после отъезда в Китай большей части третьекурсников мы, по существу, были единственными старшекурсниками, лучших кадров и не было.

Вскоре на факультете стало известно, что к поездке в Китай в начале 1926 г. намечается группа второкурсников: Ваня Григорьев, Степан Андреев, Ваня Шишкин и я. Об этом нам объявил декан В. А. Погодин, хотя и предупредил, что место нашего пребывания в Китае пока неизвестно. Причиной тому была обострившаяся политическая обстановка на Юге Китая, активизация в гоминьдановском руководстве правой, антикоммунистической группировки. Суть этих событий состояла в следующем.

Вопреки решениям II съезда гоминьдана (январь 1926 г.), подтвердившим курс Сунь Ят-сена на союз с Советским Союзом и сотрудничество с Коммунистической партией Китая, правые гоминьдановцы исподволь готовили антидемократический заговор. 20 марта 1926 г. под руководством Чан Кай-ши был совершен переворот — разогнано образовавшееся 1 июля 1925 г. Национальное правительство Китайской Республики, председатель правительства Ван Цзин-вэй бежал из Кантона, правые гоминьдановцы развернули антикоммунистическую деятельность.

В этих условиях намечавшийся на февраль наш отъезд в Кантон был задержан. Отсрочка выезда лично меня даже устраивала, так как парторганизация Восточного факультета приняла меня кандидатом в члены РКП(б) и утверждение должно было состояться в начале марта на общеуниверситетском партийном собрании. Выезжать хотелось, уже став коммунистом.

Отъезд в Шанхай

В середине марта мне и Ване Шишкину деканат предложил готовиться к отъезду в Шанхай для учебной стажировки на срок 6—7 месяцев. Необходимые данные (характеристики, фотографии) были направлены в Управление НКВД. В конце марта нас вызвали к уполномоченному НКВД во Владивостоке, где объяснили сложность политической обстановки в Шанхае и рекомендовали явиться к вице-консулу генерального кон-

² Ху Хань-минь — видный гоминьдановский деятель, вместе с Сунь Ят-сеном участвовал в создании «Гунмынхой» — первой революционной организации. Занимал руководящие посты в Южном правительстве Китая; в 1924 г. по поручению Сунь Ят-сена выезжал в Москву. Один из претендентов на руководство гоминьданом после смерти Сунь Ят-сена.

³ Подробнее об этом см. в кн.: В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925—1927 г. Воспоминания. М., 1965.

сульства СССР в Шанхае С. Л. Вильде, который и определит условия нашего дальнейшего пребывания в Китае.

Сборы проходили в обстановке исключительной внимательности, заботливости со стороны не только наших однокурсников, но и всего факультета, в том числе и преподавателей. Особенно запомнились мне напутствия Аполлинария Васильевича Рудакова. Он рисовал нам Китай в таких восторженных, ярких красках, вспоминая о своих путешествиях от Шанхая вверх по реке Янцзы, о живописнейшем Ханчжоу с величественными храмами, пагодами. С особой любовью он говорил о древнем Пекине, о его окрестностях и находящихся здесь знаменитых Могилах минских императоров, Летнем дворце и т. д.

Собирая в дорогу, друзья видели в нас тех, кем они сами хотели бы быть,— активных участников китайской революции. Никто и не думал предостеречь о какой-либо опасности, как не думали и о нашей неопытности, о том, что двое молодых людей впервые отправляются в неизвестность, в далеко не дружественный для советских людей, контролируемый империалистическими кругами Шанхай. Все это казалось второстепенным, легкопреодолимым. Главное же, о чем мы все мечтали,— увидеть революционную борьбу китайского народа, принять в ней участие.

14 апреля на одном из причалов Эгершельда собрались наши друзья-китаисты: Костя Поседко, Шура Лысых, Петя Слинкин, Валя Сунфу, Галя Бондаренко и другие. Последние прощания, шутки, пожелания, и мы на борту «Колымы». Из пассажиров, кроме меня и Вани Шишкина, на судне были два китайских купца из провинции Синьцзян, следующих транзитом через СССР в Шанхай (в то время — обычный маршрут для следующих из Северо-Западного Китая в центральные города), и два советских сотрудника «Дальфлота», направлявшихся к месту новой работы — в Шанхайскую контору «Совторгфлота». Средн немногочисленной судовой команды особенно запечатлелся в памяти жизнерадостный, веселый Вениамин Платов, которого через 25 лет я встретил в Москве уже в качестве начальника отдела Министерства морского флота СССР.

Наш путь до Шанхая занял более трех суток, причем мы попали в жестокий шторм который, скажу не хвастаясь, стойко перенес. Солнечным утром 20 апреля я вышел на палубу. «Колыма» стояла у входа в устье самой крупной реки Китая — Янцзы.

Вскоре к нам подошел катер. На борт поднялся английский лоцман и с ним китайский чиновник. Наше судно вошло в Вампу (в пекинском произношении — Хуанпу) — один из главных рукавов устья Янцзы, затем миновало Вузунг (Усун) — лоцманский пункт, укрепленный городок, а далее мы продвигались между бесконечными рядами стоявших у обоих берегов торговых судов, катеров, барж, сторожевых кораблей. Тут же сновало множество джонок, шампунок, занимавшихся погрузочно-разгрузочными работами. Вениамин Платов показал нам стоявшее на рейде у правого берега русское судно «Охотск», из числа тех, что были угнаны белогвардейцами при бегстве из Владивостока и превращенного в казарму-ночлежку беглых казаков и офицеров. Нам рассказали, что, после того как весной 1925 г. одно из таких угнанных судов — «Монгугай» с 60 белоэмигрантами вернулось во Владивосток, «Охотск» тщательно оберегается белогвардейцами, находящимися на службе шанхайской полиции, и советским судам не разрешается к нему приближаться⁴.

«Колыму» поставили на рейде в районе Яншупу, где длинными рядами параллельно реке тянулись текстильные фабрики, преимущественно японские.

Всех шестерых пассажиров, а также капитана и его помощника на катере доставили в шанхайскую таможню. Здесь нас встретил сотрудник советского консульства тов. Бурда. Прихватив свои скромные фанерные чемоданчики, мы пешком двинулись к консульству.

Советское генеральное консульство размещалось сразу же за мостом при впадении реки Сучжоу-крик в Вампу в четырехэтажном здании, выстроенном еще царским правительством в 1914 г.

⁴ 11 мая 1925 г. Советское правительство направило ноту с требованием о возвращении угнанных белогвардейцами в порты Китая русских судов «Охотск», «Эльдорало», «Защитник».

В этом здании размещалось не только консульство. На первом этаже находилась контора «Совторгфлота», а несколько комнат занимало шанхайское отделение торгпредства СССР в Китае. На этом же этаже размещались канцелярия консульства и секретарь Кузнецов. Кабинет генконсула, а им в то время был высокий, представительный Линде (по национальности латыш), располагался на втором этаже, где была его квартира и небольшой зал для дипломатических приемов, в котором проводились также собрания. Зал этот одновременно служил и столовой (завтраки и обеды) для сотрудников. На третьем этаже находились кабинеты вице-консулов: Я. Г. Майского и С. Л. Вильде, квартиры и служебные комнаты других консульских работников. Четвертый этаж был также занят квартирами, и там же была большая комната для приезжих, где нам и предложили разместиться.

Примерно через полчаса нас принял С. Л. Вильде — довольно полный лысый человек, с большими и умными карими глазами. Судя по его быстрым движениям и уверенной речи, это был энергичный и волевой руководитель. С. Л. Вильде ознакомил нас с общей обстановкой в Шанхае, обратив внимание на особую придирчивость муниципальных властей, контролируемых англичанами, в услужении которых находились и русские белогвардейцы. Рассказал нам С. Л. Вильде и об одном случае, когда консульство чисто случайно избежало взрыва бомбы. В начале 1926 г. неизвестный русский, имевший намерение проникнуть в советское консульство, по ошибке зашел в германское, расположенное напротив нашего, где и оставил чемоданчик с взрывным устройством. Выйдя из здания, диверсант обнаружил свою ошибку. Быстро вернувшись, он схватил чемоданчик и успел выбросить его на улицу. Бомба взорвалась у подъезда не более как в 20 м от советского консульства.

О многом другом рассказал нам тогда С. Л. Вильде, от многого предостерег. В заключение порекомендовал заняться устройством личных дел и ознакомиться с городом.

Знакомство с городом

Шанхай к середине 20-х гг. был самым крупным городом и портом Китая, население которого превышало 1,5 млн. человек (без пригородов). Его новейшая история началась после первой «Опиумной войны» (1839—1842), когда в результате поражения Китая ему был навязан Англией первый неравноправный договор — Нанкинский, по условиям которого Шанхай объявлялся «открытым портом» для английской торговли. Англичане получили права поселения, торговли, коммунального и жилищного строительства. Несколько позднее, после японо-китайского Симонсенского договора 1895 г., предоставившего иностранцам право сооружать промышленные и транспортные предприятия, началось и промышленное строительство. Иностранцы получили право «экстерриториальности», то есть неподсудности китайским законам, а иностранные концессии, таким образом, стали «государством в государстве».

В дни нашего знакомства с Шанхаем город был разделен по крайней мере на три отдельные части: 1. Международный сэттльмент, фактически находившийся по праву «ведущего государства» под единоличным управлением Англии. Эта часть города, прилегавшая к реке Вампу, являлась, по существу, центром промышленного, финансового и торгового мира. 2. Французская концессия с строго очерченной границей, являвшаяся, как бы продолжением Международного сэттльмента в глубь территории города, была самой аристократической, благоустроенной резиденцией богатых иностранцев. 3. Китайская часть города (Чапей, Путун и др.) выглядела на фоне иностранных концессий индустриальной деревней, с немощеными, пыльными улочками, закопченными лачугами, мастерскими, лавчонками. Здесь проживала основная масса китайского населения, отсюда черпались резервы дешевой рабочей силы для обслуживания иностранных предприятий. Но здесь, среди рабочего люда, вызревала и революция. В лабиринтах бесконечных, безадресных переулков создавались политические школы, организации, накапливались революционные силы.

Ознакомление с Шанхаем начиналось обычно с Банда — витрины империалистических, преимущественно английских монополий. Банд — набережная реки Вампу, с односторонней застройкой по правой стороне крупными зданиями, — являлся центром Международного сэттльмента, и для поддержания его «правового статуса» на Вампу, вытянувшись в линию, стояли линкоры, броненосцы главных империалистических государств в твердоустановленном порядке: английские, французские, американские, японские, итальянские.

Знакомство с Бандом дает полное представление о сущности «открытого порта» Шанхая, об иностранной «экстерриториальности», о господстве иностранного капитала, среди которого главную роль играл английский капитал. В 1925—1926 гг. на долю Англии во внешней торговле с Китаем приходилось около $\frac{1}{3}$, а в инвестициях иностранного капитала около 40% от общей суммы.

От центра Банда вправо начиналась вторая по значению улица Шанхая — Нанкин-род (Наньцзинлу). В отличие от Банда проспект Нанкин-род славился магазинами, ресторанами, причем здесь, в центре иностранного сэттльмента, заметно ощущалось присутствие китайского национального торгового капитала.

Нанкин-род, однако, славился не только как торговая артерия. Здесь проходили и многие манифестации китайских рабочих, студентов.

Именно на Нанкин-род 30 мая 1925 г. вышли из китайской части города студенты шанхайских учебных заведений под лозунгами: «Долой империалистов!», «Шанхай — китайцам!», «Народ всего Китая, объединяйся!». На Нанкин-род, руководимая англичанами, полиция сэттльмента учинила массовый расстрел демонстрантов. События «30 мая» 1925 г., вызвавшие всеобщее возмущение в Китае, положили начало китайской революции 1925—1927 гг.

От Нанкин-род на юго-запад можно было пройти или проехать автобусом на территорию Французской концессии. По своему облику она резко отличалась от Международного сэттльмента. Это была зеленая зона города с многочисленными аллеями, парками, бассейнами. Фешенебельные рестораны, бары, различные развлекательные заведения — словом, все то, что нужно для праздного времяпрепровождения сытых буржуа. Была здесь и своя, особая французская полиция, состоявшая, впрочем, не только из французов, но и из китайцев и, конечно, из русских белогвардейцев.

В то же время концессия считалась более либеральной частью города. Здесь часто происходили встречи различных политических деятелей, укрывались те, кого преследовали китайские власти или администрация Международного сэттльмента.

Так, в июне 1922 г., после контрреволюционного восстания генерала Чэнь Цзюнь-мина в Гуанчжоу, свергнувшего революционное Южное правительство, Сунь Ят-сену пришлось бежать из города и обосноваться на Французской концессии в Шанхае. Здесь же состоялись первые встречи Сунь Ят-сена с представителем Советского правительства А. А. Иоффе, в результате чего 27 января 1923 г. было опубликовано коммюнике, выразившее дружественные чувства революционного Юга Китая по отношению к Советскому Союзу и желание с ним сотрудничать. Наконец, и в момент нашего пребывания в Шанхае на Французской концессии пришлось отсиживаться уполномоченному Нефтесиндиката СССР З. Н. Доссеру, которого необоснованно преследовали англичане⁵.

Французские местные власти старались поддерживать «либеральную» репутацию концессии и, видимо, надеясь таким путем как-то «самортизировать» в отношении Франции антиимпериалистический гнев китайского народа.

⁵ 30 июня 1925 г. Зиновий Николаевич Доссер был арестован английскими властями в Гонконге, где он находился по торговым делам, и препровожден в Шанхай для придания суду Международного сэттльмента. Советское правительство обратилось к правительству Китая с просьбой вмешаться, пояснив, что оно не признает за Англией и другими государствами право осуществлять судебные преследования на китайской территории. 24 сентября 1925 г. МИД Китая уведомил НКВД СССР о том, что китайские власти проверили предъявленные З. Н. Доссеру обвинения и считают их необоснованными и что в связи с этим «дело о г-не Доссере было прекращено». Во избежание новых провокаций со стороны властей Международного сэттльмента З. Н. Доссер проживал на территории Французской концессии.

Что касается жизни шанхайцев, то ее можно было наблюдать на небольших улицах, заселенных сплошь китайцами, вблизи Чапея (Чжабэя) или в китайской части города. Улицы эти всегда были запружены народом и по внешнему виду мало чем отличались от тех, что видел наш выдающийся соотечественник И. А. Гончаров в 1853 г. и описал в своей известной книге «Фрегат Паллада».

Однако Шанхай в середине 20-х гг. выделялся среди всех других китайских городов не только многочисленной иностранной колонией, он являлся главным китайским промышленным центром страны, колыбелью китайской революции. Достаточно было прокатиться на катере по реке Вампу и взглянуть на оба берега или прогуляться по Яншупу-род, посетить район Путун и другие рабочие окраины, чтобы убедиться, что вы находитесь в крупном промышленном пролетарском центре. При всем обилии мелких мастерских кустарного типа, оснащенных простейшим инструментарием, в которых была занята большая часть рабочего люда Шанхая, определяющее влияние на всю экономическую и политическую жизнь города все же оказывала современная фабричная промышленность и порожденный ею рабочий класс. Бурное торгово-промышленное развитие Шанхая в середине 20-х гг. происходило главным образом за счет возрастающей фабрично-заводской современной промышленности. В 1925 г. в Шанхае насчитывалось уже 316 современных фабрик (в то время как в 1920 г. их было всего 192), что составило около 30% от всех такого рода машинных фабрик в Китае.

Как и во всех колониях и полуколониях, становление промышленности в Шанхае определялось интересами иностранных монополий, а они направляли свои капиталы в те отрасли, которые приносили наибольшие прибыли и в то же время полностью зависели от ввоза иностранных машин и оборудования. В Шанхае по этим соображениям развивалась только легкая, преимущественно текстильная промышленность. На долю легкой промышленности в 1925—1926 гг. приходилось около 90% всего объема продукции фабрично-заводской промышленности города. Особенно высока роль Шанхая в текстильной промышленности Китая (в 1925 г. — 36,8% по количеству веретен, не свыше 40% по стоимости продукции текстильной промышленности страны).

В текстильной фабричной промышленности ведущее место принадлежало Японии. Из других отраслей промышленности можно отметить быстро прогрессирующую в те годы табачную промышленность, основные фабрики которой принадлежали американским компаниям.

В жизни шанхайского порта важную роль играли судостроительная и судоремонтная промышленность, возникшая еще на заре промышленного развития Шанхая. Англичане до получения договорных прав на строительство предприятий в 1853 г. создали судоремонтную компанию «Пудун док компани». После чего начались довольно быстро строиться доки, судоремонтные заводы («Компания шанхайских доков» — 1858 г.; «Компания Э. Хаукинс», создавшая в 1860 г. судостроительный завод, и др.).

В 1925 г. в Шанхае уже находилось 10 судостроительных компаний, располагающих заводами, доками, среди которых были и такие крупные, как: «Шанхай док энд инженеринг компани» (Великобритания), «Нью инженеринг энд Шипбилдинг компани» (Великобритания); «Истерн инженеринг энд Шипбилдинг воркс» (японо-китайская), «Цзяннань док энд инженеринг воркс» (китайская) и др.

Все эти заводы и доки, расположенные вдоль берегов реки, в сочетании с бурной транспортной деятельностью, бесконечными погрузочно-разгрузочными работами морских судов, численность которых достигала больше тысячи единиц, делали порт центром всей деловой активности города, наибольшим сосредоточением рабочего люда.

На причалах, у складов можно было видеть и сотни незанятых людей, либо сменщиков, либо не имевших работы. Избыток рабочих рук порождал острую конкуренцию, и часто можно было наблюдать ожесточенные схватки между провинциальными землячествами грузчиков. Рассказывали, что особенно враждебно шанхайские грузчики встречали своих конкурентов из провинции Шаньдун. Обычно шаньдунцы рослые, физически более сильные, а потому владельцы нанимали их охотнее, чем низкорослых и худощавых шанхайцев, не считаясь с существующей очередностью, что и порождало конфликты. В один из июньских дней, направляясь на нефтяную базу советского «Нефте-

сндиката», мы стали свидетелями кровавого побоища около английского судна, бывшего с австралийской пшеницей. Драка, по свидетельству очевидцев, продолжалась уже несколько часов.

В шанхайском порту, больше чем в какой-либо другой части города, обнажались язвы колониального господства — хорошо организованная охрана богатств колонналистов и бесправие китайского народа.

Советские организации в Шанхае

Помимо генерального консульства в Шанхае, в 1926 г. были следующие советские организации:

Отделение торгпредства, которое возглавлял Вигрант. Он выглядел представительным и способным руководителем, но, видимо, не имел достаточного коммерческого опыта. Коммерческим директором отделения был Брук, из числа местных советских граждан. Это был, несомненно, лишь «попутчик советской власти». Такое же впечатление производил и его помощник, торговый агент Брунер.

Истинным «советским торговцем» был представитель владивостокской конторы «Дальгосторг» В. М. Игнатенко. Старый партиец, в прошлом моряк, крепкого телосложения, высокого роста, жизнерадостный, остроумный и душевный товарищ. С В. М. Игнатенко — этим замечательным человеком, мне посчастливилось познакомиться более близко позднее (в 1928—1930 гг.), по совместной работе в «Дальгосторге» во Владивостоке.

Контора «Центросоюза». Всесоюзное кооперативное общество «Центросоюз» вышло на международную арену в 1921 г., когда Советский Союз еще не имел правительственных торговых представительств и советскую сторону представляло это кооперативное общество. Главная контора «Центросоюза» была учреждена в Лондоне на основе английского законодательства, и его шанхайское отделение формально было филиалом главной конторы. Это обстоятельство обязывало муниципальную администрацию относиться к отделению «Центросоюза» снисходительнее, чем к другим советским организациям. Отделение «Центросоюза» возглавлял Левин, весьма опытный, деловой руководитель.

При «Центросоюзе» находилось представительство советского «Чаеуправления», возглавляемое Зеленовым. Английский статус позволял шанхайской конторе «Центросоюза» проводить широкие коммерческие организации в глубинных провинциях Китая, куда представители торгпредства доступа не имели.

Тов. Зеленев и его сотрудники-специалисты по чаю часто выезжали в Ханькоу — старый центр чайной торговли России⁶, где и производились крупные закупки чая.

Контора «Нефтесиндиката». Во главе этой конторы, как я уже упоминал, стоял З. Н. Доссер — человек широкого политического диапазона, умный, обаятельный, деловой. Поседевшая голова и небольшая бородка, высокая стройная фигура придавали З. Н. Доссеру весьма представительный, уважаемый вид. Контора «Нефтесиндиката» в 1926 г. выполняла сложные и значительные по масштабам торговые операции, производила расфасовку доставляемых на судах советских нефтепродуктов в мелкую тару — бидоны, бочки, которые затем на небольших китайских судах переправлялись на юг Китая для нужд Национально-революционной армии.

Для этой цели в порту «Нефтесиндикат» располагал арендованными нефтехранилищами и в мелких жестяных мастерских производил заготовку бидонов и бочек. В работе аппарату «Нефтесиндиката» помогали коммунисты, профсоюзные деятели, прогрессивно настроенные китайцы.

⁶ В 1863 г. русская торговая фирма «С. В. Литвинов и К°» создала в районе Ханькоу несколько чайных фабрик. Позднее чайные фабрики в Ханькоу открыли русские фирмы: «Токмаков, Молотков и К°», «Токмаков, Шевелев и К°» и др.

Трудность З. Н. Доссера, как уполномоченного «Нефтесиндиката», состояла в том, что он вынужден был (по причинам безопасности) находиться на территории французской концессии. Связь З. Н. Доссера с советским консульством и с удаленным от конторы портом поддерживалась специальными связанными-китайцами, работавшими в нашем консульстве, часть из которых были коммунисты, а также женой Доссера — умной, обаятельной женщиной.

«Дальбанк». Подобно отделению «Центросоюза», шанхайский «Дальбанк» был филиалом советского «Моснарбанка», учрежденного в Лондоне на основе английского законодательства. «Дальбанк» финансировал и вел расчеты преимущественно по торговым операциям советских организаций, однако его большая популярность, как одного из солидных и стабильных банков Шанхая, позволяла ему привлекать вклады китайского купечества и вести расчеты по некоторым торговым операциям между Шанхаем и Лондоном. Во главе «Дальбанка» стоял тов. Курс. Он же был руководителем общественных организаций советских учреждений.

Тов. Курс часто выступал с докладами на собраниях сотрудников советских организаций по различным политическим и экономическим вопросам, в том числе по экономическим проблемам Китая. Он был опытный банковский работник. Позднее стал одним из руководителей Госбанка СССР. (В Шанхае были также представители «Совторгфлота», «КВЖД», «Текстильторга».)

Агентство ТАСС. Представителем его был Барский. Он, насколько я припоминаю, не имел Китаеведческой подготовки, но был хорошим организатором и привлекал к переводам видных китайских писателей, журналистов, в том числе и советских студентов-китаистов.

Переводы и реферирование китайской прессы производилось в большом зале консульства. Здесь за грудой китайских и английских газет я впервые встретил студента третьего курса Московского института востоковедения Илью Михайловича Ошанина, ныне виднейшего советского Китаевода, автора и редактора «Китайско-русского словаря», выдержавшего несколько изданий.

В то время нас, начинающих китаистов, Илья Михайлович покорял тем, как блестяще он владел вэньянем (древним литературным языком), знание которого служило признаком большой учености. Илья Михайлович уже тогда был высококвалифицированным китаистом, главным драгоманом генконсульства, где мне часто доводилось видеть его за работой, облаченного в темно-голубой китайский халат с изображением «драконов, играющих с солнцем».

Вполне закономерно, что, преумножив свои Китаеведческие знания, в последующие годы он выдвинулся в число виднейших синологов Советского Союза, став широкоизвестным и за рубежом.

Китаеведческая его биография того периода отнюдь не исчерпывалась работой в качестве драгомана в Шанхае. Советские советники-добровольцы вспоминают об Илье Михайловиче как об их помощнике в войсках Фын Юй-сяна ⁷.

Знакомство с Цзян Гуан-цы. Шанхайский университет

23 апреля, как было условлено, я и Шишкин вместе с Кузнецовым вошли в кабинет Вильде. Он встретил нас дружелюбно. Расспросив, как прошло знакомство с городом, С. Л. Вильде порекомендовал мне встретиться с Барским, который познакомит меня с китайским коммунистом, преподавателем Шанхайского университета Цзян Гуан-цы. Вильде пояснил, что я должен помогать Цзян Гуан-цы в качестве его ассистента в преподавании политических дисциплин и советской литературы. Ваню Шишкина определили

⁷ См.: На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев, 1925—1945 гг. М., 1974.

работать у Доссера. Наша судьба на ближайшие месяцы была решена. Вернувшись в свой кабинет, Кузнецов тут же позвонил Доссеру и пригласил Барского, находившегося в консульстве. Знакомство с Барским было коротким. Этот лысоватый, тучный, но подвижный человек средних лет и среднего роста был, оказывается, рад каждому новому китансту, так как работы у него было «невпроворот». Узнав, что я с Цзян Гуан-цы буду сотрудничать в университете, он настоятельно просил помочь Цзян Гуан-цы и в ТАСС, где тот работал референтом-переводчиком.

В тот же день состоялось мое знакомство и с Цзян Гуан-цы. Он был среднего роста, худощавый, что типично для шанхайцев, в больших роговых очках, длинном светло-сером китайском халате и в матерчатых, легких туфлях. Встретил он меня восторженно, как старого знакомого или даже друга. Я не ожидал, что Цзян Гуан-цы довольно хорошо говорит по-русски. Началось взаимное знакомство. Я подробно рассказал о себе, о наставлении Вильде, о своем желании помочь китайским тозарищам «всем чем могу». Поинтересовался, откуда у него «такое хорошее знание русского языка». Цзян Гуан-цы постарался также подробно рассказать о себе: уроженец провинции Аньхой, родился в 1901 г. в семье мелкого торговца. Принимал активное участие в студенческом движении в 1920 г., вступил в Социалистический союз молодежи, в 1921—1922 гг. учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Он восторженно отзывался о Советском Союзе, о советских товарищах: «Для нас Советский Союз — школа коммунизма, наше будущее» — и вспоминал о своем выступлении на съезде народов Дальнего Востока, состоявшемся в январе 1922 г. в Москве. Сожалел только, что ему недолго пришлось оставаться в Советском Союзе, так как дела китайской революции обязывают его быть здесь, в Китае, но он мечтает вновь побывать в Москве и на советском Дальнем Востоке⁸.

Затем Цзян Гуан-цы ввел меня в курс его университетских дел. Работал он на историко-литературном факультете Шанхайского университета, который размещался не в главном здании университета, находившегося на границе с Международным селтль-ментом, а в центре Чапей. Он доверительно пояснил мне, что, по существу, этот факультет превращен в политическую школу КПК, куда отбираются лишь студенты, активно принимавшие участие в революционном движении. Поскольку факультет находится на полуполюгальном положении, то принадлежность преподавателей к КПК держится в секрете и видные коммунистические деятели посещают факультет тайно. «И вам,— сказал Цзян Гуан-цы,— нужно принять меры предосторожности при следовании в Чапей».

«В Чапее же,— продолжал он,— почти безопасно, там много наших людей». Цзян Гуан-цы говорил, что помощь советских товарищей крайне необходима, так как на факультете нет марксистской литературы, нет книг о Советском Союзе, о Коминтерне, и лекции поэтому ему приходится составлять, опираясь на «московский опыт» и на беседы с советскими товарищами в агентстве ТАСС. Это и заставило его просить направить на факультет советского преподавателя либо дать ему помощника-ассистента.

Цзян Гуан-цы пояснил, что первоначально, считая себя литератором, он читал лекции по советской литературе, а затем ему предложили вести политический курс, в основном по историческому материализму. Моих знаний советского студента, убеждал меня Цзян Гуан-цы, вполне достаточно, тем более что требуется не чтение лекций, а консультации. Я понимал, что выбора у него нет, я же могу быть хоть каким-то помощником. Условились, что завтра совершим совместное путешествие в Чапей, а с 25 апреля я буду самостоятельно добираться тем путем, который укажут китайские товарищи. Безопаснее всего, по мнению Цзян Гуан-цы, из консульства направляться в плавательный бассейн Ханькю-парка (Хуикюу), где много молодых европейцев, часть из которых посещает и китайскую часть города. Так и условились. На следующий день, завершив работу в агентстве ТАСС (перевод основных статей и сообщений китайских газет),

⁸ Позднее я узнал, что Цзян Гуан-цы в 1927—1928 гг. учился в Москве в Университете им. Сунь Ят-сена.

Трудность З. Н. Доссера, как уполномоченного «Нефтесиндиката», состояла в том, что он вынужден был (по причинам безопасности) находиться на территории французской концессии. Связь З. Н. Доссера с советским консульством и с удаленным от конторы портом поддерживалась специальными связными-китайцами, работавшими в нашем консульстве, часть из которых были коммунисты, а также женой Доссера — умной, обаятельной женщиной.

«Дальбанк». Подобно отделению «Центросоюза», шанхайский «Дальбанк» был филиалом советского «Моснарбанка», учрежденного в Лондоне на основе английского законодательства. «Дальбанк» финансировал и вел расчеты преимущественно по торговым операциям советских организаций, однако его большая популярность, как одного из солидных и стабильных банков Шанхая, позволяла ему привлекать вклады китайского купечества и вести расчеты по некоторым торговым операциям между Шанхаем и Лондоном. Во главе «Дальбанка» стоял тов. Курс. Он же был руководителем общественных организаций советских учреждений.

Тов. Курс часто выступал с докладами на собраниях сотрудников советских организаций по различным политическим и экономическим вопросам, в том числе по экономическим проблемам Китая. Он был опытный банковский работник. Позднее стал одним из руководителей Госбанка СССР. (В Шанхае были также представители «Совторгфлота», «КВЖД», «Текстильторга».)

Агентство ТАСС. Представителем его был Барский. Он, насколько я припоминаю, не имел китаеведческой подготовки, но был хорошим организатором и привлекал к переводам видных китайских писателей, журналистов, в том числе и советских студентов-китаистов.

Переводы и реферирование китайской прессы производилось в большом зале консульства. Здесь за грудой китайских и английских газет я впервые встретил студента третьего курса Московского института востоковедения Илью Михайловича Ошанина, ныне виднейшего советского китаевода, автора и редактора «Китайско-русского словаря», выдержавшего несколько изданий.

В то время нас, начинающих китаистов, Илья Михайлович покорял тем, как блестяще он владел вэньянем (древним литературным языком), знание которого служило признаком большой учености. Илья Михайлович уже тогда был высококвалифицированным китаистом, главным драгоманом генконсульства, где мне часто доводилось видеть его за работой, облаченного в темно-голубой китайский халат с изображением «драконов, играющих с солнцем».

Вполне закономерно, что, преумножив свои китаеведческие знания, в последующие годы он выдвинулся в число виднейших синологов Советского Союза, став широкоизвестным и за рубежом.

Китаеведческая его биография того периода отнюдь не исчерпывалась работой в качестве драгомана в Шанхае. Советские советники-добровольцы вспоминают об Илье Михайловиче как об их помощнике в войсках Фын Юй-сяна⁷.

Знакомство с Цзян Гуан-цы. Шанхайский университет

23 апреля, как было условлено, я и Шишкин вместе с Кузнецовым вошли в кабинет Вильде. Он встретил нас дружелюбно. Расспросив, как прошло знакомство с городом, С. Л. Вильде порекомендовал мне встретиться с Барским, который познакомит меня с китайским коммунистом, преподавателем Шанхайского университета Цзян Гуан-цы. Вильде пояснил, что я должен помогать Цзян Гуан-цы в качестве его ассистента в преподавании политических дисциплин и советской литературы. Ваню Шишкина определили

⁷ См.: На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев, 1925—1945 гг. М., 1974.

работать у Доссера. Наша судьба на ближайшие месяцы была решена. Вернувшись в свой кабинет, Кузнецов тут же позвонил Доссеру и пригласил Барского, находившегося в консульстве. Знакомство с Барским было коротким. Этот лысоватый, тучный, но подвижный человек средних лет и среднего роста был, оказывается, рад каждому новому китаисту, так как работы у него было «невпроворот». Узнав, что я с Цзян Гуан-цы буду сотрудничать в университете, он настоятельно просил помогать Цзян Гуан-цы и в ТАСС, где тот работал референтом-переводчиком.

В тот же день состоялось мое знакомство и с Цзян Гуан-цы. Он был среднего роста, худощавый, что типично для шанхайцев, в больших роговых очках, длинном светло-сером китайском халате и в матерчатых, легких туфлях. Встретил он меня восторженно, как старого знакомого или даже друга. Я не ожидал, что Цзян Гуан-цы довольно хорошо говорит по-русски. Началось взаимное знакомство. Я подробно рассказал о себе, о наставлении Вильде, о своем желании помочь китайским товарищам «всем чем могу». Поинтересовался, откуда у него «такое хорошее знание русского языка». Цзян Гуан-цы постарался также подробно рассказать о себе: уроженец провинции Аньхой, родился в 1901 г. в семье мелкого торговца. Принимал активное участие в студенческом движении в 1920 г., вступил в Социалистический союз молодежи, в 1921—1922 гг. учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Он восторженно отзывался о Советском Союзе, о советских товарищах: «Для нас Советский Союз — школа коммунизма, наше будущее» — и вспоминал о своем выступлении на съезде народов Дальнего Востока, состоявшемся в январе 1922 г. в Москве. Сожалел только, что ему недолго пришлось оставаться в Советском Союзе, так как дела китайской революции обязывают его быть здесь, в Китае, но он мечтает вновь побывать в Москве и на советском Дальнем Востоке⁸.

Затем Цзян Гуан-цы ввел меня в курс его университетских дел. Работал он на историко-литературном факультете Шанхайского университета, который размещался не в главном здании университета, находившегося на границе с Международным селтль-ментом, а в центре Чапая. Он доверительно пояснил мне, что, по существу, этот факультет превращен в политическую школу КПК, куда отбираются лишь студенты, активно принимавшие участие в революционном движении. Поскольку факультет находится на полуполюгальном положении, то принадлежность преподавателей к КПК держится в секрете и видные коммунистические деятели посещают факультет тайно. «И вам, — сказал Цзян Гуан-цы, — нужно принять меры предосторожности при следовании в Чапай».

«В Чапее же, — продолжал он, — почти безопасно, там много наших людей». Цзян Гуан-цы говорил, что помощь советских товарищей крайне необходима, так как на факультете нет марксистской литературы, нет книг о Советском Союзе, о Коминтерне, и лекции поэтому ему приходится составлять, опираясь на «московский опыт» и на беседы с советскими товарищами в агентстве ТАСС. Это и заставило его просить направить на факультет советского преподавателя либо дать ему помощника-ассистента.

Цзян Гуан-цы пояснил, что первоначально, считая себя литератором, он читал лекции по советской литературе, а затем ему предложили вести политический курс, в основном по историческому материализму. Моем знанием советского студента, убеждал меня Цзян Гуан-цы, вполне достаточно, тем более что требуется не чтение лекций, а консультации. Я понимал, что выбора у него нет, я же могу быть хоть каким-то помощником. Условились, что завтра совершим совместное путешествие в Чапай, а с 25 апреля я буду самостоятельно добираться тем путем, который укажут китайские товарищи. Безопаснее всего, по мнению Цзян Гуан-цы, из консульства направляться в плавательный бассейн Ханькю-парка (Хункоу), где много молодых европейцев, часть из которых посещает и китайскую часть города. Так и условились. На следующий день, завершив работу в агентстве ТАСС (перевод основных статей и сообщений китайских газет),

⁸ Позднее я узнал, что Цзян Гуан-цы в 1927—1928 гг. учился в Москве в Университете им. Сунь Ят-сена.

мы автобусом добрались до Ханькю-парка. Погуляв с полчаса в этом чудесном уголке, мы, никем не замеченные, покинули его и пешком, затратив примерно полчаса, благополучно добрались до факультета.

Прежде всего Цзян Гуан-цы провел меня к декану факультета Куну (или Кану). Было установлено, что я буду приходить три раза в неделю: в понедельник, среду и субботу к 10 час. утра и находиться здесь до вечера, когда обычно расходятся студенты и преподаватели. Для встречи меня на границе Чапея решили выделить трех студентов, которые будут поочередно меня ожидать. Одного из них, помню, звали Лю.

Возвращаясь из университета, мы благополучно добрались до района Ханькю-парка и далее автобусом до Банда. Цзян Гуан-цы не пошел провожать меня и посоветовал подыскать частную квартиру, так как в консульстве жить не следует, будет больше «хвостов». На другой день мы с Ваней Шншкшным сняли комнату в доме на улице Реджент-стрит, 12.

В день начала моей работы на факультете состоялся первый эксперимент моей самостоятельной поездки к границе Чапея. Я выбрал вчерашний маршрут, и вышло по-задуманному. В условленном месте встретил меня улыбающийся мой новый друг. Неожиданная трудность возникла с китайским языком. Лю, хотя и старался говорить со мной на пекинском диалекте, но у него был такой сильный шанхайский акцент, что я совершенно не понимал его. На факультете меня ожидал Цзян Гуан-цы. Мы зашли в комнату администрации, и он пояснил, что первая моя встреча со студентами и «начало моей работы» будет состоять в том, что я должен на русском языке рассказать о Восточном факультете ГДУ, об учебных курсах, студенческих организациях, собраниях и т. д.

Цзян Гуан-цы пояснил, что говорить мне следует только по-русски, так как студенты изучают русский язык и многие из них не слышали настоящей русской речи. К нашему приходу студенты, видимо, были подготовлены: не успели мы войти в аудиторию, как все бросились нам навстречу, меня подхватили на руки и начали «качать до потолка», выкрикивая лозунги в честь Советского Союза, советских студентов, мировой революции. Появились студенты из других групп, преподаватели. Встреча, можно сказать без преувеличения, превратилась в летучий митинг советско-китайской дружбы. Никогда не забуду восторженных лиц этих студентов, их искреннее желание пожать руку, выразить любовь и уважение советскому человеку!

До начала мая мне пришлось принять участие в двух занятиях. На первом — лекция Цзян Гуан-цы была посвящена основам исторического материализма. В своей лекции он ссылаясь на работы Энгельса, Ленина, Дарвина. Я рассказывал об исследованиях нашего востоковеда К. А. Харнского, посвященных истории Китая и Японии и написанных с позиций научного материализма, называл книги, рекомендуемые у нас в университете по этому вопросу.

Второе занятие было посвящено советской литературе. Здесь Цзян Гуан-цы, сам поэт, что называется, был «на коне»⁹. Он знал многих советских поэтов и писателей, называл наиболее известных: М. Горького, А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, А. Луначарского и других.

29 апреля мне объявили, чтобы 30 апреля и 1 мая я на факультет не приходил. Здесь будут проходить митинги, на которые непременно проникнут «предатели», а потому присутствовать мне не стоит.

⁹ К тому времени Цзян Гуан-цы был уже автором сборника «Новые мечты» (1925), где опубликовал стихи, навеянные его поездкой в Советскую Россию и посвященные В. И. Ленину, Октябрьской революции, Москве. Позднее он выпустил ряд книг стихов и прозы, в которых неизменно воспевал Страну Советов, особо выделяя ленинскую тему. Его стихотворения «У великой могилы» и «Плачу по Ленину» пользовались большим успехом в Китае. В конце 20-х гг. Цзян Гуан-цы являлся руководителем революционной организации литераторов-единомышленников «Солнце», выступавшей глашатаем нового искусства эпохи, искусства пролетариата. Умер Цзян Гуан-цы в 1931 г. Его произведения не раз переводились на русский язык. См. о нем в кн.: Л. Е. Черкасский. Новая китайская поэзия. (20—30 годы). М., 1972.

1 мая на территории Международного селтльмента никаких манифестаций не наблюдалось. Днем, кажется около 16 часов, генеральный консул устроил прием, среди приглашенных было несколько китайцев: издатель газеты «Новая шанхайская жизнь» г-н Вонг, китайцы — сотрудники «Дальбанка», Цзян Гуан-цы, а также неизвестные мне лица, среди которых, как я узнал 33 года спустя, была Ян Чжи-хуа, жена Цюй Цю-бо¹⁰.

С 3 мая я возобновил регулярные посещения факультета Шанхайского университета. Обязанности мои с каждым занятием возрастали. Нам с Цзян Гуан-цы приходилось заранее готовить лекции, разработки для семинаров.

Демонстрация 30 мая

Наиболее запомнилась мне из жизни в Шанхае демонстрация студентов, посвященная событиям «30 мая» 1925 г. Подготовка к ней началась за несколько дней. Студенты усиленно приглашали меня принять участие в их шествии, которое направится из Чапея к Нанкин-род. Я понимал, что участие в демонстрации может повлечь за собой нежелательные последствия. Но мне очень хотелось своими глазами увидеть возбужденную, революционную массу людей, демонстрацию революционной силы. Порешили на том, что я встречу демонстрацию студентов в 11 час. утра на углу улицы, пересекающей Нанкин-род у здания Микст-корт. Условились, что я приду со своим другом Ваней Шишкиным и нас встретит студент Чан, который вполне соответствовал своей фамилии (иероглиф «чан» — длинный) — он был высокого роста.

30 мая в 10 час. 30 мин. мы вышли на Нанкин-род и не спеша направились к условленному месту. К нашему удивлению, на Нанкин-род мы не заметили никаких признаков предстоящей демонстрации. На улице народа было не более, чем в обычные дни. Правда, на перекрестках встречались усиленные патрули полиции, а в переулках стояли полицейские и пожарные машины. У Микст-корт мы оказались в 10 час. 50 мин., но и тут никого не встретили. В 11 час. неожиданно для полиции из многочисленных улочек и переулков, вливающихся в Нанкин-род, на проспект устремились сотни студентов, горожан. Они выстраивались в колонны, поднимали плакаты с антиимпериалистическими, антианглийскими и антияпонскими надписями. Приближались большие группы студентов с соседних улиц, и Нанкин-род до отказа оказался запружен людьми. Кое-где полицейские старались преградить путь демонстрантам, но их было немного и их моментально оттеснили к зданиям. Мы также оказались в самой гуще демонстрантов. Нашего провожатого Чана рядом не было, а между тем возбуждение демонстрантов нарастало.

Видимо не имея приказа стрелять, полиция в восточной части Нанкин-род привела в действие пожарные машины — на демонстрантов обрушились потоки воды. Затем появились полицейские машины, двигавшиеся с Банда по Нанкин-род, явно угрожая своими колесами. Решимость демонстрантов нарастала, первые ряды, встав стеной, преградили путь автомашинам, заставили отступить и пожарные машины. Студенты оказались хозяевами улицы. В нескольких местах Нанкин-род начались летучие митинги. Ораторов поднимали на руках, и они произносили зажигательные речи, слышались призывы к изгнанию империалистов из Китая и т. п.

В создавшейся обстановке нас вполне могли принять за «империалистов», и тогда гнев студентов легко бы обрушился и на нас. Так оно и случилось. Студенты прижали нас к стене, выкрикивали в наш адрес ругательства, явно угрожая нам. Стояв-

¹⁰ Весной 1959 г., будучи в Пекине, я встретился с вдовой Цюй Цю-бо — Ян Чжи-хуа, которая в это время ведала женским отделом Всекитайской федерации профсоюзов. Она рассказала, что вместе с мужем 1 мая 1926 г. была в советском консульстве и видела меня — советского студента с тов. Цзян Гуан-цы. Группа китайских коммунистов, друзей Цзян Гуан-цы, издала в 1957 г. избранные произведения Цзян Гуан-цы в одном томе с портретом. В память о нашей встрече Ян Чжи-хуа подарила мне эту книгу.

шим поблизости мы пытались объяснить, и по-китайски и по-английски, что мы не англичане, а советские студенты, и в доказательство показывали свои «краснокожие паспортны». Те, что находились вблизи от нас, опешили, с недоумением спрашивали, как мы здесь оказались. Стоявшие же поодаль и не слышавшие наших объяснений, продолжали выкрикивать антиимпериалистическую «брань» по нашему адресу. В этот напряженный момент, я увидел пробивающегося к нам Чана, он что-то на ходу объяснял студентам. И уже совсем близко от нас громко прокричал: «Это наши друзья, советские студенты». Толпа расступилась, его пропустили. Чан взял мой паспорт и высоко поднял над головой. Затем он меня «публично» обнял. Трудно словами передать, что было после этого. Гнев сменился радостью, восторженностью. Нас подняли на руках, чтобы показать ближайшим коллегам, качали, скандировали лозунги в честь Советского Союза, благодарили за помощь советский народ и т. д.

Опасаясь, как бы радость демонстрантов не обернулась для нас гневом полицейских, мы убедили студентов помочь нам выбраться на Французскую концессию. Провожать нас пошел Чан и еще один студент, который имел какое-то отношение к руководству демонстрацией.

Домой мы добрались часов около трех. Всех подробностей решили в консульстве не рассказывать, боялись «взбучки» за самостоятельность. Однако Барский, узнав о том, что мы были свидетелями демонстрации, проявил к этому большой журналистский интерес, стараясь выведать у нас подробности того, что нам довелось наблюдать на Нанкин-род.

Сяньшэн — полицейский агент

Наше присутствие на демонстрации, видимо, не осталось незамеченным полицией. Вскоре мы в этом убедились. Три раза в неделю я по два часа занимался китайским языком с весьма симпатичным сяньшэном — учителем Чжаном. Его рекомендовал мне кто-то из консульских работников.

Это был опытный методист, прекрасно знавший вэньянь, и заниматься с ним было очень приятно.

Но вот однажды, в начале июня, Чжан не пришел на очередное занятие, а на следующий день явился с опозданием и привел с собой замену, нового сяньшэна. Чжан объяснил, что ему неожиданно надо уехать из Шанхая и вместо себя он рекомендует г-на Ху. По всему было видно, что Чжан с большой неохотой прерывает занятия. Он тут же ушел, оставив меня наедине с г-ном Ху. Новый сяньшэн был небольшого роста, вертлявый, заносчиво улыбающийся, в роговых очках с большой диоптрией и в грязном чесучовом костюме.

Начал он с того, что понизил плату за обучение. Сказав, что, мол, понимает положение студентов, а потому готов за то же количество часов получать всего 10 кит. долл. в месяц. Ху подходил мне еще и тем, что прилично знал английский и готов был попутно быть репетитором и в английском языке.

Вскоре, однако, стало ясно, что мой сяньшэн — обыкновенный полицейский агент. Нужно было от сяньшэна избавляться.

Переезд на Гунпинлу, знакомство с Ляо

Нельзя было больше оставаться и на Реджент-стрит — у нас имелись основания подозревать и нашу хозяйку. К этому времени Ваня Шишкин, закончив свою работу на нефтебазе, уезжал в Пекин. Мне предложили поселиться в квартире местного советского гражданина, сотрудника «Совторгфлота» Галиновского. Жил он тогда на Гунпинлу, в отдаленной от центра восточной части города. Эта небольшая улочка выходила на главную магистраль Яншупу-род.

Галиновский, типичный русский интеллигент (возможно польского происхождения), выехал из России еще до первой мировой войны и революцию встретил в Маньчжурии, работая в экономическом отделе «КВЖД». Он постоянно сотрудничал с владивостокской газетой «Красное знамя», направлял туда статьи по различным актуальным проблемам Китая и считал себя корреспондентом этой газеты.

Переезд мой состоялся в конце июля. Тем временем на факультете объявили каникулы до 1 сентября и меня определили на работу в отделении торгпредства в качестве младшего экономиста.

Маленькая комната в четырехкомнатной квартире Галиновского меня вполне устраивала. Во-первых, она обходилась дешевле, особенно из-за того, что сдавалась «без трехразового питания», и во-вторых, я почувствовал себя действительно в дружеской обстановке. Работая в одном консульском здании, мы вместе отправлялись туда, а вечером возвращались на трамвае по Яншупу-род.

Как-то Галиновский сказал, что хочет познакомить меня с очень интересным китайским товарищем, бравшим уроки русского языка в семье Галиновских. «Этот молодой человек,— сказал Галиновский,— обнаруживает исключительные способности и к языку и вообще к знаниям. Фамилия его Ляо».

Знакомство с Ляо состоялось на следующий день, вечером. Было это в начале августа. Ляо приветствовал меня на русском языке, я ответил ему китайским приветствием. Передо мной стоял молодой человек, почти моего возраста (Ляо родился в 1905 г.), с весьма выразительным, умным и энергичным лицом. Широкий разрез карих глаз, красивый нос с горбинкой, тонкие черты лица, при небольшом росте и худощавом телосложении заметно отличали его от китайцев северных провинций. Он пристально рассматривал меня, желая, видимо, оценить не только мою внешность, но и внутреннюю, так сказать, сущность.

Крепко пожалав мне руку и этим как бы выразив дружественное расположение ко мне, Ляо сказал: «Будем друзьями. Я знаю, вы коммунист». И начал расспрашивать, что меня интересует в Шанхае, в Китае, понравился ли город, китайцы, их жизнь. Я еще не знал, кто находится передо мной и насколько могу быть откровенным, но одно было несомненно — это был один из тех китайцев, которые поднялись на борьбу за национальную независимость своей страны и социальную свободу народа и которых мы, советские студенты, именно такими и представляли себе. Я понял, что мне не надо задумываться над ответом. Искренне изложил я ему свои впечатления, чувства и намерения. С первых же слов завязался задушевный, дружеский разговор. Мы условились, что будем говорить и по-русски и по-китайски, чтобы была языковая практика для обоих. Ляо пояснил, что не каждый вечер после занятий у Галиновских располагает временем, но в свободные вечера был бы очень рад проводить время со мной, бродить по улицам Шанхая или просто беседовать здесь, у Галиновских. «Можно также меня найти,— сказал Ляо,— и в книжном магазине издательства «Шанхай иньшугуан»».

На второй или третий день я встретил в здании консульства Цзянь Гуан-цы. Рассказал ему о своем новом знакомом Ляо, работающем, как я думал, в издательстве «Шанхай иньшугуан». Цзянь Гуан-цы, не задумываясь, ответил, что хорошо знает этого товарища. «Ляо,— сказал Цзянь Гуан-цы,— не только работает в издательстве, но он еще и руководитель рабочих-печатников, активно участвует в революционной борьбе. Это молодой, но очень способный пролетарский революционер». Я был в восторге от такой аттестации. Именно эти слова я и хотел услышать о своем новом друге. Важно было и то, что отзыв о Ляо дал такой высокоавторитетный для меня китайский коммунист.

С этого времени у меня с Ляо начались частые встречи. Ляо просил меня как можно подробнее рассказывать о гражданской войне в СССР, об империалистической интервенции, особенно японской, слухи о которой доходили и до Китая, о современной жизни советских людей. Как-то он рассказал, что русский язык необходим для революционера, поэтому он и изучает его и надеется в конце концов побывать в Советском Союзе, где сможет продолжить учебу.

Свое активное вступление в революционную борьбу Ляо связывал с событиями «30 мая» 1925 г. Как он вспоминал, союз рабочих-печатников, особенно издательства «Шанхай иньшугуан», сыграл весьма существенную роль в событиях «30 мая». Он объяснял это не только высокой сознательностью печатников, но и тем, что издательство его предприятия и основные магазины «Шанхай иньшугуан» находились в центре Международного селтльмента, вблизи Нанкин-род, где и развернулись главные события «30 мая».

У меня сложилось твердое убеждение, что молодой коммунист Ляо, как выходец из рядов шанхайского пролетариата (печатников), хорошо понимал роль рабочего класса в революции и был горячим сторонником международной солидарности рабочего класса, дружбы с Советским Союзом. Ляо говорил, что он, по существу, уже стал профессиональным партийным работником и ему приходится заниматься не только рабочим союзом печатников, но и выполнять другие поручения, в частности среди рабочих табачных фабрик «Американской табачной компании».

Мне вспоминается в связи с этим следующий случай. Однажды, в августе, Ляо пришел, как обычно, к 18 час. к Галиновским, но заниматься не стал, а пригласил меня прогуляться по Яншупу-род, попросив обязательно одеть мой лучший, модный костюм (зеленоватый жакет шанжан и белые шерстяные брюки). На улице он признался, что пригласил меня не гулять, а оказать ему помощь пройти на американскую табачную фабрику, расположенную поблизости от Яншупу-род. Я поинтересовался, в чем будет заключаться моя помощь?

Ляо примерно следующим образом изложил свой план: мне надлежит изображать англичанина или американца, а он моего служащего — китайца. Расчет строился на том, что стоящий у ворот фабрики полицейский-индус, если мы смело пойдем мимо, не обращая на него внимания, не решится остановить нас. План удался. Мы благополучно прошли во двор фабрики. Ляо попросил меня на несколько минут задержаться, походить около фабричного здания и возвращаться домой, а он из фабрики выберется вместе с рабочими.

Вспоминается, как-то в конце августа мы прогуливались с Ляо по Банду. Перед нами громоздились монументальные здания банков, страховых и торгово-промышленных компаний — материализованных памятников могущества колониализма. Многие десятилетия они бережно охранялись поколениями воротил лондонского Сити, нью-йоркского Уолл-стрита, бирж Парижа, Берлина и Токио, и казалось, что власти их не будет конца. Но не такую перспективу рисовал мой друг Ляо. Каждому из зданий он готовил новую судьбу: «Вот здесь будет Банк трудового народа Китая, — говорил Ляо, — здесь мы обязательно устроим рабочий клуб, там будет заседать совет и т. д.». Это были мечты не праздного романтика, а твердая убежденность, непоколебимая вера в окончательную победу трудового китайского народа. Таков был Ляо.

Жизнь тех дней то и дело подкрепляла эту горячую убежденность моего друга многочисленными фактами. 1 июля 1926 г. Национальное правительство в Кантоне опубликовало Манифест о Северном походе против милитаристов, совершенного при участии и содействии нашего прославленного полководца К. В. Блюхера и военных советников. Национально-революционная армия превратилась в мощную военную силу, и под ее ударами войска милитариста У Пэй-фу откатились на север, к «китайской Волге» — Янцзы; в борьбу включались широкие массы трудового люда, подымалось китайское крестьянство, пролетариат Шанхая вооружался и готовился к решительной схватке. И нам казалось в те дни, что все готово для окончательной победы революции и мы скоро увидим социалистический Китай.

Редактор газеты «Новая шанхайская жизнь» привлекается к суду

В Шанхае на русском языке издавалась газета «Новая шанхайская жизнь», которая в лояльном духе освещала жизнь Советского Союза, давала правдивую информа-

цию о положении в Китае, но, как правило, ограничивалась лишь изложением фактического материала, без каких-либо обобщений или выводов.

Весной 1926 г. через советское генконсульство газета «Новая шанхайская жизнь» обратилась к владивостокской газете «Красное Знамя» рекомендовать на должность редактора опытного советского журналиста. Был рекомендован наш однокурсник с Восточного факультета (но не китайского, а японского отделения) — Игорь Ворончанин, уже опытный журналист. Будучи студентом, он одновременно сотрудничал в газете «Красное Знамя». Достоинством его было и то, что он довольно хорошо знал английский язык. Игорь прибыл в Шанхай в июне месяце, и с его приездом содержание «Новой шанхайской жизни» заметно улучшилось — стали появляться большие обзоры, статьи на научно-политические и экономические темы, более обстоятельно освещалась жизнь Советского Союза и начавшийся Северный поход.

30 августа в газете появилась статья «Позиция маршала Суня». В ней рассматривалась позиция Сунь Чуань-фана — милитариста, контролировавшего Шанхай и пять ближайших провинций: Цзянсу, Цзянси, Чжэцзян, Аньхой и Фуцзянь. В статье отмечалось, что, по сообщениям китайских газет, «маршал У Пэй-фу решил остаться на Севере для окончания операций против гоминьцзюновцев» (войска Фын Юй-сяна. — М. С.) и что руководство южным фронтом (т. е. против наступающей с юга Национально-революционной армии. — М. С.) поручено маршалу Суню».

Эта статья пришлась не по душе Сунь Чуань-фану и стоящим за его спиной английским хозяевам, которые пытались выдать Суня за «миротворца».

Еще большее раздражение у «хозяев» Шанхая вызвала статья под названием «День национального позора», опубликованная 7 сентября. Статья посвящалась 25-летию со дня подписания в 1901 г. унизительного для Китая «Боксерского протокола», возложившего империалистическими государствами — участниками подавления «Боксерского восстания» — тяжелое бремя на плечи китайского народа. В статье разоблачалась грабительская сущность этого акта, в результате которого Китай уже 25 лет истощает свои ресурсы непосильной выплатой контрибуций.

Власти Шанхая посчитали эти статьи «заговорщическими» и возбудили судебное дело против редактора газеты Игоря Ворончанина и владельца типографии м-ра Вонга. 15 сентября в связи с этим в газете «Новая шанхайская жизнь» было опубликовано извещение «Привлечение к суду редактора».

Вчера после полудня редактору нашей газеты была вручена повестка, вызывающая его в Микст-корт в качестве обвиняемого по ст. 221 КПУК и 21 — Специального полицейского закона об охране порядка.

Согласно этим статьям ему инкриминируется помещение перевода статьи 7-го сего сентября под заглавием «День национального позора».

Подобное же обвинение предъявлено также и владельцу типографии, печатающей нашу газету, м-ру Вонг.

Судебное разбирательство состоится 17 сентября».

С 14 сентября Игорь Ворончанин находился под домашним арестом. Однако секретарю генконсульства Кузнецову как официальному советскому представителю и мне как товарищу по университету разрешили посещать квартиру Игоря. Решили не отказываться и явиться на суд. Консульство вооружило Игоря всей необходимой адвокатской аргументацией, суть которой сводилась к тому, что никаких призывов к общественным беспорядкам, к восстанию, что инкриминируется редакции, в статье нет, и, следовательно, нет состава преступления.

17 сентября к 10 час. в здание Микст-корта под надзором полиции прибыли Игорь Ворончанин и м-р Вонг. Отдельно от них явились мы с тов. Бурдой.

Судей (китайцем) было объявлено, что слушание дела по обвинению, выдвинутому против редактора И. Ворончанина и владельца типографии м-ра Вонга, будет слушаться в присутствии специального представителя муниципалитета, который должен прибыть в суд к 12 час. дня.

Однако к этому сроку он не явился. Судья предложил нам подождать полчаса. Миновали и они, а тот, кого ждали все, не появлялся. Тогда судья объявил: дело

откладывается, о новом сроке судебного разбирательства обвиняемые будут оповещены особо. Возник вопрос, нужно ли Игорю дожидаться нового вызова в суд? В эти дни в шанхайском порту находилось самое крупное торговое судно Черноморского флота «Трансбалт», возвращающееся из Владивостока в Одессу. Игорь Ворончанин добрался до «Трансбалта» и вскоре отправился в длительное путешествие в Одессу. Его путешествие до Одессы проходило с остановками в Сингапуре, индийских и других портах, контролируемых Англией, что беспокоило нас. Все, однако, кончилось благополучно, и через 56 дней Игорь был в Одессе, а в декабре вернулся во Владивосток.

Окончание занятий в университете. Возвращение

В осенние месяцы 1926 г. военно-политическая обстановка резко изменилась в пользу национально-революционных сил. Газеты ежедневно сообщали о победоносном продвижении НРА. В течение июля — октября 1926 г. Народно-революционная армия нанесла решительное поражение войскам У Пэй-фу в Хунани и Хубэе и вышла в район Уханя (трехградье: Учан, Ханькоу, Ханьян). Это позволило национально-революционному правительству перебраться из Кантона в Ухань, ставший центром революционных сил.

После отступления У Пэй-фу на передний план в борьбе против НРА выдвигается Сунь Чуань-фан. Империалистические круги в этот момент еще не теряли надежды не допустить вступления национально-революционных сил в Шанхай, используя для этой цели армии Сунь Чуань-фана. Этими обстоятельствами и определялась политическая обстановка в Шанхае. Реакционные власти Шанхая усилили террор против КПК, рабочих профсоюзов, прогрессивной интеллигенции. Вокруг и в самом городе власти возводили укрепления, сосредоточивали войска. Державы ввели дополнительные военно-морские силы, преимущественно в районе Шанхай — Нанкин¹¹.

С другой стороны, нарастали и революционные силы в городе. Шанхайские газеты пестрели сообщениями о рабочих забастовках, о стычках с полицией. Подготовку к решительной борьбе против реакции мы ощущали и на нашем факультете. На занятия, возобновившиеся с 1 сентября, являлось небольшое число студентов. Реже стал появляться и Цзян Гуан-цы. Все они были заняты на конкретной политической работе. Задача моя на факультете также несколько изменилась. Мне выделили пять студентов (среди них, к великой радости, был и мой «поводырь» Чан), которых я должен был готовить для поездки в Москву на учебу.

Цзян Гуан-цы помог мне составить примерную программу занятий с этой группой. В первую очередь, конечно, русский язык, а также беседы о Советском Союзе и по «любимым политическим вопросам». Занятия проходили регулярно в течение двух месяцев (сентябрь — октябрь) без каких-либо особых приключений.

Когда в конце октября администрации факультета стало известно о моем скором возвращении во Владивосток, меня попросили выехать вместе с группой студентов, впервые отправлявшихся в СССР. Я согласился. Поездка была намечена на начало ноября — надо было дожидаться советского парохода.

Разумеется, ни я, ни Ляо не представляли себе, что мы можем расстаться, не провавшись. Однако последнее время он был очень занят и редко появлялся на занятиях у Галиновского. И все же удалось сообщить ему о моем предстоящем отъезде. В условленный день мы собрались у Галиновских, устроили прекрасный русский ужин с винегретом и пирогами. Мне вспоминается этот вечер как печальное, грустное расставание. Хотя Ляо был, как обычно, весел, но искреннего веселья все же не получилось — предстояла разлука и, быть может, навсегда. Мы говорили о китайской революции, о грядущей победе. Ляо с восторгом рассказывал об успехах китайского пролетариата. В то же время он отмечал и выявляющиеся трудности, говорил об угрозе со стороны реакции, о распространении антикоммунистических настроений среди руко-

¹¹ В начале 1927 г. в водах Китая находилось свыше 170 иностранных военных кораблей Англии, США, Японии, Франции и др.

водящего состава гоминьдана, особенно среди высшего командного состава НРА. Но Ляо был оптимист. Он твердо верил в коммунистическую партию, в окончательную победу.

Мы расстались. Я не знал, что наша следующая встреча состоится через 21 год и мой юный друг Ляо — товарищ Чэнь Юнь, станет одним из ведущих руководителей Коммунистической партии Китая.

Срок нашего отъезда на советском судне был назначен на 6 ноября, в канун великого праздника Октября. Группу моих «воспитанников» — студентов я встретил уже на судне. Миновав длинные ряды стоящих у обоих берегов Вампу океанских судов, мы благополучно покинули шанхайский порт. 7 ноября 1926 г. мне пришлось встречать с советскими моряками и китайскими студентами в открытом море.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

О советско-китайских литературных связях (1937—1945)

О. П. Болотина

Прошло 30 с небольшим лет с тех пор, как отгремели последние залпы второй мировой войны. 30 лет назад победой китайского народа завершилась и восьмилетняя национально-освободительная война в Китае против японского империализма.

Важнейшим фактором, обеспечившим победу Китая в борьбе против реальной угрозы национального поражения, стало активное сопротивление всего китайского народа, «сплотившегося в единый национальный антияпонский фронт, при решающей боевой поддержке Советского Союза»¹.

Документы, факты, воспоминания современников, исследования ученых убедительно свидетельствуют, как велика, бескорыстна, многообразна была помощь Советского Союза борющемуся Китаю в те годы. Особую область китайско-советских отношений периода антияпонской войны составляли культурные, в частности литературные, связи.

Вопрос о литературных связях Китая и СССР, о том влиянии, которое оказывала русская и советская литература на китайскую, был и остается одним из ключевых для понимания становления и развития революционной литературы Китая XX столетия.

Многие аспекты этой проблемы исследованы в трудах Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйдлина, Л. Е. Черкасского, М. Е. Шнейдера, В. В. Петрова, Р. С. Белоусова и других советских ученых. Большое место занимала до известного времени эта проблема и в китайском литературоведении.

Мы попытаемся в этой статье на конкретных примерах, главным образом из советской и китайской периодической печати периода второй мировой войны, показать состояние китайско-советских литературных связей в те годы, проследить развитие таковых прогрессивными литературными кругами Китая.

Как известно, с началом антияпонской войны в истории литературы Китая наступил качественно новый этап. Творческая интеллигенция Китая, жарко дискутировавшая накануне событий 7 июля², подошла к моменту начала войны с пониманием того, что «время мелких литературных стычек прошло»³, с готовностью объединить свои силы ради общей цели — борьбы за освобождение родины от японских захватчиков.

Такое объединение было подготовлено всем ходом развития литературного процесса в Китае в 20—30-е гг. Китайский поэт Эми Сяо писал по этому поводу:

«Писатели старшего поколения — великий Лу Синь, Мао Дунь, Дин Лип, Ба Цзинь, Лао Шэ, Чжан Тянь-и, известные драматурги — Хун Шэнь, Тянь Хань, Ма Янь-сян, талантливые молодые писатели — Ай У, Ша Тин, талантливые поэты — Цзан Кэ-цзя, Ян Сао, Мэй Синь, Ши И, прекрасные композиторы — Не Эр, Люй Цзи и другие приложили много усилий для развития антияпонской литературы и искусства, для создания единого национального антияпонского фронта в области литературы и культуры»⁴.

27 марта 1938 г. — дата рождения небывало широкого в истории современной китайской литературы объединения писателей — Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства по отпору врагу (Чжунхуа цюаньго вэньцзе канди сехуэй).

¹ Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. М., 1972, с. 213.

² 7 июля 1937 г. — начало национально-освободительной войны в Китае.

³ Мар Си си о. Современная китайская литература. — «Интернациональная литература», 1940, № 7—8, с. 151.

⁴ Эми Сяо. Литература и искусство Китая в борьбе за национальную независимость. — «Китай». М. — Л., 1940, с. 314.

В правление Ассоциации вошли многие известные писатели, всего 45 человек. Работой Ассоциации в течение всех 7 лет⁵ ее деятельности руководил замечательный китайский писатель Лао Шэ, стойкий патриот своей родины, верный друг Советского Союза, трагически погибший в годы «культурной революции»⁶.

С первых шагов Ассоциация заявила о своем намерении самым активным образом участвовать в движении Сопротивления. «Мы должны объединить наши силы, — говорилось в одном из документов, принятых на учредительном съезде в Ханькоу, — так же, как объединены бойцы на фронте, с той только разницей, что на фронте они сражаются с винтовками в руках, а мы боремся нашим пером»⁷.

Ассоциация поставила перед собой задачу «силами литературы мобилизовать массы защищать родину, разбить врага, добиться победы»⁸ и с честью выполняла ее на протяжении всех военных лет.

Писатели Ассоциации, ощутившие себя единым целым со своим народом, подчеркивали, что «судьба нации — это и судьба литературы»⁹.

Историческое значение Ассоциации в том, что в чрезвычайно тяжелых условиях и сложной политической обстановке в Китае в годы антияпонской войны она сумела «объединить и организовать все антияпонские силы работников литературы и искусства во время войны сопротивления, укрепить и соединить воедино разрозненные связи между писателями всей страны»¹⁰.

Одной из характерных особенностей Ассоциации была ее ориентация на Советский Союз, стремление развивать китайско-советские культурные связи.

Большую работу в этом направлении проводила Ассоциация через китайское Общество культурных связей с СССР. Члены Ассоциации принимали активное участие в вечерах, встречах, митингах, посвященных СССР, советской литературе.

В качестве примера можно привести вечер памяти В. Маяковского, проведенный в Чуниине в 10-ю годовщину смерти выдающегося советского поэта. Во всех выступлениях, в докладе о творчестве В. Маяковского подчеркивалась та потребность, которую ощущали китайские писатели и читатели тех лет — потребность в живом, остром, чеканном слове В. Маяковского — великого поэта современности¹¹.

Члены Ассоциации активно сотрудничали в журнале Общества культурных связей с СССР «Чжунсу вэньхуа» («Культура Китая и СССР») и в его изданиях. Например, Цао Цзин-хуа для журнала перевел в 1939 г. роман В. Катаева «Я сын трудового народа». Цао Цзин-хуа, Гэ Бао-цюань, Гэ И-хун, Го Мо-жо работали над литературной частью серии сборников о Советском Союзе, выпускавшейся Обществом с 1942 г.¹²

Выступая за сближение с Советским Союзом, Ассоциация часто в качестве трибуны использовала «Чжунсу вэньхуа». Например, в июньском номере журнала за 1940 г. была помещена передовая статья, содержащая предложения и пожелания китайских писателей по развитию культурных связей. В январском номере за 1941 г. была помещена серия писем в Союз советских писателей. В одном из них Мао Дунь, в частности, писал:

«Дружеский привет всем работникам в области культуры! Ваша работа идет на пользу не только народам СССР, но всему человечеству, угнетенным массам трудящихся во всем мире. Китайские писатели питают величайшее уважение к вашему драгоценному опыту и блестящим литературным произведениям. Культура СССР направлена против агрессии, против империализма. Содружество культур обеих великих стран принесит Китаю большую пользу. Мы уже выдержали более трех лет войны и будем продолжать борьбу до окончательной победы...

Слова ободрения со стороны советского народа и работников советской культуры для нас чрезвычайно ценны.

Мне хочется, чтобы мы, писатели обеих великих стран, еще крепче пожали друг другу руки, еще больше укрепили дружбу двух великих народов для достижения общей цели — счастья всего человечества.

⁵ После окончания войны, в 1945 г., этот союз был преобразован во Всеитайскую ассоциацию работников литературы и искусства.

⁶ В дни разгула хунвэйбиновщины, в 1966 г., Лао Шэ покончил жизнь самоубийством.

⁷ Справочные материалы по истории китайской литературы. Т. 1. Ч. 2. Пекин, с. 622.

⁸ Там же, с. 622.

⁹ Там же.

¹⁰ Дин И. Очерки по истории современной китайской литературы. Пекин, 1957, с. 115.

¹¹ Китайские писатели о Маяковском. — «Интернациональная литература», 1940, № 11—12, с. 341.

¹² «Интернациональная литература», 1942, № 12, с. 154.

Желаю вам успеха в работе, еще большего творческого размаха, еще больших достижений в строительстве социализма»¹³.

В этом письме, помимо слов благодарности Советскому Союзу и работникам советской культуры, четко выделялась еще одна мысль: расширение контактов с СССР, содружество двух культур принесет Китаю большую пользу.

В направлении укрепления культурного обмена с СССР действовала и другая организация — Комитет по культурной работе, созданный в Чунцине в 1940 г. В него вошли Лао Шэ, Мао Дунь, Ху Фэн и другие члены Ассоциации.

Но Ассоциация стремилась установить и прямые связи с общественными и культурными организациями, с редакциями советских журналов. Особенно прочными были контакты с журналом «Интернациональная литература», который уделял много внимания истории, политике, литературе Китая. С началом антияпонской войны в нем часто печатались корреспонденции о военных событиях в Китае.

Однако Ассоциация стремилась к еще более тесному сотрудничеству. В декабре 1939 г. Ассоциация предложила редакции журнала использовать подготовленный ею специальный сборник «Китайская литература освободительной войны».

В ответе журнала, в частности, говорилось, что редакция будет рада получить подготовляемый сборник и непременно ознакомит с ним своих читателей.

«В свою очередь, — писал журнал, — мы всегда будем рады быть вам полезными в ознакомлении с новыми явлениями советской культуры и литературы»¹⁴.

Таким образом, и в том и в другом письме выражалась готовность активно сотрудничать, крепить дружеские отношения, расширять связи.

О пристальном внимании к событиям в Китае, об интернациональных чувствах советского народа, об интересе к китайской культуре говорил тот факт, что за годы войны не было в Советском Союзе журнала, который бы не обращался так или иначе к китайскому вопросу. Литературно-художественные и общественно-политические журналы «Интернациональная литература», «Литературный критик», «Новый мир», «Театр», «Знамя», «Спутник агитатора» и другие регулярно помещали материалы о Китае, публиковали художественные произведения китайских писателей.

В свою очередь в печатных органах Ассоциации также много места отводилось пропаганде и популяризации советской литературы и искусства в Китае. К сожалению, почти полное отсутствие китайских журналов тех лет в фондах библиотек СССР не дает возможности исследовать достаточно полно и всесторонне этот аспект деятельности Ассоциации.

Но все же постараемся на основании имевшихся в нашем распоряжении материалов составить сколько-нибудь объективную картину работы Ассоциации в этом направлении.

В одном из первых номеров официального органа Ассоциации журнала «Канчжань вэньи» («Литература и искусство войны сопротивления»), выпускавшегося с 4 мая 1938 г., четко формулировалась позиция Ассоциации. «В настоящее время, когда отношения между Китаем и Советским Союзом очень тесные, сближение этих двух стран в области литературы представляется нам чрезвычайно важным»¹⁵, — говорилось в редакционном послесловии. Редакция писала о намерении регулярно информировать читателей о литературной жизни в СССР.

В качестве первого практического шага уже в этом номере была помещена статья советского журналиста и китаеведа В. Н. Рогова, находившегося в тот период в Китае. В этой статье В. Н. Рогов знакомил китайского читателя со степенью изученности и популярности китайской литературы в СССР¹⁶.

Журнал «Канчжань вэньи», который редактировался Лао Шэ и Яо Пэн-цзу, и в дальнейшем старался выполнять поставленную перед собой задачу. Так, например, он посвятил любимому в Китае советскому писателю М. Горькому один из своих номеров.

Следует отметить, что произведения М. Горького, воспоминания о нем вызывали неизменный интерес у китайского читателя¹⁷.

В популяризации русской и советской литературы особое место принадлежало журналу Ассоциации «Вэньсюэ юэбао» («Литературный ежемесячник»), выходившему в Чунцине с января 1940 г. Не было номера, в котором бы не помещались переводы русских и советских писателей, сообщения о литературной жизни нашей страны.

В первых номерах журнала начал печататься роман Н. Островского «Рожденные бурей» в переводе Ван Юй-циня. Тогда же были опубликованы воспоминания

¹³ «Интернациональная литература», 1941, № 5, с. 225.

¹⁴ Там же, 1940, № 7—8, с. 117.

¹⁵ «Канчжань вэньи». Вып. 1, 1938, № 5, с. 48.

¹⁶ Там же, с. 37.

¹⁷ Подробно о популярности М. Горького в Китае см.: М. Е. Шнейдер. Горький и китайская литература. — М. Горький и литераторы зарубежного Востока. М., 1968, с. 62—100; В. М. Алексеев. Горький в Китае. — Там же, с. 310—328.

Гэ Бао-цюаня о Н. Островском, статья о Я. Купале, статья о советской литературе в 1939 г., хроникальные заметки о культурной жизни в Советском Союзе.

В последующих номерах на страницах журнала были опубликованы материалы, посвященные В. Маяковскому, М. Лермонтову, Л. Толстому, печатались полностью или в отрывках их произведения.

Почти целиком была посвящена советской литературе декабрьская книжка журнала за 1940 г. Она открывалась стихотворением Джамбула «Китайскому народу» в переводе Чжан Юй-ляня. В журнале также была напечатана статья Гэ Бао-цюаня «Шолохов и его «Тихий Дон»», отрывок из романа Вилиса Лациса «Сын рыбака» в переводе Ван Юй-цзиня, рассказ Петраса Цвирки «Граница» в переводе Ван Чунь-цзиня и т. д.

Исходя даже из этого далеко неполного обзора журналов Ассоциации можно сделать вывод, что Ассоциация считала пропаганду советской литературы, а следовательно, и советского образа жизни одной из своих важнейших задач.

Еще более активизировалась эта работа после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. С каждым днем росло у китайского народа чувство признательности и уважения к Советскому государству, взявшему на себя основное бремя борьбы с фашизмом.

7 июля 1941 г. была опубликована декларация КПК, в которой говорилось: «Наш народ хорошо понимает, что война, которую ведет советский народ, направлена не только на защиту СССР, но и на защиту Китая, на защиту свободы и независимости всех народов. Победа или поражение СССР будет победой или поражением Китая»¹⁸.

И хотя, как известно, и Чан Кай-ши, и Мао Цзэ-дун проводили по отношению к Советскому Союзу каждый по-своему однако вероломную, резко отличающуюся от словесных заверений политику¹⁹, тем не менее коммунисты-интернационалисты Китая, прогрессивная общественность, весь китайский народ искренне стремились внести свою посильную лепту в дело борьбы советского народа.

«Крепкие узы давней дружбы связывают народы Советского Союза и Китая, — писал журнал «Интернациональная литература» в 1942 г. — С первых же дней вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР эта дружба еще больше спаяла народы обеих стран»²⁰.

Китайское общество культурной связи с СССР провело большое собрание в Чунцине по случаю годовщины начала Великой Отечественной войны. Председатель Общества писатель Сунь Кэ в своей речи по радио, обращенной к советскому народу, выразил уверенность в том, что великий и сильный советский народ «никогда не потерпит поражения и никогда не будет покорен»²¹.

О позиции Ассоциации в этом вопросе говорят многочисленные публичные выступления ее членов. О понимании великой решающей роли Советского Союза в борьбе с фашизмом во всем мире писал в одной из своих статей член правления Ассоциации Ся Янь: «Я не знаю спокойствия вот уже целый год. Начиная с утра, когда я встаю и читаю газеты, и до самого вечера мысли о великой борьбе народа СССР с его врагами не покидают меня. Мое сердце, как и сердца многих тысяч людей, бьется для вас; мы понимаем, что от исхода этой гигантской битвы зависит прогресс или гибель человечества»²².

Китайские писатели выделяли гуманизм, стойкость, героизм советского народа как его характерные черты. «Сейчас идет война между правдой и неправдой», — писал редактор журнала «Ецао» Цзинь Ту, — фашистская Германия протянула свою окровавленную лапу к богатствам Советской страны. Мы с радостью следим, — продолжал Цзинь Ту, — за волнующими известиями о том, как Красная Армия и советский народ защищают свое отечество, страну Толстого, Достоевского, Горького, Менделеева, Павлова, страну, где впервые засиял новый свет. Мы твердо уверены, что разбойники, которые нахлынули из-за рубежа, будут разгромлены героическим советским народом, и горячо желаем вам дальнейших успехов»²³.

В день первой годовщины начала Великой Отечественной войны Ассоциация направила официальное послание в адрес советского народа, в котором говорилось:

«Весь мир находится в состоянии войны с фашистским зверем, все человечество жаждет поскорее освободиться из кровавых лап фашистских дьяволов, все мысли и надежды связаны с победой советского народа».

От имени Ассоциации письмо подписали Лао Шэ, Мао Дунь, Тянь Хань, Ян Хань-шэн, Го Мо-жо, Сун Чжи-ды, Ай Цин, Цзан Кэ-цзя, Ван Я-пин и др.

¹⁸ Справочные материалы по истории китайской революции. Вып. 4. Пекин, 1957, с. 168.

¹⁹ См.: Новейшая история Китая. М., 1972, с. 196—213; П. П. Владимиров. Особый район Китая. М., 1973; На китайской земле. М., 1974, с. 134—371.

²⁰ «Интернациональная литература», 1942, № 11, с. 151.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же, № 1—2, с. 241.

При изучении характера связей прогрессивных писателей Китая с СССР, при оценке их деятельности в этом направлении необходимо учитывать, в какой сложной обстановке приходилось работать Ассоциации.

С годами обстановка в гоминьдановских районах все обострялась. Глубокий экономический кризис, ослабление политических позиций гоминьдана, оппозиционные настроения среди различных слоев населения, неспособность радикально улучшить условия жизни и стабилизировать обстановку в стране — все это заставляло чунцинское правительство искать выход из создавшегося положения в усилении репрессий, в яростном сопротивлении малейшей демократизации режима.

Конечно, было бы ошибочно недооценивать тактические маневры Чан Кай-ши, который время от времени делал эффектные реверансы в сторону творческой интеллигенции, стремясь, с одной стороны, продемонстрировать всему миру свою либеральность, а с другой — расколоть, разложить силы оппозиции. Например, как сообщал журнал «Интернациональная литература» в 1942 г., правительство Китая учредило литературный фонд в 100 тыс. долларов и передало его в ведение Комитета по культурной работе²⁴.

Достаточно сказать, что в 1942 г., по сведениям, опубликованным в коммунистической газете «Синьхуа жибао», в Чунцине имелось 118 книгоиздательств, 145 типографий, выходил 141 журнал²⁵.

Но за этими внешне, казалось бы, убедительными цифрами скрывалась жестокая цензура, репрессии, террор по отношению в первую очередь к той части интеллигенции, которая подозревалась в прокоммунистических убеждениях или хотя бы сочувствовала коммунистам.

Преодолевая все увеличивающиеся трудности, Ассоциация стойко держалась взятого с самого начала курса дружбы с СССР. Одним из волнующих документов остается до сих пор письмо Ассоциации в адрес советского народа по случаю 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Требовалось большое мужество, чтобы поставить подписи под следующим текстом:

«Друзья! Сегодня, когда мир объят пламенем войны, отмечается 25-я годовщина самой блистательной из революций — Октябрьской революции. Это знаменательное событие, подобное сиянию солнца среди тьмы, напоминает животворящий весенний луч в суровый холод. Эта дата несет всему человечеству, ведущему антифашистскую войну, несравненную радость, вдохновение, силу.

Фашизм отнял у человечества мир, загубил бесчисленное количество жизней, разрушил огромные культурные ценности и пытается ввергнуть весь земной шар в пучину варварства. Но человечество не потерпит этого.

Работники культурного фронта и весь героический народ Советского Союза являются примером для всего мира. Освященные сиянием Октября, вы ускорите час наступления победы. И мы, борющиеся на стороне демократического фронта, озаренные светом этой годовщины, умножим наши силы и укрепим нашу решимость.

Мы отмечаем годовщину Октября, как свой собственный праздник. Все, что связано с вами, нам близко и дорого.

В день славной годовщины мы шлем наше искреннее поздравление и желаем Советскому Союзу полной победы в борьбе с фашизмом, успеха в руководстве всем демократическим фронтом, успеха в руководстве культурным творчеством всего человечества».

Письмо подписали Го Мо-жо, Мао Дунь, Лао Шэ, Дин Лин, Тянь Хань, Бай Ян, Ху Фэн, Ян Хань-шэн, Ай Цин, Цао Цзин-хуа, Гэ Бао-цюань и другие, всего 124 человек²⁶.

Заслуживает особого внимания тот факт, что Ассоциация с годами все более превращалась в революционную организацию, для которой самым притягательным становился свет Великой Октябрьской революции.

Высоко оценивала Ассоциация и личность вождя Октябрьской революции В. И. Ленина. Отношение к В. И. Ленину всегда было пробным камнем в определении характера, степени прогрессивности той или иной организации, союза, общественного деятеля. «Отношение к Ленину, — пишет Н. Т. Федоренко, — стало своеобразным ключом к пониманию классовых позиций, на которой стоит писатель, изображая окружающую реальность»²⁷.

Несомненно, что требования и специфика политики единого фронта в Китае в годы антияпонской войны, сложная политическая обстановка в гоминьдановских районах ограничивали возможности, а иногда делали и вовсе невозможным пропаганду ленинских идей, трудов его.

²⁴ «Интернациональная литература», 1942, № 1—2, с. 255.

²⁵ Там же, № 8—9, с. 185.

²⁶ Там же, 1943, № 1, с. 141.

²⁷ Н. Т. Федоренко. Ленин и восточные литературы. — Проблемы исследования китайской литературы. М., 1974, с. 346.

И все-таки Ассоциация находила формы, в которых можно было донести до масс дух ленинского учения, обращалась к ленинскому наследию.

Памяти В. И. Ленина был посвящен первый, январский номер журнала Ассоциации «Вэньчжэньди» («Литературный фронт») за 1941 г. В декабрьском номере журнала «Вэньсюэ юэбао» за 1940 г. была опубликована подборка «Ленин о писателях», в которую вошли высказывания Ленина о Беллинском, Чернышевском, Горьком, Маяковском, Барбюсе и др.²⁸

Таким образом, факты подтверждают, что за признанием авангардной роли СССР для поступательного развития истории стояли не только слова, но и вполне конкретные дела, раскрывающие характер исследуемой нами организации.

Одним из реальных доказательств верности Ассоциации декларируемым ею принципам была огромная работа по переводу произведений русской и советской литературы, по исследованию творчества отдельных писателей и литературного процесса в СССР в целом.

Были в этой работе немалые трудности. Сложности почтовой связи в условиях военного времени, когда литературные материалы находились в пути долгие месяцы, подчас теряя свою актуальность: языковой барьер, рогатки гоминьдановской цензуры — все это осложняло взаимный обмен достижениями в области литературы и искусства обеих стран. И тем не менее, как писал Го Мо-жо в 1940 г., «литературу Советского Союза, проходящую в Китай, можно сравнить с бурным потоком...»²⁹.

Объясняя, почему, несмотря на все трудности, из иностранной литературы в Китае переводят главным образом произведения советских писателей, Го Мо-жо резюмировал:

«Нашим литераторам нужны образцы, и мы хотим учиться у советской литературы. Советская литература и искусство являются для нас лучшим творческим образцом»³⁰.

Широкий диапазон переводимых произведений показывал разносторонность и глубину интереса прогрессивной китайской общественности к русской и советской литературе, стремление познать весь ход и логику исторического развития страны, пришедшей к социализму. Важно отметить, что переводились и переиздавались в первую очередь блестящие образцы русской классики и советской литературы, что именно через произведения М. Горького и В. Маяковского, Н. Островского и М. Шолохова и многих других наших писателей воспитывалась в китайском народе любовь к советской стране.

В годы антияпонской войны переводились и пользовались необыкновенной популярностью произведения советской литературы, созданные накануне и в годы Великой Отечественной войны. Произведения переводились оперативно, насколько это было возможно. Например, через год после начала Великой Отечественной войны в Чунцине в издательстве «Илинь» был уже выпущен сборник «Литература об Отечественной войне в СССР», подготовленный Цао Цзин-хуа. В него вошли очерки В. Василевской, В. Катаева, В. Саянова и др.

В 1941 г. журнал «Вэньсюэ юэбао» опубликовал большую подборку высказываний китайских писателей о советской литературе.

Китайские писатели выделяли по качественно новое, что отличало советскую литературу от других зарубежных литератур. «Из книг советских писателей мы узнаем не только об опыте революционной борьбы, — говорилось в журнале, — но и о том, как революция рождает новую мораль, как воспитывается новый человек»³¹.

Антияпонская война, охватившая все слои населения Китая, требовала от литературы не исключительного героя, пусть сильного и самоотверженного, не бунтаря — одиночку-индивидуалиста, а героя, тип которого был определен еще М. Горьким, как человека с большой буквы, человека, живущего и борющегося для людей, вместе с людьми, за счастье людей и всей страны.

Такой герой приходил именно со страниц советской литературы. А действующий в сходных военных условиях, он тем более был близок и понятен китайскому читателю. На примере такого героя учился китайский народ воевать за свою независимость.

Объясняя, почему советская литература так «близка и необходима китайскому народу», Гэ И-хун прибегал к следующему сравнению: «Когда читаешь книги американских и европейских литераторов, чувствуешь, что они написаны в угоду рынку. Иное, когда читаешь произведения советских писателей. Разве по технике европейские и американские писатели уступают советским?» — спрашивает Гэ И-хун. Водораздел между буржуазной и советской литературами видел Гэ И-хун именно в герое. «Дело в том, — писал он, — что герой советской литературы — это новый, отважный человек,

²⁸ См.: Л. Е. Черкасский, М. Е. Шнейдер. Ленинские идеи и образ В. И. Ленина в китайской литературе. — В. И. Ленин и литература зарубежного Востока. М., 1971.

²⁹ «Литературная газета», 28. VII. 1940.

³⁰ «Интернациональная литература», 1941, № 7, с. 196.

³¹ Там же, № 5, с. 224.

а герой буржуазных писателей — индивидуалист, заботящийся лишь о собственном пруспянии».

Китайские писатели высоко оценивали и другое характерное качество советской литературы, ее народность. «Воспринять это качество советской литературы, — говорил Мао Дунь, — задача необыкновенно трудная, но зато и самая благородная. Решить ее — значит создать произведение, в котором будут воссозданы самобытные черты твоего народа, строй всей его жизни и быта, образ его мыслей, его культура, искусство, сам облик страны, блеск ее рек, запах ее полей, сиянье ее солнца. Русские писатели дали образцы таких произведений. Овладеть этим искусством — завидная честь...»³².

Не случайно поэтому стремление китайских писателей не только «наслаждаться литературными произведениями, но и ознакомиться с творческим процессом, с манерой письма, с жизненными установками писателей советской страны».

Иными словами, советской литературе, исходя из слов и дел китайских писателей, отводилась в ту пору не только роль учебника революции, но и учебника жизни и творчества.

В одном из своих последних документов — письме в Советский Союз, опубликованном в «Литературной газете» 7 июня 1945 г., то есть в день 8-й годовщины начала антияпонской войны в Китае, Ассоциация писала:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в вашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране»³³.

От первых до последних дней своей плодотворной деятельности в период национально-освободительной войны в Китае Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства по отпору врагу активно и твердо проводила в жизнь линию углубления и расширения китайско-советских литературных связей, неизменно подчеркивая непреходящую идейно-эстетическую ценность советской литературы, ее благотворное влияние на развитие китайской литературы.

Продолжая прогрессивные традиции революционных 20—30-х гг., Ассоциация упрочила, обогатила и развила их в военные 30—40-е гг. и передала эстафету дальше. Большинство членов Ассоциации после образования КНР составило ядро новой интеллигенции Китая, которая все свои силы стремилась отдать делу социалистического преобразования своей родины.

В строительстве нового общества, в создании новой морали и нового человека эти писатели, как и в годы борьбы за национальное освобождение вновь и вновь обращались к опыту Советского Союза, советской литературы. И тем печальнее сознавать, что именно наиболее преданные друзья советского народа, знатоки и ценители советской литературы были в первую очередь подвергнуты остракизму в маоистском Китае, а их огромная работа по популяризации советской литературы в Китае, по развитию китайско-советских литературных связей сведена на нет антисоветской политикой группы Мао Цзэ-дуна.

Однако мы уверены, что усилия прогрессивных китайских писателей не будут забыты народом Китая, как бы ни хотели этого сегодня маоисты.

³² Н. Т. Федоренко. Китайские записи. М., 1958, с. 353.

³³ «Литературная газета», 7. VII. 1945.

Чжан Янь-юань и его «Записки о знаменитых художниках минувших эпох»

*В. А. Кривцов,
кандидат философских наук*

В середине IX в. н. э. в Китае была предпринята одна из первых в мире попыток создать историю живописи, которая не только бы содержала различные сведения о художниках и их творчестве, но и заключала в себе теоретические положения и эстетические принципы.

Такую попытку сделал знаток и теоретик живописи Чжан Янь-юань. В 847 г. он написал книгу «Записки о знаменитых художниках минувших эпох» («Ли дай мин хуа цзи»), имеющую для истории китайской живописи, можно сказать, столь же большое значение, как сочинение Вазари для итальянской.

Чжан Янь-юань (или Чжан Ай-бинь) происходил из Хэдуна (провинция Шаньси). Точные даты его рождения и смерти неизвестны. Некоторые современные исследователи, не приводя достаточных оснований, считают, что он родился в 815 и умер в 875 г.¹

Трудно сказать, сколько столетий отделяло возникновение китайской живописи как самостоятельного искусства от времени, когда была написана книга Чжан Янь-юаня. Несомненно, что этих столетий было много. Китайский Вазари завершил свой труд в пору зрелости китайской живописи, для которой творчество художников У Дао-цзы, Чжоу Фана, Ли Сы-сюня и Ван Вэя было уже историей.

Экономический расцвет китайского государства в период династии Тан, особенно в годы Кайюань (713—741) и Тяньбао (742—755), и сопутствовавший ему подъем культуры создали условия для необыкновенного расцвета китайского искусства, и раньше поэзии и живописи. Никогда прежде искусство живописи не занимало столь значительного места в духовной жизни Китая, как при династии Тан.

Семья, в которой вырос Чжан Янь-юань, славилась любовью к искусству. Члены этой семьи были богаты и знатны, некоторые из них занимали высокие государственные посты, среди них были министры и другие вельможи. Род Чжанов обладал одной из лучших в свое время коллекций живописи и каллиграфии. Эти счастливые обстоятельства, очевидно, способствовали формированию интереса Чжан Янь-юаня к живописи и появлению «Записок о знаменитых художниках минувших эпох», а также его книги о каллиграфии («Фа шу яо лу»).

«Записки о знаменитых художниках минувших эпох» состоят из десяти частей. Первые три части посвящены главным образом происхождению, теории и технике живописи, остальные семь содержат сведения из ее истории, в том числе 372 краткие биографии наиболее известных живописцев Китая, начиная с времен императора Цинь Ши-хуана и кончая 841 г.

Чжан Янь-юань считает, что живопись и письменность происходят из одного источника и в глубокой древности они не были разделены, по своей природе они — нечто единое. Эта мысль повторяется и обосновывается в «Записках» неоднократно. Историю китайской живописи он расчленяет на несколько периодов: к первому из них (глубокая древность) отнесено творчество Цао Бу-сина, Вэй Се, Гу Кай-чжи и Лу Тань-вэя. Об их картинах говорится, что они были «прекрасны и справедливы». Творчество художников следующего периода (средняя древность) характеризуется как «рафинированное и утонченное, наиболее изящное». Несмотря на столь высокие оценки картин этих ранних живописцев (кстати, оценки, очевидно заимствованные у предшественников, так как произведения многих старых художников в IX в. уже не существовали), Чжан

¹ Чжан Сюй. Записки о знаменитых художниках минувших эпох Чжан Янь-юаня. — «Хэбэй мэишу», 1961, № 6.

Янь-юань рассматривает китайскую живопись до VII в. н. э. как искусство архаическое и примитивное. Он считал, что живопись Китая достигла зрелости лишь в VII—VIII вв. благодаря творчеству У Дао-цзы, Ли Сы-сюня и других художников. У Дао-цзы по-прежнему ставлен в «Записках» выше всех китайских живописцев. Особенно подчеркнуты его заслуги в развитии пейзажной живописи.

Чжан Янь-юань относит художников и их творчество в зависимости от мастерства к пяти категориям — высшей (шэнь), средней (мяо), низшей (цзин) и самой низкой (цзинси). Наиболее выдающиеся произведения живописи он причисляет к особой категории цзыжань, показывая этим связь своего высшего критерия художественного творчества с учением о Дао и «естественности».

Для Чжан Янь-юаня хорошая картина — это прежде всего такая картина, в которой художник сумел выделить главное, дополняя его изображением определенных деталей. Кроме того, в этой картине черная тушь (линия, пятно) и цвет должны уравновешивать друг друга. Если же художник увлекся деталями и, как говорится, «ради волоска утратил всю внешность», сосредоточил свое внимание на цвете в ущерб туши, — это плохая картина.

«Записки о знаменитых художниках минувших эпох» почти целое тысячелетие служили образцом, которому стремились подражать в Китае историки и теоретики живописи. Под влиянием этой книги примерно два столетия спустя Го Жо-сюй написал свой труд «Записки о картинах, которые видел или о которых слышал» («Ту хуа цзянь вэнь чжи»). Сочинение Го Жо-сюя было прямым продолжением работы, начатой Чжан Янь-юанем. «Записки о знаменитых художниках минувших эпох» кончаются на 841 г. Именно с этого года начинается Го Жо-сюй свое повествование о живописцах и их картинах, доводя его до 1068 г.

Другой книгой аналогичного характера, появившейся при династии Сун, была «Хуа цзи» Дэн Чуня. Во время династии Юань Ся Вэнь-янь написал «Ту хуа бао цзянь». История живописи Китая в период династии Мин нашла отражение в книге Сюй Циня «Мин хуа лу». Наконец, при династии Цин были созданы несколько обширных трудов о китайской живописи. Это «Пэй вэнь чжай шу хуа лу» и «Ли дай хуа ши хой чжуань».

Столь значительный интерес к «Запискам» Чжан Янь-юаня был вызван не только тем, что в них собран огромный фактический материал и подведен известный итог многовековому творческому опыту китайских живописцев, но главным образом тем, что в «Записках» была обобщена и развита дальше теория китайской живописи. Когда Чжан Янь-юань писал свои «Записки», теория и критика китайской живописи уже насчитывали примерно пятьсот лет своего существования. Ее основоположниками считаются художники и искусствоведы IV—V вв. Гу Кай-чжи, Цзун Бинь, Ван Вэй и особенно Се Хэ. В их небольших трактатах об искусстве живописи содержатся теоретические положения и эстетические принципы, на столетия определившие ее развитие.

В VI—VIII вв. появляется новая плеяда теоретиков, критиков и историков живописи, часть сочинений которых, однако, не признается исследователями за подлинные произведения². Тем не менее они также оставили свой след в теории китайской живописи и по-своему повлияли на «Записки» Чжан Янь-юаня. В эту плеяду входят Юань Су-и, Ян Чжи-туй, Ван Вэй, Ли Сы-чжэнь, Янь Цун, Чжан Хуай-цюань, Пэй Ся-юань, Чжу Цзин-сюань и др.

К большинству сочинений своих предшественников Чжан Янь-юань относится более чем критически, что, однако, не мешает ему не только заимствовать их мысли, но и включать в свои «Записки» отрывки из их сочинений. Совершенно очевидно, что основные теоретические положения, касающиеся происхождения, характера и эстетических принципов живописи, взяты Чжан Янь-юанем у авторов предшествовавших эпох, и прежде всего у Се Хэ, написавшего в конце V в. свои знаменитые «Заметки о категориях древней живописи».

Вслед за Се Хэ, утверждавшим, что «нет таких произведений живописи, которые бы не служили целям морали; благодаря живописи можно увидеть (историю человеческих) возвышений и падений, о которой молчали тысячелетия»³, Чжан Янь-юань дает живописи следующее определение: «Живопись совершенствует моральное развитие, помогает установлению правильных взаимоотношений, полностью раскрывает все превращения духа, проникая в самое тонкое и скрытое; ее роль подобна шести каноническим книгам. Живопись развивается вместе с временами года и, возникшая из природы, не представляет собой результат человеческих усилий»⁴. Подобная дань конфуцианской эстетике со стороны Чжан Янь-юаня была, очевидно, принесена не только под влиянием взглядов Се Хэ, но и под непосредственным воздействием идей конфуцианского возрождения, которые во время династии Тан распространяли Хань Юй и его последо-

² Чжан Синь-вэй. Исследование поддельных книг. Шанхай.

³ Се Хэ. О категориях древней живописи. Пекин, 1962.

⁴ Чжан Янь-юань. Записки о знаменитых художниках минувших эпох. Шанхай, 1964.

ватели⁵. Пятьдесят лет спустя, после появления «Заметок о категориях древней живописи», Яо Цзуй сделал к ним комментарий, известный под названием «Продолжение заметок о категориях живописи». В своем «Продолжении» он писал: «Живопись настолько прекрасна, что о ней невозможно полностью сказать словами»⁶. В этом высказывании утверждалась уже не моральная, а эстетическая ценность живописи. Чжан Янь-юань не прошел мимо комментария Яо Цзуй и его слов о красоте живописи. Идея Яо Цзуй нашли свое отражение в «Записках о знаменитых художниках минувших эпох».

Однако самым важным в работе Чжан Янь-юаня как теоретика искусства было то, что он, через триста пятьдесят лет после появления шести законов живописи Се Хэ обратил на них серьезное внимание, дал им свое толкование и этим сделал значительный вклад в китайскую эстетическую мысль. Как известно, шесть законов живописи изложены Се Хэ так лаконично, что их понимание и тем более толкование представляет значительную трудность. Чжан Янь-юань в своей книге рассматривает шесть законов как некое органическое целое, тесно связанное между собой⁷. Он разделил законы Се Хэ на три группы. В первую группу были включены первый и второй законы, то есть законы, касающиеся духовной стороны изображаемого. Во вторую группу вошли третий и четвертый законы, имеющие отношение к физической стороне изображаемого, его форме, и в третьей группе оказались пятый и шестой законы, связанные главным образом с практической деятельностью художника. По мнению Чжан Янь-юаня, духовное начало и физическая, формальная сторона изображаемого тесно связаны друг с другом. Эта простая для нас мысль была для своего времени открытием.

Уже в IV в. н. э. китайские теоретики искусства знали, что существуют два вида сходства человека на портрете: духовное сходство (шэньсы), то есть такое, когда художник передает существо портретируемого, его душу, внутренний духовный мир, и формальное сходство (синсы), более или менее точное изображение лишь внешних, физических черт человека. Со временем учение о духовном и физическом сходстве изображенного стало важнейшей частью теории китайской живописи. Под влиянием этого учения Се Хэ (сам он был художником-портретистом) создал свои шесть законов живописи, которые уже, однако, не относились только к искусству портрета, а имели универсальный характер, благодаря чему представления о духовном и формальном сходстве с портретной живописи были перенесены и на все другие жанры. Это перенесение облегчалось тем, что китайцы искони уподобляли природу живому существу и считали, что она обладает способностью дыхания, которое одушевляет в ней все, включая и человека. Теоретик китайской живописи Дэн Чунь писал: «Люди знают, что человек имеет дух, но они не знают, что вещи также одухотворены». Универсальное дыхание ци, понималось китайцами совершенно материально, конкретно, в нем не было ничего сверхъестественного или божественного, поэтому мы переводим ци как дух или одухотворенность условно.

В первом законе живописи Се Хэ прямо не говорится о духовном сходстве. Однако выдвинутое в нем требование одухотворенности, дыхания жизни (ци), которое, будучи вибрирующим, ритмичным, резонирующим (юнь), и создает благодаря этому движение (шэнь дун)⁸, по существу, включало в себя те черты изображаемого, которые дают в своей совокупности духовное сходство. Поэтому первый закон — это закон о духовном сходстве. Се Хэ считал, что линия, которую проводит художник, должна быть не только живой и пульсирующей, она должна быть и твердой, иметь внутри себя как бы кость (гу). Поэтому второй закон — это закон кости (гуфа). Когда линия одухотворена и тверда, она отвечает двум первым законам живописи и называется линией гуци — твердой, как кость, и одухотворенной.

Развивая дальше взгляды Се Хэ, Чжан Янь-юань сделал вывод, что первый и второй законы живописи тесно связаны и с формальным сходством изображаемого, которому посвящены третий и четвертый законы. Он писал: «Изображаемый предмет должен обладать формальным сходством, но формальное сходство должно целиком включать в себя твердость кости и одухотворенность. Твердость кости, одухотворенность и формальное сходство — все это имеет своим началом установление замысла и зависит от пользования кистью»⁹. Придав столь большое значение «установлению замысла», Чжан Янь-юань потребовал от художника «тонкого движения мысли». Обратив внимание на то, что художники древности (в картинах которых он, как конфуцианец, видит образец для творчества и подражания) стремятся прежде всего воплотить

⁵ Вэнь Чжао-тун. Начальное исследование «Записок о знаменитых художниках минувших эпох» Чжан Янь-юаня. — «Цзянь хань сюэ кань», 1962, № 8, с. 42

⁶ Яо Цзуй. Продолжение записок о категориях живописи. Пекин, 1962, с. 20.

⁷ Юй Цзянь-хуа. Введение к «Запискам о знаменитых художниках минувших эпох». Шанхай, 1964, с. 7.

⁸ Osvald Sirén. The Chinese on the Art of Painting. Peiping, 1939, p. 19; Osvald Sirén. Chinese Painting. Leading Masters and Principles. 1956, Part I. Vol. 1. London, p. 5.

⁹ Чжан Янь-юань. Заметки о знаменитых художниках минувших эпох, с. 23.

в своих произведениях не формальное сходство, а «твердость кисти и одухотворенность», он сетует, что его современники-живописцы, улавливая формальное сходство, не могут добиться одухотворенности и ритмичности. «Если бы (они) сделали основным требованием живописи одухотворенность и ритмичность, — пишет он, — то формальное сходство (само собой) было бы в пей... Когда одухотворенность и ритмичность (в живописи) не полные, то формальное сходство оказывается пустым»¹⁰.

Соединив таким образом между собой духовное и формальное сходство, Чжан Янь-юань показал, что оба они важны для живописи, причем формальное сходство — лишь средство для художника, а духовное сходство (одухотворенность и ритмичность) — его истинная цель.

Воплощение в картине высшего требования китайской живописи — одухотворенности и ритмичности зависело в первую очередь от мастерства живописца, от его умения работать кистью. Поэтому Чжан Янь-юань придает работе кистью чрезвычайно большое значение. Но говорит также и о том, что мастерство композиции — это «важнейшее» в картине.

Споры о формальном и духовном сходстве, которые вели китайский художник и теоретики живописи многие столетия, были в конечном счете, если говорить о них современным языком, спорами о реализме, натурализме и формализме в искусстве. Естественно, что «Записки» Чжан Янь-юаня заняли свое место в этом споре. Некоторые европейские историки китайской живописи, преломляя взгляды Чжан Янь-юаня через свое собственное понимание искусства, утверждают, что основная идея Чжан Янь-юаня заключается в том, что живопись следует понимать вне ее формы¹¹. Такое толкование представляет собой попытку превратить Чжан Янь-юаня в теоретика формализма, сделать его духовным отцом художников направления *вэньжэньхуа*.

Но, как уже говорилось, Чжан Янь-юань считал, что произведение живописи должно иметь как духовное, так и формальное сходство с действительностью, помыслы художника должны быть направлены на выявление содержания, и тогда форма придет сама собой. Именно этого взгляда придерживались те китайские живописцы, которые шли в своем творчестве по пути реализма¹².

Нам остается выяснить вопрос об отношении Чжан Янь-юаня к двум традиционным школам китайской эстетики — конфуцианской и даоской. В понимании целей и задач искусства живописи Чжан Янь-юань, как мы видели, последовательный конфуцианец. Для него живопись — служанка морали, хотя он чрезвычайно высоко ценит прекрасное в искусстве и наслаждение, которое оно дает. Однако, как только речь заходит о теории художественного творчества, Чжан Янь-юань оказывается на позициях даосизма. Он ссылается на известные притчи Чжуан-цзы о поваре князя Хой и каменщике из Ин, в которых утверждается эстетика предельного интуитивизма, бессознательности и абсолютной свободы творческого процесса. «Тот, кто раздумывает и двигает кистью, намереваясь создать картину, — пишет Чжан Янь-юань, — в большой степени отходит от искусства живописи, в то время как тот, кто не размышляет и двигает кистью без всякого намерения нарисовать картину, достигает (цели) живописи»¹³. В «Записках о знаменитых художниках минувших эпох» Чжан Янь-юаня еще раз встретились два потока эстетической мысли Китая — эстетика конфуцианства и эстетика даосизма.

¹⁰ Чжан Янь-юань. Заметки о знаменитых художниках минувших эпох, с. 23—24.

¹¹ Osvald Sirén. The Chinese on the Art of Painting, p. 28.

¹² Вэнь Чжао-тун. Начальное исследование «Записок о знаменитых художниках минувших эпох». — «Цзян хань шэкань», 1962, № 8, с. 43.

¹³ Чжан Янь-юань. Записки о знаменитых художниках минувших эпох, с. 36.

Военно-стратегическое и политическое значение северо-восточной революционной базы*

К 30-летию разгрома милитаристской Японии издательство «Мысль» выпустило книгу О. Борисова «Советский Союз и маньчжурская революционная база. 1945—1949» — первое в научной литературе обстоятельное исследование по истории создания и укрепления революционной базы на Северо-Востоке Китая, которой суждено было стать основным военно-стратегическим плацдармом китайской революции, приведшей к учреждению Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г.

Революционная база в Маньчжурии, созданная китайскими коммунистами при содействии Советского Союза и его армии, сыграла огромную роль на заключительном этапе освободительной борьбы китайского народа, в завоевании окончательной победы в 1949 г.

Восстановление исторической правды о событиях в Маньчжурии в 1945—1949 гг. имеет значение не только для написания истории национально-освободительной борьбы китайского народа, но и для опровержения многочисленных фальсификаторских концепций маоистов, пытающихся принизить значение международного фактора в победе китайской революции вообще, замалчивающих или извращающих роль Советского Союза в освобождении Маньчжурии от японских оккупантов, в защите и укреплении революционной базы в Маньчжурии, а также принижающих значение этой базы для достижения окончательной победы в 1949 г.

Книга О. Борисова дает также аргументированную отповедь разного рода анти-

коммунистическим писаниям буржуазных китаеведов типа З. Бжезинского, Р. Элеганта и других, извращающих характер и сущность помощи Советского Союза китайскому народу.

В рецензируемой книге, написанной на основе многочисленных документальных советских и китайских материалов, демократической прессы Северо-Восточного Китая, работ советских и иностранных исследователей, а также личных наблюдений автора в период его пребывания в Маньчжурии, исследуется интернациональный вклад СССР в революционную борьбу китайского народа и в создание опорной базы китайской революции в Маньчжурии.

После установления японского контроля над всей территорией Маньчжурии в марте 1932 г. Японией было инсценировано создание на Северо-Востоке Китая «независимого» государства Маньчжоу-го. Япония начала быстрыми темпами развивать военно-экономический потенциал этого обширного района, который в границах 1945 г. занимал свыше 1100 тыс. кв. км и население которого превышало 35 млн. человек. Японские монополии и военщина превратили Маньчжурию в крупный индустриальный район, создали здесь важный военно-промышленный комплекс, базировавшийся на черной металлургии и развитом машиностроении. Сельское хозяйство Маньчжурии не только обеспечивало потребности Квантунской армии и одного миллиона проживавших в Маньчжурии японских колонистов, но и давало излишки для вывоза на Японские острова. Долгое время правящие круги Японии готовили в Маньчжурии плацдарм для нападения на Советский Союз, но героическое сопротивление советского народа гитлеровским захватчикам заставило Японию изменить направление своей агрессии. Уже в 1944 г. японский милитаризм рассчитывал затянуть войну на Тихом океане, используя при этом Маньчжурию как важный военно-промышленный комплекс и стратегический плацдарм, и добиться компромиссного завершения войны с сохранением за собой этого района. Вступление Советского Союза в войну и последовавший затем молниеносный разгром Советской Армией ударной силы японского империализма (отборной Квантунской армии) сорвали эти замыслы и predeterminedили капитуляцию милитаристской Японии.

Историческая победа Советского Союза на Дальнем Востоке явилась в то же время поворотным пунктом в истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии; она со-

* О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база. 1945—1949. К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975, с. 221.

действовала бурному развитию национально-освободительной борьбы на Азиатском континенте и привела в конечном итоге к успешному завершению многолетней борьбы народов Китая и других стран Азии против японского империализма.

В результате разгрома Советской Армией японского империализма на Северо-Востоке Китая возник основной плацдарм для завоевания китайским народом окончательной победы в его многолетней освободительной борьбе против совместного фронта империализма и компрадорской и чанкайшистской реакции.

О. Борисов показывает ту большую политическую и дипломатическую борьбу, которую вел Советский Союз на международной арене после окончания второй мировой войны, защищая демократические силы Китая, и в первую очередь их базу на Северо-Востоке Китая, от натиска американского империализма и гоминьдановской реакции.

Тщательно исследуя документы и материалы внешней политики Советского Союза, Китая и США, материалы китайской прессы послевоенных лет, автор монографии убедительно показывает, что советская дипломатия сумела воспрепятствовать военному вмешательству США во внутренние дела Китая на Северо-Востоке, оказала максимум возможную помощь китайскому народу в завоевании демократических свобод и национальной независимости.

В книге показаны злостные антисоветские действия чанкайшистов в Маньчжурии, их произвол в отношении работников советских учреждений, дезорганизация ими деятельности Китайско-Чанчуньской железной дороги, которая, согласно договору между СССР и Китаем от 14 августа 1945 г., должна была управляться совместно, на паритетных началах. В то же время в книге раскрыты и левачьи действия маоистского руководства КПК, не учитывавшего реально сложившегося соотношения сил в стране, пытавшегося в невыгодных для себя условиях начать гражданскую войну в стране и провоцировавшего Советский Союз на открытое столкновение с США.

Автор убедительно показывает, что Советский Союз «не поддавался ни провокациям американо-чанкайшистов, ни «левацким» и иным шараханьям маоистов, а занял единственно верную позицию — позицию решительной борьбы за интересы китайской революции и китайского народа, проявляя выдержку, терпение и принципиальность» (с. 110). В 1945—1946 гг. в условиях открытой американской интервенции в Китае единственно верным путем развития китайской революции было сочетание политических и дипломатических форм борьбы одновременно с накоплением военного потенциала для нанесения решающего удара. Советский Союз стоял нерушимым препятствием на пути неоколониалистских планов американского империализма, пытавшегося, опираясь на обученную и вооруженную им гоминьдановскую армию, захватить Маньчжурию.

В этот трудный для китайской революции период революционная база в Маньчжурии стала ее главным оплотом. Здесь, как пишет автор, «набирала силы армия, предпринявшая в 1948—1949 гг. поход на Юг, который завершился полным крушением гоминьдановского режима» (с. 132).

После капитуляции Японии китайские коммунисты использовали благоприятный момент для распространения своего влияния в Маньчжурии. С этой целью из освобожденных районов Северного Китая началась срочная переброска на Северо-Восток регулярных воинских частей и кадров партийных и административных работников. К 1946 г. в Маньчжурию из других районов Китая прибыло 100 тыс. регулярных войск КПК и около 50 тыс. партийных и административных работников. Большую помощь, прибывшим в Маньчжурию партийным и военным кадрам КПК оказали местные коммунисты, вышедшие из подполья и освобожденные Советской Армией из японских тюрем.

В книге приведены убедительные цифры роста войск КПК в Маньчжурии — от 20 тыс. человек в конце ноября 1945 г. до 465 тыс. человек ко второй половине октября 1947 г. (из них более половины составляли регулярные войска). Уже к концу 1949 г. маньчжурская группировка фактически являлась самой значительной и мощной из всех войск КПК; войска КПК в Северном и Центральном Китае в отличие от маньчжурской группировки, не представляли собой единой компактной силы, а действовали изолированно, в отдаленных друг от друга районах (с. 134—135).

1946—1947 гг. были в военном отношении тяжелыми для Компартии Китая и ее вооруженных сил. Гоминьдановцам довольно легко удалось захватить главную опорную базу КПК в Яньани, где длительные годы находился ЦК КПК; Мао Цзэ-дун и другие руководители КПК были вынуждены перекатываться в глухую деревню в Северной Шэньси, лишившись возможности координировать действия своих разрозненных армий. Определенные трудности, как указывает автор, возникли и для войск КПК в Маньчжурии, где летом 1946 г. развернулось гоминьдановское наступление, длившееся 8 месяцев. К весне 1947 г. соотношение сил на маньчжурском фронте изменилось, и летом 1947 г. маньчжурская группировка революционных сил под руководством Линь Бяо и Гао Гана перешла в наступление, в ходе которого наголову были разбиты 4 регулярные дивизии гоминьдановских войск, освобождены 42 города, окружены гарнизоны Чанчуня и Гирина, захвачено большое количество американского оружия и других трофеев.

К концу сентября 1948 г. численность маньчжурской группировки войск КПК уже почти вдвое превышала противостоявшую ей группировку гоминьдановских войск. В осенне-зимнем наступлении 1948—1949 гг. войска Линь Бяо — Гао Гана полностью завершили уничтожение го-

группировки войск в Маньчжурии, прорвались через проходы в Великой китайской стене в районах Губэйкоу, Цифэйкоу и др. и вышли на подступы к Тяньцзиню и Тяньцзиню. Маньчжурской группировке численностью 800 тыс. человек, подкрепленной местными формированиями численностью 220 тыс. человек, противостояла в Пекин-Тяньцзиньском районе отборная группировка гоминьдановских войск численностью 520 тыс. человек, которая была полностью уничтожена в ходе 56-дневных боев (с. 142). Приведенные в книге данные о той роли, которую маньчжурская группировка войск сыграла в генеральном наступлении Народно-освободительной армии Китая, завершившемся полным освобождением Китая, убедительно опровергают измышления маоистских фальсификаторов истории, которые сводят историю гражданской войны в Китае исключительно к деятельности «великого кормчего».

О. Борисов разбирает в своей книге конкретные образчики маоистской фальсификации истории военных действий на Северо-востоке Китая, подвергая их уничтожающей критике на основе приводимых в книге неопровержимых факторов, и показывает, что на протяжении длительного времени, еще до пресловутого «дела Линь Бяо», маоисты расправлялись с кадрами КПК, работавшими в Маньчжурии и участвовавшими в операциях маньчжурской группировки революционных войск, и что во многих случаях преследование и репрессии в отношении этих кадров были связаны с их последовательной интернационалистской позицией, искренними дружественными чувствами к КПСС, Советскому Союзу (с. 150—152).

Политические кампании в КНР, направленные на дискредитацию партийных, военных и гражданских кадров маньчжурской революционной базы, не только преследовали задачу всемерной компрометации роли маньчжурской революционной базы и ее вооруженных сил и непомерного возвышения роли Мао Цзэ-дуна на заключительном этапе борьбы китайского народа за свое освобождение (как указывалось выше, Мао это время скрывался в глухих районах северного Китая и был лишен надежной связи с войсками маньчжурской революционной базы), но и представляли собой попытку всячески принизить значение Советского Союза, его армии, оказавшей прямое действие в укреплении главного военно-стратегического плацдарма революции в 1945—1949 гг.

Специальная глава книги О. Борисова посвящена детальному анализу различных форм и видов содействия Советского Союза в укреплению революционной базы в Маньчжурии. Здесь автором рассматриваются контакты по партийной линии между руководителями КПСС и руководством Северо-восточного бюро ЦК КПК, приводятся конкретные примеры помощи Советского Союза в укреплении экономики Маньчжурии, в восстановлении коммуникаций, в борьбе с

эпидемическими заболеваниями, организации медико-санитарного обслуживания населения и войск в Маньчжурии.

Только на первом этапе создания маньчжурской революционной базы и только от двух из трех действовавших в Маньчжурии фронтов Советской Армии китайские революционные войска безвозмездно получили более 3700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 12 тыс. пулеметов, около 680 различных складов, а также корабли Сунгарийской речной военной флотилии (с. 181).

Большой интерес представляет раздел рецензируемой монографии, посвященный анализу социально-экономических преобразований в Маньчжурии, в том числе и аграрной реформы, проведенных под руководством Северо-Восточного бюро ЦК КПК и при содействии Советского Союза, явившихся важным фактором укрепления революционной базы. «Важность демократических преобразований в освобожденных районах Маньчжурии трудно переоценить, — справедливо указывает автор. — Здесь зарождался политический и экономический аппарат будущей Китайской Народной Республики. Революционные кадры проходили школу хозяйствования, демократических преобразований... опираясь на мощный государственный (общественный) сектор в виде экспроприированной крупной промышленности. Партийные организации КПК, народно-демократические власти широко использовали опыт Советского Союза в проведении социально-экономических преобразований» (с. 158). В выполнении этих трудных задач китайские революционеры опирались на опыт СССР, помощь советских людей; в это время в Маньчжурии находилась большая группа советских партийных и хозяйственных кадров, щедро делившихся своими знаниями и опытом с китайскими руководителями.

Важное значение для революционной работы и накопления опыта в 1945—1949 гг., подготовки военных, партийных и хозяйственных кадров для будущей народной республики имела арендованная территория Порт-Артур — Дальний, находившаяся под контролем Советской Армии и администрации. Здесь в 1946 г. проживало свыше 1,5 млн. человек.

Особое внимание автор рецензируемой монографии уделяет показу героической деятельности рабочего класса Маньчжурии, которому принадлежала ведущая роль в быстром восстановлении предприятий, реконструкции топливной, энергетической базы, промышленности и транспорта, обеспечении армии оружием, боеприпасами, военным снаряжением и продовольствием. Рост количественного и качественного состава китайского рабочего класса, повышение его авангардной роли в революционных преобразованиях — наиболее характерные черты в развитии маньчжурской революционной базы, отмечает автор (с. 171).

После 1947 г. революционный центр в Китае практически переместился из Яньани

в Маньчжурию, где концентрировались основные военно-политические силы, существовала и развивалась военная промышленность. Именно здесь партийные организации КПК, опирающиеся на самый крупный в Китае отряд рабочего класса, на союз с широкими массами крестьянства, ковали окончательную победу китайской революции.

Весь материал, приведенный в книге, свидетельствует о том, что роль маньчжурской революционной базы в национально-освободительной борьбе китайского народа нельзя анализировать без учета политической борьбы, гражданской войны и хода социально-экономических преобразований, проводившихся в Маньчжурии в 1945—1949 гг. с помощью Советского Союза.

Этот важный международный фактор создавал благоприятные условия для развития и укрепления революционной базы в Маньчжурии и для успешного исхода национально-освободительной борьбы китайского народа.

Наряду с подробным описанием истории создания и развития революционной базы в Маньчжурии автор рецензируемой книги уделит на ее страницах серьезное внимание анализу общих проблем китайской революции; события 1945—1949 гг. в Маньчжурии рассматриваются в книге в свете марксистско-ленинской теории мирового революционного процесса, как конкретное проявление общих закономерностей этого процесса.

Обширный материал, приведенный в книге, наглядно иллюстрирует ленинское положение о том, что основные черты Октябрьской революции имеют не местное, не национально-особенное, а международное значение¹.

Напоминая в своей книге о значении Октябрьской революции и интернационалистской политики Советского государства для судьбы китайской революции, автор подчеркивает, что Великий Октябрь, пробив гигантскую брешь в системе капитализма, в огромной степени ослабил давление империалистических держав на Китай и тем самым неизмеримо облегчил национальное освобождение китайского народа. Советская Россия твердо встала на сторону национально-освободительной борьбы китайского народа и оказывала неоценимую помощь китайской революции на всех ее этапах.

Китайская революция представляет собой яркое свидетельство того, что в современную эпоху успех революционного дви-

жения в любой стране, и особенно в стране, где пролетариат относительно слаб, в огромной степени зависит от помощи и поддержки, которую это движение получает со стороны уже победившего социализма, от революционной роли, которую социализм играет в международной жизни.

Материалы рецензируемой книги подтверждают вывод автора о том, что предопределенное развитие китайской революции в 1945—1949 гг. не было изолированным социально-политическим процессом, в основе которого, как сейчас пытаются представить маоисты, будто бы лежала концепция «опоры на собственные силы»; освободительное движение в Китае развивалось точно в соответствии с ленинским учением о революциях в колониальных и зависимых странах причем международный фактор в окончательной победе китайской революции имел важнейшее значение, а на некоторых ее этапах, особенно на этапе, рассматриваемом в данной книге, играл определяющую роль.

На всех этапах исторического развития Китая в новейшее время помощь и поддержка со стороны Советского Союза неизменно играли важную роль в национально-освободительной революционной борьбе китайских трудящихся.

На примере исследуемой в монографии маньчжурской революционной базы, ее развития при содействии СССР виден позитивный интернационализм Советского Союза, его неоценимая бескорыстная помощь китайской революции, память о которой маоисты бессовестно пытаются вытравить у китайского народа.

Победа революции в Китае в 1949 г. наглядно продемонстрировала правоту ленинского положения о том, что «революционное движение народов Востока может получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма»².

Удачное сочетание богатого фактического материала из истории национально-освободительной борьбы китайского народа в Северо-Востоке Китая в 1945—1949 гг. глубоким теоретическим осмыслением роли и места описываемых в книге событий в общем процессе китайской революции делает появление работы О. Борисова значительным событием в советском Китаеведении.

С. Л. Тихвинский,
член-корреспондент АН СССР

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 3.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 3 с. 318.

* * *

В рядах китайской революции

История китайской революции всегда была объектом напряженной идейной борьбы. Особенно это относится к последним десятилетиям, когда группа Мао Цзэ-дуна развернула свою раскольническую, антисоветскую и антисоциалистическую деятельность, пошла на союз с крайними силами мировой реакции.

Имperialистическая историография неизменно преследовала цель опорочить и китайских революционеров, КПК и международное коммунистическое движение, КПСС. Непосредственно после Октября, накануне и в период китайской революции 1925—1927 гг., а также в последующие два десятилетия реакционная буржуазная историография, печать, дипломатия усердно распространяли фальшивую версию о «руке Москвы», о «вмешательстве» Советского государства в дела Китая, об «импорте революции» в Китай. Великий китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен объявлялся «красным», чуть ли не «большевиком», вытолкнувшим «указания Бородина и других эмиссаров Кремля». Авторы этих измышлений стремились опровергнуть неопровержимое — будто революционное движение в Китае, как и в других колониальных и зависимых странах, было естественным продолжением условий развития этих стран, ответом их народов на империалистическую политику порабощения и эксплуатации. Бодьем антиимпериалистического движения в странах Востока стимулировался влиянием Великой Октябрьской революции, материально-политической поддержкой и материальной помощью советского народа, нацией Коммунистической партии, Коммунистического Интернационала, но вырос на основе присущих этим странам противоречий.

Версия о «руке Москвы» была отодвинута на задний план под воздействием подлинной истории китайской революции. На смену ей после 1949 г. реакционные американские синологи, а за ними и другие антикоммунистические авторы стали усиленно пропагандировать концепцию, согласно которой китайская революция победила потому, что руководство КПК действовало вразрез с теорией марксизма-ленинизма, с рекомендациями международного коммунистического движения. При этом руководство КПК сводилось, по существу, к одному Мао Цзэ-дуну, который объявлялся создателем единственно «правильной», «соответствующей условиям Китая» стратегии и тактики китайской революции. Такая точка зрения

подогревала националистические и гегемонистские взгляды Мао Цзэ-дуна и его окружения, толкала маоистов к сближению с антисоветскими силами.

Маоистская историография со своей стороны все больше включалась в этот антикоммунистический хор, выдвигаясь в нем на главное место. Начало было положено «самим» Мао Цзэ-дуном, изложившим в беседах с американским журналистом Э. Сноу в 1936 г. свою версию истории китайской революции и внутрипартийной борьбы в КПК. Следующие шаги были сделаны в ходе направленной против интернационалистов кампании «исправления стиля» (1941—1945) и в решении ЦК КПК в связи с роспуском Коминтерна. Накануне VII съезда КПК пленуму ЦК КПК было навязано «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии», включенное в «Избранные произведения» Мао Цзэ-дуна. Оно стало на много лет официальным маоистским толкованием основных этапов истории КПК, фальсифицированной в националистическом направлении, в духе культа личности Мао Цзэ-дуна. В период «культурной революции», на IX и X съездах КПК, эти извращения подлинной истории, предназначенные обосновать антисоветский, проимпериалистический курс группы Мао Цзэ-дуна, усилились.

Советские китаеведы, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, основываясь на изучении документов и других источников, в ряде работ последнего десятилетия вскрыли фальсификаторский характер исторических построений маоистских и буржуазных авторов. Тот факт, что они действуют в одном направлении, отражает опасный для дела мира сговор группы Мао Цзэ-дуна с наиболее агрессивными кругами империалистических государств.

Большое значение для раскрытия подлинных исторических процессов, происходивших в Китае, имеют воспоминания советских военных и политических советников, а также посланцев Коминтерна, работавших в Китае и непосредственно передавших китайским революционерам, Компартии Китая опыт СССР, международного коммунистического движения. Сейчас можно говорить уже о целой серии таких воспоминаний, выпущенных в свет большей частью Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» (мемуары В. М. Примакова, А. И. Черепанова, А. Я. Калягина, А. В. Благодатова, Н. И. Кончина, М. И. Казанкина, В. В. Вишняковой-Акимовой, сборники «Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае» и «На китайской земле»). В 1974 г. Политиздат опубликовал «Китайские записки» О. Брауна, в 1973 г. издательство АПН — «Особый район Китая» П. П. Владимирова. В 1975 г. эта серия пополнилась «Китайскими мемуарами» С. А. Далина¹.

¹ С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921—1927. М., 1975, 358 с.

Еще до Октябрьской революции С. А. Далин стал активным участником революционного молодежного движения, в 1919 г. он заведовал школьным отделом ЦК РКСМ, в 1920 г. работал в Оренбурге членом губкома комсомола и секретарем Киргизского (Казахского) бюро ЦК РКСМ. В 1921—1927 гг. он — член Дальневосточного секретариата Коминтерна и уполномоченный Исполкома Коминтерна молодежи по Дальнему Востоку, преподаватель Университета им. Сунь Ят-сена в Москве.

За эти годы он трижды посетил Китай, встречался с организаторами КПК и Социалистического союза молодежи (как назывался в первые годы своего существования китайский комсомол), участвовал в работе первого съезда этого союза, присутствовал на I съезде профсоюзов Китая. С. А. Далин встречался с Сунь Ят-сеном и другими руководителями гоминьдана, был очевидцем многих важных событий, общался с советскими военными и политическими советниками, находившимися в Китае по приглашению Сунь Ят-сена.

Китайцы старшего поколения помнят книги С. А. Далина «В рядах китайской революции», «Очерки революции в Китае», «Молодежь в революционном движении в Китае», написанные в середине 20-х гг. по свежим следам пережитого и увиденного. Эти книги давно стали библиографической редкостью, и надо приветствовать тот факт, что материал, содержащийся в них, лег в основу рецензируемых мемуаров. Но это не повторение старых книг, а новая работа, в которую вошел ряд чрезвычайно интересных сюжетов, по разным причинам не рассказанных ранее.

В первых разделах «Китайских мемуаров» говорится о X съезде РКП(б) и III Конгрессе Коминтерна (1921), о докладах В. И. Ленина, в которых обосновывалась новая тактика РКП(б) и международного коммунистического движения в связи с изменением обстановки в Советской России и во всем мире.

Автор не только излагает существо вопроса, не только вспоминает о своем восприятии происходившего, но и анализирует развитие ленинской стратегии и тактики применительно к странам Востока: «На II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. В. И. Ленин говорил о поддержке национально-революционного движения в колониальных и полуколониальных странах. Теперь, в 1921 г., после решения III Конгресса о едином рабочем фронте естественно встал вопрос о едином национально-революционном фронте, о тактике коммунистов внутри этого фронта как конкретном выражении ленинского положения о поддержке национально-освободительной борьбы» (с. 17).

Поэтому закономерно, что проблема единого национально-революционного фронта в Китае и борьба внутри его оказались в центре внимания автора воспоминаний. Он говорит о ней, рассказывая о III и IV Конгрессах КИМ, о съездах революционных ор-

ганизаций и революционной молодежи Дальнего Востока, и особенно о IV Конгрессе Коминтерна (1922), в тезисах которого по восточному вопросу был выдвинут лозунг единого антиимпериалистического фронта.

Книга дает представление о специфике начальной стадии организации прогрессивных сил. Автор вспоминает о I съезде профсоюзов (или рабочих союзов, как он предпочитает их называть) Китая, состоявшемся в Гуанчжоу в мае 1922 г. На совещании коммунистов в Гуанчжоу, созванном тогдашним руководителем КПК Чэнь Дусю по предложению С. А. Далина, он выступил с докладом, обосновывая необходимость создания единого национально-революционного фронта, достижения соглашения между КПК и гоминьданом, поддержки коммунистами, рабочим классом правительства Сунь Ят-сена. Выяснение этих вопросов было тем более важно, что гуанчжоуские коммунисты (об этом говорится в книге) допустили грубую ошибку, поддерживая Чэнь Цзюнь-мина в его борьбе против Сунь Ят-сена. Этот эпизод показывает, какие трудности пришлось преодолеть Коминтерну, чтобы добиться понимания и осуществления КПК тактики единого фронта.

Особый интерес представляют воспоминания о встречах и беседах автора с Сунь Ят-сеном. Характеризуя «отца китайской революции», демократа и антиимпериалиста. С. А. Далин в то же время избегает «хрестоматийного глянца», говорит об отсутствии у Сунь Ят-сена в то время (1922) конкретной и четкой социальной программы, о том, что личный состав его войск был чужд идее национальной революции, а его партия — гоминьдан — «очень слаба и расплывчата» (с. 118), о его иллюзиях относительно помощи США (с. 123). Но Сунь Ят-сен, как подчеркивает автор, был искренним борцом за свободу и независимость Китая, выступал за дружбу с Советской Россией.

Вот как С. А. Далин пишет о Сунь Ят-сене в момент, когда в Гуанчжоу милитарист Чэнь Цзюнь-мин совершил реакционный переворот: «Он допустил много ошибок, которые привели его к поражению. Мне часто приходилось спорить с ним о путях китайской революции, но это был спор с революционером, пережившим много поражений в своей борьбе, но никогда не падавшим духом, с человеком, который в полном смысле слова болен и страдал, глядя на свою родину, которую грабили китайские милитаристы и иностранные империалисты» (с. 130).

Содержательны живые характеристики гоминьдановских руководителей. Они дают читателю возможность почувствовать обстановку, помогают понять, как сложно было проводить в жизнь необходимую, единственно правильную политику единого фронта, когда честных союзников, как Ля Чжун-кай, убивали (позже был убит и Дэ Янь-да), а большинство гоминьдановских:

лидеров, говоря революционные речи, замыслили измену.

Автор вспоминает о своих встречах с одним из организаторов китайского комсомола Чжан Тай-лэем, верным другом Советского Союза, павшим на баррикадах Кантонской коммуны в декабре 1927 г. Он рассказывает об одном из ведущих деятелей КПК — Цюй Цю-бо, о его работе по осуществлению тактики единого фронта. Впоследствии Цюй Цю-бо возглавлял ЦК КПК, был одним из строителей революционной литературы Китая, соратником Лу Сня, а в 1935 г. был схвачен контрреволюционерами и встретил смерть в плену «Интернационала». Известно, что маоисты, праздувая культ личности «великого кормчего», замалчивают или даже пытаются опровергнуть тех, кто создавал компартию, кто выступал за дружбу с СССР, за верность идеалам пролетарского интернационализма. Воспоминания С. А. Далина помогают восстановить историческую правду.

Внимание читателя привлекают зарисовки социально-экономического положения в городах и деревнях, через которые он проходил вместе с членами правительства во время переезда из Гуанчжоу в Ухань. Особенно много сведений можно почерпнуть о Гуанчжоу в 1922—1924 и 1926 гг., о сложной и противоречивой обстановке в этом революционном центре, о социально-экономическом положении китайского пролетариата и характере рабочего движения в Гуанчжоу, Чанша, Наньчане, Ухане, Шанхае и в меньших городах (Ганьчжоу, Цзинань, Дэань), о классовой структуре китайской деревни и о крестьянском движении. Автор рассказывает о Северном походе Национально-революционной армии, о подъеме революционного движения в местах, освобожденных ею от милитаристов. Вместе с тем он показывает постепенное перерождение этой армии, подготовившее ее будущее превращение в контрреволюционную силу, говорит о сохранении на освобожденной территории гоминьдана территории старых местных органов власти, о том, что национальное правительство отдавало им на откуп сбор налогов, и других явлениях, казалось бы, несовместимых с революционными декларациями гоминьдана...

Говоря о росте рабочего и крестьянского движения, С. А. Далин в то же время показывает и слабость организаций рабочих и крестьян, их преемственную связь с купеческими гильдиями и тайными обществами, утратившими уже характер народных организаций, который был им в известной степени присущ в середине века.

Автор работал в Китае как представитель КИМ и поэтому, естественно, уделяет особое внимание борьбе китайской молодежи. Он рассказывает о ранней стадии молодежного движения, о работе среди студентов и об антиимпериалистической кампании, организованной КПК и Социалистическим союзом молодежи в 1922 г. в связи с съезвом в Пекине международного кон-

гресса студенческих организаций Христианского союза молодых людей.

С. А. Далин участвовал в работе I Все-китайского съезда Социалистического союза молодежи, который открылся в Гуанчжоу 5 мая 1922 г., в день рождения Карла Маркса. Эта дата была специально выбрана для того, чтобы подчеркнуть приверженность союза марксизму. «День прошел радостно. В Кантоне, в 15 тыс. км от родины Маркса, тогда в двадцати, а порой и больше, днях езды от Москвы, в далеком Китае, почти у самых тропиков торжественно отмечался день рождения основоположника учения, которое открыло новую эпоху в истории человечества» (с. 102). Съезд принял программу и устав союза, сформулировал ближайшие и конечные цели молодежного движения, требования молодежи, заявил о присоединении к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, избрал ЦК ССМК. Секретарем ЦК был избран Чжан Тай-лэй. На пленуме ЦК, открывавшемся в конце марта 1924 г. в Шанхае, С. А. Далин сделал доклад о задачах союза, в котором подчеркивал необходимость вовлечения в союз молодых рабочих и крестьян, высказал свои соображения о путях превращения его в массовую организацию трудящейся молодежи при продолжении работы среди студенчества, которой Социалистический союз молодежи главным образом занимался в то время. В докладе разъяснялась суть тактики единого национального фронта. Участвовавший в работе пленума в качестве представителя ЦК КПК Мао Цзэ-дун высказался (вразрез с решениями Коминтерна и III съезда КПК) за принятие гоминьдана в Коминтерн, оценивал гоминьдан как революционную рабочую партию. Поскольку по Уставу Коминтерна в каждой стране могла существовать лишь одна его секция, принятие в Коминтерн гоминьдана означало бы признание его коммунистической партией и ликвидацию той, членом ЦК которой являлся Мао Цзэ-дун» (с. 164). Ликвидаторский взгляд на перспективы существования КПК сочетался в выступлении Мао Цзэ-дуна с оппортунистическим игнорированием классового расслоения в китайской деревне. По предложению С. А. Далина ЦК КПК отстранил Мао Цзэ-дуна от работы в Социалистическом союзе молодежи. Сообщение С. А. Далина соответствует данным о песимистической позиции Мао Цзэ-дуна на III съезде КПК, где он заявил, что в Китае невозможно создать ни националистическую, ни коммунистическую массовую партию, а революцию в Китае может принести с собой только русская армия с Севера². Иными словами, Мао Цзэ-дун считал возможным лишь военный вариант раз-

² См.: В. И. Глунин. Борьба за единый национальный фронт в Китае (к 50-летию III съезда КПК). — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, с. 130.

вития китайской революции при прямом участии советских войск, что должно было ввергнуть СССР в войну с империалистическими державами.

В содержательных воспоминаниях С. А. Далина есть и неточности. Он пишет: «Я не занимаюсь здесь историей китайской революции, анализом ее побед и поражений» (с. 333). Но и с учетом этой оговорки приходится отметить, что содержащаяся в книге периодизация истории революционного движения в Китае противоречива. Автор выделяет «период национально-освободительного движения, продолжавшийся семь лет, с 1919 по 1925 г. включительно. В эти годы политическая жизнь Китая проходила главным образом под знаменем антиимпериалистической борьбы... Наибольшего размаха революционное движение достигло в 1926 г. во время Северного похода. Но оно уже не ограничивалось антиимпериалистической борьбой. Одновременно с борьбой за национальное освобождение развернулась социальная борьба» (с. 327). При такой периодизации не остается места для революции 1925—1927 гг. как цельного исторического события, а шанхайская и гонконгская забастовки, положившие ей начало, отрываются от Северного похода. А ведь в книге совершенно правильно подчеркивается, что после событий 30 мая 1925 г. в Шанхае, которые именуются переломными, «национально-освободительное движение превратилось здесь в подлинную революционную антиимпериалистическую борьбу, возглавлявшуюся рабочими союзами» (с. 182). Именно эти мощные выступления китайского пролетариата создали обстановку, в которой стал возможен Северный поход, приведший, как показывает автор, к новому подъему революционной борьбы. Далее, в одном месте (с. 337) автор говорит о революции 1926—1927 гг., а в другом (с. 345, 347) — о революции 1925—1927 гг.

Вряд ли можно согласиться с автором, когда он пишет о тайлинском законе о земле: «Это и был закон о восстановлении азиатского способа производства...» (с. 258). Да и весь довольно большой отрывок об «азиатском способе производства» написан без упоминания взглядов тех современных востоковедов-медиевистов, которые, исследуя социально-экономический строй средневекового Китая, расходятся с точкой зрения автора.

С. А. Далин рассказывает о большой помощи, оказанной китайским революционерам Коммунистическим Интернационалом, нашей партией. Он вспоминает работников КПСС и Коминтерна — М. М. Бородина, Г. Н. Войтинского, главного военного советника В. К. Блюхера, других советских людей, работавших в 20-е гг. в Китае. О понимании китайскими народными массами

значения советской помощи говорят, например, лозунги, которыми встречали в Ухане членов национального правительства и советников — «Союз с СССР — это не дипломатический союз двух государств, а союз двух революционных народов!», часто встречавшийся на улицах плакат «Тесный союз с СССР!».

О главном политическом советнике С. А. Далина вспоминает: «М. М. Бородин находился в Кантоне уже три года. Он проделал здесь огромную работу и пользовался большим авторитетом и влиянием. Его любили и уважали даже те, кто не всегда согласен был с его точкой зрения по тому или иному вопросу. Человек с большим тактом, интересный собеседник, располагавший к себе одним своим видом, он изучил стиль и манеры гоминьдановских руководителей, их взаимоотношения, китайские церемонии и дипломатию... Сунь Ят-сен подружился с М. Бородиным. Вместе они разработывали план реорганизации гоминьдана. Этой дружбой в значительной степени объяснялся авторитет и влияние М. Бородина в гоминьдане и правительстве» (с. 188—189).

А вот отрывок о В. К. Блюхере, с которым автор беседовал в декабре 1926 г. в Ханькоу: «В прошлом рабочий, член большевистской партии с 1916 года, талантливый полководец и герой гражданской войны, он фактически руководил военными операциями во время Северного похода в Китае. Беседуя теперь с В. К. Блюхером, я поразился его четкому классовому подходу к событиям, его правильной оценке Чан Кай-ши, пониманию его намерений. Одним словом, он хорошо знал ему цену» (с. 334—335).

Да, советские люди помогали китайскому народу, несмотря на риск, несмотря на жертвы, среди которых не забудется ни пять сотрудников консульства СССР в Гуанчжоу, убитых гоминьдановцами в декабре 1927 г., ни свыше 200 советских летчиков, погибших в небе Китая в годы национально-освободительной войны китайского народа против японских империалистов, ни воины Вооруженных Сил СССР, павшие при освобождении Маньчжурии в августе 1945 г. Маоисты стремятся навязать китайскому народу антисоветизм, не останавливаясь для этого и перед вооруженными провокациями, применяя методы тотальной идеологической обработки. Но традиции советско-китайской дружбы, революционного союза, взаимопомощи, о которых так ярко написал С. А. Далин, в конце концов возрождаются, восторжествуют, ибо в этом китайский народ заинтересован так же, как и все приверженцы дела мира и социализма.

*М. Ф. Юрьев,
доктор исторических наук*

О маоизме и маоистах*

В Улаан-Баторе вышел в свет двухтомный сборник статей «Маоизм и маонисты», содержащий работы монгольских авторов — партийных и общественных деятелей, ученых и пропагандистов — по актуальным проблемам китаеведения. Первый том сборника состоит из четырех частей: 1. Маоистская политика и реакционная сущность маоизма; 2. Маоизм и национальный вопрос; 3. Агрессивные устремления китайских лидеров в Азии; 4. Какие цели преследует Пекин в Африке и Латинской Америке? Во втором томе содержатся материалы, разоблачающие антисоциалистическую, антисоветскую политику пекинских руководителей и раскрывающие пагубность и бесперспективность современной внутренней политики маоистов, тяжелое экономическое и политическое положение в КНР.

Авторы коллективного труда обращают основное внимание на научно-политический разбор и критику маоизма с марксистских позиций на основе достоверных документальных данных. В материалах сборника подвергнуты убедительной критике недостойные приемы пропагандистов из Пекина, ведущих клеветническую кампанию против братской Монголии, успешно строящей социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

Ныне одной из основных тем антимонгольской пропаганды Пекина является клевета на успехи, достигнутые монгольским народом за годы социалистического строительства. Маоистские фальсификаторы без зазрения совести подтасовывают факты, измышляют данные о темпах развития народного хозяйства и культуры МНР, извращают монгольский опыт строительства социализма, всячески поносят советско-монгольскую дружбу, помощь СССР монгольскому народу, активное участие МНР в деятельности СЭВ.

Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал в статье «Минувший капитализм, к социалистическому обществу», опубликованной во втором томе сборника, на конкретных фактах показывает успехи монгольского народа в социалистическом строительстве, подчеркивает монолит-

ность советско-монгольской дружбы, давая тем самым решительную отповедь маоистским клеветникам. Ю. Цеденбал отмечает, что антисоциалистическая и антисоветская политика маоистов несовместима с марксизмом-ленинизмом, что руководители КНР, предавая интересы социализма, смыкаются с империалистическими, милитаристскими кругами капиталистического мира, поддерживают их реакционные идеи и дела.

Академик Б. Ширендыб в статье «Великодержавный шовинизм группы Мао Цзэ-дуна» пишет, что старания маоистов очернить успехи МНР бесплодны и жалки, ибо расцвет экономики и культуры Монголии, подъем благосостояния ее народа хорошо известны. Ученый подчеркивает, что маоисты в угоду своим далеко идущим замыслам искажают основные положения В. И. Ленина о возможности для отставших в своем развитии стран некапиталистического пути движения к социализму с помощью социалистических государств, полностью отрицают значение монгольского опыта в этой области.

В статьях Б. Батболда, М. Дулама, Н. Дагдана и других содержится богатый материал, подтверждающий успехи МНР, дружбу и братский союз социалистических стран. Авторы статей, используя многочисленные факты, разоблачают маоистские измышления об «отставании» монгольской экономики, их клевету на советскую помощь МНР. Они показывают, что, опираясь на братскую помощь Советского Союза и других социалистических стран, МНР создала современную промышленность, валовая продукция которой выросла в 1973 г. в 18,6 раза по сравнению с 1941 г. На долю промышленной продукции приходится ныне примерно половина в экспорте и розничном товарообороте страны. Среднегодовой темп роста промышленности составил за 1961—1973 гг. 9,9%. В 1973 г. по сравнению с 1941 г. численность рабочих и служащих в МНР увеличилась в 7 раз.

Выдающимся достижением народной Монголии явилось социалистическое переустройство сельского хозяйства. На основе развития и укрепления социалистической экономики из года в год повышаются материальное благосостояние и культурный уровень населения МНР. Здесь учится каждый четвертый житель. В стране введено всеобщее семилетнее образование, созданы многочисленные учебные заведения и институты, научные учреждения. Неуклонно развиваются народное здравоохранение и искусство.

Некапиталистический путь развития МНР подтверждает, что задачи национального и социального освобождения народов можно решить лишь при условии тесного союза национально-освободительного движения с международным рабочим классом, с мировой системой социализма. «С полным основанием можно утверждать, — писал тов. Ю. Цеденбал, — что этот союз — могучий фактор, ускоряющий социальный

* Маоизм маогийхан. Т. 1, 2. Улаан-баатар, 1974—1975.

прогрессе отстававших в своем общественном развитии народов»¹.

В сборнике «Маоизм и маоисты» подвергнуты анализу различные аспекты внутренней жизни КНР, экономический, идеологический и политический кризис, переживаемый современным китайским обществом. Ч. Бямба в своей статье детально рассматривает работу и решения X съезда КПК и приходит к выводу, что маоистское руководство КПК отошло от принципов социализма, марксизма-ленинизма в сторону социал-реформизма, троцкизма и национализма, тем самым предаёт интересы китайского народа. Статья Д. Сангиданзана посвящена анализу новой конституции КНР. Сопоставляя две конституции КНР (1954 и 1975 гг.), ученый отмечает, что искусственная замена конституции 1954 г., которая не исчерпала своей исторической роли, была вызвана стремлением маоистов законодательно оформить и закрепить свою антинародную и антисоциалистическую политику.

Специальный раздел сборника посвящен рассмотрению политики маоистов в национальном вопросе. Авторы статей Э. Пунцаг, Ж. Хадат, Д. Алтангэрэл и другие пишут, что национальные меньшинства в Китае (а их насчитывается около ста) плечом к плечу с китайским народом боролись против гоминьдановской реакции и агрессивной японского империализма и внесли достойный вклад в победу китайской революции и образование Китайской Народной Республики. Народы Китая по праву рассматривали образование КНР как важнейший шаг на пути правильного решения национального вопроса в Китае. Но, как отмечают авторы рецензируемого сборника, чаяния и надежды национальностей не оправдались. Лишь китайская (ханьская) нация получила право на собственную государственность, а остальные — право на ограниченную автономию, которая фактически представляет умышленное дробление национальностей, насильственную ломку их исторически сложившихся этнических границ. В создании так называемых «автономных районов» ярко выступала великодержавная политика, направленная на ассимиляцию некитайских народов, растворение их среди китайцев.

В материалах сборника подробно рассмотрено современное положение автономного района Внутренняя Монголия. Преследуя цель насильственной ассимиляции неханьских народностей, маоисты наводнили Внутреннюю Монголию китайцами путем их переселения из других провинций страны и предоставления им монгольских земель. В составе автономного района монголы сейчас составляют лишь 10% населения. Почти все командные посты в местных органах Внутренней Монголии, как и в дру-

гих автономных районах и округах КНР, заняты китайцами.

Совершенно очевидно, что великоханьский шовинизм и национализм маоистов, насильственная ассимиляция ханьцами малых народов ничего общего не имеют с марксистско-ленинским учением по национальному вопросу. Авторы статей отмечают, что всемирно-исторический опыт СССР, впервые претворившего в жизнь учение В. И. Ленина по национальному вопросу, и опыт МНР в национальной политике являются образцом применения марксистско-ленинской теории и имеют громадное значение в разоблачении антимарксистской политики маоистов, проводящих великодержавную шовинистическую политику внутри страны.

Большой интерес представляют те разделы сборника, которые содержат материалы, посвященные разоблачению подрывной деятельности маоистов на международной арене. Авторы их показывают, что маоисты, полностью отбросив пролетарский интернационализм и взяв на вооружение гегемонистские идеи, извращают внутреннюю и внешнюю политику стран социалистического содружества, пытаются подорвать единство социалистических стран и коммунистического движения. Великодержавный шовинизм маоистов насильственно пропитан антисоветизмом. Они стремятся поссорить народы Азиатского континента с советским народом, положить антисоветизм в основу взаимоотношений Китая с государствами Азии, например с Японией.

Маоисты, отмечается в сборнике, придумали новую конструкцию расстановки мировых сил. Они полностью отрицают существование социалистического лагеря. Пекин, включив себя в «третий мир», претендует на роль лидера этого мира. Маоисты утверждают тезис о существовании в мире «сверхдержав» — СССР и США, планирующих якобы разделить между собой всю планету. Они тщатся изобразить дело так, будто политика этих двух стран однакова, будто между ними налицо «сговор». Руководители КНР не желают признавать принципиальных различий между социалистическим Советским Союзом и империалистическими Соединенными Штатами. Они объявляют разрядку напряженности в мире «мифом», «обманом», нимало не считаясь с тем, сколько усилий затрачено всеми миролюбивыми силами планеты для оздоровления международного климата и насколько важны достигнутые результаты для судеб всех народов, в том числе и китайского.

Ч. Зумбэ, У. Ганга, Д. Маам, Б. Саялхам, Б. Батболд и другие авторы сборника выступают со статьями, в которых с марксистско-ленинских позиций критикуется раскольничья деятельность группировки Мао Цзэ-дуна в коммунистическом движении, великодержавная, гегемонистская политика маоистов на международной арене, разоблачаются территориальные притязания маоистов к соседним странам.

¹ См.: Ю. Цеденбал. Избранные статьи и речи. 1962—1973 гг. М., 1974, с. 248.

Составной частью авантюристического курса Пекина на международной арене, пишет О. Чулуун, является его антимонгольская политика. Группа Мао открыто выражает экспансионистские устремления, намерения расширить территорию Китая за счет соседних с ним государств, в частности за счет МНР. В статьях О. Чулууна, Б. Ширендыба, Н. Дагдана полностью раскрыта несостоятельность территориальных притязаний Пекина к МНР.

Идею расширить территорию Китая за счет соседних государств Мао Цзэ-дун выдвигает давно. В 1936 г. в беседе с американским журналистом Э. Сноу Мао заявил: «Непосредственная задача Китая состоит в том, чтобы не только защитить свой суверенитет по эту сторону стены, но и вернуть все утраченные территории». МНР, Индокитай были названы членами будущей «Китайской федерации». С тех пор Мао Цзэ-дун и его сторонники не раз выступали с наглыми требованиями включения Монголии в состав Китая.

Монгольские авторы резонно спрашивают, как уживаются такие притязания маоистов с их разлагающимися об уважении суверенитета других стран и народов? Ведь беспочвенно и смехотворно претендовать на территорию соседних стран на том основании, что монгольские завоеватели установили когда-то в Китае свою династию, или потому, что китайские милитаристы оккупировали в 1919—1920 гг. часть монгольской территории.

Идеологи маоизма заняты беззастенчивой фальсификацией исторического прошлого монгольского народа. Фальсификация нужна пекинским деятелям, отмечается в сборнике «Маоизм и маоисты», для того, чтобы оправдать свою великодержавную, гегемонистскую политику, для обоснования своих территориальных притязаний к соседним странам, в том числе и к Монгольской Народной Республике.

Какие же факты и проблемы истории Монголии преподносятся маоистскими идеологами в искаженном виде? Фальсифицированы такие исторические факты и проблемы, как роль Чингисхана и его преемников в истории, их политика и завоевания чужих территорий; политика Цинской маньчжурской династии в Центральной Азии, ее захватнические войны против монголов; освободительная борьба монгольского народа против цинско-китайских завоевателей; история Ойрато-Джунгарского ханства и его политика отставания и защиты свободы и самостоятельности монголов; расшифровка древнетюркских письменных памятников, найденных на территории МНР; вопрос о вкладе кочевых народов Центральной Азии в развитие человеческой цивилизации.

О. Чулуун, Э. Чимидцэрэн и другие отмечают, что общественные науки в КНР, прежде всего историческая наука, превратились в орудие маоистских фальсификаторов, сознательно искажающих общепри-

знанные факты истории и современного положения Монголии.

Пекинские идеологи и «придворные» китайские историки отрицают достижения материальной и духовной культуры кочевых народов Центральной Азии, к которым относятся монголы, не хотят признавать их вклада в создание человеческой культуры. По их утверждению, монголы и другие народы Центральной Азии лишены оригинальной культуры, якобы они лишь заимствовали материальную и духовную культуру у китайцев. Пекин не признает наличия взаимного влияния между кочевыми и оседлыми народами.

Эта антинаучная концепция была подвергнута глубоко научной, подкрепленной богатыми фактическими материалами критике на международном симпозиуме «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», состоявшемся в 1973 г. в Улан-Баторе. Монгольские и советские ученые-археологи обнаружили на территории Монголии следы земледельческой культуры, возникшей самостоятельно и принципиально отличной от китайской, и доказали самобытность духовной культуры кочевых народов, наличие сложных взаимоотношений и взаимного влияния между кочевниками и соседними народами. Академик А. П. Окладников, использовавший в своей статье «Связь эпох» многочисленные историко-археологические факты, приходит к выводу о широком взаимодействии народов и культур, о самобытной культуре народов Центральной и Северной Азии в древности и средние века². О взаимовлиянии народов Центральной Азии, об их самобытной культуре идет речь в статье О. Чулууна «Страница из истории прошлого», вошедшей в сборник «Маоизм и маоисты».

В коллективном труде монгольских авторов подчеркивается, что нынешние «научные изыскания» в КНР в целях доказать, будто никаких суверенных монгольских государств ранее не существовало, что все соседние народы находились в вассальной зависимости от Китайской империи, а границы «великого Китая» простирались далеко за нынешние пределы КНР, имеют вполне определенное «целевое» назначение. Наглядным примером этого является публикация в Пекине «карты Китая в период его наибольшего могущества». На ней почти вся Азия и большая часть Европы, то есть страны, завоеванные монгольскими захватчиками в XIII—XIV вв., были отмечены как китайские территории. Этот и другие факты говорят о том, что маоисты оправдывают подобные захваты, стараются их использовать для обоснования своих территориальных притязаний. Об этом подробно рассказано в статьях О. Чулууна, Э. Чимидцэрэна, Г. Сухэ-Батора.

² См.: «Правда», 17. VII. 1974.

Публикация сборника «Маонизм и маонисты», содержащего обширные и разнообразные фактические материалы, подготовлена на высоком научном уровне. Авторы этих материалов сделали много глубоких выводов и обобщений, проявили объективный научный подход к изучению современных событий в Китае. Они внесли весомый позитивный вклад в изучение актуальных

проблем китаеведения, в критику маонизма и маонистов, политика и дела которых представляют серьезную угрозу делу социализма, безопасности народов и мира во всем мире.

Ш. Б. Чимитдоржиев
кандидат исторических наук
Улан-Удэ

Народные восстания или крестьянские революции?*

Советское китаеведение еще испытывает острую потребность в капитальных исследованиях ряда конкретных периодов и проблем истории Китая в средние века, ибо без этого невозможно становление нашей фундаментальной концепции китайского (и в целом восточного) феодализма. Рецензируемый труд, в котором освещаются главные вехи развития классовой борьбы в Китае за сравнительно большой отрезок времени и рассматриваются связанные с нею важные научно-теоретические вопросы, в значительной мере восполняет этот пробел. Монография написана на весьма солидной источниковедческой и историографической базе. Наглядное представление об этом дает уже первая глава «Источники и литература» (с. 12—91), но историографический аспект проходит и через все остальные разделы работы. Автор исследовал практически почти все доступные акты и иные документальные материалы, нарративные, эпиграфические и прочие источники по избранной им теме, относящиеся преимущественно к X—XIII вв. Следует подчеркнуть, что автор выявил и основательно проработал не только произведения феодального историописания, которыми по издавна установившейся традиции, как правило, ограничиваются исследователи подобных сюжетов и в самом Китае, и в Японии, и на Западе. В исследовании убедительно показано, что источниковедческое значение для данной темы этой группы материалов, включая династийную историю «Сун ши», обычно возводимую в

ранг первостепенной важности источника по истории Китая X—XIII вв., в литературе, особенно китайской, неправомерно завышается.

Среди использованных Г. Я. Смолиным источников довольно много различных по жанрам неофициальных материалов, которые принадлежат современникам описываемых в монографии событий и ближайшим за ними поколениям авторов. Такого рода материалы пока что редко привлекаются китаеводами-медиевистами, тогда как они чрезвычайно (зачастую гораздо более, чем официальные труды) важны для научной разработки данной и аналогичных тем. Многие источники, на которые опирается рецензируемое исследование, впервые вовлечены у нас в научный оборот. К ним относятся, например, документальные и иные материалы, авторами которых являются сами повстанцы (наподобие «Воззвания Фан Ла»), а также произведения фольклора — все то, что, как пишет автор, представляло тенденцию, противоположную официальной (с. 12—17). Заслуживают особого внимания и сочинения, которые специально посвящались современниками тому или иному восстанию и впервые в нашем китаеведении введенные Г. Я. Смолиным в исследовательский оборот.

Весьма полно изучена и критически использована имеющаяся к настоящему времени литература вопроса на китайском, японском и европейских языках, не говоря уже об отечественной.

Г. Я. Смолину удалось избежать, как это нередко встречается в трудах, посвященных крестьянским восстаниям, крена в фактографию. Работа в целом носит проблемный, а не описательный характер. Так, уже во «Введении» автор предлагает, думается, правильное решение вопроса, до сего времени вызывающего в нашей и зарубежной науке споры об антифеодальном, социально-историческом смысле классовой борьбы в Китае X—XII вв. — на начальной ступени развитого феодализма (с. 5—11). Хотя монография посвящена истории народного антифеодального сопротивления в его высшей, самой массовой и активной, повстанческой форме, Г. Я. Смолин во «Введении» на кон-

* Г. Я. Смолин. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974, 556 с.

кретном материале X—XII вв. подробно характеризует также другие виды и средства противодействия трудового люда экономическому, политическому и духовному гнету господствующего класса. Это следует особо подчеркнуть, поскольку китайская медиевистика, как правило, исчерпывает проблему классовой борьбы в средневековом мире одними только массовыми вооруженными выступлениями — крестьянскими войнами и восстаниями, сводит лишь к ним сложную, многообразную по формам практику борьбы трудящихся масс (с. 24—59).

Высокой оценки заслуживает весьма фундаментальная в источниковедческом отношении глава «О положении крестьянства в Сунской империи» (с. 92—190). Она действительно связана органически с последующими главами, но в то же время имеет самостоятельную научную ценность для уяснения многих важных закономерностей и признаков, присущих социально-экономическому развитию Китая в средние века.

Вопреки некоторым представлениям, все еще, к сожалению, имеющим место и в нашей литературе, Г. Я. Смоллин характеризует Китай не как застойное, абсолютно застывшее, в этом смысле «традиционное» общество. Оно, как убедительно на обширном материале доказывает автор работы, знало поступательное движение, прошло последовательные стадии развития, как бы медленно это развитие ни происходило. В данном плане весьма показательна детально прослеженная в монографии динамика важнейших социально-экономических институтов и форм в Китае на протяжении VIII—XII вв. Явственно выступает негативное отношение автора к концепции «азнатского способа производства», сторонники которой, как известно, имеются и за рубежом, и среди наших китаеведов¹. Китай X—XII вв., разносторонне охарактеризованный во второй главе, а также в последующих разделах работы, предстает как общество со всеми основными атрибутами, присущими феодализму.

Впервые в советском китаеведении столь обстоятельно рассматриваются автором ведущие тенденции развития аграрного строя в Китае X—XII вв., соотношение различных категорий и форм феодальной собственности на землю, отличия в положении разных групп и разрядов внутри крестьянства (с. 107—158). Большим достижением надо признать характеристику различных типов феодально зависимой сельской общины в Китае X—XII вв. — собственно, первый в нашей науке шаг в изучении средневековой китайской общины (с. 158—172). Привлекает внимание и впервые предпринятая у нас попытка основательной разработки вопроса

о формах прикрепления крестьян к земле, об отсутствии у них права на свободный переход и других аспектах внеэкономического принуждения земледельцев в Китае X—XI вв. Тем самым раскрывается чрезвычайно существенная сторона социально-экономической характеристики феодального строя в Китае, на которую указывал В. И. Ленин в статье «Демократия и народничество в Китае». Важно отметить, что автор рецензируемой работы прослеживает региональные различия в степени и средствах прикрепления крестьян (из категории так называемых «пришлых») к земле. И при освещении ряда других проблем Г. Я. Смоллин учитывает фактор неравномерности развития отдельных районов обширной Сунской империи, оттеняет различия в их облике и порожденную этими различиями конкретную специфику классовой борьбы в том или ином районе.

Заслуживает одобрения раздел «О тезисе «крестьянам жилось все хуже» (с. 182—191). В исторической литературе до сих пор еще бытует иногда формула о том, что крестьянам в эпоху феодализма становилось все тяжелее и тяжелее, что они повсеместно и непрерывно в течение многих сотен лет только разорялись, то есть ни о каком прогрессе сельскохозяйственного производства не может быть и речи. Автор выступает против подобной точки зрения, вполне логично заявляя, что в таком случае: «... крестьянство просто-напросто физически исчезло, естественно вымерло бы уже через два-три поколения» (с. 188). Конкретный анализ китайской исторической действительности позволил Г. Я. Смоллину убедительно показать, что, несмотря на временные периоды застоя или упадка, особенно во времена наших, сельское хозяйство «в определенные периоды, подчас довольно длительные, переживало значительный подъем, как то было, скажем, в конце VI—VII в. во второй половине X — начале XI в. или во второй половине XIV в.» (с. 188).

В третьей — шестой главах монографии (с. 191—466) содержится основательный и всесторонний анализ конкретных причин, хода и отличительных особенностей важнейших антифеодальных движений второй половины X — первой четверти XII в., их последствий и значения. Их история прослеживается по трем этапам, хронологические границы и своеобразие которых обстоятельно обосновываются автором. В этих главах впервые дана действительно полная картина таких уже известных по специальным работам крупных выступлений, как восстания 993—997 гг. под руководством Ван Сяо-бо и Ли Шуня, 1047—1048 гг. — во главе с Ван Цзэ, 1120—1122 гг. — под предводительством Фан Ла и некоторые другие (с. 191—285, 341—373, 393—443). Заслугой автора следует признать выявление в источниках X—XIII вв. исчерпывающих данных о массовых антифеодальных выступлениях, малоизвестных либо совсем неизвестных в науке...

¹ Аргументированную критику концепции особого, восточного типа производственных отношений в Китае см.: В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975.

но, как показано в монографии, сыгравших заметную роль в общем процессе классовой борьбы того времени, — восстаниях второй половины X — первой половины XI в. (с. 286—320). Очень интересно и свежо написан раздел о предводителе небольшого крестьянского восстания Сун Цзяне — личности чрезвычайно популярной в китайском народе благодаря историческому роману «Речные заводи», где Сун Цзян является ведущим персонажем. Не случайно роман еще в XVI в. имел также название — «Сун Цзян». В разделе «Восстание Сун Цзяна: легенды и действительность» (с. 444—464) автор тщательным образом, с привлечением всех возможных источников сопоставляет собственно исторические и фольклорные, а также литературно-художественные (запечатленные, в частности, в «Речных заводах») версии этого события, имевшего место в 1120—1122 гг., воссоздает реальную картину восстания. Сопоставление «Речных заводов» с «Песней о Роланде» и «Словом о полку Игореве» весьма плодотворно, ибо функционально все эти три произведения несли аналогичные нагрузки, оказав большое влияние на духовное формирование последующих поколений своих стран.

Образ Сун Цзяна живет в КНР и в наши дни. Следует отметить, что ведущая ныне в КНР кампания критики романа «Речные заводи» имеет не только политическую подоплеку (отражение борьбы различных группировок в китайском руководстве), но и несет большой идеологический заряд. Продолжая курс на переоценку духовных ценностей народа, особенно четко проявившийся в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», маоисты перешли к конкретному развенчанию их носителей — исторических и литературно-фольклорных героев китайского народа. Выбор пал на Сун Цзяна. В течение столетий этот вождь крестьянского восстания являлся для народа символом борьбы против социальной несправедливости, против угнетателей и эксплуататоров. Ныне же Сун Цзяна вывели на страницы массовой печати в образе предателя интересов народа, навесив кличку «капитулянт». При этом маоисты искажают историческую действительность, стремясь всячески очернить образ Сун Цзяна. Раздел о Сун Цзяне, написанный Г. Я. Смолиным задолго до начала кампании критики романа «Речные заводи», звучит ныне очень актуально, ибо автор снимает с Сун Цзяна наслоения феодальной историографии, и прежде всего доказывает несостоятельность версии об участии Сун Цзяна в подавлении восстания Фан Ла.

Принципиально важно, что в круг рассматриваемых Г. Я. Смолиным народных движений введены и восстания населявших Сунскую империю некитайских народностей. Это были и совместные с китайскими трудящимися выступления (например, объединенное восстание яо и китайских крестьян в 1043—1047 гг., с. 321—328), и самостоятель-

ные — чжуанцев, в ходе которого было создано чжуанское «Небесное государство Юга» (1045—1055 гг., с. 328—341). Хорошо показана активная роль чжуанской женщины — матери предводителя восстания.

Об этих событиях предшествующая литература, не исключая и китайскую, ничего или почти ничего не сообщает. Между тем восстания иноэтнического населения являлись важной неотъемлемой частью истории массовых движений в средневековом Китае, обогащали содержание общего потока антифеодальной борьбы, придавали ей большую остроту, ощутимо раздвигали ее территориальные рамки; в свою очередь антифеодальный фактор вносил более глубокий смысл в освободительную борьбу так называемых малых народов, способствовал росту их социального самосознания (с. 321—341).

Много места в третьей — пятой главах отведено анализу идеологической стороны антифеодальных движений в Китае X—XII вв., эгалитаристских устремлений повстанцев, проявлений нанвно-монархических иллюзий (в том числе в форме самозванчества) и т. д. Подробно рассматривается деятельность тайных обществ (с. 345—370), которые готовили и направляли в идейно-религиозном и военно-организационном отношении ряд восстаний того времени. Представляют большой интерес разделы, где прослеживаются утопические попытки социального творчества приверженцев этих тайных обществ, предпринимавшиеся с целью осуществления на практике религиозно-бытовых реформ, а также требований имущественного и социального поравнения.

Исследование Г. Я. Смолина убедительно раскрывает несостоятельность утверждений западных и японских буржуазных сиологов, начисто отрицающих возможность существования усредневекового китайского крестьянства собственного общественного сознания, в том числе «мотивов социо-экономического эгалитаризма» (разумеется, в исторически обусловленном объеме и содержании). Вместе с тем Г. Я. Смолин приводит разноречивую аргументацию против широко распространенных в медиевистике КНР, в частности в литературе о народных восстаниях X—XII вв., попыток преувеличить уровень и глубину социально-политической сознательности китайского феодального крестьянства и на этом «основании» всемерно идеализировать его роль в истории, в преобразовании старого общества. Особенно много места критика таких взглядов занимает в историографическом очерке, в третьей главе и в «Заключении».

Научно-полюемическая заостренность против различных извращений теории и истории классовой борьбы в феодальном Китае западными и японскими буржуазными сиологами, а также маоистской историографией КНР — одна из самых сильных сторон рецензируемого труда в целом. Эта черта присуща всем, без исключения, разделам монографии, а не только главе I «Источники и литература».

Обстоятельный критический разбор книг и статей американских и японских китаеведов — Мурамацу Юдзи и др. — приводит автора к выводу, что за последнее время определенно возросло внимание китаеведной медиавистики капиталистических стран к проблематике народных повстанческих выступлений, в том числе восстаний X—XII вв., но продиктовано это в первую очередь стремлением противостоять марксистской концепции классовой борьбы. Г. Я. Смоллин последовательно и убедительно вскрывает порочный смысл и в конечном счете антимарксистскую направленность теоретических воззрений буржуазных авторов по вопросам о причинах, характере и значении крестьянских движений, их идеологическом и социально-психологическом содержании и т. д.

Исходя из ленинского положения о том, что китайский народ «умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями Китая»², автор в то же время критикует концепцию переоценки роли крестьянских восстаний в историческом процессе. Г. Я. Смоллин аргументированно вскрывает всю несостоятельность маоистского тезиса, будто крестьянские войны и восстания были единственным фактором, вызывавшим развитие китайского феодального общества. Именно этот тезис, выдаваемый в КНР за «универсальную, программную теоретико-методологическую установку», стал исходной основой для многих китайских исследователей и политических деятелей³. Именно здесь берет начало возобладавший в медиавистике КНР курс на гипертрофию исторического места и значения китайского крестьянства, на непомерное завышение масштабов и глубины воздействия его классовых выступлений на социальный прогресс. Г. Я. Смоллин на обширном историческом материале фактов в общем и конкретном (применительно к X—XII вв.) плане показывает несостоятельность доминирующих среди историков КНР взглядов, будто китайское крестьянство от века обладало «беспрдельно высокоревольюционным классовым сознанием» и прочими «беспримерными», «исключительными качествами», которые якобы закономерно предопределены особыми условиями Китая и выдвинули данный класс на положение и роль врожденного носителя революционной исторической миссии в этой стране. Отсюда, в частности, широкое увлечение медиавистов КНР, особенно с

конца 50-х гг., термином «крестьянская революция» в приложении к крупным повстанческим движениям средневекового китайского крестьянства, а также чрезмерно расширительное истолкование ими понятия «крестьянская война». Эти аспекты основательно рассматриваются Г. Я. Смоллиным в историкографическом очерке и в том разделе «Заключения», где дается ответ на вопрос, почему в Китае X—XII вв. не произошла, не стала возможной крестьянская война как таковая.

Г. Я. Смоллин совершенно справедливо подчеркивает, что в приведенном выше маоистском тезисе содержится полное игнорирование производственно-экономической деятельности непосредственных творцов материальных ценностей — социальных низов феодальной деревни и города, чьим трудом прежде всего и главным образом продвигалась вперед, пусть очень медленно, экономика средневекового Китая (с. 480—481). Помимо этого, отмечает автор, в данном маоистском тезисе содержится забвение, а точнее — отрицание большого разнообразия путей, форм и средств классовой борьбы. Как подчеркивается в монографии (с. 480—483), игнорирование иных, неповстанческих видов и способов антифеодального сопротивления (скрытых и открытых, индивидуальных и коллективных, пассивных и активных) порождено в маоистской концепции абсолютизацией идеи войны, форм вооруженных массовых выступлений, полных отождествлением социально-освободительных и национально-освободительных движений с войнами, трактовкой вооруженной борьбы как единственно возможного всегда и повсюду средства для достижения общественного прогресса.

Эти и ряд других, отчасти уже затрагивавшихся положений работы Г. Я. Смоллина, несомненно, придают ей в наши дни большую научно-теоретическую и общественно-политическую значимость.

Монография не свободна от недостатков. Так, рассредоточенные сейчас по «Введению», главе третьей и «Заключению» суждения автора относительно ряда общих вопросов классовой борьбы в Китае X—XII вв. (ее антифеодального содержания, многообразия ее путей и средств, общественного сознания средневекового китайского крестьянства, принципов периодизации истории массовых повстанческих движений), очевидно, целесообразней было бы свести в одну самостоятельную главу, которая предварила в последовательное, по этапам изложение в третьей — пятой главах хода восстаний крестьян и горожан во второй половине X — начальных десятилетиях XII в. Нуждаются в уточнении и отдельные формулировки во второй главе, касающиеся в целом верной характеристики отличительных особенностей внеэкономического принуждения крестьян в Китае X—XII вв. Это же самое можно сказать о некоторых суждениях, касающихся сельской общины. Не всегда последовательно выдержан сформулированный

² См.: В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. — Полн. собр. соч. Т. 21, с. 401.

³ Этот маоистский тезис активно функционирует и в последнее время, в ходе продолжавшейся более двух лет кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Весьма характерна в этой связи статья Лю Найчана «Крестьянские восстания в период Северный Сун и реформы Ван Ань-ши» («Гуанмин жибао», 25. II. 1975).

автором тезис о неравномерности (во времени и в территориальном плане) роста феодальной эксплуатации. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что уже трактовка первого народного движения (конец III в. до н. э.) была искусственно связана с конфуцианской концепцией передачи «мандата» на власть «добродетельному правителю». По крайней мере вряд ли это может быть отнесено к восстанию 209—208 гг. до н. э. Сыма Цянь в 121-й главе «Исторических записок» сообщает нам, что восьмой потомок Конфуция — Кун Цзя, «захватив с

собой ритуальную утварь Конфуция ...стал советником Чэнь Шэ» — руководителя первого крестьянского восстания в истории Китая.

Перечисленные и некоторые другие, более частного характера недостатки и упущения не умаляют больших достоинств и общей высокой оценки фундаментального исследования о крестьянских восстаниях в средневековом Китае.

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук*

Сущность шовинистической национальной политики Пекина

Разоблачение великодержавной политики Пекина в отношении неханьских народов Китая является важной задачей коммунистов, прогрессивных сил мира.

В этом отношении заслуживает внимания книга «Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР», выпущенная Издательством политической литературы*. Книга подготовлена в основном сотрудниками Института Дальнего Востока АН СССР в творческом содружестве с учеными Монгольской Народной Республики.

Рецензируемая книга явилась результатом исследования проблемы, многосторонних ее разветвлений и поворотов. В процессе изучения авторами были подняты и систематизированы многочисленные официальные источники и документы (государственные и партийные), материалы центральной и местной прессы на китайском, монгольском, уйгурском, чжуанском, тибетском и других языках.

Книга опирается на достижения современной советской исторической науки в области изучения национального вопроса в странах Востока. В книге излагаются основы ленинской теории национального вопроса, указания Коминтерна об особенностях развития китайской революции, подчеркивавшего огромное значение правильного решения национальных проблем для судеб построения социализма в стране, анализиру-

ется национальная политика КПК в разные периоды истории Китая.

Авторы отмечают, что подлинные интернационалисты в КПК еще в 20—30 гг. подчеркивали важность для многонационального Китая четких позитивных партийных положений по национальному вопросу. Так, II съезд Коммунистической партии Китая (июль 1922 г.) в Программе-минимум и в других документах, исходя из ленинского принципа о том, что федерация — одна из форм политической структуры государства пролетарской диктатуры, предусматривал будущее федеративное устройство Китая. III съезд КПК (июнь 1923 г.), опираясь на основное ленинское положение о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, принял политическую программу, восьмой пункт которой гласил: «Окраины: Тибет, Монголия, Синьцзян и другие — должны получить право на самоопределение. И только, если эти народы захотят, они могут присоединиться к Китаю».

В резолюции VI съезда КПК (июнь — июль 1928 г.) также содержался этот пункт: «Объединение страны с признанием права каждой нации на самоопределение». Это же подтвердили VII съезд КПК (апрель 1945 г.) и I и II Всекитайские съезды Советов (ноябрь 1931 г.; январь 1934 г.). Борьбу «за создание новодемократической федеративной республики» провозгласил Устав КПК, принятый VII съездом Коммунистической партии Китая.

Таким образом, еще до образования КНР «Коммунистическая партия Китая сумела выработать национальную программу, основанную на принципах марксизма-ленинизма...» (с. 7).

Но вопреки линии коммунистов-интернационалистов в рядах КПК «особую» позицию заняли Мао Цзэ-дун и его группа, которые начиная с 1938 г. (VI пленум ЦК КПК) всячески старались не упоминать о праве неханьских народов на самоопределение, демагогически декларируя представление им «равных прав с ханьцами...». Подлинное отношение маоистов к этой проблеме было выражено в «Общей программе» Народного политического консультативного совета Китая (принята 29. IX. 1949 г.)

* Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975, 126 с.

ставшей временной конституцией КНР. В ней говорилось лишь о местной национальной автономии, о праве наций на самоопределение даже не упоминалось. «Ограничение прав неханьских народов рамками местной национальной автономии было, по сути дела, открытой ревизией марксистско-ленинских принципов решения национального вопроса», — подчеркивают авторы (с. 9).

Надежды неханьских народов, мечтавших о национальной государственности, были обмануты. Это породило острое недовольство среди народов и критические выступления национальных деятелей. Под предлогом борьбы с «местным национализмом», «раскольническими» тенденциями маонисты развернули кампанию гонения национальных кадров. Они подвергались репрессиям и даже физическому истреблению.

Образование автономных районов, округов и уездов, по сути дела, было фикцией, весьма удобной для великоханьских шовинистов Пекина в проведении политики дискриминации и насильственной ассимиляции уйгурского, монгольского, тибетского и других народов Китая.

Авторы на протяжении всей книги прослеживают, как отражалась борьба двух тенденций — позиции коммунистов-интернационалистов и великодержавного курса маонистов в теории и практике национального строительства КНР.

В рецензируемой работе отмечается, что на практике маонистские лидеры при создании национальных автономий игнорировали ленинский принцип необходимости уничтожения старых административных границ, созданных с учетом привилегий ханьской нации. «За немногими исключениями, создание автономных единиц происходило на основе старого административного деления» (с. 13). Особенно наглядно видно это в Гуанси-Чжуанском автономном районе и в Тибете.

VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.) указал на ряд ошибок в национальном строительстве и для исправления положения наметил ряд мероприятий, среди которых главным была особая забота об организации самоуправления неханьских народов, затем конкретные меры по преодолению фактического неравенства национальностей, их экономической и культурной отсталости (с. 16—17).

Однако «...широкая программа социального, политического, экономического и культурного развития неханьских народов, принятая VIII съездом КПК, не была претворена в жизнь» (с. 17).

«Особый курс» Мао Цзэ-дуна, отход от генеральной линии строительства социализма, означал одновременно и диктат великоханьского шовинизма: «Пекин открыто выдвигает программу насильственной ассимиляции неханьских народов» (с. 18), которая особенно наглядно проявилась в годы «культурной революции» (1966—1969) и в последующие 70-е гг.

В книге дан подробный анализ процесса массового переселения ханьцев в национальные автономные районы, сопровождающийся ущемлением интересов и прав неханьских народов, нестабильности и напряженности жизни в этих районах, низкого жизненного уровня населения, нагнетания маонистами атмосферы военной истерии, введения повсеместной военизации (дислокации частей НОАК, организация производственно-строительных корпусов, народного ополчения), наконец, эскалации воинствующего антисоветизма.

Многостороннее комплексное изучение национальной проблемы в КНР дало авторам возможность раскрыть как общие, теоретические, так и частные, конкретно-исторические, ее аспекты. Обобщающая вводная часть удачно сочетается с освещением конкретной действительности на различных этапах развития в национальных автономных районах КНР — Внутренней Монголии, Синьцзян-Уйгурском, Гуанси-Чжуанском, Тибетском и Нинся-Хузйском автономных районах.

В главе «Маонистский производ во Внутренней Монголии» авторы отмечают «беспрецедентный акт грубого произвола в отношении коренного населения», который совершили маонисты: вопреки всем конституционным законам территория автономного района была сокращена втрое. Такое перекраивание границ совершалось Пекином неоднократно. Не считаясь с интересами коренного монгольского населения, маонисты передали в состав нескольких китайских провинций огромные территории Внутренней Монголии. В результате в автономном районе доля монгольского населения снизилась до 5%. Почти все монголы КНР оказались за пределами Внутренней Монголии, а в самом районе их осталось всего лишь 300 тыс. человек (с. 42).

Цель этих акций маонистов кроется прежде всего в их стремлении сломить сопротивление монгольского народа великодержавной политике Пекина, облегчить проведение курса на милитаризацию и китаизацию районов проживания монгольского населения.

В главе «Трагедия народов Синьцзяна» авторы отмечают, что народы Синьцзяна рассматривали победу китайской революции и образование КНР как событие, открывшее новую эпоху в их истории и создавшее необходимые предпосылки для развития по социалистическому пути (с. 51). Однако создание Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) развеяло их иллюзии: основное население Синьцзяна — уйгуры — были лишены государственности.

Недовольство народов СУАР вызывало также проведение серии «идеологических кампаний», в ходе которых маонисты расправлялись со всеми инакомыслящими, обвиняя их в «местном национализме» и «раскольничестве». В результате лучшие представители национальной интеллигенции были репрессированы или сосланы в лагеря для «перевоспитания».

Авторы констатируют, что великодержавная шовинистическая политика маоистов оказала пагубное влияние на литературу и искусство народов СУАР. Богатая своими древними традициями уйгурская культура в годы «культурной революции» была нигилистически отвергнута как «феодалская». Произведения уйгурских писателей сейчас не издаются, «вместе с тем только за период 1966—1968 гг. в Синьцзяне было напечатано и распространено около 1 млн. цитатников Мао Цзэ-дуна» (с. 71).

В книге показана огромная помощь Советского Союза Синьцзяну в области развития экономики, науки, культуры, здравоохранения, просвещения и т. д., подлинный расцвет братской дружбы советского народа с народами Синьцзяна в 50-е гг. В книге убедительно разоблачается реакционная сущность маоистской политики, направленной на то, чтобы вытравить из сознания народов Синьцзяна их глубокие симпатии к Советскому Союзу, «воспитать молодежь в духе вражды к советскому народу» (с. 71), вызвать неприязнь ко всему советскому.

Антисоветизм пекинских лидеров сочетается с милитаризацией СУАР, с нагнетанием военного психоза, призывами «готовиться к войне», «готовиться к голоду» (с. 73). Эта милитаристская кампания потребовалась маоистам для того, чтобы прикрыть свои коварные великоханьские замыслы в отношении народов Синьцзяна, вынудить их к соучастию в антисоветской политике.

Но маоисты не достигли своей цели. Авторы рецензируемой книги справедливо подчеркивают (с. 74), что антисоветская деятельность маоистов дискредитирует маоизм в глазах синьцзянцев, обличает его как врага марксистско-ленинского учения и противника социального прогресса.

Отдельная глава книги посвящена политике маоистов в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Великоханьский курс Пекина в отношении чжуанского народа со всей наглядностью проявился при создании этого района. В первоначальных границах (1952) автономия чжуанцев охватывала основные территории их компактного расселения. В результате же реализации маоистского «проекта объединения» с ханьцами чжуанцы оказались в явном меньшинстве в своем так называемом автономном районе (с. 78—79). В условиях разгула великоханьского шовинизма и засилья кадровых работников ханьцев чжуанская автономия превратилась в фикцию. В главе на конкретных примерах показаны пагубные последствия для чжуанцев дискриминационной политики маоистов в экономической и культурной областях. Характерно, что вплоть до 70-х гг., согласно китайским сообщениям, «самый низкий жизненный уровень наблюдается именно в тех уездах Гуанси, где компактно проживает неханьское население» (с. 90).

В главе «Бесправное положение народа хуэй» показаны тяжелые условия существо-

вания этого народа, оказавшегося наименее «защищенным» от угрозы насильственной ассимиляции со стороны ханьцев (с. 94). В данной связи показательно приводимое высказывание Чжоу Энь-ляя, заявившего, что хуэй «должны самопронзвольно, добровольно смешаться с хань» (с. 94—95). Дискриминация маоистов в отношении хуэй достигла таких размеров, что «националистами» и «панисламистами» были объявлены даже те представители народа хуэй, которые настаивали когда-то на праве носить национальные имена (с. 95).

Большой фактический материал обобщен в главе «Горькая судьба тибетцев». Здесь совершенно справедливо подчеркивается, что маоисты «прибегают к явным и беззастенчивым фальсификациям, стремясь «доказать», что Тибет в прошлом не имел государственности и поэтому не нуждается в ней в настоящем» (с. 102). Придерживаясь великоханьского курса в отношении тибетского народа, маоисты последовательно и неуклонно ограничивали функции и права местного тибетского правительства, которое по соглашению 1951 г., подписанному в Пекине, должно было пользоваться широкой автономией (с. 105). Такая политика маоистов вызывала недовольство и «сопротивление всех слоев местного населения» (с. 107). Абсолютной фикцией явилась «автономия», «дарованная» Пекином Тибету через 16 лет после образования КНР. Как отмечается в главе, фактически власть в Тибете «сосредоточена в руках армии и партийных органов военного округа», где даже формально тибетцы не играют «сколько-нибудь существенной роли» (с. 110). Ряд страниц этой же главы посвящен великодержавной ассимиляторской политике маоистов в отношении национальной культуры и языка тибетцев. Вполне справедлив вывод автора данной главы о том, что «...маоисты приехали тибетскому народу бесправие, национальный гнет, нищету, лишили его перспектив развития и прогресса» (с. 125).

Анализ положения в автономных районах КНР показывает, что при всем национальном своеобразии жизни, быта, истории и культуры неханьских народов процессы там происходят сходные. Неханьские народы лишены экономической помощи со стороны государства, национальная культура и культурное наследие малых народов третируются как «проводники феодально-буржуазной культуры», пресса, радио, театр, кино пропагандируют лишь «идеи Мао» и «образцовые произведения» литературы в «национальной форме».

Рецензируемая книга — политически актуальное исследование, которое конкретно и документально раскрывает подлинную картину бедственного положения неханьских народов КНР, их трагическую судьбу.

М. С. Украинцев,
профессор

Важное информационно- справочное издание по Китаю*

В конце минувшего года вышел из печати сборник «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году». «Издание ставит своей целью,— сообщается в предисловии сборника,— систематизацию основных сведений о социально-экономическом устройстве, политике и культуре Китайской Народной Республики за минувший год, о деятелях науки, культуры, партии, государства и др.» (с. 3).

Редакционная коллегия правильно поступила, предпослав сборнику некоторые общие сведения о стране, а также ряд материалов, которые вводят читателя в систему объективных и субъективных факторов, определяющих характер и особенности современного развития внутренней и внешней политики Пекина. Наиболее важными в этом отношении материалами являются предисловие, исторический очерк, аналитическая статья, предваряющая внешнеполитический раздел, очерк по истории КПК, а также идеологии маонизма. В них в общих чертах прослежена эволюция внутри- и внешнеполитического развития Китая с 1949 по 1973 г. Авторы показывают, что в первое десятилетие после народной революции в Китае были заложены основы для социалистического переустройства общества, проведены социалистические преобразования в городе и деревне, создан более или менее целостный народнохозяйственный комплекс как первичная база социалистической экономики, активно формировалась политическая организация общества, улучшалось материальное положение трудящихся. Эти процессы проходили под благотворным влиянием стран социалистического содружества. Социалистические страны, и в особенности СССР, оказывали китайскому народу громадную всестороннюю помощь и поддержку, искренне и заинтересованно делились опытом строительства новой жизни. Из международной арене рос авторитет КНР как члена социалистического содружества, активного участника борьбы против империализма, за мир.

В этих материалах также показано, что социалистической тенденции развития китайского общества противопоставляла деятельность маоцзедуновской части руководства

КПК. Уже в 1955—1956 гг. Мао Цзэ-дун стал активно выступать против генеральной линии КПК. «Оправдывая свой разрыв с генеральной линией партии, с марксистской теорией, со всем опытом международного коммунистического движения,— отмечают авторы исторического очерка,— Мао Цзэ-дун пустил в ход свой давний националистический тезис об особой исторической миссии китайского крестьянства, о его превосходстве над американским, европейским и даже советским рабочим классом» (с. 68—69). Он навязывал партии волюнтаристские, «чисто китайские методы» решения основных проблем внутренней и внешней политики КНР. Существенным при этом является тот факт, что все это Мао Цзэ-дун делал, нарочито занимая ультра-«левые» позиции, в частности настаивая на форсированном проведении социалистических преобразований в городе и деревне (с. 257, 346). Это, конечно, в огромной степени маскировало его истинные намерения, дезориентировало марксистские интернационалистические силы в руководстве КПК, а также некоторых коммунистов в других коммунистических и рабочих партиях. Известно, что эмпирические условия развития общества могут вносить, и в Китае они, несомненно, вносили, те или иные изменения, скажем, в темпы развития социалистических преобразований по сравнению с аналогичными процессами в других странах. Только своеобразие этих условий состояло вовсе не в какой-то «особой» революционности китайских крестьян. Как угнетаемая в прошлом, но вместе с тем располагающая определенной частной собственностью на средства производства часть общества, китайские крестьяне политически (в классовом отношении) не имели существенных отличий от соответствующей части общества в любой иной стране, строившей новое общество. В действительности в первой половине 50-х гг. высокие темпы восстановления и развития народного хозяйства, социалистических преобразований в Китае определялись не столько внутренними, сколько внешними факторами — существованием СССР, всего социалистического содружества, их активной ролью на мировой политической арене, их громадной всесторонней помощью, возможностью учесть опыт, накопленный этими странами.

На стремление Мао Цзэ-дуна прикрывать свои действия марксистской фразеологией правильно обращают внимание авторы ряда разделов. Дело в том, что «выступать под флагом марксизма против марксизма» — это важнейшая характерная черта тактики маонистов и в последующие годы, включая сегодняшний день.

Авторы исторического очерка раскрывают перед читателем историю борьбы марксистских интернационалистических сил против маонистского руководства в КПК. В 1957—1958 гг. Мао Цзэ-дун постепенно знакомит узкую группу высшего руководства КПК с некоторыми, так сказать, заветными плана-

* Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году. М., 1975, 439 с.

Научная конференция по вопросам государственного бюджета КНР

В октябре 1975 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась научная конференция, посвященная изучению бюджета КНР. В работе конференции наряду с сотрудниками Института Дальнего Востока активное участие приняли представители ряда других научных учреждений и организаций.

Открывая конференцию, заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР доктор экономических наук В. И. Акимов подчеркнул ее актуальность и отметил, что она способствует объединению усилий ученых-китаеведов в исследовании финансовой системы КНР, обмену мнениями по данной проблеме, а также выявлению вопросов, требующих неотложного решения. Касаясь круга проблем, предложенных для обсуждения, В. И. Акимов призвал участников конференции рассмотреть проблемы дальнейшего совершенствования методики оценки количественных показателей госбюджета в целом и по важнейшим статьям в его доходной и расходной частях, обращая при этом особое внимание на углубленное исследование степени милитаризации экономики современного Китая.

С основным докладом «Государственный бюджет КНР на службе маоистского государства» выступил доктор экономических наук Е. А. Коновалов. Докладчик подробно остановился на роли государственного бюджета в обеспечении нужд маоистского государства, участии отдельных отраслей народного хозяйства в формировании доходной части бюджета и, учитывая отсутствие официальных показателей, изложил основные моменты применяемой им методики оценки размеров госбюджета КНР.

Он отметил, что в КНР через государственный бюджет перераспределяется весьма значительная часть (свыше 30%) национального дохода, что свидетельствует об огромном воздействии государства на все стороны экономической жизни страны. Это позволяет органам власти и в условиях экономической отсталости аккумулировать почти весь прибавочный продукт и даже часть необхо-

димого продукта для осуществления авантюристической внутренней и внешней политики маоистского руководства.

Что же касается места отдельных отраслей в формировании бюджета КНР, то, по мнению докладчика, решающая роль здесь принадлежит сельскому хозяйству и связанным с ним отраслям. Значительную долю в бюджете КНР составляют поступления от тяжелой промышленности. Однако это обусловлено не столько результатами ее эффективной деятельности, сколько установлением повышенных цен в пользу продукции группы «А». Наряду с этим, докладчиком отмечалась незначительная роль внешней торговли в доходах госбюджета (таможенные пошлины составляют всего 2% бюджетных поступлений).

Говоря о методике исчисления масштабов госбюджета КНР, Е. А. Коновалов предложил использовать данные об отдельных составляющих элементах доходной и расходной части госбюджета, в частности величину налоговых поступлений от сельского хозяйства, которые дают 7% доходов бюджета. Расчетная величина госбюджета КНР в 1974/75 г. на основе этой методики составила 70—75 млрд. юаней.

В докладе кандидата экономических наук А. П. Морозова «К вопросу о методике исчисления государственного бюджета КНР» и в выступлении кандидата экономических наук М. М. Никольского была высказана мысль, что в современных условиях наиболее обещающим является подсчет доходной части бюджета, исходя из наличия тесной корреляции между централизованным доходом государства, с одной стороны, и величиной национального дохода и объемом валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — с другой. В свою очередь валовую продукцию промышленности и сельского хозяйства, по мнению А. П. Морозова, следует определять, исходя из оценки натуральных показателей производства важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Натуральные показатели легче поддаются оценке, чем стоимостные, на величине которых сказываются такие факторы, как изменение цен, повторный счет и т. д.

В то же время докладчик отметил, что подобный метод подсчета не лишен известных недостатков. В частности, неизбежны расхождения между реальной величиной бюджета, исчисленного в текущих ценах, и оценочной, которая выражается в ценах 1952 или 1957 г. Однако, несмотря на это, по мнению А. П. Морозова, исчисленный таким образом бюджет дает наиболее реальную и близкую к действительности картину движения централизованного дохода государства. Расчеты, проведенные на основе изложенной методики, позволили оценить доходы государственного бюджета КНР по состоянию на 1974 г. в пределах до 80 млрд. юаней.

Кандидат экономических наук М. М. Никольский в своем сообщении проанализировал зависимость величины госбюджета от размеров национального дохода, а также

остановился на критике некоторых, с его точки зрения, неудачных методик оценки экономических показателей КНР, в частности в определении величины национального дохода. Этой же проблеме посвятил свое выступление кандидат экономических наук А. Н. Анисимов.

В докладе «О госбюджете КНР» В. Я. Журавлев также рассмотрел вопрос исчисления величины госбюджета КНР и предложил свой вариант оценок за 1971—1974 гг., рассчитанный, исходя из зависимости между темпами прироста доходов госбюджета и темпами прироста валовой стоимости продукции промышленности и сельского хозяйства в предшествующий год (поскольку доходы госбюджета планируются на исходной базе исполнения бюджета в предшествующий год). При определении корреляции был взят период 1957—1970 гг. — для доходов госбюджета и 1956—1969 гг. — для валовой стоимости продукции промышленности и сельского хозяйства. Основанием послужил тот факт, что госбюджет за счет доходов государственного и кооперативного секторов был впервые сформирован на 1957 г. В результате такого подхода докладчик оценил величину госбюджета КНР на 1974 г. в 82,9 млрд. юаней.

Таким образом, конференция показала, что подавляющее большинство участников оказались близки в своих оценках количественного показателя государственного бюджета КНР на 1974 г. Те небольшие различия, которые имели место, следует отнести за счет отсутствия в 1959 г. в китайской печати каких-либо достоверных данных об экономическом развитии Китая, а также за счет определенных допусков, к которым прибегали докладчики, применяя ту или иную методику.

Особое место в докладе В. Я. Журавлева было уделено анализу структуры доходной и расходной частей госбюджета КНР, определению количественных оценок их составляющих элементов на 1974 г., а также изучению влияния экономической политики маоистского руководства на динамику и структуру госбюджета, на способ мобилизации и распределения его доходов на различных этапах экономического строительства Китая. В результате анализа процесса формирования и распределения доходов государственного бюджета докладчик пришел к выводу, что на современном этапе средства госбюджета используются не для повышения благосостояния китайских трудящихся, а на милитаризацию страны, направленную на достижение великодержавных, гегемонистских целей, не связанных с жизненными интересами китайского народа.

Выступления кандидатов экономических наук З. А. Муромцевой и Е. В. Бубенцова были посвящены роли сельского хозяйства в формировании государственного бюджета КНР. Отмечая решающее значение сельского хозяйства в формировании доходной ча-

сти госбюджета в 70-е гг., З. А. Муромцева отметила, что в настоящее время в структуре поступлений средств из сельского хозяйства в бюджет не произошло коренных сдвигов по сравнению с периодом конца первой пятилетки. В прямых платежах сельского населения по-прежнему преобладающее место занимает сельскохозяйственный налог в натуральной форме, в косвенных — «ножницы цен», то есть разница между оптовыми ценами промышленности и закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию. За годы после образования КНР существенно изменилось соотношение между прямым и косвенным участием сельского хозяйства в формировании госбюджета: удельный вес прямых платежей снизился, а косвенные платежи возросли как абсолютно, так и относительно. На долю прямых поступлений в бюджет от сельскохозяйственного производства приходится всего 6—7%, остальные поступления — косвенные.

Е. В. Бубенцов более подробно остановился на роли отдельных отраслей сельского хозяйства в формировании бюджета КНР. В частности, он отметил, что за последнее время в Китае несколько возросла доля поступлений в бюджет от технических культур. Они обеспечивают до 50% доходов, поступающих в бюджет от сельского хозяйства.

В докладе «Взаимоотношения центрального и местных бюджетов КНР» В. А. Кашин показал механизм формирования и взаимодействия центрального и местных бюджетов, а также определил их роль в экономическом строительстве Китая до «большого скачка» и в настоящее время.

Раскрывая характер взаимодействия центрального и местных бюджетов, докладчик подчеркнул, что к 1974 г. в доходах центрального бюджета значительно возросла доля местных бюджетов, тогда как в расходах — резко сократилась. Если до 1958 г. сальдо во взаимоотношениях между центральным и местными бюджетами было в пользу местных бюджетов (9,6 млрд. юаней), то в 1973 г. местные бюджеты были вынуждены покрывать 26 млрд. юаней дефицита центрального бюджета. В настоящее время центральный бюджет на $\frac{3}{4}$ финансируется за счет местных бюджетов.

Перестроив таким образом бюджетную систему Китая, маоистское руководство пыталось сконцентрировать максимум средств как за счет центральных каналов, так и за счет местных бюджетов для осуществления своей милитаристской программы, а работу по осуществлению экономического строительства возложить главным образом на места. Анализируя статьи расхода средств центральным и местными бюджетами, докладчик обнаружил, что в центральном бюджете доля военных расходов достигла огромных размеров. В 1973 г. она составила 65% (с учетом расходов на военную промышленность). Центральный бюджет в настоящее время составляет около 45% всего госбюджета КНР.

В. В. Чуванкова

70-летие А. М. ДУБИНСКОГО

11 февраля 1976 г. исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору Александру Марковичу Дубинскому, внесшему значительный вклад в изучение сложных проблем дальневосточной политики держав. Ему принадлежат многочисленные работы по истории международных отношений на Дальнем Востоке, национально-освободительного движения народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

А. М. Дубинский начал свою педагогическую и научную работу в 1938 г. в Саратовском университете после окончания Московского института истории, философии и литературы (исторический факультет).

В Саратове выходят в 1939—1942 гг. его первые печатные работы.

Целая полоса жизни А. М. Дубинского связана с педагогической и научной деятельностью в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (1944—1967).

После войны выходят из печати его лекции «Война на Тихом океане» (1945), «Китай. 1918—1949» (1950) и другие работы, в том числе «Народная антиимпериалистическая и антифеодалная революция в Китае», «Развитие капитализма в Индии во второй половине XIX в.», «Буржуазно-национальное движение и народные выступления в Индии в конце XIX — начале XX в.».

Одновременно А. М. Дубинский участвует в исследовательской работе коллектива ученых под руководством академика Е. М. Жукова, результатом которой явился капитальный труд «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», вышедший первым изданием в 1951 г. В этой книге А. М. Дубинским написана глава «Международные отношения на Дальнем Востоке в период войны на Тихом океане (1941—1945)». Во втором издании книги (1956) А. М. Дубинскому, по-



мимо большой главы о международных отношениях периода Тихоокеанской войны, принадлежит (совместно с Г. Н. Войтинским) глава, посвященная развязыванию империалистической агрессии на Дальнем Востоке перед Тихоокеанской войной. Книга была переведена в Японии, Китае, Венгрии и других странах.

В 1955—1957 гг. А. М. Дубинский работает преподавателем в Дипломатическом институте при МИД КНР в Пекине.

В конце 50-х — первой половине 60-х гг. выходят в свет написанные А. М. Дубинским разделы и главы для крупных коллективных изданий — «Всемирной истории», «Новейшей истории», «Истории международного рабочего и национально-освободительного движения».

В то же время А. М. Дубинский работал над большой монографией «Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. (Из истории международных отношений, национально-освободительной борьбы народов Восточной и Юго-Восточной Азии в годы второй мировой войны)». В 1972 г. вышло переработанное издание этого фундаментального труда на английском языке.

С 1967 г. А. М. Дубинский — старший научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. С этого времени он целиком посвящает себя исследовательской работе. Он — один из авторов и член редколлегии книги «Внешняя политика КНР. О сущности внешнеполитического курса современного китайского руководства» (1971).

А. М. Дубинский — автор и редактор вышедших в 1973—1974 гг. двухтомных работ: «Международные отношения на Дальнем Востоке» и «Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики». Первый труд (ответственный редактор академик Е. М. Жуков) охватывает период с конца XVI в. до 1945 г. Второй труд, ответственными редакторами которого являются Г. В. Астафьев и А. М. Дубинский, обобщает внешнюю политику КНР в 1949—1973 гг.

А. М. Дубинский — член редколлегии ежегодника «Китайская Народная Республика. Политическое и экономическое развитие в 1973 году» (1975); член авторского коллектива ряда томов «Истории второй мировой войны 1939—1945» (IV тома, вышедшего в 1975 г., и VII, VIII, XI томов, готовящихся к печати), член редколлегии XI тома.

А. М. Дубинский ведет большую научно-общественную работу вне Института Дальнего Востока, являясь членом Ученого совета Высшей партийной школы при ЦК КПСС, членом Научного совета АН СССР по проблеме «История внешней политики СССР и международных отношений», членом Советского национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации, принимает активное участие в работе редакционных советов издательств «Мысль» и «Прогресс» (международная секция).

В день 70-летия коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Александра Марковича, желают ему крепкого здоровья и дальнейших успехов в исследовательской работе, которой он уже посвятил 37 лет своей жизни.

НОВЫЕ КНИГИ

Цюй Цю-бо. Избранное. Перевод с китайского. Сост., пер., предисл. и прим. М. Шнейдера. М., «Худож. лит.», 1975, 222 с., 30 тыс. экз., 54 к.

В книгу «Избранное» Цюй Цю-бо (1899—1935) известного китайского писателя-публициста, подлинного марксиста, коммуниста, вошли заметки о Советской России, художественные и публицистические произведения. Два года (1921—1922) прожил Цюй Цю-бо в первый свой приезд в Советской России. Его книги о молодой Советской республике, о встречах с В. И. Лениным полны веры в торжество социализма, в энтузиазм советских людей — строителей нового общества.

Демократическая Республика Вьетнам. (Серия: экономика и политика зарубежных стран социализма.) М., «Наука», 1975, 144 с., 9700 экз. 47 к.

В монографии рассматриваются основные этапы развития ДРВ по социалистическому пути. Основное внимание уделено современным проблемам ДРВ, успехам в восстановлении народного хозяйства после окончания войны во Вьетнаме, планам социалистического строительства на предстоящий период. В книге подчеркивается руководящая роль Партии трудящихся Вьетнама в социалистическом строительстве, показана нерушимая дружба и крепнущее сотрудничество ДРВ с Советским Союзом.

Исаев М. П. и Чернышев А. С. Советско-вьетнамские отношения. Отв. ред. Капица М. С. М., «Мысль», 1975, 327 с., 9 тыс. экз., 1 р. 29 к.

В книге исследуется зарождение и развитие советско-вьетнамского сотрудничества в политической, экономической, военной, научно-технической, культурной и других областях.

Нам С. Г. Образование и наука КНДР в условиях научно-технической революции. М., «Наука», 1975, 80 с., 2300 экз., 41 к.

Работа посвящена роли просвещения в подготовке трудовых ресурсов в КНДР и политике государства в области развития естественно-технических наук. Автор исследует процесс совершенствования системы образования и в особенности подготовки квалифицированных кадров в народной Корее, рассматривает организационные меры правительства по руководству наукой, основные направления научных исследований, связь науки с производством.

Кульпин Э. С. Техничко-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая. М., «Наука», 1975, 199 с., 4 тыс. экз., 65 к.

В книге рассматриваются особенности технической, экономической и социальной политики маоистского руководства в 1970—1973 гг., особенности экономического развития КНР, борьба внутри китайского руководства по вопросам технико-экономической политики. Анализ фактического материала свидетельствует об антинародном характере установок маоистской верхушки, о стремлении группы Мао сдержать развитие рабочего класса.

Сдано в набор 26/XII-1975 г. Подписано к печати 17/II-1976 г.
Формат 70×108^{1/16} Бум. л. 6,75 Печ. л. 18,9 Уч.-изд. л. 20,80
Изд. № 23175 А13022 Зак. 2810 Цена 50 коп. Тираж 16 500 экз.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области